

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. О. ЛЕВТОНОВА

ИСТОРИЯ ФИЛИППИН

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

9(М)
Л37

Ответственный редактор
Г. И. ЛЕВИНСОН

В книге излагается в сжатой форме история Филиппин с древнейших времен до наших дней. Исследуются особенности исторического развития Филиппин в древности и в средние века, рассматриваются основные этапы их истории в новое и новейшее время. Последние главы посвящены развитию страны после достижения независимости.

Л $\frac{10605-081}{013(02)-79}$ 81-79. 0506 000 000

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

OCR – Aspar, 2011. Поглавная нумерация сносок сохранена

СОДЕРЖАНИЕ

- Введение
- Глава I. Филиппины в древности**
 Первые страницы истории
 Филиппины на рубеже и в начале нашей эры
 Контакты с соседними странами
- Глава II. Филиппины накануне испанского завоевания**
 Основные черты политического и общественного строя на Лусоне и Висайских островах
 Особенности развития южных районов Филиппин
- Глава III. Завоевание Филиппин Испанией**
 Испанская экспансия в северные и центральные районы Начало «войн моро»
 Филиппины — колония Испании (до начала XVII в.)
- Глава IV. Филиппины и международные отношения в Юго-Восточной Азии (XVII—XVIII вв.)**
 Испано-голландские конфликты (1600—1648)
 «Войны моро» (1602—1718)
 Английская оккупация Манилы и положение на юге архипелага
- Глава V. Филиппины в составе испанской империи (XVII—XVIII вв.)**
 Особенности испанской колониальной политики
 Католическая церковь в системе испанской колониальной эксплуатации
 Социальные изменения и испанизация культуры
 Народная антиколониальная борьба
- Глава VI. Влияние на Филиппины системы промышленного капитализма (XIX в.)**
 Социально-экономические сдвиги
 Противоречия между державами на юге архипелага. Потеря независимости моро
- Глава VII. Зарождение национально-освободительного движения**
 Пробуждение национального самосознания
 Народные движения
 Движение за реформы (1882—1892)
- Глава VIII. Национально-освободительная революция 1896—1898 гг. и создание Филиппинской республики**
 Катипунан и первый этап революции (август 1896 — декабрь 1897 г.)
 Второй этап революции и политика США на Филиппинах
 Малолосский конгресс и образование Филиппинской республики
- Глава IX. Захват Филиппин Соединенными Штатами и установление колониального режима (1899—1916)**
 Национально-освободительная война 1899—1901 гг.
 Установление американского колониального режима (1901—1916)
 Национально-освободительное движение
- Глава X. Филиппины в межвоенный период (1917—1941)**
 Развитие страны от первой мировой войны до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.
 Подъем национально-освободительного движения в годы мирового экономического кризиса (1929—1933)
 Филиппины в период автономии (1935—1941)
- Глава XI. Филиппины в годы второй мировой войны**
- Глава XII. Завоевание независимости и первое десятилетие самостоятельного развития**

Подъем национально-освободительного движения в 1945-1946 гг. Провозглашение независимости

Основные черты социально-экономического и политического развития Филиппин

Глава XIII. Филиппины с середины 50-х до начала 70-х годов

Второе десятилетие после провозглашения независимости

Правительство Маркоса (1966-1969) и подъем общественного движения

Обострение социально-экономических и политических противоречий на рубеже 60—70-х годов

Глава XIV. В поисках путей развития

Литература

Хронология

ВВЕДЕНИЕ

Республика Филиппины — государство в Юго-Восточной Азии, расположенное на островах Филиппинского архипелага. Ее территория — 300,7 тыс. кв. км, население — около 45 млн. Почти 90% жителей Филиппин населяют 11 крупнейших островов архипелага — Лусон, Минданао и Висайские (в эту последнюю группу входят 9 островов).

На Филиппинах — около 100 народностей и этнических групп, говорящих на многочисленных языках и диалектах. Но все этносы принадлежат к единому южномонголоидному расовому типу, а все филиппинские языки относятся к одной и той же северной группе индонезийской ветви малайско-полинезийской языковой семьи. В советской науке принята классификация современного населения Филиппин, согласно которой оно подразделяется на основные крупные народы — тагалы, висайя, илоки, пампанганы, пангасинаны, биколы и др., — занимающие ведущее место в хозяйственной, политической и культурной жизни страны, и национальные меньшинства, отставшие (в силу конкретно-исторических причин) от основных народов по уровню социально-экономического и культурного развития. Это народы южных, мусульманских районов, известные под собирательным названием «моро», и ряд небольших народностей и племен, населяющих внутренние горные территории архипелага.

У Филиппин сложная и своеобразная история. В течение четырех столетий (весь период новой истории и несколько десятилетий в новейшее время) филиппинцы жили под игом иностранных колонизаторов.

Во второй половине XVI в. архипелаг, привлекавший внимание европейцев своим положением на морских путях к рынкам Индии, Китая и Индонезии, был завоеван Испанией, в то время одной из самых могущественных европейских держав. Испанское господство на Филиппинах продолжалось более трех столетий и было уничтожено в конце XIX в. поднявшимся в стране мощным освободительным движением, которое вылилось в антиколониальную революцию 1896—1898 гг.

Сбросив многолетнее иго Испании и создав независимую республику, Филиппины оказались перед лицом колониальной экспансии молодого империалистического государства — США. В 1901 г. американские империалисты аннексировали архипелаг. В последующие четыре десятилетия развитие страны происходило в условиях колониального господства США, использовавших Филиппины как объект империалистической эксплуатации и важный стратегический плацдарм в районе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

В годы второй мировой войны филиппинцы прошли через новые тяжелые испытания. Как и другие страны Юго-Восточной Азии, они были оккупированы Японией, установившей на захваченных территориях режим кровавого террора, жертвами которого стали десятки тысяч жителей архипелага. После окончания войны в обстановке подъема национально-освободительного движения внутри страны и начавшегося распада мировой

системы колониализма США были вынуждены пойти на предоставление Филиппинам независимости.

С июля 1946 г. Республика Филиппины — суверенное государство. Эта молодая развивающаяся страна следует по капиталистическому пути. Его противоречия и сложности, усугубленные многими трудными проблемами, оставленными в наследство колониализмом и порожденными новыми условиями, вовлекли страну на рубеже 70-х годов в глубокий социальный, экономический и политический кризис. Осенью 1972 г. на Филиппинах было введено чрезвычайное положение, принят ряд мер по нормализации политической обстановки. Одновременно стала проводиться в жизнь правительственная программа преобразований, рассчитанная на ускорение развития в стране капитализма.

Первые труды по истории Филиппин относятся к началу XVII в. Они принадлежат перу испанских монахов-миссионеров и представителей колониальной администрации. Испанцы удерживали монополию на филиппинскую историю в течение всего периода своего господства на архипелаге. До середины XIX в. преобладали труды, представлявшие так называемую» монашескую историографию. Сочинения монахов были посвящены, как правило, описанию отдельных этапов колонизации Филиппин и деятельности на архипелаге религиозных орденов и миссий (всячески приукрашиваемой авторами). На рубеже XVIII—XIX вв. появились первые обобщающие работы по истории Филиппин, также написанные монахами: 14-томная, богато документированная «Общая история Филиппин» Х. Консепсьона и «История Филиппинских островов» М. Суньиги.

В испанской буржуазной историографии Филиппин второй половины прошлого века, становление которой происходило в условиях зарождения на островах освободительного движения, господствующее место занимали работы, написанные с позиций реакционных колонизаторских кругов, апологетов испанского колониализма, противников либерализации колониальной политики. Наиболее крупные представители этой школы — испанские историки конца XIX века Х. Монтеро-и-Видааль, ф. Мойя-и-Хименес, В. Ретана.

В начале XX в., после захвата Филиппин США, стали появляться работы по филиппинской истории, авторами которых были американцы. Большинство из них (Э. Уорчестер, Дж. Малькольм, Дж. Хэйден и др.) в те или иные периоды занимали ответственные посты в колониальной администрации на Филиппинах. В этих трудах ставилась задача оправдания аннексионистской политики США, события на Филиппинском архипелаге трактовались в духе официального курса американских правящих кругов. В то же время в американских работах начала XX в., апологетически освещавших колониальную политику США и противопоставлявших ее отсталым и откровенно грабительским методам испанского колониализма, содержится немало ценных материалов и выводов по истории Филиппин в период испанского господства. К числу фундаментальных и уникальных публикаций по истории Филиппин принадлежит собрание исторических документов в 55 томах, составленное и изданное в 1903—1908 гг. американскими историками Э. Блэйр и Дж. Робертсоном. Хронологически собрание Блэйр и Робертсона охватывает период от завоевания Филиппин Испанией до конца испанского господства на архипелаге, включая события национально-освободительной революции 1896—1898 гг.

В 20-е годы в США были изданы отдельные работы, авторы которых (Ч. Рассел, М. Личауко и др.) выступали с критикой империалистической политики США на Филиппинах и поднимали свой голос в защиту освободительной борьбы их жителей. В целом же до второй мировой войны в американской историографии Филиппин преобладали колониалистские концепции, апологетическая трактовка американской политики на архипелаге.

В послевоенный период в американском филиппиноведении появились тенденции к более объективному и углубленному изучению политической и социально-экономической истории Филиппин в новое и новейшее время. Расширилась тематика

филиппшведских исследований. В современной американской литературе заметное место занимают труды, принадлежащие к этноисторической и социоисторической школам (Дж. Л. Фелан, Дж. А. Ларкин, Д. Р. Стьюртевант), политологические исследования и работы, посвященные изучению социально-экономических отношений (К. Ланде, Д. Вурфель и др.).

Основателем филиппинской национальной историографии считается выдающийся писатель и ученый, крупнейший идеолог национально-освободительного движения, национальный герой Филиппин Хосе Рисаль. Он впервые попытался критически пересмотреть господствовавшие в испанской литературе взгляды на историю своей страны и, используя исторические и этнографические материалы, выступил с разоблачением расистских концепций испанских авторов о «природной неполноценности» филиппинцев.

В конце 20-х и в начале 30-х годов сложилась национальная историческая школа (М. Калау, Т. Калау, К. Бенитес и др.), находившаяся под сильным влиянием американской историографии.

После достижения независимости традиции этой школы продолжали придерживаться филиппинские историки консервативного направления (Е. Алип, Г. Сайде). Со второй половины 50-х годов в развитии филиппинской исторической науки появились новые тенденции, связанные с подъемом национализма в общественно-политической жизни страны. Возникло новое критическое направление (во главе с историком проф. Т. Агонсильо), представители которого выступили за пересмотр колониалистских и проколониалистских концепций и взглядов, господствовавших в исторической литературе, с националистических и демократических позиций. В настоящее время это направление занимает ведущее место в национальной историографии. Труды авторов новой школы — Т. Агонсильо, С. Махула, О. Корпуса, А. Молины, А. Абада, Л. Ябеса, Б. Саламанки и др. — посвящены широкому кругу проблем и сюжетов, наименее изученных или сильнее всего подвергавшихся тенденциозной интерпретации в колониалистской историографии. В центре внимания филиппинских ученых находятся вопросы, связанные с изучением различных аспектов национально-освободительного движения, истории страны в доколониальную эпоху, социальных и культурно-идеологических проблем.

В нашей стране систематическое исследование истории Филиппин началось в 30-е годы и было связано с именем А. А. Губера — основателя советской школы изучения Юго-Восточной Азии. Ведущая тема в его работах 30—40-х годов — первых марксистских исследованиях по Филиппинам — история филиппинского национально-освободительного движения. Этой теме посвящен фундаментальный труд А. А. Губера «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм» (1-е изд. вышло в 1948 г., 2-е — в 1961 г.), в котором проанализировано внутреннее классовое содержание антиколониальной революции 1896—1898 гг. и впервые с марксистских позиций исследованы основные этапы исторического развития Филиппин в доиспанский и колониальный периоды.

Главные направления в исследовании истории Филиппин, определившиеся в трудах А. А. Губера, продолжали разрабатываться его учениками. Расширение и углубление научно-исследовательской работы в области изучения Юго-Восточной Азии в нашей стране в 50-е годы способствовало развитию и советского филиппиноведения. В этот период начинается систематическое изучение новейшей истории и экономики Филиппин. Широкий спектр вопросов новейшей истории и современного политического положения Филиппин получил освещение в работах Г. И. Левинсона. В 60-е годы расширился круг ученых-филиппиноведов, вышли в свет исследования по экономике (О. Г. Барышникова, Н. А. Савельев), новой (Ю. О. Левтонова) и новейшей (Г. И. Левинсон) истории Филиппин.

С начала 70-х годов продолжается рост филиппиноведческих кадров, углубление тематики исследований. Советские ученые обратились к изучению актуальных, недостаточно разработанных в отечественной и зарубежной литературе проблем — обобщению опыта филиппинского национально-освободительного, рабочего, коммунистического движения, исследованию идеологических и социальных процессов, общественного сознания, этнопсихологии, аграрной проблемы и положения крестьянства, новых тенденций в социально-экономическом развитии современных Филиппин, внешней политики Филиппинской республики.

Эти вопросы рассматриваются в ряде работ, вышедших в 70-х годах, — книгах Г. И. Левинсона «Филиппины на пути к независимости» (1972), О. Г. Барышниковой «Сельское хозяйство Филиппин» (1972), Ю. О. Левтоновой «История общественной мысли на Филиппинах» (1973), И. В. Подберезского «Сампагита, крест и доллар» (1974), И. Ф. Жулева «Рабочий класс Филиппин» (1975), в статьях Н. П. Челинцевой и Л. Л. Тайвана.

Достижения советского филиппиноведения, введение в научный оборот обширного круга литературы и источников позволили обратиться к написанию сводной, обобщающей работы по истории архипелага. Настоящая книга — первая попытка такого рода, краткий очерк истории Филиппин с древнейших времен до наших дней. Работая над книгой, автор использовал собственные исследования и опирался на материалы и выводы, содержащиеся в трудах советских и зарубежных филиппиноведов.

Автор выражает признательность своим коллегам за полезные рекомендации и замечания, которые помогли ему в работе.

Глава I

ФИЛИППИНЫ В ДРЕВНОСТИ

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Человек на территории Филиппинского архипелага появился много тысячелетий назад. До сих пор не вполне выяснены история заселения островов, и происхождение их древнейших обитателей. Геологические изыскания говорят о том, что в начале четвертичного периода материковая часть Юго-Восточной Азии была связана с островной обширными участками суши. Полагают, что первые поселенцы приходили на Филиппинский архипелаг из материковой Азии по этим сухопутным мостам.

В археологическом отношении Филиппины изучены слабо. В начале 60-х годов археологи впервые открыли на территории архипелага стоянки, относящиеся к раннему палеолиту. Самые древние находки материально-культурных остатков датируются 50-м тысячелетием до н. э. Обнаруженные в раскопках грубые, обработанные с одной стороны орудия из осколков кремнистого сланца и крупных речных галек (называемые археологами чоп-перы) принадлежат к галечным, или чопперным, археологическим культурам, характерным для раннего палеолита в Юго-Восточной Азии.

В средне- и позднепалеолитических стоянках, открытых в различных районах Филиппинского архипелага, наряду с орудиями типа чопперов встречаются также костяные и роговые изделия. Древнейшие находки черепов человека современного вида (неоантропов) на территории Юго-Восточной Азии датируются 30—25-м тысячелетиями до н. э. Антропологически первые неоантропы в Юго-Восточной Азии принадлежали к различным вариациям большой древней австралоидной, или экваториальной, расы. В отношении Филиппин принята гипотеза о заселении архипелага представителями экваториальной расы сухопутным путем с юга — из Индонезии. Возможность такого расселения, в частности, подтверждает находка американского антрополога и археолога Р. Фоке а, который обнаружил в 1962 г. в пещере Табон на о-ве Палаван, расположенном между Калимантаном и центральной частью Филиппинского архипелага, черепную

крышку с довольно ясно выраженными австралоидными чертами, датируемую 24—22-м тысячелетиями до н. э. Большинство филиппинских ученых относят миграции австралоидов к позднему палеолиту и мезолиту начиная примерно с 30-го тысячелетия до н. э. Потомками этого древнейшего населения считаются филиппинские пигмеи (ита, аэта), обитающие в наши дни во внутренних районах Лусона, Висайских островов, Палавана и в антропологическом отношении отличающиеся от остальных, монголоидных народов архипелага.

Первобытные жители Филиппин расселялись по морским побережьям, в долинах рек, на опушках тропических лесов, занимаясь собирательством и примитивным рыболовством. К периоду мезолита относится появление лука и стрел и, следовательно, развитие охоты на мелких животных и птиц. В мезолитических культурно-хозяйственных остатках наряду с разнообразными каменными орудиями, главным образом из плоской округлой гальки, встречаются кучи раковин съедобных моллюсков и рыбьих костей. По-видимому, в этот период на Филиппинах возникают два хозяйственно-культурных типа: охотничье-собирательский, для которого характерны пещерные стоянки, и рыболовческо-собирательский (раковинные кучи).

Археологические находки на территории архипелага, относящиеся к периоду неолита, также свидетельствуют об общности путей развития Филиппин и других районов Юго-Восточной Азии. Неолитические культуры на Филиппинах содержат три основные разновидности шлифованных каменных топоров (валиковых, плечиковых и четырехгранных), распространенных всюду в Юго-Восточной Азии в период неолита (IV—I тысячелетия до н. э.). Прослеживается связь между основными типами неолитических топоров и расселением определенных этнических и расовых групп, проникавших на территорию Филиппинских островов в различные исторические периоды. Предполагают, что древнее население, оставившее простейшие валиковые топоры (овальные в сечении), принадлежало к австралоидам. Во II тысячелетии до н. э., в эпоху позднего неолита, на Филиппинах преобладают археологические культуры с плечиковыми и четырехгранными топорами. Их распространение связывают с расселением на островах древних южномонголоидов, говоривших на австронезийских языках. Заселение Филиппинского архипелага было частью гигантских по масштабам передвижений племен в Восточной и Южной Азии в поздненеолитический период, связанных с так называемой неолитической революцией.

Поскольку в этот период уже исчезли сухопутные мосты, соединявшие материковую часть Юго-Восточной Азии с островной, новые поселенцы прибывали на Филиппинский архипелаг морским путем. Вопрос о том, где находилась прародина древних племен, принадлежавших к южномонголоидной малой расе, окончательно не решен. Многие советские и зарубежные исследователи полагают, что древнейшей областью их расселения могла быть примыкающая к Тихому океану часть территории Китая — между реками Сицзян и Янцзы. Обитавшие там неолитические племена, упоминавшиеся в древнекитайских источниках под названием «юэ», оставили археологические культуры, сходные с поздненеолитическими памятниками на территории Индокитая и Индонезии. По-видимому, на рубеже III—II тысячелетий до нашей эры началось передвижение этих племен на юг.

Каким же образом они попадали на Филиппинские острова? Вероятно, с материка переправлялись на о-в Тайвань, откуда двигались дальше на Филиппины (где часть племен оседала), затем в Индонезию и Океанию. Возможно было и другое направление миграций — сухопутным путем на юго-запад вдоль берегов Южно-Китайского моря в восточные и южные районы Индокитая, и далее морским путем в Индонезию, а оттуда на Филиппины и в Океанию. Вполне возможно, что миграционные потоки двигались одновременно восточным и юго-западным путями, вероятны и обратные миграции с островов в материковые области Юго-Восточной Азии. Данные археологии, антрополо-

гии, лингвистики подтверждают возможности различных путей и направлений миграционных потоков.

Австронезийские племена, оседавшие на Филиппинском архипелаге, оттесняли в глубь островов аборигенное австралоидное население, размещаясь на плодородных прибрежных равнинах.

Основным занятием племен, обосновавшихся на Филиппинах, было мотыжное земледелие. Очищенные с помощью подсечно-огневой системы (каингин) участки леса использовались под посевы таро, ямса, суходольного риса. Было развито также морское рыболовство. Для плаваний вдоль морского побережья изготавливали выдолбленные из дерева лодки. Обитатели Филиппин жили в высоко поднятых над землей на сваях хижинах с пирамидальными крышами. Жилища строились из дерева и бамбука. Из древесного луба, оббитого специальными каменными колотушками (в изобилии находимыми в неолитических стоянках), выделявали материю для одежды. Наиболее ранние находки гончарных изделий относятся к середине II тысячелетия до н. э.

Миграции австронезийских племен на Филиппины продолжались в течение всего II и I тысячелетий до н. э. Заселение островов происходило волнообразно. Племена, прибывавшие с каждой новой миграционной волной, почти не смешивались с населением, которое они заставляли на архипелаге. Оно оттеснялось во внутренние районы островов более сильными и цивилизованными пришельцами.

С конца I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. заселение Филиппин происходило с юга, из Индонезии. Миграции последних веков до н. э. сопровождалась переходом от поздне-неолитической каменной индустрии к использованию различных металлов.

ФИЛИППИНЫ НА РУБЕЖЕ И В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Металлы на Филиппинах появились позже, чем в соседних районах Юго-Восточной Азии. Местная бронзовая индустрия не получила развития. Немногочисленные находки бронзовых изделий — привозные и принадлежат в основном к индокитайской донгшонской культуре (VI—I вв. до н. э.). Филиппинские и американские археологи вообще не выделяют периода бронзы на Филиппинах, объединяя его с ранним железным веком.

Появление железа на Филиппинском архипелаге датируется III—II вв. до н. э. Ранний железный век (III—II вв. до н. э. — IV в. н. э.) представлен несколькими локальными культурами. Один из наиболее древних центров добычи железа открыт археологами на Центральном Лусоне, в окрестностях современного города Новаличес. Раскопки там дали богатый археологический материал: обнаружены остатки древних рудников, найдены многочисленные изделия из железа — топоры, ножи, наконечники копий, мотыги, хозяйственный инвентарь.

В период раннего железного века происходил заметный рост производительных сил. Основой хозяйства племен, заселявших Филиппинский архипелаг в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э., было оседлое земледелие с применением орошения. Главная земледельческая культура — поливной рис. Для сельскохозяйственных работ впервые стали использовать водяных буйволов — карабао.

В этот период существовали два типа рисоводческих хозяйств. Первый — рисоводство на равнинных территориях вдоль морского побережья и в долинах рек. Здесь при обработке земли под пашню использовались плуги, запряженные карабао, рисовые поля в виде правильных квадратов отделялись друг от друга узкими дамбами, для регулирования подачи воды применялась сложная система плотин и распределительных каналов.

Ко второму типу относилось выращивание поливного риса на горных террасах (Северный Лусон). Многоярусные террасы сооружались по склонам гор, их строительство

требовало колоссальных затрат человеческого труда. Внешние, почти вертикальные стены террас, достигавшие иногда более 10 м высоты, складывались вручную из крупных валунов. Дно террасы, где располагались рисовые поля, выкладывалось глиной, щебнем, песком и сверху покрывалось слоем плодородной земли. Вода из горных речек и родников поступала на террасированные поля по бамбуковым трубам. Создателями этих грандиозных сооружений были предки современного горного народа — ифугао, принадлежавшие к одной из ветвей древних южномонголоидов, которые появились на островах в самом начале раннего железного века.

Хозяйственная жизнь населения Филиппин в период раннего железного века характеризовалась также развитием техники обработки металлов, прядения, ткачества, гончарного производства. Из металлов изготавливали сельскохозяйственные орудия, оружие, домашнюю утварь, украшения. Значительного развития достигло гончарство. В производстве керамики использовался гончарный круг. Керамика, имевшая ритуальное назначение, богато украшалась. Как показали недавние археологические исследования, на Филиппинах еще в конце поздне-неолитического периода сложилась культура захоронения в урнах (глиняных сосудах местного производства), сохранявшаяся и в последующие исторические периоды вплоть до европейского завоевания. Этот тип захоронений встречается на Лусоне, Висайях, Палаване. В погребальные сосуды обыкновенно помещали костные останки умерших, но встречаются и крупные урны, в которые укладывали тело покойного.

Богатая коллекция филиппинской керамики, относящаяся к раннему железному веку, была собрана на Палаване в начале 60-х годов археологической экспедицией, руководимой Р. Фоксом. Один из наиболее интересных образцов — погребальный сосуд из пещеры Манунгуль. Радиоуглеродным методом возраст этой находки определен между 890—710 гг. до н. э. Сосуд, помещенный на массивную каменную подставку, сделан из желтовато-серой глины. Его верхняя часть и поверхность выпуклой полусферической крышки покрыты расписным орнаментом из ярко-красных сплетающихся линий. Верх крышки увенчан «ладьей мертвых» с двумя вполне реалистически вылепленными человеческими фигурами. Помимо погребальных сосудов наиболее распространенными формами керамических изделий ритуального назначения были покрытые расписным орнаментом сферические сосуды для рисового вина и сосуды с высокими, узкими, красочно орнаментированными основаниями. Керамика, использовавшаяся для хозяйственных целей, была более простых форм и почти лишена украшений.

Развитие производительных сил в первые века нашей эры способствовало росту населения, которое размещалось неравномерно по территории островов. Судя по расположению археологических стоянок, большинство селений возникало вдоль морских побережий, в долинах рек, вокруг озер, где, помимо земледелия, развивались рыболовство и морское собирательство.

Данные археологических исследований говорят о возникновении на Филиппинах в начале нашей эры имущественного неравенства. В прибрежных районах архипелага (где был наиболее высокий уровень развития производительных сил) обнаружены богатые и бедные захоронения с совершенно различным (по количеству и содержанию) погребальным инвентарем. В целом же в этот период на территории островов господствовал первобытнообщинный строй. По сравнению с другими странами Юго-Восточной Азии социально-экономическое развитие Филиппин шло медленными темпами — из-за их удаленности от центров цивилизации Южной и Восточной Азии, островного положения, географической разобщенности, малочисленности и этнической дробности населения.

Начало позднего железного века на Филиппинском архипелаге относится к IV—V вв. н. э. К этому времени прекратились массовые миграции, наблюдавшиеся в предыдущие периоды. Однако движение племен с территории Индонезии на Висайи,

Лусон, южные острова архипелага, хотя и в значительно меньших масштабах, продолжалось вплоть до XIV в.

Память об этих передвижениях сохранилась в филиппинском фольклоре. В легенде о десяти дато (вожди племен) из Брунея (на Калимантане) излагается легендарная история заселения Висайских островов и Лусона пришельцами из Индонезии в середине XIII в. Согласно легенде, десять вождей племен во главе с дато Пути, поссорившись с султаном Брунея, собрали свои семьи, приближенных и воинов и на больших лодках-балангаях поплыли на север. Первым филиппинским островом, на котором высадились индонезийцы, был Панай в группе Висайских островов. Шестеро дато (в том числе и Пути) со своими людьми обосновались на Панае, впоследствии расселившись по соседним островам. Остальные уплыли на север, поселились в районе оз. Тааль на Лусоне, и затем под-чииили себе всю южную часть этого острова. Название «балан-гай» сохранилось в филиппинских языках. Так стали называться сельские общины.

Племена, прибывшие на Филиппины с поздними волнами миграций из Индонезии, находясь на более высоком уровне развития по сравнению с местным населением и смешиваясь с ним, оказали значительное влияние на хозяйственную жизнь, материальную и духовную культуру филиппинцев, формирование их этнического состава.

Археологические материалы, относящиеся к позднему железному веку, дают довольно ясное представление об уровне экономического развития Филиппин в этот период. В районах, расположенных (Вдоль морских побережий, в долинах крупных рек и озер, где природные условия (плодородие почвы, обилие тепла и влаги) способствовали развитию земледелия, ведущим хозяйственно-культурным типом было комплексное земледельческо-животноводческое хозяйство.

К XV в. в основном закончилось формирование этнолингвистического состава населения. На Лусоне и Висайских островах сложились основные этносы, ставшие ядром для образования крупных современных филиппинских народов (тагалов, висайя, илоков и др.).

Внутренние территории архипелага намного отставали в своем развитии от передовых приморских районов. На этих территориях продолжали сосуществовать три хозяйственно-культурных типа, сложившиеся в разные исторические периоды в процессе волнообразного заселения архипелага. Первый тип — охотничье-собирательский — был распространен среди наиболее отсталых племен негритосов, потомков древнейших австралоидных аборигенов, населявших самые глухие, горные районы Лусона, Висайев и Палавана. Второй, для которого характерна подсечно-огневая система земледелия с сохранением охоты и собирательства, преобладал среди племен, обитавших во внутренних горных районах и ведущих свое происхождение от неолитического населения Филиппин. К третьему типу хозяйства относилась культура террасированного поливного рисоводства на территориях расселения ифугао, сложившаяся в период раннего железного века.

КОНТАКТЫ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Большое значение для развития народов, населявших в начале нашей эры прибрежные районы Лусона, Висайев, Минданао и Сулу, имели контакты с соседними регионами, в особенности со странами древней культуры и цивилизации — Индонезией, Индией, Китаем.

Устойчивые хозяйственные и культурные связи Филиппин с государствами, расположенными на территории Индонезии, прослеживаются с первых веков нашей эры. Как культурно-этнический регион Филиппинский архипелаг в доколониальное время входил в большую индонезийскую область. Индонезийцы принесли на Филиппины некоторые навыки сельскохозяйственного и ремесленного производства. Индонезийская культура оказала влияние на искусство и мифологию многих филиппинских народов.

Через Индонезию на Филиппины проникало индийское влияние. В VII—XV вв. они входили в сферу торговых и культурных контактов крупнейших индианизированных средневековых государств Индонезии — Шривиджайи (VII—XI вв.) и Маджапахита (XIII—XV вв.).

Из Шривиджайи — одного из основных центров буддийского мира в Юго-Восточной Азии того времени — на Филиппины проник буддизм, о чем свидетельствуют находки на островах предметов этого культа. В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, где буддизм превратился в господствующую религию (государства Индокитая, средневековая Индонезия), влияние его на Филиппинах было крайне слабым. Филиппинское общество, находившееся в начале нашей эры на уровне развития значительно более низком по сравнению с соседними районами Юго-Восточной Азии, не было готово к восприятию этой сложной мировой религии.

В период Шривиджайи между Филиппинами и Индонезией велась оживленная морская торговля. Центр ее помещался на южных филиппинских островах, у берегов которых находились богатые месторождения жемчуга. На архипелаге Сулу возник ряд опорных пунктов, куда прибывали индонезийские суда с товарами из Индонезии, Индии, стран материковой Юго-Восточной Азии, уходившие в обратные рейсы с грузами жемчуга, перламутровых раковин, воска, изделий местных ремесленников.

Ко времени контактов с яванской империей Маджапахит относится проникновение на Филиппины индуизма. Как религия индуизм не оказал заметного влияния на жителей архипелага. Но в целом воздействие индо-яванской культуры на материальную и духовную культуру филиппинцев было значительным. На связь с ней указывают наличие санскритских терминов в филиппинских языках (тагальском, висайских, магинданао), сохранение некоторых обычаев и обрядов индуистского происхождения, органически вошедших в местную культурную традицию. Индийское культурное влияние прослеживалось в развитии различных видов народных ремесел и художественных промыслов — обработка дерева, металлов, производство тканей из хлопка, плетение из бамбука и ротанга. Элементы влияния индо-яванской культуры (в быту, фольклорном творчестве, народном искусстве) сильнее всего ощущались среди населения южных районов, в географическом и экономическом отношении тесно связанных с Индонезией.

Задолго до начала нашей эры Филиппинский архипелаг был известен китайским мореплавателям и торговцам, о чем сообщают древние китайские хроники. О филиппино-китайских контактах в первые века нашей эры свидетельствуют археологические материалы. Однако до IX в. эти контакты не носили устойчивого, систематического характера. Начиная с IX в. количество предметов китайской материальной культуры, находимых в археологических раскопках на Филиппинах, резко увеличивается. С этого времени филиппино-китайские торговые отношения стали расти. Первоначально торговля находилась в руках арабов. В этот период китайские власти наложили запрет на посещение арабскими торговыми судами портов Центрального Китая. Арабские торговцы освоили новый морской путь к побережью Южного Китая, открытому для внешней торговли. Они двигались из Малакки мимо Северного Калимантана, вдоль берегов Филиппинского архипелага к Тайваню и оттуда к южнокитайским портам. На Филиппины арабские торговцы завозили китайские товары, а в Китай доставляли местные продукты — такие, как воск, древесную смолу, древесину, перламутр.

С начала X в. развивается прямая филиппино-китайская торговля. Во времена сунского Китая (X—XIII вв.) на Филиппинских островах появились первые группы китайских торговцев-иммигрантов, поселившихся в прибрежных районах Лусона. В конце XIII — начале XIV в. китайские колонии разместились уже не только на побережье, но и в более удаленных от моря районах Лусона.

Расцвет филиппино-китайских торговых связей приходится на XIII — первую половину XIV в., когда Китай занимал почти монопольные позиции во внешней торговле архипелага. Ценные сведения об этих связях дает сочинение китайского чиновника Чао

Ю-куа «Описание варварских народов» (80-е годы XIII в.). Чао Ю-куа включил в свою книгу выдержки из описаний Филиппин в старых китайских хрониках, употребив одно из древнекитайских названий архипелага — «страна Ма-и». Сведения о торговле с Филиппинами собирались им непосредственно от торговцев, совершавших регулярные поездки на архипелаг. По их рассказам, деятельность китайских торговцев в «стране Ма-и» распространялась на Лусон, Миндоро, Палаван, Каламианские острова. Подробно перечисляются предметы китайского ввоза с Филиппин: воск, жемчуг, перламутровые раковины, древесная смола, ткани из волокна абаки, бетель, кокосовые орехи, тропические фрукты. На Филиппины китайцы привозили изделия из фарфора, стекла, керамику, бумагу, золотые украшения, оружие. Описана процедура торговли с жителями островов. К месту стоянки судов стекались жители окрестных поселений с товарами, предназначенными для торговли. Торговые сделки совершались путем простого товарообмена. Самые ценные товары доставались вождям племен и их семьям.

Обилие предметов китайской материальной культуры (фарфоровые и керамические изделия, сельскохозяйственные орудия, хозяйственная утварь, оружие, ювелирные украшения из нефрита, золота, бронзы), относящихся к XII—XIV вв. и обнаруженных археологами повсюду на территории архипелага, подтверждает существование обширных торговых связей между Филиппинами и Китаем. Особенно многочисленны и разнообразны находки китайского фарфора и керамики, принадлежащие к позднему периоду Сун и раннему Мин, т. е. к XII—XIV вв. Одну из самых крупных и интересных коллекций китайского фарфора и керамики собрала археологическая экспедиция Национального музея Филиппин (конец 60-х годов), которая вела раскопки в Маниле, в центре старого города, на территории, примыкающей к р. Пасиг. Установлено, что именно здесь помещался главный торговый район доиспанской Манилы. Во внутреннем дворике современной церкви св. Анны археологи открыли 70 филиппинских захоронений XIII—XIV вв. с богатейшим набором китайских фарфоровых и керамических изделий, помещенных туда в качестве погребального инвентаря.

С XIII в. местная расписная ритуальная керамика вытесняется китайской — лучше обработанной и богаче орнаментированной. Филиппинцы стали широко применять ее для захоронений в урнах. В основном для этих целей использовались крупные овальной формы сосуды, изготовленные из кремнистой глины, с изображениями драконов, привозившиеся из Южного Китая. Многочисленные образцы этих сосудов обнаружены в различных районах архипелага. Ввоз китайской керамики привел к почти полному прекращению производства местных орнаментированных керамических изделий. Сохранилось лишь производство простых по форме, почти лишенных орнамента гончарных изделий сугубо утилитарного назначения.

Во второй половине XIV в., с развитием торговых контактов между Филиппинами и соседними странами материковой Юго-Восточной Азии, позиции китайцев в филиппинской внешней торговле несколько ослабли. Соперниками Китая становятся средневековые феодальные государства Индокитая. О достаточно интенсивном характере торговли этих стран с Филиппинами в XIV—XV вв. говорят археологические данные. На Филиппинских островах найдено значительное количество тайской керамики (из областей Сукотай и Саванкхалок), гончарных изделий, привозимых с территории современных Кампучии и Вьетнама. Размещение археологических находок указывает на то, что тогда на Филиппинах существовало два основных торговых центра. Первый находился на севере архипелага — в Маниле и ее окрестностях, другой — в южных районах Минданао и на архипелаге Сулу.

Торговые связи Филиппин со странами материковой Юго-Восточной Азии в XV в. идут на убыль. В этот период на юге архипелага вместе с распространением ислама усилилось влияние Индонезии. Одновременно Китай возобновил широкую экспансию на Филиппины, сопровождая ее акциями военного характера. В 1405—1406, 1408—1410 и в 1417 гг. на архипелаг было отправлено несколько военных морских экспедиций из Китая.

Суда заходили в Манильский залив, порт Лингаен на севере Лусона, на о-ва Миндоро и Сулу. Трудно судить, каковы были действительные цели этих экспедиций. Либо они носили характер пиратских набегов, либо, как утверждается в некоторых китайских источниках, минские императоры пытались установить политический контроль над отдельными районами архипелага. Если и существовали подобные планы, то они не были реализованы.

Основой филиппино-китайских отношений оставались торговые контакты. Потесненные во второй половине XV в. на южных территориях Филиппин, где усилились позиции индонезийских торговцев, китайцы продолжали вести активную торговлю с населением Майнилы и прибрежных районов Висайев.

Завоевание Филиппин Испанией (вторая половина XVI в.) привело к отрыву северных и центральных территорий архипелага (превращенных в испанскую колонию) от Юго-Восточной Азии, разрушило исторически сложившиеся связи с соседними странами, Китай оказался единственной азиатской страной, с которой и в колониальный период продолжали развиваться хозяйственно-культурные контакты. Китайское влияние оставило глубокий след в культуре, быте, языках и особенно в хозяйственной жизни народов Филиппин. У китайцев филиппинцы заимствовали более совершенные методы горнорудного дела, плавки и обработки металлов, обучились литью из свинца, производству пороха, усвоили многие навыки в области сельского хозяйства. Анализ китайских слов и терминов в тагальском и ряде других филиппинских языков показывает, что большинство из них связано именно с различными сферами хозяйственной деятельности.

Глава II

ФИЛИППИНЫ НАКАНУНЕ ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Ко времени вторжения испанских колонизаторов Филиппины с точки зрения уровня социально-экономического развития населявших их народов представляли довольно пеструю картину. Среди племен, обитавших во внутренних изолированных областях, продолжал господствовать первобытнообщинный строй. Народности и племена равнинных приморских районов, составлявшие большинство населения архипелага, находились на разных стадиях его разложения. В отдельных центрах, где существовали наиболее благоприятные условия для роста производительных сил, — на Южном и Центральном Лусоне, о-вах Панае, Себу, архипелаге Сулу и Юго-Западном Минданао — возникли классовые общества.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА ЛУСОНЕ И ВИСАЙСКИХ ОСТРОВАХ

Сведения о различных сторонах жизни населявших эти районы народов содержатся в разного рода документах и литературе, оставленных испанскими колонизаторами (записки и отчеты монахов-миссионеров, донесения военачальников и колониальных чиновников, письма, мемуары и т. п.). Из-за отсутствия местных письменных памятников (сохранились лишь отдельные документы, относящиеся к XIII—XV вв.) испанские материалы служат главными источниками для изучения истории Филиппин накануне и в период их завоевания. Научная ценность этих источников не равнозначна. Все они отличаются вполне понятной, тенденциозностью, проникнуты колонизаторской психологией их авторов, большинство описаний изобилует грубыми ошибками исторического, географического, этнографического характера. Лишь немногие из них могут служить в качестве добротных источников.

Анализ источников показывает, что ко времени испанского завоевания на Лусоне и Висайских островах, даже в тех передовых районах, где возникали классовые общества,

не успели сложиться централизованные государственные образования. Основными территориально-политическими и социальными организациями были балангаи — соседские или семейные общины, которые возглавляли общинные вожди. Преобладали мелкие балангаи, объединявшие каждый от 30 до 100 семей. Лишь в отдельных развитых экономически центрах с высокой плотностью населения существовали более крупные общины с числом жителей до 1,5—2 тыс. (на территории Майнилы, о-вах Панай, Себу). В этих районах стали появляться объединения балангаев — федерации, которые не были, однако, прочными государственными образованиями и занимали территориально небольшие площади. У тагалов, висайя, илоков, некоторых других крупных народов, переживавших интенсивный процесс разложения родо-племенных отношений, общинные вожди превращались в феодальных правителей. Известны местные названия правителей балангаев (у тагалов — гат или лакан) и более распространенные, заимствованные из Индонезии, — раджа и дато.

Большинство испанских авторов единодушно указывают на отсутствие среди жителей Лусона и Висайских островов централизованной государственной власти. Анонимный автор обнаруженной в 1958 г. филиппинскими историками испанской рукописи конца XVI в. (так называемый Манильский манускрипт) писал следующее о политическом строе тагалов и висайя: «У висайя нет короля или какого-либо верховного правителя, которому они все подчинялись бы. Есть у них лишь вожди в каждой общине, которых они на своем языке называют дато... То же самое у тагалов — у них нет короля или лиц, осуществляющих верховное правление».

В отношениях между балангаями часто возникали военные конфликты. Поводами для них служили обыкновенно кровная месть и захват пленников во враждебных балангаях. Часто дато крупных балангаев подчиняли себе более слабых соседей. Повсеместно на островах была распространена практика заключения так называемых кровных договоров между вождями балангаев. Возникшие объединения носили характер временных союзов, создававшихся в оборонительных или захватнических целях. В таких объединениях дато самого крупного и сильного балангая руководил военными операциями, но в то же время вожди мелких общин полностью сохраняли власть в своих балангаях. Очевидно, о такого рода союзе балангаев на о-ве Себу писал Пигафетта, хроникер экспедиции Магеллана, прибывшей на архипелаг в 1521 г. Одного из себуанских влиятельных дато Хумабоя, с которым Магеллан заключил «кровный договор», обратив его в христианство, испанцы называли «королем Себу». Однако Пигафетта отмечал, что Хумабону подчинялась лишь часть местных вождей, большинство же были не только независимы, но и враждебны испанскому «союзнику». В период завоевания Филиппин (60—70-е годы XVI в.) были известны несколько сильных правителей балангаев, подчинивших себе слабых соседей и создавших сравнительно крупные федерации (раджа Солиман в Майниле, раджа Тупас на о-ве Себу, дато Сикатуна на о-ве Бохоль).

Что касается социальных отношений, то содержащиеся в испанских источниках сведения о наличии сравнительно четкой классовой дифференциации внутри балангаев могут быть отнесены лишь к некоторым крупным народам (тагалы, висайя, илоки). Основными социальными группами у тагалов были «благородные» (махарлика) во главе с правителями балангаев, «свободные» (тимагуа) и «зависимые» (алипинг). Подобная же социальная структура сложилась у висайя и илоков.

Слой «благородных» представлял собой феодализирующуюся родо-племенную верхушку, которая включала дато, их семьи и узкую прослойку общинной знати, связанной, как правило, родственными узами с правителями балангаев. Последние находились на самом верху складывающейся социальной иерархии. Их положение в обществе служило одним из показателей сравнительно далеко зашедшего процесса разложения родовых отношений у развитых народов архипелага. Влияние и власть дато в балангаях поддерживались не только системой патриархальных связей, продолжавших играть большую роль во внутриобщинных отношениях, но и различными формами

принуждения и зависимости основной массы общинников. Во всех источниках указывается, что жители балангаев обязаны были беспрекословно подчиняться распоряжениям дато, малейшее неповиновение строго наказывалось.

Власть дато, как правило, была наследственной. В отдельных случаях эта традиция нарушалась, когда представители общинной знати получали верховный пост с помощью военной силы или богатства. Общинная знать, входившая вместе с дато в прослойку «благородных», была освобождена от налоговых и отработочных повинностей в пользу правителя балангая и пользовалась, как дато, трудом «зависимых». «Благородные» были советниками дато, сопровождали его в военных походах в качестве личной дружины (они имели собственное оружие и полное военное снаряжение). Из общей массы населения «благородные» выделялись как привилегированным социальным положением, так и богатством. Внешними признаками, отличавшими знать от рядовых членов общины, были пышные одежды, дорогие украшения, а у некоторых народов — обилие татуировки (последний обычай был особенно широко распространен среди знатных висайя, которых испанцы называли «пинтадос» — разрисованные).

Следующей за «благородными» социальной группой были «свободные» — полноправные, незакрепощенные члены общины. Эту прослойку составляли лица, свободные от рождения; либо «свободными» становились «зависимые», получившие освобождение за выкуп или в награду за определенные заслуги перед дато и знатью. «Свободные» обязаны были выполнять ряд повинностей в пользу дато: сопровождали его в военных походах, морских экспедициях, помогали на охоте и рыбной ловле. Во многих испанских источниках обе эти категории населения («благородные» и «свободные») объединены в одну группу, очевидно, из-за отсутствия существенных различий в их положении. При описании общественного строя тагалов ряд испанских авторов выделяют дато и их семьи как высшую прослойку, затем «благородных» — махарлика, называя их свободными членами общины, и вообще опускают категорию «тимагуа». При характеристике висайя у некоторых авторов, напротив, выделена прослойка «тимагуа», которые сравниваются с испанскими идалго, поскольку они освобождены от уплаты налогов и несения повинностей в пользу дато, в то время как в других источниках подобным образом характеризуются «благородные» (малахалонг у висайя).

Разночечия в описаниях общественных отношений у филиппинцев в период испанского завоевания говорят об их пестроте и об отсутствии четких сословных барьеров между отдельными группами населения. Несомненно, однако, что ко времени появления на Филиппинах испанцев основная масса населения развитых районов находилась в зависимости от эксплуататорской верхушки. Испанцы, столкнувшись на архипелаге с большим разнообразием в положении местных низших социальных слоев, называли их обобщенно и неточно рабами¹. Между тем оставленные испанскими авторами описания социальных отношений в балангаях вполне определенно свидетельствуют об отсутствии на островах рабовладельческого строя. Категории же населения, названные в источниках «рабами», в действительности представляли собой многочисленную прослойку крестьян-общинников, находившихся в личной зависимости у дато и «благородных».

В результате разложения первобытнообщинного строя в развитых районах страны складывались раннефеодальные отношения. Этот процесс сопровождался закрепощением феодализирующейся верхушкой свободных крестьян-общинников. Низшие социальные слои представляли собой разные категории зависимых крестьян. У тагалов, висайя, илоков, других крупных народов зависимые крестьяне-общинники были самым

---

¹ Выводы о существовании на Филиппинах рабовладельческого строя, основанные на неточной интерпретации испанских терминов, встречаются в некоторых исторических исследованиях. В современном филиппиноведении (советском и зарубежном) в результате более глубокого и критического изучения испанских источников утвердилась точка зрения об отсутствии в доколониальных Филиппинах рабовладельческого общества.

многочисленным и основным производящим слоем. Либо их положение было наследственным (их дети оставались в личной зависимости у того же дато или махарлика), либо в категорию «зависимых» попадали при определенных условиях свободные общинники.

Существование большого числа различных групп «зависимых» было связано с отсутствием непреодолимых сословных барьеров, возможностями сравнительно легкого перехода из категории «зависимых» в категорию «свободных». «Зависимые» могли получить освобождение за определенный выкуп, в результате выплаты долга, в качестве награды за какие-то услуги своему хозяину. Распространенным явлением были браки между «свободными» и «зависимыми». Дети от браков «свободных» и «зависимых» считались наполовину свободными, а их потомки соответственно на 1/4, 1/8, 1/16. Был и другой способ деления детей от браков «свободных» и «зависимых», при котором половина детей становилась «свободными», а другая — «зависимыми».

Среди множества категорий зависимого населения выделялись две основные группы, различавшиеся по характеру и степени зависимости. У тагалов это были алипинг-намамахай и алипинг-сагагилид, у висайя — соответственно тумаранпу и ауэй. Алипинг-намамахай принадлежали к высшей категории «зависимых» и образовывали основной слой тагальских крестьян. Они имели собственные дома, орудия труда, рабочий скот. Могли передавать принадлежавшую им собственность в наследство своим детям. Их нельзя было продавать или дарить лицам из других балангаев, в брак они вступали без разрешения господина. Основными формами эксплуатации этих крестьян были натуральный оброк (в виде определенной доли урожая) и различного рода барщинные повинности.

Степень личной зависимости алипинг-сагилид — самого низшего социального слоя в доколониальном тагальском обществе — была значительно больше. Они не имели собственности, жили в доме господина, не могли вступить в брак без его согласия, их продавали, покупали, дарили. Алипинг-сагилид прислуживали в домах дато и знати, обрабатывали их земли, получая от хозяина пищу, ночлег, иногда небольшую долю собранного урожая.

Различия, существовавшие между основными группами «зависимых», достаточно четко обрисованы в испанских источниках. Автор «Манильского манускрипта» выделяет у тагалов две группы «рабов»: «те, которые живут в собственных домах, и те, которые не имеют никакого имущества и живут в доме господина». Подробно характеризуется статус каждой из них. «Те рабы, что живут в собственных жилищах, отдают своему господину ежегодно в виде налога 100 гант неочищенного риса и часть собранных овощей, фруктов и т. д. Если они делают вино, то относят господину кувшин вина, если на охоте убивают оленя, отдают ему оленью ногу... Обязаны они также помогать в сооружении дома своего господина, который в это время их кормит, а по завершении постройки устраивает празднество... Мужчины женятся без согласия или разрешения господина. После смерти такого раба его дом и имущество переходят к детям, которые обязаны служить тому же господину». «Рабы» второй категории, живущие в доме хозяина, «обслуживают его день и ночь, за что получают пищу и ночлег. Хозяин может продать такого раба. Эти рабы не могут вступать в брак без разрешения господина, а обзаведясь семьей, остаются в его доме». Таким образом, в данном источнике речь идет, конечно, не о рабах, а о двух категориях зависимого населения, из которых только низшая может быть отнесена к разновидности патриархального, домашнего рабства.

В эту низшую прослойку «зависимых» попадали главным образом бедные общинники, не выплатившие долга, в результате чего они теряли имущество и сами превращались в собственность кредиторов. В источниках отмечается, что человек, попавший в долговое рабство, продолжал оставаться членом общины; хозяева обычно не продавали своих домашних слуг, и отношение к ним отличалось известной патриархальностью. В более тяжелых условиях оказывались военнопленные, которые

также принадлежали к категории домашних рабов. Отношение к ним со стороны хозяев и остальных членов общины как к чужакам и представителям враждебного баланга было более суровым. Пленников использовали на самых тяжелых работах, должников же в основном в качестве прислуги. Испанские авторы, говоря о распространении «рабства» среди жителей архипелага, обычно отмечали особый его характер сравнительно с представлениями и практикой европейцев, указывая на отсутствие жестокости и грубости в обращении с «рабами», на патриархальность в отношениях между господином и принадлежавшими ему «зависимыми».

Несомненно, что сложившиеся к тому времени общественные отношения, в том числе и у наиболее развитых народов, сохраняли многие черты родового строя. Баланга представляли собой устойчивые социальные организации, члены которых были спаяны системой патриархальных связей. Каким образом они сочетались с новыми социальными отношениями, складывавшимися внутри развивающегося классового общества, проследить трудно. Некоторое отражение этого процесса можно обнаружить в существовавших в то время правовых нормах, образцы которых содержатся в испанских источниках. Судя по этим сведениям, в филиппинском обществе того времени отношения внутри балангаев (речь идет о развитых народах) определялись как нормами обычного права («законы балангаев») передававшиеся изустно из поколения в поколение), закреплявшими традиционные представления, обычаи, связи, так и писаными, составлявшимися правителями балангаев законами, основной целью которых было юридическое утверждение и защита власти и привилегированного положения феодализирующейся верхушки. Одним из источников, отразившим характер отношений внутри складывающегося классового общества, является кодекс Калантияо — единственный полностью сохранившийся местный письменный памятник, датируемый 1433 г.² Основной смысл уложений этого судебника — защита прав и собственности эксплуататорской верхушки. Нанесение материального и морального ущерба представителям знати (кража или порча собственности, принадлежащей господину, похищение женщин из дома дато или «благородного») приравнивалось к самым тяжелым уголовным преступлениям (таким, как убийство), которые карались с отменной жестокостью (избиение насмерть, сожжение и т. п.). За отказ от соблюдения установлений, записанных в кодексе, полагалась смертная казнь.

Судя по данным испанских источников, в большинстве районов архипелага преобладала общинная форма собственности на землю, когда земля (пахотная, лесные угодья, места для рыбной ловли) целиком принадлежала балангаю. Наличие незанятых земельных массивов, годных для обработки, при общей сравнительно небольшой плотности населения создавало условия, при которых земля не закреплялась за общинами и жители балангаев могли свободно занимать и осваивать новые территории. Могущество и богатство дато и знати определялись числом принадлежавших им «зависимых», обрабатывавших общинную землю, но обязанных отдавать часть урожая дато и «благородным». В то же время в отдельных наиболее развитых районах (на Лусоне и Висайских островах) возникла и частная форма собственности на землю, при которой пахотные земли были распределены между дато, «благородными» и свободными общинниками. Складывались формы феодальной эксплуатации. «Зависимые» получали в пользование от господина наделы земли на условиях уплаты оброка в виде определенной части урожая и несения отработочных повинностей.

В источниках приводятся сведения о том, что земля могла служить объектом купли-продажи, передаваться в дар, переходить по наследству. Описаны также случаи, когда в отдельных балангах вся пахотная земля принадлежала дато. В таких балангах «благородные» и «свободные» не были собственниками земли — они обладали правом наследственного владения земельными участками при условии выполнения определенных

² Предполагают, что он назван по имени дато Калантияо — правителя федерации балангаев на о-ве Панай, т. е. в одном из наиболее развитых центров архипелага.

обязанностей в пользу дато (участие в военных походах, морских экспедициях, а иногда и ежегодное внесение налога натурой). Существовала и практика земельных пожалований, когда дато в качестве феодального владельца наделял земельными угодьями своих родственников и дружинников (из «благородных»).

Основой экономики доколониальных Филиппин было сельское хозяйство. Было довольно развито ремесленное производство. Среди наиболее распространенных видов ремесел испанские источники называли плотничье дело, обработку дерева и металлов, плетение из бамбука и растительных волокон, изготовление ювелирных изделий. Повсеместно значительное развитие получили гончарное дело и ручное ткачество, которым занимались женщины-крестьянки. Ткани выделывались из абаки, волокон листьев ананасов, хлопковой и шелковой пряжи. Производством оружия славились тагалы и пампанганы, которые умели отливать из бронзы небольшие пушки типа европейских фальконетов. Почти в каждом балангае были мастера, соорудившие из дерева лодки и баркасы. Автор «Манильского манускрипта» описывает три главных вида местных судов. Сравнительно небольшие маневренные лодки — балангаи и крупные баркасы — вирей, вмещавшие до 100 человек, использовались для военных целей. Для перевозки тяжелых грузов служили еще более крупные суда — бироко. Кроме того, изготовлялось множество разновидностей мелких лодок для плавания по рекам и вдоль морского побережья. Филиппинцы не знали каменного зодчества. Свайные жилые дома строились из дерева и бамбука, покрывались пальмовыми листьями и тростником. В испанских источниках есть упоминания о разработках железной руды и добыче золота. Так, в 1569 г. Легаспи, военачальник испанской экспедиции, захватившей архипелаг, писал в донесении королю о месторождениях золота, которое «добывают в реках, а в некоторых местах получают из рудников, где работают туземцы». Однако добыча его была незначительна, и в целом горнорудное дело не было развито.

Экономические связи между различными районами страны и отдельными балангаями были слабыми. Судя по описаниям испанцев, сравнительно развитой товарообмен между балангаями существовал в районах Лусона, населенных тагалами, пампанганами и илоками. Сохранившиеся фрагменты из тагалских судебныхников (XV—XVI вв.) содержат детально разработанные уложения, регламентирующие торговые сделки. Жители Лусона вели также морскую торговлю с населением центральных и южных территорий архипелага.

Центр внешней торговли (в северной части архипелага) сложился в районе современной Манилы задолго до вторжения испанцев. Ко времени испанского завоевания здесь находилась сильная федерация балангаев Майнилы и Тондо с численностью населения до 2 тыс., управляемая феодальными правителями — раджами и дато. Это был единственный на архипелаге центр, который приобрел черты укрепленного городского поселения. Среди жителей Майнилы кроме земледельческого населения существовала торгово-ремесленная прослойка. Возникновение в этом районе торгового центра было связано прежде всего с развитием прямой филиппино-китайской торговли. Ко времени испанского завоевания Китай занимал первое место во внешнеторговых связях Майнилы. Велась также оживленная торговля со странами Юго-Восточной Азии и с Японией.

Что касается уровня культуры филиппинцев, в целом он был ниже, чем у народов соседних азиатских стран, что объяснялось замедленными темпами социально-экономического развития архипелага. Черты племенной культуры, сложившейся в различных районах страны, отличаясь местным своеобразием, имели общие малайские истоки и в той или иной степени испытали воздействие индо-яванской и китайской культуры (особенно у народов, населявших приморские территории и занимавшихся морской торговлей)³. Крупные равнинные народы (тагалы, висайя) имели собственную

³ Здесь речь идет о жителях Лусона и Висайских островов. Культура народов Юга Филиппин (о-в Минданао, архипелаг Сулу), которые к этому времени подверглись исламизации, развивалась под заметным

систему письма (этот факт отмечен многими испанскими авторами, которые с некоторым удивлением писали о большом числе грамотных среди «дикарей-туземцев»), пользовались собственными алфавитами, созданными на основе южноиндийских. Образцов древней филиппинской письменности почти не сохранилось — часть из них погибла от времени (филиппинцы писали на трудносохраняемых материалах — древесной коре, пальмовых и банановых листьях и т. д.), часть была уничтожена испанскими миссионерами.

Среди равнинных народов и наиболее развитых горных племен были распространены разнообразные жанры фольклорного творчества. Фольклорное наследие тагалов — одного из самых развитых народов Филиппин — представлено стихотворными пословицами, загадками, песнями, театрализованными драматическими представлениями. Эти последние носили стихотворную форму, сопровождалась пением и танцами. Наиболее распространенным их видом был карагатаган — род поэтического состязания (на определенный сюжет), в котором участвовали мужчины и женщины. Жанр эпической поэзии получил развитие среди илоков, населявших северо-западные приморские районы Лусона, и ифугао, одного из наиболее крупных и развитых горных народов Лусона.

Непременным атрибутом всех обрядовых и культовых церемоний повсюду на архипелаге были музыка и танцы. Испанские авторы отмечали обилие и разнообразие местных музыкальных инструментов. Пигафетта писал, что жители Себу изготавливали многочисленные разновидности цимбал. Один из испанских хроникеров XVI в. сообщал, что на о-ве Самар все танцы сопровождалось аккомпанементом на музыкальных инструментах, похожих на европейские гитары. Почти повсеместно на Лусоне и Висайских островах археологи находят древний и, по-видимому, один из самых популярных музыкальных инструментов — кудьяпи (струнный инструмент, напоминающий гитару), который сохранился теперь только у тагалов и стал в тагальской литературе поэтическим символом.

До прихода испанцев в северных и центральных районах Филиппин еще не сложилось единой религии. Религиозные воззрения их жителей в целом основывались на анимизме. У племен, находившихся на различных стадиях разложения первобытнообщинного строя, из чисто анимистических представлений возник политеизм — поклонение сонму божеств, хотя и сохранялась прежняя вера в многочисленных духов, которые заняли место, следующее за богами. Каждое божество наделялось определенными функциями, связанными с различными сферами человеческой жизни и деятельности (боги земледелия, дождя, урожая, войны, огня, любви, смерти и т. д.). Обожествлялись небесные светила, животные (крокодилы, акулы) и птицы. У развитых народов сложилась идея верховного божества, возвышающегося над остальными богами. У тагалов существовал культ верховного божества Батхала — творца земли и человека. Весь окружающий мир филиппинцы населяли множеством духов (у тагалов они называются анито, у висайя — дивата) — покровителей жилищ, домашнего очага, лесов, рек, морей, полей, пещер и т. д.

Широко распространено было среди филиппинцев почитание предков. Духам предков поклонялись как существам божественного порядка, выполняющим роль посредников между людьми и высшими сверхъестественными силами. Им воздавались ритуальные почести (из камня, кости, дерева вырезали идолов в память умерших, специальные подношения из пищи и вина приносили на могилы и т. п.). У многих племен существовали вера в загробную жизнь, понятие рая, идея вознаграждения в потустороннем мире. Храмовых сооружений, постоянных мест для ритуальных церемоний у филиппинцев не было, отсутствовало жреческое сословие. Религиозными ритуалами и обрядами жертвоприношений (состоявших обычно из рисового вина, фруктов, заколотых свиней, кур, иногда золота) руководили старые, почитаемые члены общины, обычно женщины, реже — мужчины, исполнявшие фактически функции жрецов.

влиянием арабско-индонезийской мусульманской культурной традиции (литература, музыка, народное прикладное искусство).

Из горных племен наиболее развитые религиозные воззрения были у ифугао (в значительной степени сохранившиеся до наших дней). Пантеон ифугао включал множество богов и духов, которыми они заселяли почти все окружающие их предметы и явления; в честь божеств вырезались деревянные идолы, расставлявшиеся на дорогах, в домах, полях, лесах. Ритуальные церемонии отправлялись жрецами и колдунами.

С начала XVI в. в северных и центральных районах Филиппин стал распространяться ислам, уже утверждавшийся к этому времени на юге архипелага (Минданао, Сулу). Он проникал на север в основном из индонезийского султаната Бруней. В XVI в. жители султаната вели довольно активную торговлю с населением Лусона и Висайев, основывая на территории этих островов свои торговые фактории и поселения. Испанские колонизаторы обнаружили поселения индонезийских торговцев из Брунея на территории Майнилы, в густозаселенном районе оз. Лагуна, ряде других пунктов Южного Лусона и на о-вах Миндоро и Себу (Висайи). Торговые поселения индонезийцев служили центрами пропаганды ислама среди местного населения. По свидетельству некоторых источников, на Лусоне и Висайских островах в 60—70-х годах XVI в. действовали также присылаемые из Брунея мусульманские проповедники. Процесс исламизации не носил, однако, массового характера, затронув лишь незначительную часть местной феодализирующейся верхушки в районах, расположенных по соседству с торговыми факториями и поселениями индонезийцев. Испанцы, захватившие Майнилу и Тондо в начале 70-х годов XVI в., отмечали, что их правители и местная знать исповедовали мусульманскую религию и вели свое происхождение или находились в родственных связях с правящей династией Брунея. Основная же масса жителей Майнилы и Тондо сохраняла приверженность к старым языческим верованиям. Таким образом, ко времени испанского завоевания процесс распространения ислама на Лусоне и Висайских островах находился еще на самой первоначальной, зародышевой стадии. Продвижение ислама было остановлено испанскими колонизаторами, приступившими к христианизации филиппинского населения.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ФИЛИППИН

Древняя и средневековая история Минданао и Сулу слабоизучена из-за недостатка источников. В последнее время филиппинские ученые проявляют большой интерес к воссозданию исторического прошлого народов, населяющих южные районы страны. Много пробелов в изучении ранних периодов истории Юга Филиппин восполнено в результате выхода в свет в конце 60-х и в 70-е годы капитальных исследований филиппинского историка С. А. Махула. Ему удалось на основе сравнительного анализа генеалогических списков мусульманских правителей Сулу и Минданао — тарсила — проследить основные этапы политической истории этого района Филиппин начиная с периода проникновения туда ислама (XIV в.). Но остается почти неизученным доисламский период. Отдельные материалы (из индонезийских и китайских источников), приведенные в работах С. А. Махула и других исследованиях, позволяют сделать вывод, что в целом развитие Юга Филиппин (точнее — Сулу, западных и южных территорий Минданао) с первых веков нашей эры опережало развитие северных и центральных районов Филиппинского архипелага. Среди факторов, способствовавших этому, следует указать на их географическую и историко-этническую близость к соседней индонезийской области, на тесные хозяйственные и культурные контакты с государствами древней цивилизации, расположенными на территории Индонезии, Малайи и Индокитая. Этим контактам способствовало направление хозяйственной деятельности народов Сулу и приморских территорий Юго-Западного Минданао, основу которой составляли торговля, добыча жемчуга и морские промыслы.

Среди народов, населявших эти южные районы, по-видимому, уже в первые века нашей эры шел интенсивный процесс разложения первобытнообщинного строя и создания

классового общества. До последнего времени в филиппинской и американской историографии преобладала точка зрения о решающем значении исламизации, осуществлявшейся из Индонезии и Малайи, для возникновения государственности на Сулу и Минданао. Исследования С. А. Махула показали, что формирование государственности началось там еще в доисламский период и было связано с процессами их внутреннего развития. Ко времени проникновения ислама (на Сулу — на рубеже XIII—XIV вв. и на Минданао — в середине XV в.) здесь уже существовали относительно централизованные феодальные и полуфеодальные княжества со сложившимися правящими династиями.

Подтверждением этого вывода служит наличие местных, доисламского происхождения титулов у представителей правящей верхушки. Помимо распространенных повсеместно на Филиппинах терминов «дато», «раджа» (или «раха») в применении к общинным вождям на Сулу использовались титулы багинда и падука (или сирипада), обозначавшие: принц, князь, верховный правитель; на Минданао правители княжеств назывались думата. Наличие этих титулов индуистского происхождения свидетельствовало о тесных связях Филиппин с индиано-зированными индонезийскими государствами. В сулуанских тарсила в полные титулы султанов и их близких родственников (в том числе женщин) вплоть до конца XIX в. включался один из индуистских королевских титулов — падука с целью показать их преемственность с древними местными (доисламскими) династиями.

Первичные государственные образования на Сулу сложились на центральном и самом крупном острове архипелага — Холо у народностей бурануны, тагимаа, баклайи⁴. Столица княжества буранунов была расположена в Маимбунге, где находилась резиденция верховного правителя, носившего титул сирипада. Центры тагимаа и баклайев размещались соответственно в Буанса и Холо. Столичные поселения сулуанских княжеств были не только политико-административными, но и торговыми центрами, которые играли активную роль в морской торговле в островной части Юго-Восточной Азии.

В доисламский период наиболее развитой центр о-ва Минданао находился в долине р. Пуланги. Здесь возникли феодальные княжества — Магинданао (в нижнем течении Пуланги) к Буайан (в среднем и верхнем течении Пуланги). Основное население долины Пуланги составляли народности ирануны и магинданао. В княжестве Магинданао утвердилась династия из представителей иранунской знати. В правящей династии княжества Буайан преобладали выходцы из народности магинданао. Оба княжества представляли собой довольно устойчивые государственные образования, правители которых (дато, думата) обладали значительной властью. Территориально влияние правителей Магинданао распространялось почти на весь район расселения иранунов вдоль северо-западного побережья Минданао вплоть до устья р. Сибугай. Под контролем Буайана находились соседние внутренние районы острова, населенные отсталыми племенами, которые облагались данью в пользу правителей княжества. Ирануны издавна занимались морской торговлей. Среди них были также племена морских кочевников, живших пиратством, торговлей, морскими промыслами. Население Буайана было преимущественно земледельческим, торговлей занимались главным образом представители местной знати. Между княжествами шла длительная, упорная борьба за установление контроля над всей долиной Пуланги.

С проникновением ислама начался новый этап исторического развития этих районов. Исламизация Филиппин была частью процесса распространения и утверждения ислама в малайско-индонезийском регионе, начавшегося на рубеже X—XI вв. На Филиппины ислам стал проникать из Индонезии и Малайи, где во второй половине XIII в. мусульманская религия завоевала уже прочные позиции. Сведения о начальном периоде распространения ислама на Филиппинах содержатся в тарсила. Они носят большей

⁴ Тагимаа и баклайи — предки современных таусугов и сулу, населяющих архипелаг Сулу и южную часть Палавана.

частью легендарный характер, но включают и элементы, основанные на исторических фактах. В исследованиях С. А. Махула, проделавшего большую работу по выявлению исторически достоверных данных, впервые воспроизведена общая картина проникновения ислама на Сулу и Минданао и установлены хронологические рамки этапов исламизации.

Первым объектом исламизации стал архипелаг Сулу. В последней четверти XIII в. здесь были основаны торговые фактории и поселения малайских торговцев-мусульман, которые были первыми распространителями новой религии. Возможно, что некоторые из них брали в жены девушек из семей местной знати, а отдельные дато и представители сулуанской феодальной верхушки уже в этот период стали переходить в мусульманскую веру. Во второй половине XIV в. появились мусульманские проповедники и миссионеры из Малайи, прибывшие с Явы, где они также занимались пропагандой мусульманской религии. Именно к этому времени относятся сведения в ранних сулуанских тарсила о посещении архипелага многочисленными макдумами (учеными), проповедовавшими мусульманское вероучение среди местных жителей. Подробно сообщалось о Карим-уль-Макдуме, который появился на Сулу, по-видимому, в 80-х годах XIV в. Известно, что он поселился в Буанса, где находилась резиденция правителя и знати тагимаа, и выстроил там мечеть. Правящая верхушка тагимаа была уже исламизирована, чем и объяснялась восторженная встреча макдума в Буаяса, описанная в источниках.

В начале XV в. в Буанса прибыл некий раджа Багинда, один из мелких правителей минангкабау. Он появился у берегов Холо с большим числом воинов и придворных и был сначала враждебно встречен местными дато и знатью, пытавшимися разгромить и потопить его флот. Однако после разъяснений, что экспедиция имеет миролюбивые цели и участники ее (мусульмане) намерены поселиться в Буанса, ему и его людям было разрешено остаться на острове. Ни один из источников не сообщает имени раджи. Как известно, термин «багинда» индонезийского происхождения, употреблялся на Сулу в смысле «правитель, князь». Не установлено, носил ли этот титул раджа до прибытия в Буанса или стал его обладателем после того, как поселился на Сулу. Известно только, что он женился на дочери одного из местных дато и пользовался в Буанса большим политическим влиянием и властью.

Следующей стадией исламизации Сулу было создание мусульманского султаната в середине XV в. Первым султаном Сулу считается Абу Бакр, принявший на троне мусульманский титул Шариф-уль-Хашим (полный титул включал также и местный традиционный титул — падука). Сведения о его жизни до прибытия на Сулу разноречивы, но во всех сулуанских тарсила указывается на арабское происхождение Абу Бакра, поскольку, согласно мусульманской традиции, султан должен принадлежать к прямым потомкам Пророка или по крайней мере быть выходцем из арабов. Наиболее распространена версия, по которой Абу Бакр в 30-е годы находился при дворе султана Малакки (возможно, был родственником султана), откуда перебрался в Палембанг (Суматра), затем в Бруней. Из Брунея Абу Бакр прибыл в Буанса, где вскоре женился на дочери раджи Багинда, принял титул султана в 1450 г., положив начало новой мусульманской династии на Сулу. Во время правления Абу Бакра, с 1450 по 1480 г., ислам превратился в государственную религию, началось формирование политических и социальных институтов, основанных на исламской традиции и шариате. Столица первого султана находилась в Буанса (при преемниках Абу Бакра она была перенесена в Холо). Территориально султанат объединял княжества Буанса и Холо, расположенные в приморских районах. С созданием султаната ускорился процесс исламизации населения горных территорий о-ва Холо, входивших в состав княжества буранунов.

Исламизация Минданао началась полтора столетия спустя — с середины XV в. К этому времени относятся сведения в местных тарсила о деятельности миссионеров с архипелага Сулу. В начале XVI в. проповедниками ислама на Минданао стали мусульманские эмигранты из Малайи. Известную роль в этом сыграл захват Малакки (1511 г.), в то время крупнейшего центра исламского мира в Юго-Восточной Азии,

португальскими колонизаторами. Падение Малакки вызвало массовое бегство жителей, в том числе членов султанской семьи, придворных, знати, торговцев, устремившихся в соседние районы. Возможно, с этой миграцией было связано появление на Минданао шарифа Мухаммеда Кабунгсувана. На лодках морских кочевников-баджао он перебрался в Бруней, а в 1515 г. высадился в местечке Малабанг, на западном побережье Минданао. Согласно существовавшей традиции, шариф занялся распространением ислама в долине Пуланги и вскоре основал султанат, став первым султаном Магинданао. Сведения в ранних тарсила воспроизводят, однако, несколько иное и более сложное развитие событий. Первоначально шарифу, встреченному враждебно местными дато, удалось установить контроль лишь над небольшой территорией в районе Малабанга. В дальнейшем с помощью политических союзов с дато Магинданао и Буайана, подкрепленных его браком с дочерью местного правителя, Кабунгсуван добился усиления своих позиций в долине Пуланги. Но Кабунгсуван не носил титула султана, а был крупным религиозным и влиятельным политическим деятелем.

Создание на Минданао феодальных монархий по типу мусульманских султанатов относится ко второй половине XVI в. В этот период после длительной борьбы с Буайаном на первый план выдвинулось княжество Магинданао. Чтобы укрепить престиж государства, в магинданаоских тарсила конца XVI в. Кабунгсуван изображался первым султаном Магинданао, основателем мусульманской правящей династии. Поэтому считалось, что все султаны Магинданао — прямые потомки Кабунгсувана (по мужской линии), в то время как правящая мусульманская династия Буайана ведет свое происхождение от дочери шарифа, т. е. связана с первым султаном по второстепенной, женской линии. Тем самым обосновывались претензии магинданаоских султанов на главенство как в Магинданао, так и в Буайане.

Процесс исламизации южных районов Филиппин, продолжавшийся в течение трех столетий, в основном закончился на рубеже XVII в. Причина успешного внедрения ислама заключалась в том, что в тот период там уже возникло классовое общество, нуждавшееся в новых, более сложных (сравнительно с раннеклассовыми) формах религии и идеологии. Не случайно новая религия утвердилась в наиболее развитых центрах Сулу и Минданао. Даже на небольшом по площади о-ве Холо мелкие горные племена, находившиеся на стадии родового строя, остались незатронутыми влиянием ислама. К началу XVII в. на Минданао — самом крупном острове Филиппинского архипелага — ислам утвердился только в юго-западном приморском районе. С начала XVII в. правители султаната Магинданао, обеспокоенные появлением на севере испанских конкистадоров, стали отправлять мусульманских проповедников в соседние, неисламизированные районы. В результате в XVII в. были исламизированы маранао — одна из крупных народностей Минданао, — заселявшие район оз. Ланао. Однако пропаганда ислама (равно как и попытки христианизации, предпринимавшиеся испанскими миссионерами) не имела никакого успеха у многочисленных племен внутренних районов Минданао, находившихся на примитивных стадиях развития.

Исламизация Сулу и княжеств Юго-Западного Минданао оказала глубокое воздействие на развитие этого района Филиппин. Одним из важных последствий исламизации был рост связей между этими районами и соседним малайско-индонезийским регионом. Общность религии способствовала укреплению исторически сложившихся культурных, экономических и политических связей. Филиппинские султанаты рассматривались как составная часть всего мусульманского мира (Дар-уль-ислама) и, в более узком смысле, мусульманской общины в Юго-Восточной Азии. Исламизация Сулу и Минданао сопровождалась экономической экспансией индонезийского и малайского торгового капитала, завоевавшего там господствующие позиции. Общность религии и генеалогические связи между представителями правящих династий в филиппинских султанатах и; соседних мусульманских странах содействовали развитию военно-политических, союзнических отношений. С начала испанских

колониальных захватов на Филиппинах тесные связи с соседними мусульманскими государствами приобрели первостепенное значение в борьбе народов Юга против колонизаторов.

Исламизация оказала серьезное влияние на процесс внутреннего развития Сулу и Минданао, укрепив ранее сложившуюся государственность, так как сопровождалась перестройкой политической структуры по образцу мусульманских государств малайско-индонезийского региона, усвоением мусульманских правовых норм. Старые политические институты «е исчезли полностью, они частично модернизировались, а частично приспособились к новой структуре. Создание султанатов способствовало централизации государственной власти. Эта тенденция наиболее отчетливо прослеживалась в султанате Сулу, где султан занимал высший пост в государстве и обладал верховной исполнительной, законодательной и судебной властью. Он был также верховным военным и религиозным вождем. В качестве последнего султан производил назначения на все религиозные посты, вплоть до самых низших.

На следующей ступени политической и социальной иерархии находились многочисленные дато. В их среде выделялись так называемые королевские дато, которые считались потомками первого султана, в то время как обычные, некоролевские дато вели происхождение из семей местных доисламских феодальных правителей. Из числа королевских дато султаны назначали двух министров (везиров), носивших титулы «раджа бендахара» (они выполняли функции главного министра и ближайшего советника султана) и «раджа муда» (верховный судья). Последний был наследником трона, и потому обычно этот пост занимал брат или племянник царствующего султана⁵. Оба министра возглавляли специальный совет при султани («рума бихара»), члены которого частично назначались султаном, частично избирались из среды королевских дато. Совет занимался обсуждением законопроектов, вопросов финансов, торговли, внешней политики. При обсуждении вопросов, связанных с торговлей, на заседания совета приглашались представители орангкайа — прослойки богатого, незнатного населения, занятого главным образом коммерческой деятельностью в крупных масштабах.

В административном отношении султанат был разделен на округа, во главе которых стояли панглима — чиновники, назначавшиеся султаном, ведавшие сбором налогов в пользу трона и одновременно отвечавшие за лояльность населения, в особенности местных дато.

Политика государственной централизации, проводившаяся султанами, находила поддержку у высшего мусульманского духовенства, что способствовало усилению султанской власти. В истории Сулу нет крупных феодальных междоусобиц и войн, хотя проявления недовольства укреплением централизованной власти султанов со стороны местной феодальной знати и борьба за престол различных группировок дато происходили часто.

По имеющимся источникам трудно проследить особенности социально-экономических отношений на Сулу. Известно, что султан был собственником земли на определенной, ограниченной территории⁶. Султан и дато представляли основную кате-

---

⁵ В султанатах Сулу и Магинданао отсутствовала система прямого престолонаследия (от отца к сыну). Преемником умершего султана становился его брат или племянник. Официально провозглашение нового султана происходило на собрании дато, съезжавшихся в столицу из разных районов страны. В отдельных случаях верх одерживали оппозиционные дато, добивавшиеся утверждения на троне не официального наследника, а своего ставленника из числа королевских дато. В крайне редких случаях трон переходил к одному из сыновей умершего султана.

⁶ Согласно некоторым источникам, первый султан, Абу Бакр, пытался объявить все земли собственностью короны, что встретило энергичное сопротивление со стороны местных дато, владевших обширными территориями. В результате султан вынужден был пойти на компромисс, получив в личную собственность земли на побережье о-ва Холо и территории вокруг столицы (на расстоянии, «где был слышен королевский гонг или барабан») и оставив за прежними владельцами значительные земельные угодья.

горию крупных феодальных землевладельцев. Обработывавшие-их земли крестьяне облагались натуральными повинностями. В хозяйстве довольно широко применялся труд домашних рабов — в них превращали пленников, захваченных в войнах и пиратских набегах. Основным направлением хозяйственной деятельности была морская торговля, в которой принимали участие почти все категории местного населения. Торговля служила одним из важнейших источников государственных и личных доходов султана и знати. Самые крупные барыши получали султаны, принимавшие непосредственное участие в коммерческих операциях и пользовавшиеся рядом торговых привилегий. С подъемом торговли в XVI — начале XVII в. были связаны развитие ремесленного производства и рост городов. Холо, столица султаната с конца XV в., превратился в XVI в. в крупный торгово-ремесленный центр Юго-Восточной Азии, куда стекались товары со всей Азии и который славился своими искусными мастерами, — оружейниками, ювелирами, резчиками по дереву.

Что касается мусульманских государств на Минданао, то на начальном этапе их развития (вторая половина XVI — первая четверть XVII в.) тенденция к государственной централизации проявлялась здесь намного слабее, нежели в Сулу. Власть султана Магинданао, номинально являвшегося верховным главой государства, высшим религиозным и военным вождем, ограничивалась фактически собственно султанскими землями (типа королевского домена), в то время как на остальных территориях размещались вассальные княжества и владения местных феодалов, хозяева которых чувствовали себя независимыми. История Магинданао и Буайана в этот период заполнена феодальными усобицами и войнами, прекратившимися к 30-м годам XVII в., когда на территории Минданао возникло сильное централизованное государство.

Появление в Юго-Восточной Азии европейских колонизаторов, существование у границ султанатов колониальных владений Испании и Голландии не могло не оказывать влияния на ход исторического развития филиппинского Юга. С завоеванием Индонезии Голландией и установлением голландской торговой монополии в Юго-Восточной Азии сузилась сфера торговой деятельности филиппинских султанатов, нарушились исторически сложившиеся экономические связи с малайско-индонезийским регионом. В результате последовал постепенный упадок внешней торговли, ремесленного производства, прекратился рост городов; одновременно стала развиваться контрабандная торговля, усилились пиратство, морской разбой. Длительное пребывание во враждебном окружении, постоянная угроза иноземных вторжений и захватов приводили к растущей изоляции южных районов, застою в экономической и общественной жизни, консервации средневековых социальных, политических и религиозных институтов.

Но к началу испанского завоевания Филиппин южные султанаты представляли собой довольно сильные феодальные государства, обладавшие значительной военной мощью, тесно связанные экономически и политически с соседними мусульманскими странами.

Глава III ЗАВОЕВАНИЕ ФИЛИППИН ИСПАНИЕЙ

ИСПАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В СЕВЕРНЫЕ И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ

Завоевание Филиппин Испанией относится к начальному этапу европейской экспансии в страны Востока, проходившей в эпоху Великих географических открытий. Страны Южной и Юго-Восточной Азии привлекали европейских колонизаторов как богатейшие источники золота, а также пряностей, в то время ценившихся на Западе не меньше, чем благородные металлы. В XV—XVI вв. авангардную роль в европейской колониальной экспансии играли два феодальных государства Пиренейского полуострова — Португалия и Испания. Обе страны были сильными морскими державами,

обладательницами лучших в Европе флотилий. В заморских походах были заинтересованы испанские и португальские короли, нуждавшиеся в финансовых средствах для укрепления централизованной королевской власти; купечество, страдавшее от конкуренции итальянских городов, которые захватили монопольные позиции в Средиземноморье; многочисленное мелкое дворянство, оставшееся не у дел после завершения реконкисты¹; католическая церковь, стремившаяся приумножить доходы за счет новообращенного населения в захваченных землях.

Борьба за азиатские рынки породила острое соперничество между Португалией и Испанией. Португальцы почти на столетие опередили испанцев в разведке и освоении морских путей на Восток. К концу XV в. морское господство Португалии утвердилось на всем протяжении от Пиренейского полуострова до Индии и Юго-Восточной Азии. Поэтому Испания, приступившая к широкой колониальной экспансии лишь в конце XV в., вынуждена была в поисках путей к восточным рынкам двигаться в западном направлении (поскольку путь вокруг Африки был в руках португальцев). Именно в результате этого движения была открыта Америка, после чего началась колонизация Латинскоамериканского континента.

В 1493 г. папа римский Александр VI издал буллу с целью урегулирования испано-португальских отношений, согласно которой весь «нехристианский» мир подразделялся на сферы влияния Португалии и Испании. Окончательно демаркационная линия была определена испано-португальским договором в Тордесильясе (1494 г.). Она проходила приблизительно в 2 тыс. км западнее островов Зеленого Мыса. В сферу влияния Португалии была включена территория Африки и большая часть Азии, а к Испании отошла почти вся Америка и острова Тихого океана. Борьба между Испанией и Португалией продолжалась и после этого своеобразного «раздела мира».

В 1521 г. в поисках западного пути в Индию и к Молуккским островам («Острова пряностей», как их называли в то время в Европе), служившим источником острых конфликтов между Испанией и Португалией, экспедиция Магеллана обнаружила Филиппинский архипелаг. В марте 1521 г. испанские конкистадоры высадились на небольшом о-ве Лимасава (поблизости от Себу), водрузив на побережье гигантский крест в знак перехода новых земель под духовный контроль папы римского и во владение католического монарха. Оставив затем этот бедный и малонаселенный остров, Магеллан перебрался на Себу. Местное население первоначально отнеслось к чужеземцам вполне дружелюбно. Магеллан окрестил одного из влиятельных себуанских правителей — дато Хумабона, дав ему христианское имя Карлос в честь императора Карла V. Заключив «кровный договор» с окрещенным дато, Магеллан объявил его королем Себу и всех соседних островов, обязав их жителей платить дань своему «союзнику». Лапу-Лапу, правитель одного из островов, не захотел подчиниться, запретив своим подданным платить дань новоиспеченному «королю» и снабжать продовольствием чужеземцев. По известному описанию Пигафетты, Магеллан с 60 солдатами отправился на о-в Мактан, чтобы наказать непокорного правителя. 27 апреля 1521 г. шлюпки с Магелланом и его воинами пересекли узкий пролив, отделяющий Себу от Мактана, но не смогли пристать к берегу из-за рифов. Магеллан разделил своих людей на два отряда. Мушкетеры и арбалетчики остались в лодках, обстреливая побережье Мактана, но расстояние было слишком большим, и их пули не достигали собравшихся на берегу воинов Лапу-Лапу. Магеллан во главе второго отряда вброд добрался до берега. Мактанцы осыпали испанских солдат градом стрел, копий, дротиков и камней. Испанцы обратились в беспорядочное бегство. Магеллан, оставшийся с несколькими солдатами (в их числе был и Пигафетта), пытался оказать сопротивление, но был смертельно ранен тростниковыми копьями и стрелами островитян.

---

¹ Территория Португалии была освобождена от арабов уже в середине XIII в., в Испании процесс реконкисты продолжался до начала XVI в.

После гибели Магеллана, главным образом из-за насилий, чинимых конкистадорами над местными жителями, началось восстание на Себу. Преемник Магеллана, Барбоса, и большинство участников экспедиции были перебиты восставшими. Оставшиеся в живых испанцы спешно покинули остров. В наши дни на Себу рядом с «Крестом Магеллана» — монументом, воздвигнутым в честь первого кругосветного плавания, — установлен памятник Лапу-Лапу, почитаемому на Филиппинах как первый борец против колониализма.

Магеллан назвал открытый им архипелаг островами Св. Лазаря, позднее Филиппины назывались попеременно Западными или Восточными островами. В 1525, 1526 и 1527 гг. из Испании отправлялись экспедиции, заходившие на Филиппины, с королевскими инструкциями основать торговые фактории и военные форты на Молукках, в Китае и Японии. Все три экспедиции были разбиты португальцами, располагавшими в этих районах сетью хорошо укрепленных опорных баз. В конце концов Испания пошла на заключение нового договора с Португалией (соглашение в Сарагосе 1529 г.), признав за последней право на владение «Островами пряностей» и добившись включения Филиппинского архипелага в свою сферу влияния. Занятые колониальными войнами на Американском континенте, испанцы не сразу приступили к территориальным захватам «а Филиппинах, ограничиваясь до середины 60-х годов XVI в. отправкой отдельных разведывательных экспедиций. В 1536 г. на Западных островах побывала испанская экспедиция во главе с Лоай-сой. В 1542 г. из Новой Испании (Мексики) была отправлена экспедиция во главе с Вильялобосом с инструкцией основать испанские опорные базы на архипелаге. Испанские суда заходили в гавани о-вов Самара и Лейте. Один из членов экспедиции, Бернардо де ла Торре, назвал этот район архипелага Филиппинами в честь испанского наследного принца Филиппа, будущего короля Филиппа II (позднее это название было распространено на всю территорию архипелага). В 1543 г. экспедиция отправилась дальше на юг, к Молуккским островам, где была разбита португальцами.

Планомерное завоевание Филиппин началось с середины 60-х годов XVI в. К этому времени под властью испанской короны находилась обширная колониальная империя, раскинувшаяся на громадной территории Центральной и Южной Америки от северных границ Мексики до Ла-Платы на юге. Чудовищное по масштабам ограбление американских владений превратило Испанию в одну из сильнейших держав Европы. По словам К. Маркса, «это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии»². Могущество и богатство воспитывали в испанцах шовинизм, порождали веру в превосходство над другими народами. Католическая церковь, заинтересованная не менее короны, купечества и дворян в новых источниках богатства, выдвинула эффективное идеологическое обоснование колониальной экспансии. Завоевание новых территорий и покорение населения осуществлялись во имя «спасения душ» язычников и утверждения «истинной веры» во всех уголках земного шара. Испанцы считали себя народом, избранным Провидением для выполнения этой великой миссии. В испанской экспансии на Восток, в результате которой были завоеваны Филиппины, идеологические лозунги играли столь же большую роль, как и мотивы экономические (жажда золота и пряностей) и политические (стремление нанести удар главному сопернику — Португалии).

В феврале 1565 г. у берегов Филиппин появилась испанская военная эскадра, вышедшая в ноябре 1564 г. из мексиканского порта Нативидад. Экспедицию возглавлял бывший алькальд г. Мехико Мигель Лопес де Легаспи, опытный военачальник, прошедший школу захватнических войн на Американском континенте. В качестве советника Легаспи на Филиппины отправился ученый монах-августинец Андрее де Урданета, участник многих военных походов, картограф и искусный навигатор, однажды

² К. Маркс. Революционная Испания.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 431.

уже побывавший на Филиппинских островах в составе экспедиции Лоайсы. Легаспи командовал эскадрой из 5 военных судов, на которых находились 500 солдат и пять (включая Урданету) монахов-августинцев.

В апреле 1565 г. испанцы высадились на Себу. Здесь было основано первое укрепленное испанское поселение Сан-Мигель (позднее на этом месте вырос город Себу). Используя разобщенность балангаев и межплеменные противоречия, испанцы привлекли на свою сторону часть местных дато. Легаспи заключил «кровные договоры» с двумя наиболее воинственными и сильными правителями — дато Сикатуной (о-в Бохоль) и раджей Тупасом (Себу). Воины Тупаса и Сикатуны вместе с солдатами Легаспи участвовали в завоевании Висайских островов. Кровавой расправе испанские конкистадоры подвергали ту часть местного населения, которая оказывала сопротивление завоевателям. В 1565 г. вооруженные восстания вспыхивали в различных районах Себу. В том же году произошли восстания на о-вах Мактан и Тави. Вождь мактанцев Дагами объявил себя продолжателем борьбы Лапу-Лапу. Эти восстания были подавлены в 1566 г.

К началу 70-х годов XVI в. в основном закончился процесс завоевания территории Висайев и Северного Минданао.

Серьезной проблемой, с которой испанцы столкнулись на Висайях, был недостаток продовольствия. Экономика Себу и Паная — двух островов с наиболее плотным населением и сравнительно высоким уровнем развития производительных сил — была подорвана испанским завоеванием. Были разорены и сожжены многие селения, уничтожены рисовые поля, сократилась численность трудоспособного населения. До 1569 г. основной базой испанцев на Висайях был Себу, затем Легаспи перенес свою резиденцию на Панай. Но и на Панае — центре рисового производства Висайев (жители Паная снабжали рисом соседние острова и вывозили его на Минданао и Молукки) — в результате испанского завоевания урожайность риса резко упала. В 1570 г. нехватка риса и других продовольственных продуктов приняла катастрофические размеры. Продовольственный вопрос был одной из причин, побудивших Легаспи ускорить продвижение на север в поисках более плодородных и освоенных земель. Весной 1570 г. была отправлена экспедиция под командованием Мартина де Гоити и внука Легаспи, Хуана де Сальседо, для разведки и, по возможности, установления испанского суверенитета на Лусоне. Экспедиция состояла из отряда испанских солдат (100 человек) и нескольких отрядов висайя.

20 мая 1570 г. испанские корабли вошли в Манильский залив. Испанцы обратили внимание на то, что Майнила была хорошо укреплена: на побережье возвышалась крепость, сооруженная из земли и стволов пальмовых деревьев, защищенная 12 артиллерийскими орудиями (местные пушки-лантаки). Население Майнилы, по сведениям Гоити, насчитывало до 2 тыс. жителей. Мусульманский правитель Майнилы, раджа Солиман, встретил высадившихся на побережье иноземцев артиллерийским огнем. Испанцы отступили, но затем, используя военное превосходство, сумели захватить крепость. Гоити оставил там небольшой отряд, двинувшись с основными войсками на завоевание соседних районов Лусона. Оставшиеся в Майниле испанские солдаты начали грабить и притеснять местное население, что вызвало восстание, возглавленное раджей Солиманом. Восставшие перебили испанских солдат, сожгли крепость и ушли в горы. Гоити вынужден был вернуться на Панай.

Испанские колонизаторы появились снова на берегу Манильского залива спустя год — в апреле 1571 г. Военными операциями руководил Легаспи. Конкистадоры разрушили и сожгли заново отстроенную крепость и окрестные селения, заставив Солимана и правителей соседних балангаев признать верховную власть Испании. Удобное стратегическое положение и процветающая экономика Майнилы привлекли внимание Легаспи. По его приказу в устье Пасига было начато строительство испанского города, будущей столицы колонии — Манилы.

Обосновавшись в Маниле, испанцы в 1572—1574 гг. завоевали территорию Центрального Лусона — рисовую житницу острова, наиболее развитые экономически и густо заселенные районы. В 1574 г., двигаясь на север, они захватили территорию, заселенную илоканами, и в 1575—1580 гг. распространили свое господство на весь Северный и Северо-Восточный Лусон. В военных операциях принимали участие отряды, набранные из висайя, и воины «союзных» дато. Завоевание многих районов Лусона было осуществлено руками филиппинцев.

При завоевании Лусона карательные методы применялись испанцами в значительно больших масштабах по сравнению с относительно мирным процессом покорения Висайских островов. На Лусоне испанцы чаще встречались с сильным сопротивлением местного населения, особенно упорной была борьба жителей северных районов Лусона, вспышки которой продолжались вплоть до 1590 г.

В начале 80-х годов в основном закончилось завоевание архипелага. Границы испанской колонии, в которую входили северные и центральные районы Филиппин (о-в Лусон, Висайи, северные территории о-вов Минданао и Палавана), просуществовали около трех столетий — до второй половины XIX в. Вне контроля испанских колонизаторов остались горные племена, населявшие труднодоступные внутренние районы Лусона, которые формально находились под властью испанской короны. Попытки христианизировать и колонизовать эти районы дали ничтожные результаты. Испанская экспансия в южные районы архипелага была остановлена филиппинскими мусульманскими народами, населявшими центральные и южные территории Минданао и архипелаг Сулу.

НАЧАЛО «ВОЙН МОРО»

Важным фактором, который обеспечивал успешное сопротивление южных районов европейским колонизаторам, была внешняя поддержка, получаемая султанатами Магинданао и Сулу от правящих мусульманских кругов соседнего малайско-индонезийского региона. Военную помощь Магинданао оказывали султаны Тернате, султанат Сулу получал поддержку из Брунея и с Суматры. Военно-политическому союзу с индонезийскими султанатами способствовали родственные связи между филиппинскими и индонезийскими правящими династиями, религиозная общность и, наконец, торговые интересы индонезийцев, стремившихся к сохранению морской и торговой монополии в островной части Юго-Восточной Азии.

Многолетняя борьба филиппинских мусульманских народов против испанских колонизаторов, начавшаяся с сопротивления европейской агрессии в конце XVI в. и продолжавшаяся до второй половины XIX в., вошла в историю Филиппин как «войны моро». Моро, т. е. маврами, испанские колонизаторы стали называть свободолюбивых филиппинских мусульман³ по аналогии с воинственными арабами (маврами) у себя на родине.

Борьба между мусульманскими народами и испанскими колонизаторами велась с обеих сторон под лозунгом защиты «истинной веры». Для испанцев религиозные лозунги служили идеологическим обоснованием экспансии. Само название «моро», данное филиппинским мусульманам, должно было указывать на преемственность «войны креста и полумесяца». Для мусульманских народов ислам служил идеологическим знаменем

---

³ Первоначально испанцы, появившиеся на Филиппинском архипелаге с экспедицией Легаспи, называли «моро» жителей Лусона, куда уже проник ислам. Позже испанцы отказались от этого названия в применении к ним, объясняя это тем, что местные народы в большинстве были не мусульманами, а язычниками. Жителей Лусона и Висайев, принявших христианство, они стали называть «индио», т. е. индейцами (так же, как коренное население Латинской Америки), вкладывая в это название уничижительный оттенок, а наименование «моро» употребляли только в отношении народов мусульманского Юга Филиппин.

антиколониальной борьбы, сопротивление европейским агрессорам облекалось в форму войны против «неверных».

Впервые испанцы столкнулись с моро в 1565 г. (вскоре после прибытия на острова экспедиции Легаспи), захватив у берегов о-ва Бохоль торговое судно из Сулу. Эпизодические столкновения с моро в районе Висайских о-вов и Северного Минданао продолжались и в последующие годы. Захват испанцами Майнилы был враждебно встречен султаном Брунея, связанным родством с тамошними правителями-мусульманами. В 1574 г. генерал-губернатор Филиппин получил секретную информацию о снаряжении в Брунее сильного флота для нападения на Манилу и о подготовке антииспанского восстания в самой столице. В 1574 г. действительно вспыхнуло восстание, возглавленное бывшим раджой Тондо — Лакан Дулой, которое было жестоко подавлено испанцами. Атака мусульманского флота, однако, не состоялась.

В 1578 г. представился повод для вмешательства испанцев во внутренние дела Брунея, поскольку там разгорелась междоусобица из-за престолонаследия. Воспользовавшись просьбой о военной помощи, исходившей от одного из претендентов на султанский трон, генерал-губернатор Филиппин Франсиско де Санде отправил в Бруней мощную военную эскадру из 40 судов, на борту которых находились 400 испанцев и более тысячи солдат-филиппинцев. Под их натиском соперник испанского союзника, занявший султанский трон, отступил во внутренние районы страны, оставив столицу. Санде поспешил объявить Бруней вассалом Испании.

Посадив на султанский трон своего ставленника и добившись таким образом нейтрализации Брунея, испанцы попытались реализовать свои планы захвата территории в южных филиппинских султанатах. В июне 1578 г. к Холо почти одновременно подошли испанская эскадра под командованием капитана Фигероа, возвращавшаяся из Брунея, и флот султана Сулу Будимана — союзника и родственника свергнутого султана Брунея, участвовавшего в недавних морских сражениях с испанскими колонизаторами. Учитывая превосходящие силы испанцев и не желая подвергнуть разрушению столицу, Будиман решил откупиться от Фигероа, уплатив ему дань золотом и 12 крупными жемчужинами. Объявив Сулу вассалом Испании, Фигероа покинул Холо.

В 1579 г. из Себу была отправлена разведывательная экспедиция под командованием капитана Риверы на Минданао. Султан Магинданао, Димансакай, уклонялся от встречи с испанцами, отступая в глубинные районы по мере продвижения испанских солдат. В конце концов Ривера отошел к западному побережью Минданао, после того как заключил договоры с несколькими мелкими дато, враждовавшими с султаном, собрал с них дань и получил сведения о населении острова и его хозяйстве.

Новая экспедиция в Бруней была организована в 1581 г. Там к этому времени была восстановлена власть прежнего, свергнутого испанцами султана, отказавшегося признать суверенитет Испании. Экспедиция была неудачной. Встретивший противника мусульманский флот разбил испанскую эскадру. С этих пор испанцы прекратили военное давление и вмешательство в Брунее, несмотря на то что правящие круги султана продолжали поддерживать связи с филиппинскими мусульманами на территориях, находившихся под испанским контролем. В 1587 г. колониальные власти раскрыли новый заговор среди бывших правителей Тондо во главе с Магат Саламатом, пользовавшихся поддержкой Брунея. Испанцы казнили всех участников заговора и всех подозреваемых, но воздержались от карательных действий в отношении Брунея.

Ослабление внимания испанских колонизаторов к обстановке в районе Калимантан — Сулу было связано с концентрацией военных усилий для колонизации Минданао. Экспансия на Минданао обуславливалась рядом причин. Испанцы были заинтересованы в том, чтобы продвинуть дальше на юг границы колонии и обезопасить пограничные территории от нападений моро. Не последнюю роль играла жажда наживы. Поскольку колонизованные районы архипелага оказались бедны золотом и пряностями, заманчиво

было овладеть большим южным островом, обладавшим, по сведениям испанцев, значительными естественными богатствами.

Главным же стимулом была перспектива использования Минданао как плацдарма для проникновения на Молуккские острова и в соседние районы Юго-Восточной Азии. В испанских источниках того времени прямо указывается на связь колонизации Минданао с испанскими интересами на Молукках и в районе Индонезии в целом. Капитан Фигероа, руководитель ряда экспедиций в южные районы архипелага, в докладе генерал-губернатору особо отмечал, что колонизация Минданао облегчит распространение испанского влияния «на Молукки и соседние королевства на Борнео, Сулу и Яве». Этим планам не суждено было осуществиться из-за сопротивления, оказанного мусульманским населением.

Капитан Фигероа в 1591 г. был назначен пожизненным губернатором еще не завоеванного острова Минданао. На него возлагалась обязанность «замирить» султанат Магинданао и основать испанскую колонию в бассейне Пуланги. Экспедиция Фигероа, под командованием которого находились весьма крупные силы (50 кораблей, более 200 солдат-испанцев и 1,5 тыс. филиппинцев), в апреле 1596 г. достигла устья Пуланги. Однако развернуть военные действия Фигероа не смог. В первом же сражении он был убит мусульманами. Военные операции против моро после гибели капитала не принесли испанцам успеха, им удалось только соорудить форт в местечке Тампакан.

В феврале 1597 г. на Минданао был прислан новый испанский губернатор Хуан Ронкильо со свежими военными силами и с заданием продолжать экспансию. В военной кампании 1597—1598 гг. испанским колонизаторам противостоял прочный военно-политический союз султанатов Магинданао и Тернате. Султаны Тернате были заинтересованы в том, чтобы защитить Минданао от европейской агрессии, не допустив колонизаторов к границам Молуккских островов. Поблизости от Тампакана моро выстроили крепость, откуда совершали нападения на опорную базу колонизаторов. По свидетельству испанских источников, на испанцев сильное впечатление производила отчаянная храбрость мусульманских воинов, вооруженных лишь малайскими ножами-крисами и мечами-кампиланами и тем не менее отражавших атаки испанских солдат, имевших огнестрельное оружие. Ронкильо в донесениях генерал-губернатору указывал на организованность сопротивления моро и отмечал, что «мусульманские вожди в отличие от правителей Лусона пользуются несравненно большим авторитетом и властью». В 1598 г. испанцы, изнуренные атаками мусульман, испытывая трудности с коммуникациями и снабжением войск, перевели гарнизон из Тампакана в крепость Ла-Кальдера, выстроенную на крайней северо-западной оконечности Минданао (в нескольких километрах от современной Замбоанги), поблизости от испанских владений. В конце 1598 г. Ронкильо вернулся в Манилу, не выполнив миссии по колонизации Минданао. Таков, был итог первого, начального этапа «войн моро».

В последующие годы (до начала XVII в.) мусульмане продолжали тревожить испанцев, совершая набеги на территории испанской колонии. Ежегодно с юго-западными муссонами лодки моро, легко уходившие от преследования тихоходных испанских галионов, устремлялись к Висайским островам, а нередко подплывали и к берегам Лусона. В результате этих набегов моро увозили ценности из разрушенных церквей и большие партии пленников-христиан. Взятых в плен испанцев за выкуп возвращали в Манилу, филиппинцев-христиан превращали в рабов, используя их в качестве гребцов на военных и торговых судах. Пленные филиппинцы, переходившие в мусульманство, получали свободу, и многие из них сами становились участниками морских набегов на христианские районы Филиппин. До начала XVII в. борьба моро ограничивалась морским пиратством, правящие круги султанатов не пытались организовать крупные военные экспедиции.

На рубеже XVI—XVII вв. стали замедляться темпы и сокращаться масштабы испанской колониальной экспансии в связи с начавшимся во второй половине XVI в.

ослаблением экономических, политических и международных позиций феодально-абсолютистской Испании. К концу XVI в. относится неудавшаяся попытка испанцев проникнуть на территорию Китая, используя в качестве плацдарма Филиппины. В 1598 г. испанцы вторглись на Тайвань, рассчитывая захватить остров и превратить его в базу для дальнейшего продвижения на континент. Но закрепиться на Тайване они не смогли и отказались от планов вторжения на китайскую территорию.

Территориальные захваты Испании в Полинезии и Австралии (на рубеже XVII в.) были незначительны и недолго удерживались испанскими колонизаторами. Филиппины оставались единственным прочным «приобретением» Испании в Азии.

ФИЛИППИНЫ — КОЛОНИЯ ИСПАНИИ (ДО НАЧАЛА XVII в.)

Испанское завоевание превратило Филиппинский архипелаг в составную часть гигантской колониальной империи Испании. В 1571 г. Манила была объявлена столицей испанской колонии, административно подчинявшейся Мексиканскому вице-королевству, первым губернатором Филиппин был назначен Легаспи. В устье Пасига, где до прихода колонизаторов теснились свайные жилища малайских селений, поднялись каменные башни и стены города-крепости Интрамураса («Город внутри стен»), заселенного испанцами центра Манилы.

Формы и методы испанской колониальной политики на архипелаге базировались на опыте колонизации Латинской Америки, но было и немало отличий, порожденных конкретными условиями Филиппин. Установление испанского режима на Филиппинских островах не сопровождалось катастрофическим уничтожением людских и материальных ресурсов, как это происходило на Американском континенте, где физическому истреблению подвергались целые народы.

Отсутствие на Лусоне и Висайских островах прочных государственных образований, способных оказать организованное сопротивление иностранной агрессии, позволило испанцам использовать относительно мирные методы при захвате территорий и покорении местного населения. Этот же фактор предопределил одну из существенных особенностей испанской колонизации Филиппин. В процессе завоевания физическому уничтожению подверглась лишь незначительная часть местной феодализирующей верхушки, та, которая активно сопротивлялась испанской агрессии. В целом же эта верхушка была сохранена, хотя и лишилась традиционной власти в балангах. Таким образом, уже на самой ранней стадии колонизации создавалась основа для превращения в будущем этого слоя населения в социально-политическую опору колониального режима.

Немаловажную роль играли экономические и демографические факторы. На островах было мало золота, не было вовсе серебра и пряностей, т. е. отсутствовали те колониальные ресурсы, которые наиболее ценились в Европе. Испанская колониальная политика основывалась на примитивных методах эксплуатации (соответствовавших низкому уровню развития производительных сил в самой метрополии), сводившихся к прямому ограблению естественных богатств колоний. В условиях Филиппин основным источником колониальных доходов становился труд завоеванного населения. Поэтому испанцы были заинтересованы в сохранении людских ресурсов, тем более что население архипелага было немногочисленным. В XVII в. оно составляло немногим более 0,5 млн. человек. Наибольшая концентрация наблюдалась на Панае (более 60 тыс.), Центральном Лусоне (более 100 тыс.), в Маниле (около 30 тыс.). В основном же население было рассеяно небольшими группами по территории архипелага.

При общем низком уровне развития производительных сил, дробности населения, слабых внутリエкономических связях любое нарушение демографического баланса вызывало серьезные экономические осложнения. Первые десятилетия колонизации сопровождались продовольственными кризисами, связанными с тем ущербом, который наносил хозяйству архипелага процесс завоевания, с сокращением, хотя и сравнительно

небольшим, местного населения и с увеличением потребляющего слоя — испанского колониального аппарата. Впрочем, в количественном отношении испанцы составляли менее 1% общей численности населения архипелага. Дважды — в середине 70-х и в начале 80-х годов — нехватка риса и другого продовольствия была настолько велика, что возникал вопрос о прекращении колонизации и об уходе испанцев с Филиппин. Все же колонизация не прекратилась, но среди испанцев прочно укоренилось мнение о Филиппинах как колонии, лишенной всякой экономической ценности. Испанская корона была заинтересована в сохранении азиатской колонии с точки зрения политического престижа монархии, обладания стратегической базой у границ португальской колониальной империи и поблизости от китайского рынка.

Не меньшую заинтересованность в колонизации архипелага проявляла католическая церковь, деятельность которой опиралась на военную и финансовую мощь государства. Ватикан по так называемому соглашению о королевском патронате передал испанским монархам верховную власть над «Церковью Индий» (т. е. в колониях Нового Света и на Филиппинах) и право на подбор кадров церковников для колониальных владений. Испанская же корона брала на себя все расходы по содержанию католического духовенства в колониях и предоставляла ему монопольное право на христианизацию населения завоеванных территорий. Эту функцию исполняли главным образом представители регулярного (черного) духовенства. Католические монахи, объединенные в религиозные ордена и братства, отличавшиеся дисциплинированностью и сплоченностью, были лучше подготовлены к миссионерской деятельности в колониальных странах, нежели представители секулярного (белого) духовенства. Жажда наживы, будь то стремление к личному обогащению или забота о процветании орденов, была главным мотивом религиозного рвения монахов, хотя, несомненно, были среди них и убежденные фанатики, искренне верившие в свою миссию «воинов христовых», готовые ради ее выполнения к любым невзгодам и лишениям.

На Филиппинах религиозные ордена были ударной силой испанского колониализма. Их «заслуги» в деле распространения и утверждения испанского господства на архипелаге высоко ценились короной. «В каждом монахе, — писал генерал-губернатор Филиппин начала XVII в. Антонио де Морга, — король имеет генерал-капитана и целую армию». Многие из опыта религиозной деятельности в Латинской Америке было перенесено на Филиппинские острова. Как и в отношении американских колоний, в обоснование законности завоевания Филиппин церковь выдвигала идею о необходимости освобождения «туземцев» от «власти дьявола», олицетворявшейся в «варварском» правлении местных вождей. На начальном этапе колонизации, когда перед испанцами стояла задача разрушения доколониальных традиций и институтов и ликвидации политического влияния местной эксплуататорской верхушки, религиозная пропаганда, направленная на «защиту» угнетенного населения, была весьма своевременна и шла на пользу колонизаторам. В 80-е годы XVI в. представители церкви выступили против существовавшего на островах домашнего рабства как аморального, противоречившего принципам христианства института. Речь шла о низшем слое зависимых общинников категории алипинг-сагигилид, принадлежавших бывшим дато и махарлика. Испанские конкистадоры также пользовались трудом домашних рабов, которых отбирали или покупали у местной знати. Прибывшему в Манилу в 1581 г. епископу Доминго де Саласару пришлось сразу же (епископство только что было учреждено в азиатской колонии) вступить в конфликт с генерал-губернатором, защищавшим интересы испанских колонистов и потому сопротивлявшимся отмене рабства. Конфликт закончился победой епископа. В 1588 г. Филипп II издал указ, запрещающий использование труда домашних рабов на Филиппинах, подтвержденный папской буллой 1591 г.⁴ Борьба за отмену рабства, так же как и обличения разного рода

⁴ Отмена рабства носила в общем формальный характер. Существование домашних рабов и закабаление за долги продолжались в последующие периоды испанского господства на Филиппинах.

злоупотреблений конкистадоров, исходившие от представителей церкви, в конечном счете были направлены на укрепление колониального режима.

Церковь в отличие от светских властей проводила лишь более гибкую и изощренную политику в отношении местного населения, учитывая, что колониальный режим был еще недостаточно прочен. Но уже в начале XVII в., когда испанцы укрепили свои позиции на архипелаге, церковники отказались от проповедей гуманности и справедливости, превратившись в главных проводников колониальной эксплуатации.

Основную группу церковников образовывали монахи — представители четырех религиозных орденов. Первыми на островах обосновались августинцы (с 1565 г.), в 1577 г. прибыли францисканцы, в 1581 г. — иезуиты, в 1587 г. — доминиканцы⁵. К началу 90-х гг. XVI в. в колонии действовало 267 миссионеров. К концу XVI в. (по специальному указу Совета Индий) каждому из четырех орденов были выделены части территории архипелага. Самые плодородные и густонаселенные районы Лусона и Висайев получили августинцы, положившие начало христианизации. Францисканцам была отведена территория в Южном Лусоне (район п-ова Биколь и провинции Камаринес). Иезуиты получили большую часть Висайских островов и Северный Минданао. Доминиканцам отвели провинции Пангасинан и Кагаян на северо-востоке Лусона. Кроме того, в Маниле, поделенной между всеми орденами, они получили район Париан, населенный китайцами. В результате территориального раздела в выигрыше оказались августинцы и францисканцы. Неравномерность распределения территорий с точки зрения их экономической ценности стала одной из причин постоянных разногласий и острой конкуренции между орденами.

Представителей белого духовенства было намного меньше монахов (в 1591 г., по испанским данным, всего 20 священников). Учрежденное в 1581 г. манильское епископство было превращено в 1591 г. в архиепископство, которому подчинялись три епископства: Нуэва-Сеговия (Северный Лусон), Нуэва-Касерас (Южный Лусон) и Себу (Висайи и Северный Минданао).

Христианизация осуществлялась одновременно с военной экспансией и колонизацией. Задача миссионеров заключалась в том, чтобы с помощью религиозной пропаганды окончательно «замирять» захваченные территории и готовить их жителей к подчинению новой власти. На первых порах новая религия встречала недоверие, а нередко и откровенную враждебность со стороны филиппинцев, для которых фигуры миссионера и конкистадора одинаково олицетворяли иноземную агрессию. Элементы насилия играли значительную роль, но в целом процесс христианизации Филиппин протекал более мирно, нежели религиозная экспансия в странах Латинской Америки (как и весь процесс завоевания и колонизации). За 1565—1570 гг. миссионерам удалось окрестить лишь 100 филиппинцев. Среди первых обращенных преобладали дружественные испанцам «союзные» дато и их семьи в развитых районах архипелага. Медленные темпы христианизации были связаны с малочисленностью миссионеров (по всей стране тогда действовало лишь несколько десятков августинцев), языковым барьером (монахи еще не успели изучить местные языки), продолжавшимся процессом завоевания. Со второй половины 70-х годов, когда в основном закончился военный этап колонизации, а число миссионеров увеличилось, положение резко изменилось. К началу 80-х годов было окрещено уже 100 тыс. филиппинцев, к 1586 г.—170 тыс., к 1594 г. — 286 тыс., к 1600 г. — более 300 тыс. К 20-м годам XVII в. было христианизировано почти все население колонии (до 500 тыс. филиппинцев).

Быстрая и массовая христианизация Филиппин была обусловлена особенностями их исторического развития. Испанцы появились на архипелаге в период, когда там шло разложение первобытного строя и зарождение классового общества, нуждавшегося в отвечавшей его потребностям идеологической надстройке. Возникающее классовое

⁵ В начале XVII в. (1606) на островах появились представители еще одного ордена — реколетов («босоногие августинцы»).

общество создавало почву для утверждения единой господствующей религии. В южных районах архипелага этой новой религиозной идеологией, сменившей раннеклассовые религиозные представления, стал ислам. Испанское завоевание приостановило распространение ислама, очистив путь для христианства. Успехи испанских миссионеров в распространении католицизма объяснялись отсутствием на островах развитой религиозной идеологии, которая могла бы противостоять религии колонизаторов. Не случайно португальские миссионеры, действовавшие с не меньшим рвением в странах Востока, где задолго до появления европейцев утвердились мировые религии — ислам и буддизм, добивались ничтожных результатов. То же происходило и с испанскими миссионерами в Китае и Японии.

К началу массовой христианизации Филиппин католическая церковь располагала богатым арсеналом методов и приемов привлечения «язычников» в свое лоно, к их числу относилось изучение монахами местных языков, обычаев, культурных традиций, благодаря чему преодолевались недоверие и отчужденность филиппинского населения. Религиозные представления внушались уже детям в доступных для их восприятия формах. Так, учитывая врожденную музыкальность филиппинцев, миссионеры обучали детей католическим молитвам, которые перелагались стихами и пелись на мотивы народных песен. Всячески поощрялась организация театрализованных представлений на библейские сюжеты и пышных религиозных процессий, которые привлекали филиппинцев своей красочностью и способствовали пробуждению интереса к католицизму. Религиозная пропаганда велась в форме устных проповедей, так как религиозная литература была недоступна филиппинцам. В 1593 г. в Маниле была издана «Христианская доктрина» — первая печатная книга на латинском и тагальском языках. В 1597 г. появилось ее второе издание, отредактированное известным теологом-иезуитом кардиналом Беллармино. Издание 1597 г. легло в основу многочисленных «доктрин», переведенных на местные языки, которые служили основным пособием для миссионеров, действовавших в различных районах архипелага. В 70—80-е годы руководство орденов приступило к организации системы начального и среднего религиозного образования, распространявшейся лишь на детей местной верхушки. Что касается основной массы филиппинского населения, то «заботы» о воспитании их в духе «истинных христиан» целиком возлагались на монахов-миссионеров, которые следили за тем, чтобы жители балангаев неукоснительно выполняли все обряды и установления католической церкви.

Серьезные трудности для деятельности церкви создавала географическая дробность архипелага и разбросанность населения по мелким, слабо связанным друг с другом балангаям. В 80—90-х годах XVI в. церковь при поддержке светских властей попыталась осуществить так называемую редукцию — сокращение числа сельских поселений за счет присоединения мелких балангаев к более крупным, что означало на практике насильственное переселение подавляющего большинства крестьян. Инициатором этого мероприятия считается монах-францисканец Хуан де Пласенсия, который прибыл на Филиппины в 1577 г. и занимался миссионерской деятельностью на Центральном Лусоне. Пласенсия предложил генерал-губернатору план расселения филиппинцев в прибрежных равнинных районах большими селами с числом жителей от 2,5 до 5 тыс. Сама идея не была новой — ранее подобным образом было произведено переселение индейцев в Перу и Мексике. На Филиппинах это оказалось значительно сложнее. В 1593 г. епископ Саласар писал королю Филиппу II: «Ваши острова непохожи на Новую Испанию, где всегда есть главная деревня и много мелких, подчиненных ей. Здесь же (т. е. на Филиппинах) повсюду мелкие деревни и каждая сама себе голова». Осуществление редукции должно было привести к полной ликвидации сложившейся территориально-административной системы балангаев и угрожало подорвать сельскохозяйственное производство. Некоторых успехов монахи добились лишь в провинциях Центрального Лусона, где была высокая концентрация населения и оно было

в основном расселено по крупным балангам. В остальных районах Филиппинского архипелага планы создания укрупненных поселений так и не были проведены в жизнь⁶.

Отказавшись от планов концентрации сельского населения, церковь создала систему церковноприходского управления, при которой центры приходов с приходской церковью (кабесера) размещались в самых крупных населенных пунктах. В менее крупных балангах, относившихся к приходу, строились собственные церкви, называвшиеся «висита», которые подчинялись кабесере и обслуживали «ситио» — мелкие поселения из одного-двух десятков семей. Все жилые строения должны были возводиться «под колоколами», т. е. на таком расстоянии от церкви, чтобы был слышен колокольный звон. Введенное церковноприходское управление обеспечивало церкви довольно эффективный контроль над всей массой прихожан-филиппинцев.

В результате испанской колонизации произошли серьезные изменения в системе землевладения, существовавшей на архипелаге. Юридически вся земля была объявлена собственностью испанской короны. Королевские подданные испанцы и филиппинцы формально обладали лишь правом пользования определенными земельными территориями. На практике же они становились собственниками земельных угодий с правом их наследования и отчуждения. С появлением испанцев исчезает общинная форма собственности, уступая место помещичьему и крестьянскому частному землевладению. Испанцы оставили дато, махарлика и свободным крестьянам те земли, которые принадлежали им до прихода колонизаторов. Там, где обрабатываемая земля находилась в собственности балангаев, она либо переходила во владение, а фактически в собственность представителей бывшей общинной знати, либо раздавалась правительством в качестве земельных пожалований орденам и испанцам-колонистам. Крестьяне-общинники, издавна обрабатывавшие эти земли, становились безземельными арендаторами-издольщиками. Земли, не числившиеся в частном владении и отнесенные к разряду королевских, или коронных, служили фондом для земельных пожалований церкви и колонистам.

Экономическая политика испанских колонизаторов основывалась на различных формах налогообложения и принудительном труде местного населения. Еще в процессе завоевания на Филиппины была распространена энкомьендарная система (1570 г.), прежде введенная в американских колониях. Жители островов передавались «в опеку» (encomienda) колонистам-энкомендеро якобы для того, чтобы те защищали их и помогали обратиться в «истинную» веру. За это филиппинцы должны были платить налоги и работать на энкомендеро. Иными словами, энкомьенда означала право сбора налогов (в натуральной, денежной, отработочной формах) с определенного числа жителей. Энкомьенда не была связана с земельными пожалованиями. Право сбора налогов с населения, отданного «в опеку» энкомендеро, не означало наделения последнего землей. Лишь незначительная часть колонистов-энкомендеро владела земельными угодьями в тех же районах, где жили филиппинцы, обложенные налогами в их пользу.

Энкомьенды были частные, раздававшиеся конкистадорам в качестве награды за службу короне, и королевские, или коронные, за которыми первоначально была закреплена треть населения архипелага. Формально размеры налогов, собираемых энкомендеро с населения, были определены государственным законодательством. По закону 1570 г., все мужчины-филиппинцы в возрасте от 18 до 60 лет должны были уплачивать ежегодно 8 реалов (деньгами или в продуктивном выражении)⁷. Фактически же энкомендеро пользовались неограниченной властью над «опекаемым» населением. Они прибегали к насилию, обманам, всевозможным ухищрениям, чтобы увеличить налоговые поступления. Повсеместно энкомендеро по собственному усмотрению определяли размеры натуральных поставок, и виды продуктов, которые взимались с крестьян, произвольно занижали их оценку, увеличивая объем поступлений и наживаясь на

⁶ К концу XVII в. на Филиппинах, исключая район Манилы, насчитывалось лишь около 20 населенных пунктов с числом жителей более 2 тыс.

⁷ От налоговой повинности освобождались только бывшие дато и махарлика.

перепродаже по существующим ценам. Обязанности сборщиков налогов выполняли старосты (кабеса) балангаев (в испанском произношении — барангаев), назначавшиеся энкомендеро из числа бывшей общинной знати. Кабеса отвечали за своевременную выплату налогов всеми жителями барангая. Поставленные над основной массой эксплуатируемого крестьянства, кабеса в то же время и сами не были защищены от произвола энкомендеро. Одной из самых тяжелых форм эксплуатации были принудительные отработки. В любое время года крестьян отрывали от хозяйства и отправляли на строительство домов энкомендеро, церквей, дорог, судов, вырубку лесов и пр. Сроки отработочных повинностей не были ограничены, и многие крестьяне проводили на принудительных работах по несколько месяцев в году.

Разорение крестьянских хозяйств в результате грабительской эксплуатации энкомендеро угрожало подрывом сельской экономики, а начавшееся вымирание филиппинцев приводило к сокращению рабочей силы, в которой нуждались колонизаторы. Стабилизации испанского режима мешали стихийные выступления против гнета и злоупотреблений энкомендеро, которые вспыхивали повсюду на архипелаге. Крупные антииспанские восстания произошли в 1585 г. в провинции Пампанга (Лусон) и на Самаре, в 1585 г. — на Лейте, в 1589 г. — в провинциях Кагаян и Илокос (Северный Лусон). Вымогательства и притеснения энкомендеро толкали на путь протеста и представителей бывшей общинной знати — кабеса, которые возглавляли многие народные восстания. Их участие в антиколониальной борьбе лишало испанцев той социальной опоры, которая была необходима для упрочения их господства на Филиппинах. Уже в 80-х годах XVI в. испанские власти вынуждены были принимать меры по «смягчению» и упорядочению режима энкомьенд. Попытки законодательным путем ограничить произвол энкомендеро (по закону 1581 г., подтвержденному в 1589 г., устанавливался единый подушный налог в размере 10 реалов) были малоэффективны. Более серьезной мерой было сокращение числа частных энкомьенд, положившее начало постепенной ликвидации этой системы. За ее упразднение энергично выступала церковь, заинтересованная в сохранении паствы и укреплении своего влияния. Давление церкви ускорило отмену системы энкомьенд. В начале XVII в. она была окончательно заменена введением единого подушного налога — трибуто, сбором которого ведало королевское налоговое управление. Однако законодательная отмена режима энкомьенд произошла намного позднее — в 20-е годы XVIII в.

В первые десятилетия после завоевания Филиппин одним из главных источников доходов для колонизаторов была внешняя торговля. В этот период испанское правительство старалось реализовать планы проникновения на восточные рынки, служившие одной из главных целей испанской экспансии на Филиппины. Важнейшую роль в развитии филиппинской внешней торговли играла Манила, население которой быстро росло и к началу 90-х годов XVI в. достигло 30 тыс. У стен Интрамураса возникли торгово-ремесленные пригороды и села. В конце XVI в. Манила превратилась в центр двух основных направлений внешней торговли Филиппин — азиатского и американского. В Манилу стекались восточные товары (китайский шелк, фарфор, индийские ткани, ювелирные изделия, пряности и др.), пользовавшиеся огромным спросом на европейских и американских рынках. Они перекупались испанцами и отправлялись на галионах в Мексику, откуда частично экспортировались в Европу. Возвращаясь на Филиппины, испанцы везли сюда мексиканское серебро, которое почти не использовалось для нужд колониального хозяйства, а обильными потоками: устремлялось в Китай и другие азиатские страны, обмениваясь на новые партии восточных товаров.

Во внешнеторговом обороте Филиппин первое место занимал Китай, экспорт которого состоял из наиболее ценных в Европе предметов (шелк, фарфор). Ежегодно Манильский порт посещали по 200 и более судов, принадлежавших китайскому частному торговому капиталу, и это несмотря на проводившуюся минским правительством Китая политику ограничения морской торговли. Подобная политика китайских императоров

была связана с изменением общей обстановки в Юго-Восточной Азии (которая издавна входила в сферу экономических и политических интересов Китая) в результате экспансии европейских держав. Хотя в Китае, следуя древней имперской традиции, продолжали считать страны Юго-Восточной Азии вассалами Поднебесной, минские императоры были слишком слабы, чтобы отстаивать свои интересы в соседнем районе, — они были заняты в основном поисками способов ограждения собственно китайских территорий от натиска европейцев. Курс на всемерное ограничение внешнеторговых связей, ущемлявший интересы частных китайских торговцев, рассматривался китайским правительством именно как средство защиты от европейской экспансии. Одним из последствий этого курса был рост китайской эмиграции из южных и восточных приморских провинций Китая в страны Юго-Восточной Азии, где существовали более благоприятные условия для частной торговой инициативы.

Испанцы, захватив Манилу, обнаружили там всего несколько десятков китайских переселенцев. В 1588—1590 гг. китайская община в Маниле насчитывала уже около 10 тыс. человек, т. е. составляла треть ее населения. На рубеже XVI—XVII вв. на Филиппинах (в Маниле и портах Южного Лусона и Висайев) проживало 25 тыс. китайцев. В начале 80-х годов XVI в. китайцы были поселены в районе Манилы, получившем название Париа⁸, на расстоянии, как указывают испанские источники, «пушечного выстрела от Интрамураса» (к северу от испанского города). Манильские китайцы монополизировали посредническую торговлю, обеспечивая испанских колонистов восточными товарами для загрузки галионов, отправлявшихся в Мексику. В руках китайских переселенцев находились внутренняя розничная торговля и городское ремесленное производство.

Китайские иммигранты на Филиппинах (как и в других странах Юго-Восточной Азии) были лишены поддержки центрального правительства Китая, в котором преобладали сторонники ограничения внешних связей. Испанские же власти по мере увеличения китайской иммиграции стали относиться к китайским переселенцам с растущей настороженностью, усматривая в усилении их экономических позиций угрозу собственному влиянию. С начала XVII в., убедившись в отсутствии защиты китайского населения со стороны императорской власти, испанцы перешли к откровенно дискриминационной политике в отношении китайцев и к поощрению антикитайских настроений среди филиппинцев, которые выливались в периодически вспыхивавшие погромы, резню и т. п. В то же время испанцы были заинтересованы в сохранении в колонии китайского населения, учитывая посредничество китайцев во внешнеторговых операциях и обеспечение китайскими торговцами и ремесленниками потребностей колониального аппарата. Поэтому испанские власти, культивируя антикитайские настроения филиппинцев, поощряя время от времени открытые вспышки антагонизма, вместе с тем оставляли китайским переселенцам довольно широкие возможности для торговой инициативы, ремесленного производства и торгово-посреднической деятельности.

Во внешней торговле Филиппин важное место занимало также другое дальневосточное государство — Япония. Филиппино-японские торговые связи установились еще до появления на островах испанских колонизаторов. Центр торговли с Японией сложился в прибрежных районах Северного Лусона. Испанские «конкистадоры, завоеывая эти территории, обнаружили там несколько торговых пунктов (один из них — Лингаен — был даже назван испанцами Японским портом) и поселений японских колонистов, которые они уничтожили. Японские торговцы проникали и в Манилу. После завоевания Филиппин Испанией филиппино-японские торговые связи были прерваны. Но уже в 1584 г. по приказу филиппинского генерал-губернатора в японский порт Хирадо (на о-ве Кюсю) был отправлен испанский торговый корабль, встреченный

⁸ Название «Париан» произошло от китайского и означает «рыночная, или базарная, площадь».

вполне дружелюбно местными властями. С этого визита началось восстановление филиппино-японской торговли, центр которой переместился из северных районов Лусона в Манилу. До начала XVII в. торговые отношения с Японией развивались по восходящей линии, несмотря на официальную политику сегунов, направленную на ограничение контактов с европейцами и запрещение деятельности в стране испанских католических миссий. Для японских торговцев Филиппины представляли значительный интерес, главным образом как источник получения китайского шелка-сырца и шелковых тканей. Из Японии на Филиппинские острова ввозили пшеницу, другое продовольствие и оружие.

Что касается торговых отношений Филиппин со странами Юго-Восточной Азии, то в этом регионе испанцы с самого начала столкнулись с серьезной конкуренцией других европейских держав (Португалии и позже Голландии) и сопротивлением южных мусульманских султанатов, стремившихся удержать монопольные позиции в филиппино-индонезийской торговле. Тем не менее, по свидетельству испанских источников, Филиппины вели довольно оживленную торговлю со странами Индокитайского п-ова и с Индонезией при посредничестве китайских торговцев.

Торговля восточными товарами на американских рынках приносила колоссальные прибыли (до 1000%). В ней участвовали все группы испанских колонистов (генерал-губернатор, чиновники, военные, купцы и монахи). Доходы от внешней торговли служили главным источником личного обогащения и почти не использовались на нужды хозяйственного развития Филиппин. Расцвет внешней торговли продолжался в течение короткого периода — с начала XVII в. Испания перешла к политике экономической изоляции своих колоний и ограничения их внешнеторговых связей.

Глава IV

ФИЛИППИНЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

(XVII—XVIII вв.)

ИСПАНО-ГОЛЛАНДСКИЕ КОНФЛИКТЫ (1600-1648)

Семнадцатое столетие на Филиппинах началось с тревожных событий. Манила пережила сильное землетрясение, от которого пострадали стены и каменные здания Интрамураса и был до основания разрушен монастырь иезуитов. Мало того, два испанских галиона с богатыми грузами восточных товаров, отправленные из Манилы в Акапулько в начале 1600 г., были ограблены и потоплены английскими корсарами у берегов Мексики. Однако самое серьезное событие, поставившее под угрозу господство Испании на Филиппинах, произошло в октябре 1600 г., когда два голландских военных корабля под командованием адмирала ван Ноорта, войдя в Манильский залив, атаковали и блокировали столицу испанской колонии. Генерал-губернатор Филиппин Антонио де Морга мобилизовал для защиты города все имевшиеся на островах сухопутные и морские силы и с большим трудом отразил нападение голландцев. Ван Ноорт снял блокаду и отошел от берегов Филиппин лишь накануне нового, 1601 года.

Этот эпизод послужил началом продолжавшихся до середины XVII в. испано-голландских военных конфликтов, которые отражали изменения в международных отношениях в Юго-Восточной Азии.

На рубеже XVI—XVII вв. ведущая роль в колониальной экспансии перешла к торгово-капиталистическим странам Европы — Нидерландам и Англии. С конца XVI в. Нидерланды, а вслед за ними и Англия приступили к активной экспансионистской политике в бассейне Индийского и западной части Тихого океана, т. е. в тех районах, где были расположены основные центры португальской колониальной империи. Юго-Восточная Азия, в особенности территории Индонезии и Малайи, стала основной ареной борьбы Нидерландов с Португалией и Испанией (с 1580 г. Португалия находилась под властью

испанской короны). Проводником голландской колониальной политики была созданная в 1602 г. торговая Ост-Индская компания, наделенная широкими полномочиями.

Главным объектом ее устремлений в Юго-Восточной Азии были богатые пряностями Молуккские острова. Именно здесь развернулась острая борьба между голландскими и испано-португальскими силами. «Войну за пряности» выиграла экономически развитая Голландия, опиравшаяся на свое военное, морское и торгово-промышленное могущество и помощь местного населения, ненавидевшего португальцев и испанцев и неразобравшегося на первых порах в действительных целях голландцев. В начале XVII в. голландцам удалось создать сеть, торговых факторий в прибрежных районах Индонезии и к 1609 г. вытеснить португальцев с Молуккских островов. Вслед за этим Голландия перешла к территориальным захватам на о-вах Ява и Мадуро. До 1608—1609 гг., когда основные силы-голландцев были сосредоточены на Молукках, они ограничивались налетами на отдельные пункты Висайских островов и каперскими операциями в прибрежных филиппинских водах, наносившими ущерб испанской морской торговле. Укрепив позиции на Молукках, голландцы перешли к более активным действиям в отношении Филиппин, что было частью борьбы с испано-португальским влиянием в Юго-Восточной Азии. В 1609 г. голландская военная флотилия из пяти хорошо вооруженных судов под командованием адмирала Виттерта после сильного артиллерийского обстрела вошла в порт Илоило (на Панае), а затем направилась на север, в Манильский залив. В течение нескольких месяцев Манила была блокирована голландским флотом, но захватить столицу испанской колонии голландцы не смогли. Заслуга в организации обороны города принадлежала только что прибывшему на острова испанскому генерал-губернатору Хуану де Сильва, опытному и способному военачальнику, сумевшему выиграть решающее морское сражение с голландцами. В 1610 г. голландская флотилия ушла из Манильского залива. В последующие годы на Филиппинах были развернуты работы по военному укреплению столицы, В результате этих мер новые атаки голландского флота в 1616 и 1617 гг., ставившие целью захват Манилы, были отражены.

До конца 30-х годов XVII в. голландцы не возобновляли военных вторжений на Филиппины. В этот период военные силы Ост-Индской компании концентрировались в Индонезии, где с захватом в 1619 г. Джакарты (Батавии) Голландия начала проводить широкую колониальную экспансию. Ослабив прямое военное давление на Филиппины, голландцы продолжали теснить испанцев и португальцев на торговых путях и рынках Юго-Восточной Азии. В 20-е годы XVII в. была уничтожена монополия португальских и испанских купцов в торговле пряностями. От каперских налетов голландцев у берегов Китая и Филиппин страдали филиппино-китайские торговые связи и, следовательно, галионная торговля с Мексикой. В середине 20-х годов испанцы основали факторию на о-ве Тайвань, где выстроили укрепленный форт (в северной части острова) и удерживали его до 1642 г.

Голландия, упрочив свои позиции в Индонезии, в начале 40-х годов усилила борьбу за ликвидацию последних очагов испано-португальского влияния в Юго-Восточной Азии. В 1641 г. голландцы овладели Малаккой и добились от Португалии, незадолго перед тем отделившейся от Испании (1640), признания голландских колониальных захватов. В следующем году голландцы захватили Тайвань, изгнав с острова испанцев и перерезав пути поступления товаров из Южного Китая на Филиппины. С 1644 г. голландцы возобновили военные нападения на Филиппины. Опасное положение сложилось в 1645 г., когда голландская Ост-Индская компания отправила 12 военных кораблей для овладения столицей испанской колонии. Пять кораблей направились к северо-западному, илокооскому побережью Лусона, с тем чтобы перерезать путь китайским джонкам, следовавшим в Манилу с грузами азиатских товаров. Остальные блокировали прибрежные районы Южного Лусона, препятствуя выходу в открытое море испанских галионов.

Генерал-губернатор Филиппин отправил к северо-западному побережью Лусона два тяжелых тихоходных галиона, которые едва ли могли выдержать морское сражение с превосходящими силами противника. От поражения испанцев спас сильный шторм у берегов Илокоса, сильно потрепавший голландскую эскадру. Уцелевшие корабли соединились с флотилией, блокировавшей южное побережье Лусона. Спустя некоторое время блокада была снята, и голландская эскадра отошла от берегов Филиппин. Церковники поспешили объяснить «чудесное» спасение испанцев вмешательством Провидения, охраняющего католическую Испанию, и в память об этом событии ввели новое религиозное празднество на Филиппинах в честь святой девы дель Росарио — покровительницы мореплавателей.

Испанцы смогли продержаться до Вестфальского мира 1648 г., которым закончилась Тридцатилетняя война в Европе. Условия мирного договора содержали признание всех колониальных захватов Голландии. В Юго-Восточной Азии к голландцам отошли бывшие португальские владения, Филиппины же остались под властью Испании.

Возникает вопрос, почему Голландия, обладавшая явным торговым, промышленным и морским превосходством, не смогла в 1600—1648 гг. осуществить захват Филиппин, колонии отсталой феодально-абсолютистской Испании. Это объяснялось рядом факторов. Голландский торговый капитал был заинтересован прежде всего в Индонезии и Малайе, богатых прянощами и другими ценными колониальными ресурсами. Все основные военные силы голландцев концентрировались в районе Индонезии и Малайи, где Голландия вела борьбу на два фронта: против Португалии и Испании и против значительно более сильного и опасного соперника — Англии. На Филиппины голландская Ост-Индская компания отправляла сравнительно небольшие экспедиции, которые не располагали достаточными людскими и военно-техническими средствами для захвата Манилы, оплота испанского господства. В 40-е годы голландцы уже прочно обосновались в Юго-Восточной Азии и стали проявлять растущий интерес к китайской и японской торговле, что не могло не усилить угрозу голландской экспансии на Филиппины. Заключение в 1648 г. Вестфальского мирного договора предотвратило вполне возможный захват Филиппинского архипелага Голландией.

Борьба с голландцами требовала максимальных военных усилий испанских колонизаторов. Испанцы смогли удержать Филиппины в значительной степени благодаря мобилизации всех материальных и людских ресурсов колонии, введению чрезвычайно тяжелых форм государственно-крепостнической эксплуатации местного населения. В 1609—1610 гг. была установлена система принудительных отработок (поло), распространявшаяся на всех мужчин-филиппинцев от 16 до 60 лет. Каждый сельский округ (пуэбло) обязан был поставлять рабочую силу для строительства корабельных верфей, галионов, оружейных арсеналов, военных укреплений, дорог, мостов, для вырубki леса и т. п. Эти рабочие (полистас) должны были работать на государство 52 дня в году (на практике значительно больше), не получая никакого вознаграждения, кроме небольших пайков риса, собиравшегося в виде дополнительных натуральных налогов с крестьян. Руками филиппинцев были выстроены оружейные и морские арсеналы в Кавите и Аревало (Лусон), Илоило (Панай), на п-ове Биколь. На верфях в Кавите, например, было занято до 14 тыс. рабочих. Не менее тяжелой была введенная в те же годы система «бандала», предусматривавшая обязательную продажу крестьянами риса и других продовольственных продуктов государству. Фактически бандала превратилась в принудительную конфискацию продовольствия. Государственная казна, испытывая постоянный бюджетный дефицит, не расплачивалась с крестьянами за поставки, ограничиваясь выдачей расписок. Только за 1610—1616 гг. государство задолжало филиппинцам около 300 тыс. песо, к 1619 г. эта сумма возросла до 1 млн. Более всего от системы «поло» и «бандала» страдало население провинции Пампанги, примыкавшей к Маниле, богатой рисом и ценными породами древесины, используемой в судостроении. В

1610—1616 гг. сумма государственного долга жителям Пампанги составляла 70 тыс. песо, увеличившись к 1660г. до 200 тыс.

Сильнейшей эксплуатации подвергалось также население-тагальских районов Лусона, служивших одним из основных источников продовольственных поставок и людских ресурсов. В целом усиление колониального гнета в период испано-голландских конфликтов сопровождалось резким ухудшением положения народных масс. Голод, поражавший в те годы целые округа и провинции, и чудовищная эксплуатация на принудительных отработках вызывали рост смертности среди филиппинцев. Ежегодно только на строительных работах умирало по несколько тысяч рабочих-полистас.

За 1621—1655 гг. общая численность населения сократилась на 105668 человек — с 610918 человек до 505250. Эти годы были временем широкого распространения системы принудительного труда и натуральных поставок. Подобное уменьшение трудоспособного населения было одной из причин отмены системы «поло» и «бандала» в конце 60-х годов XVII в.

Угроза военного голландского вторжения потребовала усиления централизации управления и ускорила окончательное оформление административного устройства Филиппин. Прежде всего усиление централизации выразилось в расширении функций и укреплении позиций генерал-губернаторов, сосредоточивших теперь в своих руках всю полноту власти в колонии. Страна была поделена на провинции во главе с алькальдами (в чине военных капитанов). Провинции подразделялись на пуэбло (округа), а те, в свою очередь, на сельские волости — баррио, или барангаи. Управление округами и сельскими волостями было доверено филиппинцам — представителям местных имущих слоев, так называемой принсипалии. Во главе округов стояли капитаны пуэбло, выбиравшиеся раз в три года местной принсипалией под надзором приходских священников и алькальдов, Баррио возглавляли старосты — кабеса де барангай.

Обстановка на Филиппинах в период голландско-испанских конфликтов осложнялась военной угрозой со стороны южных султанатов.

«ВОЙНЫ МОРО» (1602—1718)

С началом голландской экспансии в Юго-Восточной Азии борьба филиппинских мусульман вступила в период нового-подъема. Сложившаяся обстановка, отвлечение внимания и сил испанцев от южных районов позволили моро перейти к активным наступательным действиям, рассчитанным на ослабление испанских позиций на Филиппинах, укрепление и расширение собственных территорий. Военно-стратегические планы правителей султанатов учитывали возможность получения военной помощи от голландцев как потенциальных союзников в борьбе против общего врага — испанцев.

В 1602—1605 гг. в результате нескольких военных экспедиций из Магинданао были разбиты испанские гарнизоны на Ка-ламианских островах и Восточных Висайях, вывезены большие партии военнопленных, местное население обложено данью в пользу султана. Испанские власти, поставленные перед необходимостью вести борьбу на два фронта — против голландцев и против мусульман, вынуждены были прибегать к сложным военно-дипломатическим маневрам в отношении моро, с тем чтобы обезопасить южные границы колонии. В 1606 г. удалось подписать мирный договор с султаном Магинданао. Его заключению в большой степени способствовала дипломатическая деятельность монаха-иезуита Мельчора Уртадо, отправленного на Минданао в качестве официального посланника испанского генерал-губернатора. Религиозные ордена проявляли вообще большой интерес к военным вопросам. Многие монахи были участниками военных операций против голландцев и моро, действовали как военные специалисты и советники. Испанские власти неоднократно прибегали к дипломатическому искусству монахов и их знаниям в военно-теоретической области. Им принадлежала, в частности, разработка планов военно-морской обороны Манилы и

создания укреплений на севере Минданао. В отношении моря особую активность проявляли иезуиты, занимавшиеся миссионерской деятельностью среди неисламизированного населения Северного Минданао.

Договор 1606 г. принес ненадолго спокойствие в районы испанских Филиппин, граничивших с мусульманскими территориями на Минданао. С 1608 г. период затишья сменился новой волной крупных военных операций моря на Висайях и Каламианских островах. Испанцы, отразив нападение голландского флота на Манилу, вступили в переговоры с султаном Магинданао, закончившиеся подписанием мирного договора весной 1609 г. В течение 25 лет правители Магинданао не предпринимали попыток организации крупных военных экспедиций против испанцев. Изменение их политики было связано с напряженной внутренней и внешней обстановкой в султанате — династическими войнами и обострением противоречий с соседними государствами на Калимантане и Сулу.

С другим южнофилиппинским султанатом, Сулу, военные конфликты продолжались. В первой четверти XVII в. во главе султаната стоял раджа Бонгсу, опиравшийся в борьбе против испанцев на военную помощь своего родственника, султана Брунея. Бонгсу одним из первых среди мусульманских правителей попытался заключить военный союз с голландцами (1614 г.). Последние, однако, не располагая в то время достаточными военными ресурсами, ограничились неопределенными обещаниями.

В 1615—1630 гг. моря Сулу провели несколько успешных военных кампаний, причем наиболее сильному разгрому подверглись прибрежные пункты провинции Камаринес и корабельные верфи в Кавите. Испанцы предприняли две ответные военные экспедиции в Сулу. В 1628 г. они сумели захватить столицу султаната — Холо, разрушили султанский дворец, мечети, захватили много золота и жемчуга. Султан со своими приближенными и частью населения города укрылся в крепости в горах, защищаясь от атак испанцев испанскими пушками, захваченными во время недавних набегов в арсеналах Камаринеса и Кавите. Испанцы не смогли овладеть крепостью и вынуждены были уйти на о-в Басилан (союзный Сулу). Вторая испанская экспедиция в 1630 г. закончилась поражением испанцев. Подойдя к Холо и не сумев захватить город, вновь отстроенный и хорошо подготовленный к защите, испанская эскадра ушла на север, понеся большие людские потери.

Новый этап борьбы филиппинских мусульман начался на рубеже 20—30-х годов XVII в. К этому времени был положен конец длившимся около двух десятилетий распрям и военным конфликтам между султанатами Магинданао и Сулу. Инициатором объединения сил филиппинского Юга выступил султан Магинданао Кударат, который вошел в историю моря как один из самых крупных и талантливых военачальников, искусный дипломат и политик, грозный враг испанских колонизаторов. С начала 20-х годов Кударат, унаследовавший султанский трон, повел энергичную борьбу с феодальной раздробленностью. В этот период он был заинтересован в мирных отношениях с испанцами. Кударат не только соблюдал условия договора 1609 г., но и получал неоднократно военную помощь от испанцев, используя ее в борьбе с непокорными дато. К концу 20-х годов Кударату удалось одержать верх над внутренними противниками, объединить страну, распространив свою власть над большей частью территории Центрального и Южного Минданао. Тогда же он сумел убедить правителей Сулу в необходимости установления союзнических отношений, скрепленных в 1632 г. женитьбой его сына на дочери султана Сулу.

В результате были созданы благоприятные условия для организации военной кампании против испанских колонизаторов, которых Кударат считал главными и самыми опасными врагами, угрожавшими независимости моря. Первоначально в его военно-политических планах значительное место отводилось налаживанию контактов с голландцами, возможности использования их военной помощи в борьбе с испанцами.

Руководители голландской Ост-Индской компании были заинтересованы в развитии связей с правителями филиппинских султанатов, так как рассчитывали подчинить их своему контролю и распространить влияние Голландии на южные районы Филиппин. Переговоры Кударата с представителями Ост-Индской компании (1628—1630 гг.) о получении голландской военной помощи раскрыли перед ним колонизаторские замыслы голландцев. Он стал по-иному относиться к ним — не как к возможным военным союзникам, а как к враждебной иноземной силе, подобной испанцам и португальцам. Понимая, что непосредственную угрозу независимости его страны представляют испанские колонизаторы, Кударат выработал осторожную и гибкую тактику в отношении голландцев. Поддерживая мирные отношения с Ост-Индской компанией, поощряя коммерческую деятельность голландцев в Магинданао, в отдельных случаях даже используя их военную помощь, он вместе с тем старательно избегал таких ситуаций (в результате переговоров, соглашений и т. п.), которые могли бы создать условия для голландского военно-политического проникновения в султанат.

Итак, в начале 30-х годов XVII в. испанские колонизаторы на Филиппинах оказались лицом к лицу с сильным централизованным государством у южных границ колонии, укрепленным союзом с Сулу и возглавлявшимся опытным и искусным политиком и военачальником. В 1634 г., прервав договорные отношения, Кударат начал открытую военную кампанию против испанцев. Объединенный флот Магинданао и Сулу, насчитывавший до 1,5 тыс. судов, под командованием Кударата совершил нападение на Дапитан — центр миссионерской деятельности иезуитов в Северном Минданао, на о-ва Бохоль и Лейте, нанеся сокрушительный удар по испанским силам.

Этот новый период «войн море», начавшийся в 1634 г. и продолжавшийся почти 30 лет (до 1663 г.), был временем наиболее крупных по масштабам военных операций как со стороны море, так и испанцев. Военно-стратегическими планами море руководил Кударат, который вел борьбу с целью сохранения государственной, политической и религиозной целостности мусульманских районов и стремился распространить свое влияние на всю территорию о-ва Минданао. Фактором, благоприятствовавшим море, было голландское присутствие в Юго-Восточной Азии и в особенности продолжавшиеся до конца 40-х годов XVII в. военные испано-голландские конфликты на Филиппинах. Испанские колонизаторы, вынужденные вести борьбу на два фронта, одновременно с карательной политикой «железа и крови» в отношении мусульман прибегали к политическим и дипломатическим приемам, старались использовать противоречия внутри феодальной верхушки в султанатах, натравливать друг на друга враждующие группировки, привлекая на свою сторону отдельных мусульманских правителей. Как и в предшествующий период, во всех военных кампаниях и особенно в дипломатической деятельности испанцев активнейшую роль играли монахи-иезуиты. Военные кампании против море велись под лозунгом христианизации мусульманского и немусульманского населения Магинданао и Сулу.

В 1634 г., сразу после атаки мусульманского флота, иезуиты потребовали у генерал-губернатора строительства укрепленного испанского форта на северо-западном побережье Минданао.

Испанцы выстроили такой форт в Замбоанге (поблизости от старой испанской крепости Ла Кальдера) в 1635 г. Форт защищали артиллерийские орудия, гарнизон из 300 испанцев и около тысячи солдат-висайя. Из Замбоанги стали отправляться эскадры для нападения на море (прежде они формировались в более удаленных от мусульманских районов Висайев).

В конце 30-х годов испанские колонизаторы провели несколько наступательных операций против море. Военной кампанией руководил генерал-губернатор Себастьян Уртадо де Коркуэра, выдвинувший весьма амбициозный план покорения море: пленение Кударата и султана Сулу, разрушение мусульманских фортов и укреплений, «замирение» Минданао и христианизация населения Магинданао и Сулу. Честолюбивым замыслом

Коркуэры не суждено было осуществиться, хотя испанцам в 1637 г. удалось нанести поражение войскам коро в районе оз. Ланао на Минданао (входившем в султанат Магинданао) и тяжело ранить Кударата. Местные жители (ирануны) сумели переправить Кударата во внутренние горные районы, куда ушли и отряды его воинов (около 2 тыс.). Таким образом, Кударат сохранил значительные военные силы. Коркуэра назначил вознаграждение в 4 тыс. песо тому, кто выдаст Кударата живым или мертвым, но среди коро не нашлось ни одного предателя.

Иначе, чем предполагал Коркуэра, развертывались военные операции в Сулу. Отправленная в январе 1638 г. из Замбоанги сильная военная эскадра приблизилась к Холо, но нашла город пустым: султан, его приближенные и все население скрылись в крепостях на соседних островках. Испанцы заняли город, где вскоре началась сильная эпидемия холеры. В апреле 1638 г. испанские корабли ушли в Замбоангу. Коркуэра приказал выстроить в Холо форт и оставил там 400 солдат и двух монахов-иезуитов. Одним из них был Алехандро Лопес, к дипломатическому искусству которого впоследствии не раз обращались испанские генерал-губернаторы.

Кударат, занятый тогда консолидацией мусульманских сил, подписал в 1639 г. мирный договор с испанцами, действовавший до 1642 г. В начале 40-х годов Кударат не только восстановил свою власть, но и значительно расширил границы султаната — почти на всю территорию о-ва Минданао.

Возобновившиеся с 1642 г. военные столкновения между испанцами и войсками Кударата свидетельствовали о явном перевесе сил мусульман. Как нельзя кстати для Кударата был испано-голландский военный конфликт 1645 г., поставивший испанцев в чрезвычайно сложное положение. Сменивший Коркуэру генерал-губернатор Алонсо Фахардо отказался от агрессивной тактики своего предшественника, стараясь добиться хотя бы временного мира с опасным и сильным южным соседом — султаном Кударатом. С дипломатической миссией в Магинданао был отправлен иезуит Алехандро Лопес, которому удалось подписать мирный договор с Кударатом в июне 1645 г. Согласно договору, испанцы признали власть Кударата на Минданао — к востоку от Замбоанги до залива Давао и в горных районах на территории современных провинций Котабато и Букиднон.

В отношении Сулу испанские колонизаторы проводили политику «подчинения или смерти» — истребления местного населения, разрушения поселений, уничтожения посевов, угона пленных. В 1639—1643 гг. они отправили несколько крупных карательных экспедиций на архипелаг Сулу, которые необычайно жестоко расправились с местным населением. В 1644 г. султан Сулу, скрывавшийся от преследования испанцев на о-ве Тави-Тави, отправил посланников в Батавию с дарами голландскому губернатору и просьбой о военной помощи.

Голландцы пообещали военную помощь, но предоставили ее спустя год, когда повели наступление на испанские владения на Филиппинах. Голландские войска высадились в Холо и начали осаду испанского форта. Хотя они и не сумели захватить его, тем не менее нанесли серьезный урон испанцам. Военный совет в Маниле, учитывая голландское вторжение на Лусон, принял решение об оставлении форта в Холо и переброске испанских войск в столицу для борьбы с голландцами. Одновременно в Холо был направлен Алехандро Лопес для переговоров о мире. Вначале султан отказался принять испанского посланника, но затем дипломатическое искусство иезуита одержало верх, и в 1646 г. был подписан мирный договор.

В 50-х годах обстановка на юге Филиппин складывалась явно в пользу Кударата, добившегося внутренней и внешней стабилизации султаната. Испанские власти вынуждены были считаться с влиятельным мусульманским правителем, оставляя без последствий очевидные антииспанские акции Кударата — запрещение деятельности католических миссионеров на территории султаната, пограничные конфликты, пиратские экспедиции коро на Вьсайи и т. п. — и время от времени посылая Алехандро Лопеса для

урегулирования отношений с южным соседом. Одна из таких поездок оказалась роковой для иезуита. Кударат, недовольный содержанием послания испанского генерал-губернатора, привезенного Лопесом, приказал убить монаха. Султанский приказ выполнили воины вассального княжества Буайяна, сопровождавшие Лопеса на обратном пути в Замбоангу.

Кударат в конце 50-х годов начал подготовку к новой военной кампании против испанцев, разослав письма султанам Сулу, Тернате, Брунея и Макасара с призывом объединить силы и объявить «священную войну» испанским колонизаторам. Однако реальным оказался лишь союз с султаном Сулу Бахтиаром, да небольшие военные подкрепления прислал Кударату султан Тернате. Планировавшаяся Кударатом широкая военная кампания против испанцев так и не была осуществлена из-за его болезни, а также из-за неожиданного ухода испанцев из Замбоанги в 1663 г., позволившего султану без всяких усилий распространить свою власть на всю территорию Минданао, включая и бывшие испанские владения¹. Кударат умер в 1671 г. в возрасте, близком к 90. В последние годы жизни местные жители считали его святым, среди них была распространена вера в некую магическую силу, которой обладал султан.

Последующие несколько десятилетий были периодом развития мусульманского юга Филиппин в условиях внешнего мира. Преемники Кударата, намного уступавшие ему в авторитете и влиянии, были заняты главным образом внутренними распрями, борьбой за власть и безуспешными попытками восстановления торговых позиций моро в островной части Юго-Восточной Азии, подорванных голландцами. Захватив монополию в торговле пряностями, голландские колонизаторы проводили политику ограничения деятельности местных торговцев, не допускали их на территорию голландских владений и в те султанаты и княжества, которые находились в договорных отношениях с Ост-Индской компанией. В результате голландской экспансии торговые связи Магинданао и Сулу с соседними районами Юго-Восточной Азии резко сократились.

Обстановка на юге Филиппин изменилась к началу 20-х годов XVIII в., после того как в 1718 г. испанские власти под сильным нажимом иезуитов восстановили форт в Замбоанге и по настоянию монахов-реколетов отстроили крепость Лабо на Палаване. Возвращение испанцев на территории мусульман нарушило продолжительный мир между испанскими Филиппинами и южными султанатами. Вплоть до 60-х годов XVIII в. моро Магинданао и Сулу совершали непрерывные рейды против испанцев, стремясь вытеснить их из района Замбоанги. Военные операции моро в целом были неудачны, но и попытки испанцев проникнуть во внутренние районы Минданао и захватить Сулу были столь же безрезультатны.

АНГЛИЙСКАЯ ОККУПАЦИЯ МАНИЛЫ И ПОЛОЖЕНИЕ НА ЮГЕ АРХИПЕЛАГА

С середины XVIII в., по мере расширения английских колониальных захватов в Азии, территориальное положение Филиппинского архипелага на подступах к Китаю и у границ голландских владений в Юго-Восточной Азии стало привлекать внимание английской Ост-Индской компании. В поисках наиболее удобных и безопасных морских путей из Индии (где к этому времени Англия уже захватила ряд территорий) в Китай руководители Ост-Индской компании предусматривали создание опорных пунктов в районе Малайи и Филиппин, с помощью которых могли бы осуществляться постоянные связи между индийскими владениями и торговыми факториями англичан в Кантоне. В 50-

---

¹ Уход испанцев из Замбоанги был связан с угрозой нападения на Манилу китайских пиратов с Тайваня, во главе которых стоял Ко-синг (Koxinga), располагавший крупным флотом. Генерал-губернатор Филиппин решил сконцентрировать военные силы для обороны столицы. Несмотря на сопротивление иезуитов, испанский гарнизон был отправлен из Замбоанги на север. Жители-христиане ушли вслед за солдатами. Замбоанга превратилась в небольшое поселение самалов, подвластных султану Магинданао.

е годы английские торговые суда совершали разведывательные плавания через Малаккский пролив к Филиппинам и оттуда через Тайвань к берегам Южного Китая. Возникали и планы военного захвата Манилы, с тем чтобы получить ключи от двух важнейших направлений колониальной торговли (азиатской и американской) и базу для проникновения на китайские рынки.

Англичане попытались овладеть испанской колонией в период Семилетней войны (1756—1763), вспыхнувшей из-за крайнего обострения противоречий между Англией и Францией. Испания в 1761 г. присоединилась к «семейному пакту» — военному антианглийскому союзу французских, итальянских и испанских Бурбонов — и в начале 1762 г. объявила войну Англии. К этому времени у англичан уже был готов план завоевания Филиппинских островов. Инициаторами всего предприятия были руководители английской Ост-Индской компании, в руки которых должна была перейти власть над оккупированной территорией Филиппин. Английская военная эскадра под командованием У. Дрэйпера была отправлена из Мадраса в сентябре 1762 г. Англичане предполагали захватить Манилу и постепенно оккупировать всю территорию архипелага. Первая половина плана — завоевание столицы испанских Филиппин — была без труда осуществлена английскими войсками. Появление в Манильской бухте в конце сентября 1762 г. английской эскадры оказалось полной неожиданностью для испанцев. Сведения о войне с Англией еще не дошли до Филиппин, и испанские власти оставались в неведении о происходящих в Европе событиях. Архиепископ Мануэль Рохо, исполнявший обязанности генерал-губернатора, военные и городские власти, проявив полную неспособность к организации обороны, сразу сдались английскому командованию. Английские солдаты, привыкшие к колониальному разбою и насилиям в Индии, подобным же образом повели себя в захваченной Маниле. Лишь с официальным подписанием договора о капитуляции (30 октября) в городе был наведен некоторый порядок. После подписания капитуляции военную администрацию сменили представители английской Ост-Индской компании во главе с генерал-губернатором Д. Дрэйком. Последний слабо разбирался в административных и военных вопросах, не пользовался авторитетом у подчиненных, заботясь в основном о личном обогащении, и в конце концов был изгнан со своего поста собственным губернаторским советом (1764 г.) за административную бездарность и слишком явные злоупотребления. Коррупция процветала среди английских чиновников и военных, гражданские и военные власти пребывали в состоянии длительного конфликта из-за дележа испанской контрибуции, уплата которой была оговорена в условиях договора о капитуляции.

В годы английской оккупации усилилось и без того тяжелое положение простых филиппинцев. В Маниле и окрестных районах население подвергалось двойному гнету — со стороны испанцев и новых колонизаторов — англичан. Помимо прежних налогов, установленных испанскими властями, жители Филиппин обязаны были платить многочисленные налоги в пользу английской администрации.

В договоре о капитуляции указывалось, что «все острова, зависимые от Лусона и Манилы... и находящиеся под властью Его Католического Величества», должны быть переданы «Его Британскому Величеству» вплоть до решения их судьбы после окончания войны и подписания мира между воюющими сторонами. Однако англичанам не удалось распространить свою власть даже на территорию Лусона. Продвижению английских войск мешали отряды сопротивления, организованные испанским чиновником Симоном де Анда, который бежал из Манилы в провинцию Булакан незадолго до сдачи города англичанам. Благодаря своей энергии и военным способностям Анда за короткий срок собрал значительные силы (до 6 тыс.) из местного населения (главным образом жителей провинции Пампанга и Булакан), сформировав несколько отрядов. Активную помощь Анда оказывали испанские монахи, опасавшиеся за свои позиции в колонии в случае ее отторжения от Испании. Филиппинских крестьян привлекала и умелая тактика Анда, в частности проведенное им освобождение от наиболее тяжелых феодальных повинностей.

Избегая крупных сражений, отряды Анда тревожили постоянными набегами войска англичан, расположенные в окрестностях Манилы, препятствуя их продвижению за пределы столицы.

Семилетняя война закончилась в 1763 г. внушительной победой Англии над ее главным соперником — феодально-абсолютистской Францией, вынужденной отказаться от своих владений в Индии. В результате войны были подорваны и колониальные позиции Испании. По условиям Парижского мирного договора, подписанного в марте 1763 г., англичане отторгнули от Испании Флориду и добились ряда торговых привилегий на южноамериканских рынках.

Оккупация Манилы была лишь незначительным эпизодом в истории английской колониальной экспансии. Нанеся удар Испании на Американском континенте, англичане в 1764 г. вернули Манилу испанцам (эвакуация английских войск с Филиппин закончилась в 1765 г.). Для испанцев военные события 1762—1764 гг. послужили серьезным уроком. Они продемонстрировали военно-экономическую слабость Испании, незащищенность азиатской колонии от иностранных вторжений.

Тревогу испанцев вызывала обстановка на юге архипелага. Еще до нападения англичан на Манилу английская Ост-Индская компания предприняла попытку проникнуть в султанат Сулу и укрепить там свои позиции. Английская политика в южных районах Филиппин также была связана с замыслами англичан по созданию опорных баз на морских путях из Индии в Китай. В январе 1761 г. в Холо прибыл секретарь мадрасского совета Ост-Индской компании Александр Далримпл и подписал договор «О дружбе и торговле» с султаном Муэзуддином, ратифицированный в сентябре 1761 г. Согласно этому договору, Ост-Индская компания получила территорию для строительства фактории и селтльмента и обязательство от султана не допускать в страну европейских торговцев, за исключением англичан. Ост-Индская компания обязалась оказывать военную помощь Сулу в случае военных конфликтов с испанцами или голландцами. Далримплу удалось также заключить дополнительный сепаратный торговый договор с одним из местных влиятельных дато, по условиям которого английская Ост-Индская компания должна была доставлять ему товары из Индии.

Спустя год, в сентябре 1762 г., Далримпл добился новой важной уступки от султана—передачи англичанам о-ва Баламбанган, оживленного торгового центра архипелага. По планам англичан, Баламбанган должен был стать опорным пунктом английской торговли с Китаем. В январе 1763 г. над островом был поднят британский флаг.

Захват Манилы способствовал вмешательству англичан в отношения между султанатом и испанскими властями. Ко времени английского вторжения в Маниле в качестве пленников испанского генерал-губернатора находились султан Сулу Алимуддин I и его сын — Мухаммед Изразль. В 1748 г. Алимуддин I был обвинен в происпанской политике и свергнут с престола одной из влиятельных феодальных группировок во главе с его собственным братом — дато Бантиланом (султан Муэзуддин).

В результате переворота 1748 г. Алимуддин I с семьей бежал в Замбоангу и оттуда как гость испанского генерал-губернатора был переправлен в Манилу. Он выразил желание перейти в христианскую веру, изучал католическую доктрину у образованных иезуитов и в 1750 г. был крещен. Его сын, Мухаммед Изразль, получил испанское религиозное образование. В то же время в условиях общего ухудшения отношений с Сулу попытки Алимуддина вернуться на родину и восстановить свою власть были расценены испанской администрацией как предательство. В 1751 г. султан был арестован и заключен в манильский форт Сант-Яго.

В конце 50-х годов испанцы организовали несколько карательных экспедиций в Сулу, заставив находившегося в то время у власти султана Муэзуддина подписать мирный договор. С начала 60-х годов, когда в султанате появились англичане, султан Муэзуддин перестал считаться с условиями договора и повел вновь враждебную испанцам политику.

Между тем в Маниле архиепископ Мануэль Рохо, занявший в 1761 г. пост генерал-губернатора Филиппин, разрешил выехать на родину всем находившимся в плену мусульманам из приближенных султана, оставив в качестве заложников Алимуддина I и Мухаммеда Израэля. Они были переселены из форта Сант-Яго в Манилу, им разрешили иметь слуг и дали специальную денежную пенсию. Незадолго до падения Манилы султану с сыном удалось перебраться в провинцию Тайабас, где Алимуддин повел переговоры с Симоном де Анда о возвращении на родину. Анда отказал ему и направил султана в свою штаб-квартиру в провинции Пампанга. Но вместо этого султан отправился в Манилу, прося защиты у английских оккупационных властей. Англичане охотно приняли султана, поселили его в Интрамуресе, предоставили ему карету и ежемесячное денежное пособие в сумме 100 песо. Переговоры с английскими властями продолжались до осени 1763 г. За это время Сулу Далримпл подписал серию договоров с новым султаном Алимуддином II, сменившим Муэзуддина, которые подтверждали передачу англичанам о-ва Баламбангана и новых территорий на юге Палавана и в Северном Калимантане. В октябре 1763 г. Далримпл появился в Маниле, где встретился с Алимуддином I, обещая ему возвращение на родину и восстановление на троне в обмен на полное одобрение Алимуддином всех договоров, подписанных между английской Ост-Индской компанией и султанатом. В мае 1764 г. Алимуддин I на английском корабле прибыл в Холо после 16-летнего изгнания и плена и был восстановлен на троне. В июле 1764 г. он согласился помимо подтверждения всех прежних договоров передать в аренду английской Ост-Индской компании ряд новых территорий в Северном Калимантане.

В то время как Англия не завладела еще такими важными центрами региона, как Сингапур, Малакка, Пуло-Пенанг, английские территории на архипелаге Сулу и Северном Калимантане служили опорной базой Ост-Индской компании на морских путях в Китай.

Англия нанесла удар по колониальным позициям Испании и Голландии, которые были бессильны против английской экспансии в Юго-Восточной Азии.

Глава V

ФИЛИППИНЫ В СОСТАВЕ ИСПАНСКОЙ ИМПЕРИИ

(XVII—XVIII вв.)

ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В XVII—XVIII вв. Испания утратила былое морское и колониальное могущество и превратилась во второстепенную европейскую державу. В то время как передовые страны Западной Европы вступили на путь капиталистического развития, в Испании продолжала господствовать феодально-абсолютистская монархия, которую Маркс сравнивал с наиболее реакционными «азиатскими формами правления». Испанская колониальная политика основывалась на устарелых средневековых методах эксплуатации. Удаленные от основных центров Испанской империи, Филиппины были самым отсталым и бедным периферийным владением Испании, отданным на разграбление горстке чиновников и монахов.

Удаленность Филиппин от метрополии и остальных частей империи создавала особо благоприятные условия для произвола колониальных властей. Бюрократический централизм, на основе которого строилась система административного управления в колониях, сочетался здесь с бесконтрольной, по существу, властью колониальных чиновников над филиппинским населением.

С точки зрения служебной карьеры назначение в далекую азиатскую колонию расценивалось испанцами весьма низко. Испанские чиновники и военные приезжали на острова на небольшие сроки (не превышавшие в среднем пяти-шести лет), стараясь использовать свое пребывание в колонии главным образом для личного обогащения. Любая административная должность, начиная с поста генерал-губернатора, служила

источником огромных доходов, добывавшихся всевозможными незаконными способами (участие в спекулятивных коммерческих сделках, ростовщических операциях, взяточничество, вымогательства и пр.). Попытки мадридских властей как-то ограничить злоупотребления колониальной администрации с помощью ревизий из метрополии, расследований деятельности генерал-губернаторов, их частых замен не могли исправить существующего положения. Коррупция в среде колониальных чиновников была лишь одним из проявлений пороков общей системы испанского колониализма.

Колонизация Филиппин Испанией на первых порах ускорила утверждение на островах исторически более прогрессивного общественного строя — феодализма. Однако чем дальше, тем больше испанский колониализм превращался в тормоз развития производительных сил, способствовал экономическому застою в колонии. На филиппинской экономике пагубно отражалась политика экономической изоляции колониальных владений, проводившаяся Испанией в XVII—XVIII вв. Теснимая передовыми капиталистическими странами, испанская монархия с помощью искусственного ограничения торговых связей колоний (с метрополией и между самими колониями) пыталась удержать монопольные позиции в своих владениях. До 80-х годов XVIII в. между Филиппинами и Испанией были запрещены прямые торговые отношения. Торговля с американскими колониями ограничивалась отправкой из Манилы в мексиканский порт Акапулько ежегодно двух галионов с грузами азиатских товаров. Манильский порт был закрыт для иностранных торговцев, за исключением китайских, снабжавших испанцев восточными товарами для загрузки галионов. По королевскому указу 1605 г. — первому из серии законов XVII—XVIII вв., регламентировавших галионную торговлю, — объем грузов, отправляемых в Мексику, не должен был превышать 300 т, а их стоимость — 250 тыс. песо. Соответственно стоимость ввоза из Мексики должна была быть не более 500 тыс. песо. В состав товаров, разрешенных для вывоза в Акапулько, были включены китайские шелковые и индийские хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия китайской и индийской работы, пряности и китайский фарфор.

Галионная торговля служила одним из основных источников обогащения колонизаторов. По существовавшим законам, определенный процент (в XVII — начале XVIII в. — 17%) от стоимости реализованных в Мексике товаров поступал в королевскую казну (так называемая королевская пошлина). Остальные доходы шли генерал-губернатору, чиновникам, монахам и коммерсантам, пользовавшимся официальным правом загрузки галионов. Однако наибольшие прибыли приносила реализация товаров, отправлявшихся в Мексику контрабандным путем, в обход ограничений и регламентации. Объем и стоимость грузов манильских галионов намного превышали установленные нормы. Объем их, как правило, был не менее 1000 т, а ввоз серебра из Мексики исчислялся суммами в 3—4 млн. песо.

В XVII в. галионная торговля процветала. Она была несколько омрачена лишь в период испано-голландских конфликтов, когда блокада Манильского порта мешала отправке галионов, а голландские каперы перехватывали китайские джонки на пути к Маниле. Но уже в начале XVIII в. стали обнаруживаться явные признаки кризиса, связанные с общим упадком испанской колониальной империи. Капиталистические страны Европы усилили натиск на американские владения Испании. Наплыв дешевых товаров из Европы ударил по галионной торговле. Возможности реализации в Мексике азиатских товаров стали сокращаться. Галионы постоянно возвращались из Акапулько с грузами нераспроданных китайских и индийских тканей, не находивших сбыта из-за конкуренции с дешевой английской текстильной продукцией.

Искусственная экономическая изоляция Филиппин способствовала консервации отсталых методов колониальной эксплуатации. Испанские колонизаторы не проявляли заинтересованности в развитии колониальной экономики, освоении природных ресурсов архипелага. Примечательно, что товары местного происхождения составляли

ничтожную часть грузов, отправлявшихся на галионах. В отличие от колоний Англии и Голландии на Филиппинах не развивалось производство колониальных экспортных культур, которые пользовались спросом на европейских и американских рынках.

Основой колониальной экономики было сельское хозяйство, его главной отраслью — рисоводство. Филиппинские крестьяне выращивали рис старыми, унаследованными от предков способами. Наиболее высокие урожаи этой культуры собирались в «рисовых» провинциях Центрального Лусона — Булакане, Пампанге, Нуэва-Эсихе, снабжавших рисом Манилу и северные районы Лусона. На Висайях центром рисоводства был о-в Панай, уступавший по производству риса лишь Центральному Лусону. Сохранялись традиционные отрасли хозяйства — рыболовство, морские промыслы, огородничество, разведение птицы и свиней.

Испанские монахи ввезли на архипелаг из американских колоний некоторые культуры, до того неизвестные филиппинцам, впоследствии получившие там значительное распространение (кукуруза, помидоры, какао, гуава, папайя). Монахи пытались развить на Филиппинах мясо-молочное животноводство. Первые скотоводческие фермы (ранчери) появились в поместьях иезуитов. Однако мясо-молочное животноводство так и не получило на архипелаге значительного развития.

В первой половине XVII в. окончательно сложилась система землевладения. Основным типом феодального владения была асьенда (поместье). Ордена образовывали слой наиболее крупных коллективных феодальных землевладельцев. Первоначально основным источником формирования орденского землевладения служили королевские пожалования. Короли передавали орденам обширные территории с правом наследования и отчуждения на условии ежегодной уплаты так называемой наследственной десятины в денежной или натуральной форме в пользу короны как верховного собственника земли. Со временем уплата десятины приобрела номинальный характер, и уже к середине XVII в. земли, пожалованные орденам, превратились фактически в их собственность. В XVII—XVIII вв. орденское землевладение росло за счет скупки пустующих угодий из разряда коронных, приобретения земли с помощью ростовщических операций, захвата крестьянских участков.

Категория помещиков-испанцев была крайне малочисленной. Среди асендеро-испанцев выделялись генерал-губернаторы, владевшие обширными и богатыми земельными угодьями в окрестностях Манилы.

В XVII—XVIII вв. довольно интенсивно шел процесс формирования слоя помещиков-филиппинцев из представителей местной имущей верхушки (принсипалия), которые, подобно монахам, расширяли свои земельные владения главным образом за счет крестьянских земель и скупки невозделанных участков.

Широкое распространение на Филиппинах получило также мелкое частное крестьянское землевладение. Объяснялось это наличием обширных территорий свободных земель, формально относившихся к разряду коронных. Сравнительно малочисленное население колонии было не в состоянии возделывать все пригодные для обработки земли. Крестьянин мог превратить в свое владение любой невозделанный участок и сохранял право владения, пока он или его наследники обрабатывали эту землю. Если участок в течение трех лет оставался невозделанным, то крестьянин терял на него право и земля снова переходила в разряд коронной.

Накануне испанского завоевания феодальные методы эксплуатации получили распространение лишь в наиболее развитых центрах Лусона и Висайев. С приходом испанцев они утвердились на всей территории страны. В XVII—XVIII вв. основной формой эксплуатации в орденских поместьях и асьендах испанских и местных помещиков была издольщина. Размеры арендной платы (в виде определенной доли урожая с арендуемого участка), вносимой помещику — собственнику земли, зависели от обеспеченности крестьян-арендаторов средствами производства (рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, посевной материал и т. п.). Со второй половины XVIII

в господствующим типом издольной аренды на Лусоне стала «ка-самахан» (касама по-тагальски — издольщик), при которой крестьянин-арендатор отдавал помещику от двух пятых до половины урожая. Подобного же типа арендные отношения получили развитие и на Висайях, где издольная аренда на местных языках называлась «акса».

Издольная аренда сопровождалась закабалением арендаторов. Обыкновенно крестьяне брали в долг у помещика посевной рис в счет будущего урожая на условии уплаты высокого, ростовщического процента. После того как крестьянин возвращал долг и отдавал помещику определенную долю урожая в качестве арендной платы, оставшегося для потребления риса не хватало до следующего урожая. Крестьяне были вынуждены прибегать к новым займам, оказываясь в результате в наследственной долговой кабале у помещиков.

Феодальная эксплуатация основной массы филиппинских крестьян — мелких землевладельцев осуществлялась в форме государственных барщинных отработок. Сорок дней в году крестьяне должны были участвовать в работах, требовавших большой затраты рабочей силы, — в сооружении государственных зданий, церквей, военных укреплений, вырубке леса, ремонте и строительстве дорог и мостов и т. п. Отработочные повинности были особенно обременительны из-за злоупотреблений администрации (превышение сроков барщинных повинностей, установленных законом, использование крестьянского труда представителями властей для своих личных нужд и т. д.).

Местное население, за исключением узкого имущего слоя, обязано было платить ряд налогов в пользу короны и церкви. Основу налогообложения составлял единый подушный налог — трибуто (введенный в 1581 г. и отмененный только в 1884 г.), которым облагались все мужчины и женщины с 16 до 60 лет. Подсчет от сбора подушного налога производился по барангаям, обязанным предоставлять в качестве трибуто определенную денежную сумму или эквивалентное количество продуктов. Непосредственно за сбор трибуто отвечали старосты барангаев, назначавшиеся из местной деревенской верхушки. Они передавали полученные поступления алькальдам, которые отправляли их в казну. Налог уплачивался ежегодно в три срока. Размер трибуто в XVII—XVIII вв. составлял 10 реалов (1 песо) для филиппинцев и 20 реалов для китайцев. Сама по себе эта сумма была небольшой, но со сбором трибуто были связаны многочисленные злоупотребления администрации, превратившие его в одну из самых тяжелых повинностей.

По системе подушного обложения собирались два других налога — комунидад, поступления от которого шли на создание общественных фондов в пуэбло (в действительности расхищавшиеся чиновниками), и санкторум, взимавшийся в пользу церкви. Кроме этих трех основных налогов существовали десятки разнообразных поборов, нередко произвольно вводившихся местными властями.

Филиппинские народные массы страдали и от эксплуатации ростовщиков. Ростовщическими операциями занимались чиновники колониального аппарата (начиная с генерал-губернаторов и алькальдов, действовавших через посредников-китайцев), монахи, китайские торговцы и представители местной принсипалии. Главными жертвами ростовщической эксплуатации были филиппинские крестьяне. Чаще всего ссужался рис. Крестьяне, как правило, были не в состоянии выплачивать долги в установленные сроки, теряя имущество, дом, землю. Ростовщические операции, при которых за долги у крестьян отбирались земельные участки, служили одним из источников роста орденового и местного помещичьего землевладения. Это явление получило особенно широкое распространение в годы испано-голландских конфликтов, когда система принудительных натуральных поставок (бандала) жестоко ударила по крестьянским хозяйствам. Существовала практика купли-продажи крестьян, попавших в кабалу к помещикам-ростовщикам и оказавшихся в положении долговых рабов, которая была запрещена в 1692 г. королевским указом. Однако различные формы долговой зависимости сохранялись и в последующие периоды испанского колониального режима.

При господстве феодальных методов эксплуатации колониальное хозяйство сохраняло натуральный характер. В сельской местности преобладало домашнее деревенское ремесленное производство (ткачество, гончарное, плотничье дело и т. д.), удовлетворявшее хозяйственные нужды населения пуэбло и барангаев. До XIX в. филиппинские города представляли собой военно-административные и религиозные центры. Крупнейшим из них была Манила. Столица служила резиденцией колониального правительства, архиепископа, руководства орденов и военных властей. Торговля и городское ремесленное производство находились в руках китайских иммигрантов, обслуживавших испанских колонизаторов. Небольшие китайские общины существовали также в портовых городах Висайев (на о-вах Себу и Панай). Китайские торговцы проникали и во внутренние районы архипелага, доставляя товары местному населению. Помимо ремесла и розничной торговли китайцы занимались посредническими сделками, связанными с галионной торговлей и ростовщичеством. Время от времени власти принимали законы, направленные к ограничению деятельности китайского торгового капитала и сокращению китайской иммиграции. Китайцы облагались подушным налогом, вдвое превышающим размеры трибуто, уплачиваемого филиппинцами. Существовал и ряд специальных налогов, которые собирались с китайского населения. Испанские колонизаторы способствовали распространению антикитайских настроений среди филиппинцев, провоцировали китайские погромы. Антикитайская политика властей вызывала протесты со стороны китайцев, выливавшиеся в вооруженные бунты, которые жестоко подавлялись колонизаторами.

В XVII в. произошло два крупных восстания китайского населения — в 1639 и 1662 гг. Восстание 1639 г. было вызвано мероприятием генерал-губернатора Коркуэры, который переселил 300 китайских торговцев в Каламбу (современная провинция Рисаль), принудив их обрабатывать пустующие земли. Незнакомые с земледельческим трудом, китайцы оказались в тяжелом положении. В знак протеста они ушли из Каламбы, двигаясь в Манилу, где в китайских кварталах начались волнения. Коркуэра приказал войскам уничтожить всех взбунтовавшихся китайцев — и тех, что шли в Манилу, и жителей Париана. Оставшиеся в живых (около 6 тыс.) бежали из Манилы и некоторое время вели борьбу в окрестностях столицы, пока не были разбиты испанцами. Всего испанские колонизаторы уничтожили при подавлении этого восстания более 20 тыс. китайцев. Восстание среди населения Париана в 1662 г. вспыхнуло в то время, когда на Манилу готовился совершить нападение предводитель китайских пиратов Ко-синг, захвативший голландский форт на Тайване. Манильские власти, охваченные паникой и опасаясь соглашения между Ко-сингом и местными китайцами, решили выслать в Китай всех жителей Париана. Однако китайцы отказались выполнить приказ испанского генерал-губернатора и убили нескольких чиновников и офицеров, которые должны были руководить выселением. Испанцы обстреляли китайские кварталы из пушек. Довольно большой группе китайцев удалось уплыть на рыбачьих лодках к Тайваню. Около 2 тыс. китайцев бежали в Пампангу, где были истреблены отрядом солдат, набранных испанцами из местных жителей. Этот же отряд под командованием сержанта-филиппинца Лаксамана уничтожил остатки восставших, которые пытались продолжать борьбу в Маниле.

После каждой вспышки погромов и массовых избиений испанские власти ослабляли давление на китайцев, и они быстро восстанавливали утраченные позиции.

Во второй половине XVIII в. впервые появились тенденции к обновлению средневековых методов колониальной эксплуатации. Изменения в испанской колониальной политике диктовались развитием капиталистических отношений в самой Испании, потребностью в увеличении прибылей, извлекаемых из колоний. Известную роль играли международные факторы. Поражение Испании в Семилетней войне обнаружило ее военную и экономическую слабость, незащищенность колониальных владений от внешней агрессии. Преобразования на Филиппинах (конец 60-х — 80-е годы

XVIII в.) были частью программы реформ, проводившихся в метрополии и колониях в период просвещенного абсолютизма Карла III (1759—1788). В экономическом отношении Филиппины были убыточной колонией, получавшей с конца XVI в. ежегодную денежную субсидию (ситуадо) из Мексики, которая покрывала дефицит в колониальном бюджете. В XVII в. сумма субсидии частично компенсировалась «королевской пошлиной». В XVIII в. в связи с упадком галионной торговли размеры ситуадо стали намного превышать суммы поступлений в казну от сбора «королевской пошлины» (в середине XVIII в. ситуадо составляло 250 тыс. песо). В результате экономических реформ Филиппины должны были отказаться от мексиканской субсидии, превратиться в колонию, приносящую доход короне.

Основные экономические мероприятия проводились в период правления генерал-губернатора Баско-и-Варгаса (1778—1787), одного из приверженцев реформаторской политики Карла III. В соответствии с «Общим экономическим планом», разработанным Баско в 1779 г., были сделаны первые шаги по развитию на Филиппинах производства экспортных культур — сахарного тростника, табака, индиго, пряностей, хлопчатника, какао, кофе, по созданию текстильной и табачной промышленности, по разработке минеральных ресурсов.

В 1782 г. была введена правительственная табачная монополия. Производство табака, культивирование которого было распространено повсюду на архипелаге, ограничивалось определенными районами (несколько «табачных» провинций Центрального и Северного Лусона), где крестьян обязали выращивать только эту культуру. В остальных районах выращивание табака было запрещено. В «табачных» провинциях крестьяне сдавали весь собранный урожай по заниженным ценам государству. Частная табачная торговля находилась под полным запретом. Население могло покупать табак только в специальных государственных лавках. Установление монополии сопровождалось ухудшением положения народных масс. На крестьянских полях в «табачных» провинциях табак вытеснил рис. Получая гроши за сдачу табачных листьев, крестьяне обрекались на нищенское существование. Тяжелым было положение крестьян и в тех районах, где запрещалось выращивание табака. Введение монополии привело к разорению многих крестьянских хозяйств, до этого занятых его производством. Кроме того, высокие цены на табак в государственных лавках подрывали бюджет крестьянских семей.

В 1785 г. по образцу европейских Ост-Индских компаний была учреждена Королевская филиппинская компания. Ей предоставлялась абсолютная монополия на испано-филиппинскую торговлю и торговые операции с азиатскими странами. С учреждением компании окончательно устанавливались прямые связи между Филиппинами и Испанией¹. Судам компании разрешалось плавание на архипелаг как западным, так и более удобным восточным путем. Манильский порт был открыт для свободного вывоза с Филиппин испанских и американских товаров, доставлявшихся на судах компании. Ввоз европейских (не испанских) товаров оставался под строгим запретом. Компания получила право свободной торговли в азиатских странах и с этой целью могла вывозить на азиатские рынки мексиканское серебро и товары из Испании и латиноамериканских владений. Азиатские товары, ввозимые компанией в Испанию, освобождались от импортных пошлин.

Азиатская торговля не приносила тех прибылей, на которые рассчитывали создатели Королевской компании. С первых шагов деятельности ее положение оказалось далеким от процветания. Главные причины неудач заключались в том, что она возникла в то время, когда старые монопольные Ост-Индские компании изживали себя, уступая место свободному торгово-промышленному капиталу. В результате испанская монархия

¹ Впервые восточный путь на Филиппины был «открыт» в 60-е годы XVIII в. По указу Карла III (1765) было дано разрешение на ежегодную отправку восточным путем (т. е. вокруг Африки) одного корабля из Кадиса в Манилу с грузами товаров из метрополии.

не смогла ни увеличить значительно колониальные доходы, ни оградить свои владения от торговой экспансии более развитых стран. Деятельность компании способствовала в известной степени экономическому развитию Филиппин (в 80—90-е годы XVIII в. увеличились производство сахарного тростника и вывоз сахара, табака, кофе и других экспортных товаров), росту торговли с соседними азиатскими странами (Китаем, Индией, Индонезией). В 1789 г. Манильский порт был впервые открыт для свободной торговли. Купцам из Европы и США разрешалось ввозить азиатские товары и вывозить с Филиппин местные продукты, а также товары из Испании и Латинской Америки, доставленные на судах Королевской компании. В 1792 г. Манильский порт был вновь закрыт, но испанцы уже были не в состоянии остановить торговую экспансию европейских стран и США на Филиппины.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СИСТЕМЕ ИСПАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

В Испании филиппинскую колонию называли бастионом католической религии на Востоке. Действительно, нигде в Азии католическая церковь не достигла такого могущества и такого влияния, какими она пользовалась на Филиппинах. В системе колониальной эксплуатации, установленной испанцами, католическая церковь играла важнейшую роль. В XVII—XVIII вв., объединенные в религиозные ордена, испанские монахи представляли на Филиппинах главный отряд церковников. При общем незначительном числе испанцев (связанных с административным и военным аппаратом) на архипелаге монахи образовывали наиболее многочисленную и стабильную прослойку. В среднем в XVII—XVIII вв. они составляли более двух третей проживавших на островах испанцев. Испанцы, представлявшие светскую администрацию, были сконцентрированы в Маниле и провинциальных центрах, монахи же расселились по всей стране, проникли в отдаленные районы архипелага, олицетворяя в глазах местного населения колониальную власть.

Влияние и власть орденов были тесно связаны с их господствующим положением в экономической жизни страны как крупнейших коллективных феодальных землевладельцев. В орденских поместьях процветали самые тяжелые формы кабальной издольщины.

Расходы по содержанию церковного аппарата и выплате стипендий духовным лицам (представителям и белого, и черного духовенства) несла колониальная администрация. На эти нужды шла четвертая часть государственных налоговых поступлений. Строительные работы по сооружению церковных зданий и домов священников целиком включались в государственные барщинные отработки. Церковь способствовала укреплению системы государственной феодально-крепостнической эксплуатации. Монахи были инициаторами введения в стране в годы испано-голландских конфликтов дополнительной барщинной повинности (поло) и принудительных натуральных поставок (бан-дала). Они разьясняли причину усиления колониальной эксплуатации благочестивыми целями — необходимостью защиты католиков от протестантов-голландцев и сохранения Филиппин как оплота католической религии в Азии.

Монашеские ордена захватили преобладающие позиции в галионной торговле, оттеснив на второй план представителей колониального аппарата и малочисленного, слабого испанского купечества. Преуспевали монахи и во внутренней торговле. Большинство из них занималось перепродажей в Маниле и провинциальных центрах местных продуктов, которые они получали в качестве натуральной ренты или скупали за бесценок у крестьян. Предметами спекуляции обыкновенно служили рис, другие сельскохозяйственные продукты, воск, ткани, производившиеся кустарным способом в хозяйствах крестьян.

Одним из основных источников власти и доходов орденов были церковные приходы. По установившейся практике, которая сложилась сначала в американских владениях, а затем распространилась в азиатской колонии, функции приходских священников исполняли монахи-миссионеры. При малочисленности-белого духовенства управление приходами было монополизировано орденами. В середине XVII в. на Филиппинах насчитывалось 252 прихода с числом прихожан-филиппинцев около-500 тыс., спустя столетие — 500 приходов с населением 706 тыс. Соответственно с территориальным разделом архипелага между орденами, произведенным в конце XVI в., самые богатые приходы сосредоточились в руках августинцев и францисканцев. В результате ожесточенной борьбы доминиканцы сумели в середине XVIII в. сравнять свои позиции с орденом францисканцев (и те, и другие управляли в тот период приходами с числом прихожан около 100 тыс.), уступая лишь августинцам (число прихожан у августинцев составляло примерно 400тыс.). В свою очередь, иезуиты и реколеты, получившие менее богатые территории, вели борьбу и друг с другом, и с представителями первых трех орденских организаций.

Жестокая конкуренция внутри регулярного духовенства была связана с теми материальными выгодами, которые приносило управление приходами. Жалованье (или стипендия) приходского священника зависело от числа прихожан. Оно складывалось из ежегодных отчислений в 2 реала из суммы трибу-то, уплачиваемого одним лицом, или 1 песо с семьи (в среднем из 5 человек). В крупных приходах насчитывалось от двух до пяти тысяч семей, следовательно, жалованье приходских священников составляло 2—5 тыс. песо в год. Доходы священников не ограничивались официально установленной стипендией.

Весьма широко использовался труд крестьян в форме разнообразных отработочных повинностей. За отправление религиозных обрядов (крестины, свадьбы, похороны) взималась непомерно высокая плата. Так, в зависимости от общих доходов семьи родственники умершего были обязаны платить за похороны от 50 до 500 песо. За обряд венчания приходские священники брали не менее 20—25 песо. Несмотря на то что поборы, связанные с исполнением религиозных функций, были незаконными, к ним прибегали все религиозные ордена. Были десятки других способов наживы. Монахи самочинно устанавливали налоги, всякого рода подношения в свою пользу, наживались на продаже индульгенций, организации паломничества к «святым» местам, проведении религиозных празднеств (фиест) и т. д.

Несмотря на сохранившуюся территориальную разобщенность сельского населения, удаленность многих барангаев и ситио от центра приходов (кабесеры), приходские священники с помощью различных мер старались держать под своим контролем всю массу прихожан. К числу таких мер принадлежали система церковного управления «кабесера-висита» и сформировавшийся в XVII в. институт фискалов — своего рода церковных старост и осведомителей, назначавшихся приходским священником из числа лиц, которые принадлежали к местной деревенской верхушке. Фискалы были обязаны информировать священника о всех деревенских событиях и следить за строгим выполнением крестьянами религиозных обрядов и феодальных повинностей в пользу церкви. Фактически вся жизнь населения пуэбло и баррио проходила под наблюдением монахов. Приходские священники вмешивались в деятельность светских окружных и провинциальных властей. Они контролировали выборы муниципальных чиновников, влияли на разбирательство судебных дел, следили за составлением налоговых списков старостами барангаев. С мнениями и советами монахов приходилось считаться алькальдам — любое решение провинциальных властей должно было согласовываться с приходскими священниками. Недаром сами испанцы иронически называли приходских священников «маленькими вице-королями».

Другим направлением религиозной деятельности орденов была организация духовных миссий по обращению в католичество еще не христианизированных племен и

народов. Миссионерской деятельностью были заняты главным образом те ордена, которые не располагали достаточным числом высокодоходных приходов. В XVII—XVIII вв. августинцы и францисканцы почти не имели миссий, в то время как доминиканцы, иезуиты и реколеты занимались миссионерской деятельностью весьма активно. Миссии не только служили центрами распространения христианства, но и районами, где создавались орденские поместья. В смысле извлекаемых прибылей миссии значительно уступали приходам, так как организовывались в экономически отсталых и слабо населенных районах. Кроме того, миссионерская деятельность была связана с немалым риском, поскольку протекала в основном в пограничных районах. Нередки были случаи убийства миссионеров и их обычно небольших военных эскортов. Географически главными районами деятельности миссий были территории Северного Минданао и горные области Северного Лусона. Организация миссий иезуитов (с конца XVI в.) и реколотов (с начала XVII в.) в Северном Минданао была тесно связана с военной экспансией в южные мусульманские районы. Два основных миссионерских центра иезуитов располагались в Замбоанге и в районе Дапитан-Илиган с общим населением около 30 тыс. Миссионеры из ордена реколотов действовали главным образом в долине р. Бутуан и вдоль северо-восточного побережья п-ва Суригао (население этих территорий не превышало 20 тыс.). Уход испанцев из Замбоанги вынудил и монахов покинуть территории Северного Минданао. Миссии возобновили свою деятельность в 20-е годы XVIII в., после восстановления испанского контроля над северными районами острова.

Христианизацией населения Северного Лусона занимались в основном миссионеры-доминиканцы. Им удалось в XVII в. обратить в христианство жителей предгорий Восточного Илокоса, северных областей провинции Пангасинан и долины р. Кагаян. Однако горные районы этих провинций, населенные племенами, которых испанцы собирательно называли игоротами (горцы — на местных языках), оставались закрытыми для испанских миссионеров. Военные экспедиции (в 1608, 1635, 1663 гг.), которые должны были расчистить путь для монахов, из-за труднодоступности горных районов оказались малоуспешными.

В 70-е годы XVII в. испанцы создали нечто вроде буферных зон между равнинными территориями и горными районами для защиты христианизированного населения равнин от набегов воинственных горцев. В буферных зонах располагались военные посты и миссионерские центры, получившие название «действующих миссий». Буферные зоны служили районом довольно интенсивного товарообмена между жителями равнин и горных областей, несмотря на существовавшую взаимную вражду. Однако все усилия «действующих миссий», направленные к обращению в христианство язычников-игоротов, приносили столь же малые результаты, как и попытки военной экспансии. Пропаганда христианской религии не имела успеха среди горных племен прежде всего из-за их социально-экономической отсталости, господства у них первобытнообщинного строя с соответствовавшими ему доклассовыми религиозными представлениями. Сказывалась и исторически сложившаяся изоляция горных районов, традиционная враждебность горных племен, в свое время оттесненных с прибрежных равнин миграциями более сильных переселенцев, к жителям равнинных территорий, усиленная колонизацией и христианизацией последних. Контролем над приходами и организацией миссий далеко не исчерпывались многообразные функции католической церкви на Филиппинах, претендовавшей на всеобъемлющее господство в колонии. Обладая экономической и финансовой самостоятельностью, юридическим иммунитетом, собственной системой административного управления, церковь представляла собой силу, почти независимую от колониальной администрации. Ее стремление к полному освобождению от всякого контроля со стороны светской власти, расширению политического и экономического влияния, увеличению возможностей эксплуатации народных масс не могло не наталкиваться на сопротивление колониальной администрации. В борьбе между духовными и светскими отрядами испанских

колонизаторов, нередко в течение XVII—XVIII вв. принимавшей характер острых конфликтов, перевес, как правило, оказывался на стороне церкви. Пытавшиеся ограничить всевластие церковников генерал-губернаторы, обладая по существу абсолютной властью в колонии, тем не менее становились обычно жертвами изощренной мести церковных магнатов. В борьбе со светскими властями все фракции католического духовенства выступали единым фронтом. Церковники пользовались богатым арсеналом методов и средств для «усмирения» генерал-губернаторов, угрожавших их влиянию к престижу. Прибегали к отлучению от церкви, незаконным арестам, конфискации имущества (путем наложения секвестра), организации заговоров и убийств.

Один из драматических эпизодов в истории борьбы духовных и светских феодалов произошел в 60-х годах XVII в. Конфликт между генерал-губернатором Диего Сальседо и архиепископом Поблете разгорелся из-за попыток губернатора ограничить участие орденов в галионной торговле. В него вмешался комиссар инквизиции на Филиппинах августинец Хосе Саманьего. В 1668 г. он потребовал ареста генерал-губернатора и передачи его «дела» в суд инквизиции, обвинив Сальседо в склонности к протестантству, взяточничестве и тайных ростовщических сделках. На имущество губернатора (оцененного в 700 тыс. песо) был наложен секвестр, а сам он был схвачен в губернаторском дворце вооруженными монахами-францисканцами. Арестованного генерал-губернатора держали некоторое время во францисканском монастыре, прикованного цепями к стене, затем переправили в монастырь августинцев в Интрамурсе. Его имущество было расхищено орденами. Лишь в 1670 г. тяжело больного Сальседо отправили в Мексику; по дороге туда он умер. Под давлением светских властей действия Саманьего разбирались в Совете Индий. Примечательно, что Совет выдвинул по существу единственное обвинение в адрес комиссара инквизиции — действия без санкции мексиканского трибунала, не возражая в принципе против практики применения церковными властями таких мер в отношении представителей светской администрации, как судебные разбирательства, аресты и т. п. Саманьего был отстранен от должности и в 1674 г., подобно своей жертве, умер на пути в Мексику.

В XVIII в. церковь также неоднократно выступала против попыток ограничения ее влияния и произвола, столь же решительно расправляясь со своими противниками. Так, в 1719 г. в результате монашеского заговора был убит в собственном дворце монахом-францисканцем генерал-губернатор Филиппин Фернандо Бустаменте, сторонник усиления светской власти, арестовавший архиепископа и нескольких крупных церковных сановников по обвинению в коррупции и нарушении королевских указов.

Если в борьбе со светскими властями церковь действовала как монолитная сила, то в самом лагере церковников существовали острые противоречия между различными фракциями католического духовенства. Особое положение религиозных орденов в системе эксплуатации Филиппин вызывало недовольство секулярного духовенства. Начиная с первого манильского епископа Саласара католические прелаты старались подчинить ордену контролю архиепископа и епископов, которые официально представляли высшую духовную власть в колонии. Верховное руководство церковным управлением было передано епископам в конце XVI в. (по указу Филиппа II 1583 г.). В 1622 г. папа Григорий XV подтвердил приоритет власти епископов, которым предоставлялось право контроля как над выполнением религиозных функций, так и над всей деятельностью приходских священников. На практике же управление приходами, включая все сферы их деятельности (духовной, административной, хозяйственной, финансовой), целиком сосредоточивалось в руках руководства орденов, яростно сопротивлявшихся попыткам установления контроля со стороны епископов. Борьба между фракциями черного и белого духовенства проходит красной нитью через историю Филиппин XVII—XVIII вв. В конфликтах с орденами архиепископы и епископы нередко обращались к помощи светской администрации. В отдельных случаях представители белого духовенства заставляли монахов подчиняться центральной церковной власти, но в

целом были бессильны подорвать могущество многочисленных и сплоченных орденовских организаций.

Со второй половины XVII в. одним из предметов, вызывавших бурные споры и столкновения между представителями белого и черного духовенства, становится вопрос о подготовке кадров филиппинских священников, которые должны были быть допущены к управлению приходами. Учитывая малочисленность секулярных священников-испанцев и намереваясь использовать создание кадров филиппинского духовенства для ограничения влияния орденов, архиепископы и епископы, которых поддерживали светские власти, выступали за открытие духовных семинарий для подготовки священников из представителей местной имущей верхушки. Полемика между представителями белого и черного духовенства по вопросу о филиппинских священниках получила отражение в монашеской историографии. Основными аргументами, которыми пользовались монахи, были утверждения о расовой «неполноценности» филиппинцев, их врожденной интеллектуальной ограниченности и аморальности (последнее не мешало авторам, обвинявшим в нарушении добродетели филиппинцев, описывать многочисленные скандальные происшествия, связанные с моральным разложением их собратьев-монахов). Одним из ярких противников создания кадров местного духовенства был ученый-богослов, монах-августинец Гаспар де Сан-Августин. В 1725 г. появилось его сочинение, направленное против идеи подготовки филиппинских священников и привлечения их к управлению приходами. «Что будет, — восклицал этот монах, — если индио, а они все без исключения отличаются: леностью и безнравственностью, сможет подняться до такого поста?! И какое благоговение будут испытывать перед ним сами же индио, когда будут знать, что он одного с ними цвета, одной расы?.. Как они смогут подчиняться ему, когда поймут, что он ровня им, когда увидят, что и он не может быть ничем иным, кроме как грешником либо рабом?» Подобной расистской и колониалистской психологией проникнуто большинство монашеских сочинений.

Из-за сопротивления орденов осуществление планов по подготовке филиппинских священников растянулось на целое столетие. Первые семинарии для филиппинцев были открыты только в середине XVIII в. В 60—70-х годах XVIII в., в период административных и экономических преобразований на Филиппинах, создание кадров местных священников было одним из основных мероприятий, направленных к ограничению власти религиозных орденов. Архиепископ Санта Хуста-и-Руфина совместно с генерал-губернатором Раоном добились утверждения закона (в 1769 г.), по которому назначение и замена приходских священников не могли производиться без санкции архиепископов. По другому закону, было значительно расширено привлечение к управлению приходами представителей секулярного духовенства. С изгнанием с Филиппин ордена иезуитов (1768 г.), наиболее рьяных противников реформаторской политики Карла III и потому удаленных из всех колониальных владений Испании, их оставшиеся вакантными приходы в большинстве своем были переданы священникам-филиппинцам.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИСПАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Испанское господство изменило ход исторического развития Филиппин, привело почти к полному уничтожению доколониальной социально-политической структуры и местных культурных традиций. Внедрение феодальных способов эксплуатации способствовало ускорению развития феодальных отношений и усилению классовой дифференциации внутри местного общества. Введение единой системы административного управления содействовало созданию территориальной общности, а массовая христианизация — культурному сближению филиппинских народов. Насаждение новых форм организации общества сопровождалось социальным угнетением, национальной и расовой дискриминацией порабощенного населения. Испанские

колонизаторы образовали замкнутую группу, стоявшую над всей массой филиппинских индио (коренное население малайского происхождения) и отделенную от них непроницаемым расовым и социальным барьером. В отличие от американских колоний, где существовала многочисленная прослойка метисов испанского происхождения, на Филиппинах эта промежуточная этническая и социальная категория почти отсутствовала. Смешение с китайским населением, существенно повлиявшее на этнический и социальный состав филиппинского общества, началось со второй половины XVIII в. С точки зрения классовой дифференциации в коренном филиппинском населении выделялась узкая имущая привилегированная прослойка — принсипалия (касики), появление которой относится еще к начальному этапу испанской колонизации (превращение бывших дато и махарлика в старост барангаев).

В первой половине XVII в., в условиях внешней военной угрозы, усиления колониальной эксплуатации и роста народного недовольства, испанские колонизаторы вынуждены были искать средства для дальнейшего укрепления социально-политической базы колониального режима. Местная принсипалия была полностью освобождена от государственных феодальных повинностей, одновременно были расширены ее функции в системе колониального административного управления. Помимо выполнения обязанностей старост барангаев касики возглавляли муниципальные управления (капитаны пуэбло) и назначались на мелкие чиновничьи и полицейские должности. Со второй половины XVII в. касики образовали две основные группы: наследственная принсипалия из числа кабеса де барангай и довольно многочисленный слой чиновников, занимавших выборные административные должности. К этим последним относились капитаны пуэбло (или, как их называли испанцы, гобер-надорсильо, т. е. маленькие губернаторы), их заместители и помощники, нотариусы, альгвасилы и др. Выборность этих должностных лиц носила весьма относительный характер. Так, процедура избрания гобернадорсильо заключалась в том, что первоначально под контролем приходских священников выбирались три кандидата из числа местной принсипалии, а затем один из них назначался алькальдом на пост капитана пуэбло.

Местная принсипалия в рамках доверенного ей окружного и волостного управления пользовалась значительной властью. Изолированность испанского «меньшинства» (объясняемая и малочисленностью испанцев в колонии, и расовой предубежденностью) от основной массы филиппинского населения способствовала укреплению социального престижа и политического влияния местной верхушки.

Филиппинская принсипалия легко приспособилась к испанской системе административного управления, быстро усвоив все негативные стороны деятельности коррумпированного колониального бюрократического аппарата. Продажность, взяточничество, казнокрадство, деспотизм в отношении нижестоящих, фаворитизм, семейственность и т. п. получили широкое распространение и среди филиппинских чиновников и кабеса. Многие из этих явлений, оставленных в наследство испанским колониализмом, сохранялись во все последующие периоды филиппинской истории. Пережитки этой системы дают себя знать и по сей день в общественно-политической жизни современных Филиппин.

Сосредоточив в своих руках административную и экономическую власть на местах, филиппинские касики вместе с испанцами участвовали в разделе доли труда и продукта, изымавшейся у крестьян. В то же время в отношении принсипалии к крестьянам подчиненных ей пуэбло и баррио сохранялся известный патернализм — пережиток патриархальных традиций доколониальных балангаев. В полном объеме используя свои привилегии и права, наживаясь за счет эксплуатируемого населения, касики в какой-то мере старались оградить крестьян от произвола и гнета испанцев. Во многих случаях подобная тактика была на руку колонизаторам, так как способствовала смягчению народного недовольства.

Привилегированное положение и участие местного имущего слоя в эксплуатации народных масс превращали его в социально-политическую опору колониального режима. Одновременно испанский колониализм создавал почву для противоречий между этим слоем и колониальной системой, особенно очевидных на ранней стадии колонизации. Они сохранялись и в дальнейшем, порождаясь деспотической властью колониальной администрации, произволом монахов, расовой дискриминацией по отношению к филиппинцам, включая и местную эксплуататорскую верхушку. В XVII—XVIII вв. недовольство местной принсипалии теми или иными проявлениями колониального гнета находило выражение в участии ее представителей в народной антиколониальной борьбе. Это явление, однако, не имело значительного распространения. Лишь в некоторых случаях — усиление эксплуатации, затрагивавшее интересы отдельных принсипалес, личные конфликты с колониальными чиновниками или монахами и т. п. — касики становились организаторами и руководителями крестьянских выступлений.

Самым многочисленным слоем филиппинского общества было крестьянство, составлявшее 80% местного населения. Традиционное территориальное размещение крестьянского населения по барангаям было почти полностью сохранено испанцами. Оставив территориальную организацию в форме барангаев, испанцы преобразовали их в основные налоговые и низшие административные единицы. Отличительной чертой системы барангаев была их внутренняя стабильность. В XVII—XVIII вв. каждый барангай включал от 30 до 50 крестьянских семей. Пуэбло (сельский округ) объединял несколько барангаев, наиболее крупные — до десяти. Самые мелкие территориальные единицы (ситио) включали обычно не более 20—30 семей. Натуральный характер сельской экономики препятствовал мобильности крестьянского населения. Внутреннюю стабильность барангаев укрепляла также политика колониальных властей (действовавших в интересах налогового аппарата) и церкви (заинтересованной в контроле над прихожанами и прибылях, получаемых от их эксплуатации). Формально разрешалось сменять барангай при переселении в другую местность (на практике подобные переселения были чрезвычайно редки), но полностью запрещались перемещения на те территории, которые не находились под непосредственным контролем приходских священников.

Внутренняя стабильность барангаев способствовала консервации среди крестьян патриархальных представлений и связей, уходивших корнями в доколониальное прошлое. Господство патриархальных представлений проявлялось с особой очевидностью в отношении крестьян к представителям принсипалии как членам одной и той же, «своей» социальной группы, связанным с крестьянами традиционными нравственными обязательствами, в силу которых принсипалес брали на себя покровительство и защиту жителей барангаев, а те, в свою очередь, должны были отвечать им преданностью и повиновением. Несомненно, что сохранение патриархальных традиций смягчало остроту классовых противоречий между крестьянством и филиппинской помещичье-бюрократической верхушкой.

Наиболее глубокие изменения, вызванные испанской колонизацией, происходили в духовной жизни филиппинского общества. Источником этих изменений была христианизация. Католицизм не только превратился в господствующую официальную религию и идеологическую опору испанского колониального господства, но и воздействовал на всю систему нравственных и духовных ценностей филиппинцев, их общественное сознание, психологию, культурное развитие.

Более или менее основательное изучение католической доктрины было доступно лишь представителям принсипалии, допущенным к получению религиозного образования. Что же касается всей массы филиппинцев, то их знакомство с основами католического вероучения ограничивалось «классами катехизиса» (воскресные занятия, проводившиеся приходскими священниками) и проповедями священников и миссионеров, дававших зачастую весьма примитивное и вульгарное толкование основных догматов католицизма.

В процессе массового религиозного обучения и догматическое, и ритуальное содержание католицизма подвергалось значительной переработке. Филиппинцы легче всего воспринимали внешнюю, обрядовую сторону вероучения. Учитывая эту особенность, монахи-миссионеры на ранних этапах христианизации старались вызвать у местного населения интерес к новой религии организацией пышных процессий, театрализованных представлений и т. п. И впоследствии в религиозной деятельности ритуальная сторона продолжала играть преобладающую роль. Введенная испанскими церковниками система религиозных празднеств превратилась в устойчивую социально-культурную традицию. Каждый филиппинский город и пуэбло имели своих местных покровителей-святых, в честь которых регулярно устраивались красочные празднества, длившиеся по несколько дней. Фиесты собирали в кабесеру всех жителей пуэбло, включая самые отдаленные барангаи и ситио. Приходские священники использовали эти праздники для религиозной пропаганды среди прихожан, укрепления в них «духа веры», не забывая и о собственных материальных интересах. Все расходы по организации фиесты несли окружные или муниципальные власти, церковь же получала немалые барыши от пожертвований, дарений, продажи украшений и различных, предметов религиозного культа.

Фиесты, приобретающие, несмотря на свое строго религиозное назначение, характер народных празднеств (по жалобам испанских церковников, скорее языческих, нежели христианских), стали частью филиппинского народного католицизма, возникшего в результате трансформации ортодоксального католического вероучения. При массовом внедрении христианства происходила своеобразная «филиппинизация» католицизма, усвоение и модификация тех обрядов и догматов, которые были наиболее близки местным традициям, религиозным представлениям, психологии и мироощущению филиппинцев. Внедрение христианства не смогло до конца преодолеть пережитков доколониальных племенных верований и культов. Среди филиппинских крестьян устойчиво сохранялись прежние суеверия, вера в чудесное действие сверхъестественных сил, которое стало приписываться католическим святым и причудливо смешиваться с библейскими притчами о чудесах. Сохранилось и поклонение духам, претерпевшее некоторые изменения под влиянием христианской религии: деление на добрых и злых духов связывалось с покровительством святых либо с вмешательством дьявола, олицетворявшего силы зла. Одним из пережитков доклассовых религиозных представлений было почитание предков, выражавшееся в соблюдении ряда обычаев и обрядов языческого происхождения, которые отплавлялись наряду с христианским ритуалом.

Некоторые местные традиции использовались испанскими церковниками для более эффективной религиозной пропаганды среди населения. Обычай взаимопомощи, распространенный среди жителей барангаев, способствовал созданию в приходах религиозных братств из прихожан (по образцу сходного испанского средневекового института), функции которых заключались в оказании «духовной» поддержки тяжело больным или умирающим односельчанам (фактически это выражалось в контроле за строгим соблюдением соответствующих христианских обрядов) и в сборе добровольных пожертвований на организацию похорон.

Широкое распространение получил на Филиппинах христианский обычай выбора при крещении ребенка «крестных отца и матери». На Филиппинах этот обычай подвергся значительной трансформации. В нарушение католических канонов, согласно которым «крестные родители» выбирались лишь при крещении и конфирмации, выбор «крестных» (компадре, падрино) производился в связи с самыми разнообразными событиями и по разным поводам. «Духовное родство» между действительными родителями и «крестными» предусматривало определенные обязательства со стороны последних — покровительство, оказание материальной помощи и т. п. Поэтому укоренилась традиция выбора «крестных родителей» из числа лиц более высокого социального статуса. Например, крестьяне, как правило, обращались к кабеса или помещикам. Таким образом,

один из обрядов католической религии стал способствовать укреплению традиционных патриархальных устоев.

Вместе с колонизацией и христианизацией народов Филиппин шел процесс испанизации их культуры. Длительное воздействие испанской культуры оставило глубокий след. Элементы испанского влияния, проникавшие в различные сферы культуры и искусства филиппинцев, с течением времени превратились в органическую часть филиппинской культурной традиции. Испанское завоевание нанесло невосполнимый урон местной письменности. Монахи-миссионеры, «борясь» с язычеством, уничтожили почти все письменные исторические и литературные памятники. Исчезли местные алфавиты. С началом книгопечатания на Филиппинах стали появляться (с 1593 г.) книги как на латинском, испанском, так и на местных языках (с использованием латинского алфавита). В основном это были переводы «Христианской доктрины» и ряда богословских трактатов. Книгопечатанием ведали ордена, издававшие довольно значительную по объему религиозную литературу (в XVII в. в Маниле было издано 400 книг). Книги были доступны узкому кругу местных принсипалес, обучавшихся в открытых испанцами католических учебных заведениях. Сыновья касиков получали начальное образование в монастырских школах, где их обучали помимо религиозных дисциплин чтению, письму, музыке и арифметике. В конце XVI в. иезуиты основали в Маниле коллегии св. Игнасия и св. Иосифа (Сан-Хосе), которые готовили местных чиновников и кадры для низшего церковного аппарата. Со второй половины XVIII в. касики были допущены к обучению в духовных семинариях. В конце XVII в. появились первые монастырские школы для девочек из семей принсипалии.

Основанный в 1611 г. доминиканцами, Университет св. Фомы предназначался для обучения испанцев и креолов, филиппинцы туда не допускались.

В монастырских школах и коллегиях преподавание велось на испанском языке. Его изучение было привилегией филиппинских касиков. Церковь, обладавшая полной монополией в области просвещения, сознательно ограничивала доступ местного населения к образованию, в том числе к изучению испанского языка. Подобная политика была связана с общей системой расовой дискриминации (испанский должен был оставаться языком высшей, избранной нации) и социального угнетения филиппинцев. В период испанского господства, за исключением привилегированной верхушки, подавляющее большинство местного населения было неграмотным.

Испанское влияние на устное народное творчество филиппинцев проявлялось в развитии принесенного испанцами жанра героической эпической поэзии — корриды, широком распространении театрализованных представлений религиозного содержания (мистерии «пасьон» и драмы на библейские сюжеты) и народных драм «моро-моро», рассказывавших о борьбе христиан с мусульманами в Испании.

Уже первые испанские миссионеры обращали внимание на природную музыкальную одаренность филиппинцев, которые легко обучались игре на европейских музыкальных инструментах, быстро усваивали принципы исполнения церковной музыки и пения. В XVII—XVIII вв. появилось большое число местных музыкантов и композиторов, создателей органной музыки и церковных хоралов. Народная музыка также развивалась под сильным влиянием испанской. Гитара, завезенная на острова испанцами, стала самым популярным музыкальным инструментом, причем уже в XVII в. появились десятки ее разновидностей, изготовлявшихся деревенскими мастерами.

Наряду с традиционными возникли новые виды народных художественных ремесел. Из Испании пришло вышивание, особенно широко распространившееся среди женщин тагальских районов и Пампанги. Филиппинские вышивальщицы использовали местные растительные орнаменты. Выделанные ручным способом ткани (чаще всего пинья, изготовлявшаяся из волокна ананасовых листьев) вышивались сложными узорами того же цвета. Большое распространение получило изготовление предметов католического культа — расписных деревянных статуэток святых, лубочных картинок на

религиозные сюжеты, четок, костюмов для театрализованных представлений, украшений для фиесты (разноцветные фонарики из бумаги и бамбука, бумажные цветы, веера, плетеные бамбуковые арки, маски, костюмы для мистерий «пасьон» и драм «моро-моро», делавшиеся из бумаги и пальмовых листьев). Связанные с религиозным культом художественные ремесла превратились в самобытную отрасль филиппинского народного прикладного искусства.

С испанским завоеванием началось внедрение западных форм архитектуры, развитие каменного зодчества, в доколониальный период неизвестного филиппинцам. Монументальные каменные церкви и укрепленные военные форты стали символами и форпостами испанской колонизации. В церковной архитектуре XVI—XVII вв. господствовало испанское барокко. Церковные здания, сложенные из крупных камней, с пышными лепными и резными украшениями призваны были олицетворять незыблемость католической религии на Филиппинах. В антисейсмических целях многие церкви строились с приземистыми, расширяющимися книзу стенами, отчего строения напоминали усеченные пирамиды. Центром испанского религиозного зодчества была Манила. В 1587 г. монахи-доминиканцы выстроили в столице церковь и монастырь св. Доминика по проекту своего архитектора, члена ордена. В 1606 г. августинцы закончили постройку церкви св. Августина (в наши дни самый старый памятник архитектуры в Маниле) — монументального здания с двухбашенным расчлененным пилястрами фасадом, мощным сплошным каменным фундаментом, надежно защищавшим от землетрясений. В начале XVII в. были отстроены здания иезуитской коллегии св. Иосифа и доминиканского Университета св. Фомы. Ряд своеобразных церквей (сохранившихся до настоящего времени), отличавшихся оригинальностью архитектурных форм и украшений, вырос и за пределами Манилы.

В строительных работах использовался труд филиппинских крестьян и ремесленников-китайцев. В XVII—XVIII вв. архитекторами были исключительно испанцы, чаще всего монахи. Филиппинцы, проходившие обучение в специальных школах при монастырях, допускались к работе декораторов. Филиппинские мастера занимались резьбой по дереву и камню, внося в свою работу элементы народного художественного творчества. Замечательные образцы филиппинского искусства резьбы по дереву — двери церкви св. Августина и деревянный алтарь церкви св. Игнасия, покрытые сложным кружевным резным орнаментом. В витиеватых лепных и резных украшениях церковных зданий часто встречаются традиционные филиппинские растительные орнаменты.

Каменные церкви сооружались в столице, немногочисленных городских центрах и крупных пуэбло. В сельской местности большинство приходских церквей были деревянными. Они строились филиппинцами, использовавшими местные строительные материалы (дерево, бамбук, листья пальмы нипы) и традиционные архитектурные формы.

Испанцы положили также начало и градостроительству. В Интрамуресе, выстроенном сразу после завоевания Манилы, воспроизводилась планировка средневекового испанского города. В центре его была главная площадь (пласа) с собором, ратушей, дворцом генерал-губернатора. От нее расходились улицы, вливавшиеся в площади меньших размеров. По подобному же плану был выстроен Себу и другие города архипелага. В крупных центрах сельских округов (пуэбло) утвердилась ставшая традиционной планировка: от главной площади с церковью, муниципальными зданиями, каменными домами испанцев и местных властей веерообразно расходились улицы, застроенные деревянными и бамбуковыми жилищами крестьян.

Для городских жилых построек XVII — начала XVIII в. (особняки испанцев, богатых филиппинцев) было характерно сочетание местных архитектурных форм (тяжеловесность, приземистость зданий, необходимые для защиты от землетрясений, высокие пирамидальные крыши) с типичными для испанского зодчества того времени

элементами: черепичные крыши, балконы, резные жалюзи, железные решетки, обилие лепных и резных украшений.

НАРОДНАЯ АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА

В XVII—XVIII вв. единственной формой протеста против колониального угнетения населения были стихийные крестьянские восстания.

Для народных выступлений этого периода характерна ярко выраженная антиколониальная направленность, почти полное отсутствие в них элементов классовой борьбы. Характер крестьянских движений обуславливался господством среди крестьян традиционных представлений, приводившим к ослаблению классовых противоречий внутри местного общества. Другая характерная особенность крестьянских восстаний — их дробность, локальность, отсутствие крупных по масштабам движений, крестьянских войн — была связана с территориальной и этнической разобщенностью населения, лингвистической пестротой, внутренней замкнутостью барангаев. Традиционными поводами народных волнений были злоупотребления колониальных чиновников при взимании трибуто, введение новых налоговых и отработочных повинностей, захват орденскими крестьянскими земельными участками. Почти все крестьянские движения XVII—XVIII вв. выражали протест против монашеского гнета и произвола.

В идеологии крестьянских восстаний большую роль играла религия. Эта особенность, вообще характерная для крестьянских антиколониальных и антифеодальных движений, на Филиппинах, где основная масса угнетенного населения исповедовала ту же религию, что и колонизаторы, приобрела специфические черты. Лишь в первые десятилетия XVII в. в процессе массовой христианизации наблюдались отдельные вспышки протеста под лозунгами возвращения к доколониальным религиозным верованиям. Известны два относительно крупных восстания такого рода. В 1621 г. восстали жители нескольких барангаев на о-ве Бохоль, где действовали миссии иезуитов. Восставшими руководил местный жрец Тамблот, призывавший к отказу от христианства и восстановлению старых культов. В 1622 г. восстание было подавлено испанцами и отрядом солдат, набранных из жителей Себу. В том же, 1622 г. поднял восстание бывший дато о-ва Лимасава Банкау, недавно обращенный в христианство. Восставшие выступали и за возврат к религии предков, и за ликвидацию чужеземной власти. Волнения были быстро усмирены карательной экспедицией с Себу.

С завершением процесса христианизации и утверждением католицизма религиозно-идеологическая форма многих народных движений стала приобретать характер, сходный со средневековыми европейскими ересями. Возникали религиозные секты, использовавшие лозунги защиты «истинного христианского вероучения», призывы к «очищению веры», христианскому равенству и справедливости. Были широко распространены мессианские идеи и мистические пророчества. Преобладали мелкие, быстро распадавшиеся секты, которые объединяли обычно жителей нескольких соседних барангаев.

Монахи выступали наиболее активной силой при подавлении очагов народных волнений. Они держали при монастырях и в орденовских асьендах специальные вооруженные отряды, которые использовались для усмирения крестьянских бунтов.

Пользуясь этнической разобщенностью населения, испанские власти формировали карательные отряды из самих филиппинцев. На Лусоне традиционно к подавлению народных восстаний привлекались представители отличавшегося воинственностью племени макабебе. На Висайях чаще всего участниками карательных экспедиций становились себуанцы.

В XVII в. подъем стихийной антиколониальной борьбы, обострившейся в 50—60-х годах, был связан с ухудшением положения народных масс в результате введения системы «поло» и «бандала». В 1649 г. было поднято восстание в пуэбло Палапаг на Самаре в

ответ на приказ генерал-губернатора Фахар-до о наборе рабочих-полистас из жителей Висайских островов и отправке их на судостроительные верфи в Кавите. Восстанием руководил местный крестьянин Хуан Понсе Суморой. Восставшие убили приходского священника и нескольких монахов, руководивших набором рабочих, и ушли в горы, где выстроили хорошо защищенное укрепление. Испанцы захватили укрепление в горах и расправились с восставшими лишь в 1650 г. Вслед за тем были подавлены очаги волнений и на других островах.

В 1660 г. началось крупное восстание в Пампанге, жители которой в годы испано-голландских конфликтов больше всего пострадали от разорительных натуральных поставок и эксплуатации на принудительных отработках. Непосредственным поводом к выступлению послужило незаконное увеличение сроков барщинных работ по вырубке леса, который шел на строительство галионов. Восстание возглавил крестьянин-пампангак Франсиско Маньяго, сформировавший несколько вооруженных крестьянских отрядов. Восставшие, двинувшиеся на Манилу, были остановлены на подступах к столице и разбиты испанскими войсками и отрядами макабебе. Под влиянием событий в Пампанге начались крестьянские восстания в провинциях Пангасинан и Илокос. Они имели ярко выраженный антиколониальный и антимонашеский характер. Крестьяне убивали монахов, разрушали церкви, поджигали дома приходских священников. Руководители восстаний — крестьяне Андрес Малонг в Пангасинане и Педро Альмасан в Илокосе — объявили себя «королями» соответствующих провинций. В 1661 г. они были захвачены и казнены, после чего восстания пошли на убыль и были вскоре подавлены колонизаторами.

В XVIII в. преобладающей формой народного протеста оставались стихийные крестьянские бунты, вспыхивавшие в ответ на отдельные проявления колониального гнета. Ряд таких бунтов произошел в 1745 и 1751 гг. в тагальских районах Лусона. Причиной волнений был насильственный захват монахами земельных участков, принадлежавших крестьянам.

В истории антиколониальной борьбы филиппинцев в XVIII в. выделяется по своим масштабам и организованности народное движение на о-ве Бохоль, известное в истории Филиппин как восстание Дагохоя. В отличие от большинства крестьянских движений в нем получили отражение оппозиционные настроения в среде местной помещичье-бюрократической верхушки. Франсиско Дагохой, инициатор и вождь восстания, был кабеса одного из барангаев в пуэбло Инабанган. Среди руководителей движения были и многие другие представители принсипалии. Восстание развернулось в центре орденских имений и приходов иезуитов. Его непосредственной причиной были притеснения монахов и личный конфликт Дагохоя с приходским священником. Движение началось в 1744 г. и в общей сложности продолжалось более 80 лет (до 20-х годов XIX в.), пройдя несколько этапов. Первоначально Дагохой поднял жителей Инабангана, которые в знак протеста против монашеского угнетения ушли в горы, где был создан повстанческий центр и сформированы крестьянские отряды под командованием местных касиков. По данным испанских источников того времени, с Дагохоем ушло около 3 тыс. крестьян. Спустя два-три года после начала восстания оно распространилось на большинство районов Бохоля. Протест против монашеской эксплуатации и произвола сочетался с требованиями отмены трибуто и выступлениями против злоупотреблений испанских чиновников. Использовались методы борьбы, типичные для стихийных крестьянских бунтов: спускаясь с гор, крестьянские отряды нападали на поместья иезуитов, жгли дома, разрушали церкви, убивали монахов, угоняли скот. Выдвигались религиозно-идеологические лозунги очищения христианской религии, упрощения религиозного ритуала, христианской справедливости и равенства. Испанцы не могли подавить восстание, несмотря на присылку военных подкреплений из Манилы, организацию крупных карательных экспедиций, введение строгих полицейских мер в отношении жителей Бохоля. Большую роль играла помощь восставшим со стороны местного населения, которое снабжало их продовольствием, одеждой, оружием.

К 60-м годам XVIII в. численность восставших достигла нескольких десятков тысяч. В 1769 г., после изгнания с Филиппин иезуитов, Бохоль перешел под «духовный» контроль ордена реколотов, которые попытались использовать мирные методы, в частности заявили об амнистии всем участникам движения. Тактика реколотов привела к расколу в лагере повстанцев. Часть руководителей движения, в том числе Дагохой, прекратили вооруженную борьбу. Но и с расколом движения вооруженная борьба не прекратилась. Новый повстанческий центр в горах возник в 70-х годах XVIII в. Крестьянские отряды возглавил касик Лигаон, сменивший в качестве вождя восстания Дагохой.

Значительный подъем стихийной народной борьбы на Лусоне в XVIII в. относится к периоду английской оккупации Манилы (1762—1764). Ему способствовала общая напряженная политическая обстановка в стране. Крестьянские бунты, направленные против монашеской эксплуатации и злоупотреблений испанских чиновников, вспыхивали повсеместно «а острове, за исключением провинций Пампанга и Булакан — центров деятельности Анда, который пошел на принятие некоторых мер по ограничению колониальной эксплуатации и облегчению положения местного крестьянства. Довольно сильные крестьянские волнения происходили в 1762 г. в Пангасинане под руководством крестьян, уроженцев этой провинции, Хуана де ля Крус Палариса и Доминго Магалога. Требования восставших включали отмену трибуто, наказание провинциальных властей, отличавшихся жестокостью и занимавшихся вымогательствами, изгнание монахов-доминиканцев. Восстание было подавлено в 1763 г., после убийства Палариса и Магалога. Заслуживает упоминания крестьянское восстание в провинции Кагаян (начало 1763 г.), в котором в отличие от традиционных крестьянских выступлений на первый план выступили элементы классовой борьбы. Восставшие крестьяне начали борьбу против собственной кабесерии и местных чиновников-принсипалес, обвиняя их в злоупотреблениях при сборе налогов и выдвигая одновременно антиколониальные требования (отмену трибуто, ограничение произвола монахов и т. п.).

Наиболее организованным и крупным было восстание Диего Силанга (1762—1763) в Илокосе. Оно началось в Вигане — центре провинции и епископства Нуэва-Сеговия, затем распространилось по всей территории Илокоса. Диего Силанг, его руководитель, был родом из соседнего Пангасинана, выходцем из семьи касиков, окончившим монастырскую школу. Восстание было сложным по своему характеру, составу, идеологической окраске. Выступая с антииспанскими лозунгами, его руководители требовали «истреблять испанцев» ради «укрепления католической религии» и сохранения страны под властью испанской короны. Основной движущей силой восстания были илокосские крестьяне, на первый план выступали традиционные крестьянские требования — отмены трибуто и барщинных повинностей, изгнание испанских чиновников и монахов-августинцев, которые держали в своих руках приходы и владели крупными именьями на территории провинции.

С начала восстания местная принсипалия раскололась — часть ее присоединилась к Силангу, другая заняла враждебную позицию в отношении повстанцев, солидаризируясь с испанскими колонизаторами. С развитием движения начались выступления крестьян не только против монахов и испанцев — представителей колониальной администрации, но и против касиков, сохранявших лояльность по отношению к испанцам. На всем протяжении борьбы Силанг оставался ревностным защитником католической религии. Одновременно появились традиционные призывы к очищению веры, оскверненной монахами. Силанг был провозглашен посланцем Иисуса Назарета — исполнителем миссии по защите и утверждению истинной католической религии на Филиппинах. Восстание отличалось организованностью и массовостью. Число участников движения достигло нескольких десятков тысяч человек. В начале 1763 г. под контролем Силанга оказались весь юг провинции Илокос и большая часть ее северных территорий. В районах, перешедших под власть повстанцев, Силанг устанавливал новые органы власти, назначая капитанов пуэбло

из числа своих помощников и сторонников. Борьбу с повстанцами вели объединенные силы вооруженных отрядов Анда, монахов и местных касиков. Спад в движении наступил в мае 1763 г., после убийства Силанга агентами Анда и монахов-августинцев. С гибелью Силанга большинство касиков сразу же отошло от движения. В течение лета 1763 г. в провинции была восстановлена власть испанской администрации и монахов-августинцев. Вспышки крестьянских бунтов продолжались до осени и были подавлены окончательно в октябре 1763 г.

С конца 60-х годов XVIII в. народная антиколониальная борьба пошла на убыль. Ее новый этап начался в XIX в. в условиях зарождения в стране освободительного движения.

Глава VI

ВЛИЯНИЕ НА ФИЛИППИНЫ СИСТЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА (XIX в.)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ

С конца XVIII в. Филиппины, как и другие страны Юго-Восточной Азии, стали испытывать воздействие промышленного капитализма. Промышленная революция на Западе сопровождалась обострением борьбы за колонии между ведущими буржуазными нациями. С наступлением новой эпохи ускорился распад колониальной империи Испании. Экономическая экспансия капиталистических держав окончательно подорвала ее монопольные позиции в Латинской Америке. Революционная война за независимость испанских колоний (1810—1826) завершилась отделением от метрополии самых крупных владений на Американском континенте.

С начала XIX в. усилилось давление капиталистических держав и на азиатскую колонию Испании. Филиппины интересовали буржуазию европейских стран и США в первую очередь как объект экономической эксплуатации, один из новых рынков сбыта и источников колониального сырья.

Процесс освоения филиппинского рынка прошел несколько стадий. В начале XIX в. в Маниле были учреждены консульства и торговые дома ряда стран, а в начале 30-х годов испанское правительство было вынуждено пойти на новую важную уступку, открыв для свободной торговли Манильский порт (1834). После этого освоение филиппинского рынка пошло быстрыми темпами. Ведущую роль в экономической экспансии на Филиппины играла Англия, утвердившая к этому времени свою промышленную гегемонию и мировое торговое господство. В 30—40-е годы XIX в. на долю Англии приходилось до двух третей стоимости филиппинского импорта и экспорта. Главной статьей английского ввоза на Филиппины служил текстиль (хлопчатобумажные, шерстяные и льняные ткани), с архипелага англичане вывозили сахар, индиго, табак, кофе, абаку (манильскую пеньку).

В этот период главным конкурентом Англии на Филиппинах были Соединенные Штаты. Англо-американское соперничество здесь являлось продолжением борьбы, развернувшейся между этими державами за китайский рынок. Филиппины интересовали США прежде всего как источник получения абаки, которая использовалась для оснастки судов и в экспорте которой США занимали первое место. Кроме абаки американцы вывозили значительное количество сахара, индиго, кофе и древесины, уступая по этим статьям экспорта только англичанам. В филиппинском импорте США занимали второе место после Англии. В 40-е годы на их долю приходилась шестая часть всего товарооборота Манилы. В 50—60-х годах США, потеснив Англию, добились преобладания в филиппинской экспортной торговле.

Представители английских и американских торговых фирм первыми начали обосновываться за пределами Манилы. Под давлением европейских и американских

коммерсантов испанцы вынуждены были открыть все основные порты колонии: Суал (пров. Пангасинан), Илоило (Панай), Замбоанга (Минданао) — в 1855 г., Себу — в 1860 г. Все эти порты, за исключением Замбоанги, имевшей преимущественно стратегическое значение как опорная база в борьбе с моро, являлись крупными экономическими центрами. За 15 лет, прошедших с момента их открытия, внешний товарооборот Филиппин возрос почти в 5 раз. К 70-м годам филиппинский рынок был окончательно подчинен интересам европейского и американского торгового капитала.

Испания была не в состоянии воспрепятствовать проникновению на Филиппины развитых стран. С начала XIX в. испанское правительство пыталось проводить политику, направленную к сдерживанию экономической экспансии. Была принята серия законов, регламентировавших сферу деятельности в колонии иностранных коммерсантов, до 60-х годов она ограничивалась торговлей; иностранным подданным запрещалось приобретать земельную собственность и закладывать плантации. Коммерческая деятельность также подвергалась ограничениям — действовали таможенные правила, допускаявшие полный произвол в оценке товаров и взимании пошлинных сборов.

С начала XIX в. в результате капиталистического развития в метрополии испанская буржуазия стала принимать более активное участие в эксплуатации Филиппин. Старая система правительственных монополий и привилегированных экономических организаций изжила себя, уступив место частной торговой инициативе. Пришедшая в полное расстройство галионная торговля была прекращена в 1815 г., а в 1830 г. были отменены привилегии Королевской компании. Лишь правительственная табачная монополия просуществовала до 1882 г.

Испанское правительство пыталось оградить частных торговцев-испанцев от конкуренции европейского и американского капитала. Этой цели служили протекционистская политика в отношении испанской и филиппинской продукции, являвшейся предметом внешней торговли, учреждение в Маниле в 1834 г. коммерческого суда для защиты интересов и прав испанского купечества, основание в 1851 г. Испано-филиппинского банка, финансировавшего испанские торговые фирмы и частных торговцев, и т. п. Положение частного испанского торгового капитала, однако, было намного слабее позиций европейских и американских конкурентов. Импорт из промышленно отсталой Испании ограничивался товарами, имевшими второстепенное значение для местного рынка. Главной и почти единственной статьёй филиппинского экспорта в метрополию оставался табак.

Проникновение на Филиппины развитых капиталистических держав привело к серьезным изменениям в экономической жизни колонии. С разрушением изоляции экономика страны стала приспособляться к потребностям мирового рынка, произошла перестройка структуры колониального хозяйства. Во второй половине XIX в. товарное земледелие, связанное с торговлей на экспорт, заняло ведущее место в филиппинском сельском хозяйстве. В первую очередь развивалось производство тех культур, которые пользовались наибольшим спросом на внешних рынках. Главной статьёй экспорта был сахар. В XIX в. значительно расширились площади под сахарным тростником в традиционных районах его культивирования — в Центральном Лусоне и на Панае. В результате открытия порта Илоило началось освоение соседнего с Панаем о-ва Негрос, где в 60-е годы возникли первые сахарные плантации, принадлежавшие иностранцам и местным помещикам. С открытием филиппинского рынка было непосредственно связано развитие производства абаки (в Южном Лусоне, на Панае, Самаре, Лейте). Рост производства табака сдерживался табачной монополией.

Товаризация земледелия не сопровождалась техническим прогрессом. В техническом отношении сельское хозяйство оставалось на самом примитивном уровне. Рутинное состояние техники и методов земледелия предопределяло замедленный рост производительных сил и чрезвычайно низкую производительность труда во всех отраслях сельско-хозяйственного производства.

Особенность процесса вовлечения Филиппин в сферу действия мирового капиталистического хозяйства заключалась в том, что капиталистические державы проникали в страну, которая уже более двух столетий подвергалась колониальной эксплуатации, осуществлявшейся полуфеодальной испанской монархией. Изменения в экономической и социальной структуре филиппинского общества порождались новыми условиями, сложившимися в стране с разрушением экономической изоляции и открытием рынка. Они возникли вопреки испанской колониальной политике как элементы, чуждые системе феодально-крепостнической эксплуатации, созданной колонизаторами.

В середине XIX в. при повсеместном господстве докапиталистических методов эксплуатации в сельском хозяйстве и ремесленном производстве появились зачатки капиталистических отношений. В крупных помещичьих хозяйствах, специализировавшихся на производстве экспортных культур, наряду с различными формами кабальной издольщины¹ стал использоваться наемный труд. Поденщики и батраки в подавляющем большинстве были сезонными рабочими, которые нанимались в асьенды на периоды сева и сбора урожая. Обычно они владели мелкими участками земли, работая по найму несколько месяцев в году. В некоторых крупных поместьях наемные рабочие и арендаторы-издольщики были заняты в течение всего года. На сахарных плантациях (появившихся на архипелаге в 60—70-е годы) стал использоваться полукабальный труд батраков-пеонов.

Под влиянием роста товарно-денежных отношений началось развитие подсобных крестьянских промыслов, которые к середине века стали господствующей формой ремесленного производства. Главными видами ремесел в деревне были ткачество, вышивание, плетение. По мере того как торговый капитал все более активно внедрялся в ремесленное производство, сбыт продукции переходил в руки посредников-скупщиков (главным образом китайцев и метисов китайского происхождения). Их функции заключались в скупке готовых изделий у мелких производителей и перепродаже их на внутренний и внешний рынки. В ткацком производстве отношения между ремесленниками и представителями торгового капитала стали перерастать в отношения между наемными рабочими и предпринимателями. В этой отрасли утвердилась форма эксплуатации, при которой скупщики снабжали сырьем женщин-ткачих, вырабатывающих ткани за определенную поденную плату.

К первой половине прошлого века относится возникновение в городах предприятий мануфактурного типа. В начале века были основаны государственные табачные мануфактуры в Маниле и Кавите. В 50-е годы, после распространения табачной монополии на Висайские острова, крупная сигарная мануфактура была организована в Илоило. К государственным предприятиям мануфактурного типа относились также военные арсеналы (в Кавите, Аревало), медные и железные рудники, открытые на Лусоне в середине XIX в. Частное мануфактурное производство почти не получило развития.

До конца периода испанского господства на архипелаге ведущими отраслями экономики оставались сельское хозяйство и торговля. Фабричная промышленность, зарождение которой относится к последним десятилетиям XIX в., была сконцентрирована (за исключением производства сахара) в Маниле. Это были обрабатывающие отрасли: к началу XX в. насчитывалось несколько десятков табачных фабрик, цементный и пивоваренный заводы, фабрики хлопчатобумажных изделий, зонтов и шляп и т. п. Производство сахара (центром его были Висайи) находилось в основном в руках

---

¹ Издольная аренда оставалась преобладающей формой эксплуатации в рисоводческих орденских хозяйствах. Одновременно в наиболее крупных поместьях орденов с начала XIX в. стала развиваться система краткосрочной фиксированной аренды — инкилинато. При системе инкилинато орденские организации и монастыри сдавали землю большими участками в аренду зажиточным крестьянам или представителям принсипалии, владевшим всеми необходимыми средствами производства, которые, в свою очередь, прибегали к труду арендаторов-издольщиков для обработки земельных площадей.

иностранцев, которым принадлежал ряд сахарных заводов, оснащенных вывезенным из Европы оборудованием.

В целом распространение капиталистических способов эксплуатации сдерживалось сохранением в стране колониального режима. До конца XIX в. даже наиболее крупные хозяйства по производству экспортных культур, принадлежавшие местному и испанскому капиталу (на Висайях), не были капиталистическими предприятиями, а представляли собой плантации колониального типа. Свободный наем рабочей силы практиковался лишь иностранными предпринимателями (в производстве сахара, некоторых отраслях обрабатывающей промышленности, в строительстве и на транспорте).

Постепенное втягивание Филиппин в систему мирового капиталистического хозяйства, переход, хотя и в ограниченных масштабах, к методам капиталистической эксплуатации привели к социальным сдвигам, причем почти полностью сохранялась структура и организация испанской эксплуататорской верхушки. Значительные изменения наблюдались во внутреннем развитии местного общества: происходило усиление классовой дифференциации, трансформация сложившихся и возникновение новых социальных слоев. С начала XIX в. усилился процесс консолидации класса местных помещиков, ускоренный ростом товарного земледелия и превращением сельскохозяйственного производства на экспорт в ведущую отрасль колониальной экономики. Наряду с орденскими поместьями имения асендеро-филиппинцев стали основной формой крупного помещичьего землевладения. В хозяйствах местных помещиков преобладало производство экспортных культур. Местный помещичий класс рос преимущественно из среды филиппинской принсипалии. Если в XVII—XVIII вв. на первый план выступала деятельность каеиков как части колониального административного аппарата, в то время как их удельный вес в хозяйственной жизни страны в качестве помещичьего слоя был сравнительно невелик, то в XIX в. они укрепили свои экономические позиции как крупные землевладельцы, связанные с мировым капиталистическим рынком. Среди местных помещиков метисы испанского происхождения образовали малочисленную, но экономически сильную прослойку. С развитием товарного земледелия стала приобретать земли и часть метисов китайского происхождения — представителей торгово-ростовщического капитала. Их имения, занятые производством экспортных культур, концентрировались преимущественно вблизи Манилы и открытых портов, откуда осуществлялся вывоз продукции на внешние рынки.

Характерной чертой развития филиппинского общества в XIX в. был сравнительно быстрый рост городского населения и изменение его социального состава. Если в предшествующие периоды города представляли собой военно-административные и религиозные центры, то в XIX в. усилилось их развитие как торгово-промышленных центров, началось формирование местной торговой буржуазии, городских мелкобуржуазных слоев, стала складываться прослойка предпролетариата. До середины XIX в. в результате продолжительной экономической изоляции, хозяйственного застоя, ограничения внешнеторговых связей на Филиппинах отсутствовали условия для формирования крупного торгового капитала. Они стали складываться лишь со второй половины прошлого века под влиянием открытия филиппинского рынка и изменений в экономической жизни колонии.

Этнической и социальной средой, из которой вырастал слой местной буржуазии, было метисское население колонии, главным образом китайского происхождения. Увеличение слоя китайских метисов относится ко второй половине XVIII в., когда метисский торгово-ростовщический капитал стал проникать во внутреннюю торговлю колонии. Китайские метисы, подвергавшиеся значительно меньшей дискриминации со стороны колониальных властей, нежели китайцы, успешно конкурировали с представителями китайского торгового капитала. С середины XIX в. метисский капитал устремился в те сферы экономики, где создались благоприятные условия для расширения

его деятельности. Метисская буржуазия оказалась тесно связанной с европейским и американским торговым капиталом, выполняя посреднические функции в торговых операциях иностранных коммерсантов (неиспанцев), ограниченных в своих действиях на архипелаге. Помимо посреднической торговли представители метисской буржуазии занимались финансированием иностранных (неиспанских) фирм и компаний.

Финансовые и посреднические операции приносили большие доходы. В среде китайских метисов появились крупные коммерсанты, владельцы банковских учреждений, судовых агентств, помещики, связанные с торговлей на экспорт.

С развитием городов как торгово-промышленных центров был связан рост городских мелкобуржуазных элементов (мелких торговцев, ремесленников, ростовщиков, скупщиков и т.п.). Их формирование происходило не только из китайского населения, но также из филиппинцев и метисов. В городах появилась довольно многочисленная прослойка ремесленников-филиппинцев, пополнявшаяся за счет обезземеленных крестьян, устремившихся в поисках заработков в города. В качестве наемных рабочих филиппинцы работали в военных арсеналах, на судоверфях, в табачных мануфактурах, где использовался главным образом женский труд. Среди мелких городских торговцев филиппинцы составляли незначительную прослойку — преобладающие позиции занимал китайский и метисский торговый капитал.

Положение самого многочисленного слоя филиппинского общества — крестьянства определялось усилением помещичьей эксплуатации. В XIX в. в результате роста помещичьего землевладения число самостоятельных крестьянских хозяйств значительно сократилось, усилился процесс обезземеливания крестьян, увеличилась прослойка арендаторов-издольщиков, более четко обозначилась классовая дифференциация в деревне. В условиях хотя и очень медленного внедрения капиталистических методов эксплуатации часть крестьян превращалась в сельских пролетариев — сезонных рабочих и батраков-пеонов. Существенной перестройке подвергалась старая система барангаев. Их внутренняя стабильность была подорвана с ростом помещичьего землевладения, изменениями в методах эксплуатации, обезземеливанием и разорением крестьянства. Во второй половине XIX в. отходы крестьян на сезонные заработки (нередко в отдаленные провинции и города) превратились в массовое явление, результатом которого было ослабление традиционных связей внутри барангаев. По словам одного из испанских историков середины прошлого века, «барангаи теперь существуют лишь в налоговых списках кабеса — крестьяне рассеяны либо по всему пуэбло, либо по другим провинциям». Хотя пережитки патриархальных представлений и связей достаточно стойко удерживались в сознании крестьянства, нарушение внутренней замкнутости барангаев приводило к подрыву патриархальных устоев, а усиление экономической власти касиков и эксплуатации со стороны местного помещичьего слоя — к углублению противоречий между крестьянами и помещиками-филиппинцами.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ДЕРЖАВАМИ НА ЮГЕ АРХИПЕЛАГА. ПОТЕРЯ НЕЗАВИСИМОСТИ МОРО

Объектом военно-политических авантюр и источником противоречий между капиталистическими державами на Филиппинах были не собственно испанские владения, где экспансия осуществлялась в форме проникновения и освоения местного рынка европейским и американским торгово-промышленным капиталом, а южные независимые районы архипелага — султанат Сулу и подчиненные ему территории Северного Калимантана, расположенные на торговых путях в Китай.

В первой половине XIX в. испанская колониальная администрация не располагала достаточными военными силами для завоевания мусульманских территорий. В конце 30-х годов основными соперниками испанцев в районе Сулу — Северного Калимантана были англичане и французы, старавшиеся распространить свое влияние на эти территории.

Обеспокоенные их действиями, испанские колонизаторы предприняли ряд мер по стабилизации отношений с султанатом Сулу. В 1836—1837 гг. генерал-губернатор Филиппин подписал с султаном договоры о дружбе и торговле, гарантировавшие испанцам свободу коммерческой деятельности в султанате и мореходства в море Сулу и содержавшие взаимные обязательства по оказанию военной помощи в случае конфликтов с третьей державой. В 1842 г. испанцы выстроили форт на Басилане с целью обеспечения контроля над этим островом и группой соседних островов Балангинги, расположенных у границ Сулу, а также защиты Замбоанги от рейдов воинственных самалов, населявших Басилан.

Политика Англии на юге архипелага была связана с ее планами по установлению контроля «ад торговыми путями к дальневосточным рынкам и усилением проникновения на индонезийские территории, не занятые голландцами. В столице султаната Сулу обосновались английские агенты, занимавшиеся сбором информации и шпионажем при дворе султана. В результате в Холо возникла сильная проанглийская группировка, в которую вошел ряд влиятельных дато. В начале 1844 г. в Сулу прибыл английский корвет под командованием капитана Белчера. Целью его миссии было заключение очередного договора о дружбе и торговле. Попытки договориться по этим вопросам с султаном Пулалуном были неудачны. Однако Белчер сумел подписать несколько договоров с проанглийски настроенными дато, которые гарантировали англичанам свободу коммерции.

В то же время попытку укрепиться на юге архипелага предприняли и французы, интерес которых к этому району был связан с поисками удобной опорной базы на пути в Китай. С начала 40-х годов французские военные и торговые суда стали часто курсировать в море Сулу. В 1843 г. французские агенты заключили торговый договор с султаном Пулалуном. В 1844 г., после того как самалы из приморского поселения Малусо на Басилане напали на французское судно, убив офицера и захватив в плен трех матросов, французская военная эскадра, несмотря на протесты испанского губернатора Замбоанги, блокировала Басилан и соседние с ним мелкие острова. Испано-французский конфликт обострился в 1845 г., когда французский дипломатический представитель в Китае Грене начал переговоры с султаном Сулу о продаже Франции о-ва Басилан, вассальной территории султаната, под предлогом защиты французских кораблей от нападений самалов. В результате переговоров Пулалун согласился продать остров за 100 тыс. мекс. долл. Это соглашение не получило, однако, одобрения со стороны правительства Франции, не желавшего вступать в открытый конфликт с Испанией.

Тем не менее попытка французов укрепиться на юге Филиппин серьезно встревожила испанцев. В 1846 г. по приказу генерал-губернатора Клавериа на Басилане был выстроен еще один форт для защиты острова от новых попыток французских территориальных захватов. Одновременно испанцы стали проводить более активную политику по завоеванию и подчинению мусульманских районов. В 1846 г. они договорились с султаном Магинданао о передаче им довольно обширной территории в районе залива Давао (в восточной части Минданао). Но из-за сопротивления местного населения испанские колонизаторы к 1848 г. смогли захватить лишь прибрежный район. В 1846—1848 гг. продолжалась кампания по завоеванию группы островов Балангинги, находившихся в вассальной зависимости от султаната Сулу. Овладение этими островами, расположенными: между Басиланом и архипелагом Сулу, позволяло испанцам более эффективно контролировать район, входивший в сферу колониальных интересов европейских соперников Испании. Кроме того, испанцы были заинтересованы в покорении местных племен самалов, отличавшихся воинственностью и издавна занимавшихся морским пиратством, которое причиняло большой ущерб приморским районам Висайев и Южного Лусона. Сопротивление самалов было сломлено в 1848 г., после присылки из метрополии трех военных паровых судов, включенных в эскадру, которая блокировала центральный остров Балангинги. Испанские колонизаторы действовали с исключительной жестокостью. Они почти поголовно истребили все

население острова, а немногих оставшихся в живых (преимущественно женщин и детей) отправили на Лусон и расселили в долине р. Кагаян. Были дотла разрушены три крепости самалов, выжжены селения, уничтожены посеы, вырублено несколько тысяч кокосовых пальм.

В то время, когда испанцы завершали кампанию по покорению самалов, в Холо прибыл английский военный корабль, на борту которого находился английский генеральный консул в Брунее Джеймс Брук, известный своей деятельностью по распространению английского влияния в Северном Калимантане. Он повел переговоры с султаном о подписании договора с англичанами. Обстановка в Сулу способствовала успеху его миссии. При дворе султана усилились позиции проанглийской группировки, отношения с испанцами ухудшились в результате захвата территории самалов, принадлежавшей султанату. Правители Сулу были встревожены событиями в соседней Индонезии, где в этот период голландцы вели войны за овладение еще не колонизованными территориями; они опасались голландской агрессии на Филиппины.

В итоге переговоров с Пулалуном Брук получил одобрение составленного им текста договора, который и был подписан в мае 1849 г. Английские подданные получили право свободного въезда и поселения в султанате, приобретения всех видов собственности; в коммерческой деятельности они получали привилегии наиболее благоприятствуемой нации. Откровенно анти-испанский характер носила одна из статей договора, согласно которой султан обязывался не передавать никому территории, входящие в его владения, и не признавать суверенитета никакой другой державы без согласия английского правительства. Конфликт, приобретающий все более скандальный характер и грозивший серьезными международными осложнениями, рассматривался правительствами Испании и Англии, в результате чего в Лондоне отказались от ратификации договора.

Борьба держав за распространение политического влияния в южных районах Филиппин, попытки территориальных захватов, угроза новых военно-политических акций со стороны европейских соперников Испании — все эти факторы побуждали испанских колонизаторов усилить наступление на мусульманские султанаты, ускорить их завоевание и присоединение к колонии. Процесс завоевания Сулу и мусульманских районов Минданао продолжался с середины XIX в. почти до конца испанского колониального господства на Филиппинах. Первоочередной задачей было покорение султаната Сулу, оказавшегося в 40-х годах в центре испано-английских и испано-французских противоречий.

Подготовка к военной кампании в Сулу началась в конце 40-х годов. В качестве предлога для отправки военной эскадры в Холо генерал-губернатор Урбистондо выдвинул обвинение в адрес султана Сулу, якобы оказывавшего поддержку пиратским рейдам с Басилана. Море были готовы к войне: укрепленна столица и в крепости во внутренних районах архипелага из Холо отправлены старики, женщины и дети. Мусульманские войска, по сведениям испанской разведки, составляли более 10 тыс. Испанская эскадра, появившаяся у берегов Сулу 1 января 1851 г., была встречена артиллерийским огнем и вынуждена вскоре уйти в Замбоангу. В конце февраля испанская флотилия, укрепленная паровыми судами, вновь подошла к Холо. Испанские колонизаторы захватили и разрушили город. Используя традиционную тактику, султан с уцелевшими войсками укрылся в горных крепостях. Испанцы не стали преследовать противника и, оставив небольшой гарнизон в Холо, отошли в Замбоангу. Кампания 1851 г. завершилась заключением мирного договора, согласно которому султанат Сулу переходил под протекторат Испании². Вслед за подписанием договора с Сулу они захватили о-в Басилан, присоединив его к своим владениям. Усиление позиций Испании на юге Филиппинского

² В Холо был поднят испанский флаг, размещен военный гарнизон, открыта испанская торговая контора. Испанцы получили право свободного въезда и поселения в султанате. Султан лишился права заключать соглашения с другими иностранными державами и вести с ними прямую торговлю.

архипелага вызвало тревогу в английских колонизаторских кругах. Англичане отказались признать договор 1851 г., демонстративно продолжая отношения с султанатом как независимым государством.

Осенью 1851 г. испанцы приступили к осуществлению планов по подчинению мусульманских районов Минданао. Испанские владения на Минданао включали кроме района Замбоанги ряд территорий в долине р. Сибугай (в северо-западной части острова), земли вокруг Илигана (на северном побережье), захваченную в 1848 г. узкую береговую полосу вдоль залива Давао. Центральные (район оз. Ланао, долины р. Симуай и Пуланги) и южные части острова находились под контролем султанов и феодальных правителей Магинданао и Буайана. Внутренняя обстановка в мусульманских районах в этот период характеризовалась усилением междоусобной борьбы в султанате Магинданао, ослаблением власти султана и укреплением политических позиций давнего соперника Магинданао — Буайана. Султан Магинданао, рассчитывая на испанскую помощь в борьбе с султаном Буайана и собственными дато, передал испанцам ряд территорий, расположенных в центре его владений (по нижнему течению Пуланги). В знак признания «заслуг» султана испанские власти присвоили ему в 1860 г. звание генерал-лейтенанта и объявили его «королем Тамонтаки» (в то время столица Магинданао). В 1861 г. султан позволил испанцам оккупировать Котабато, один из главных центров султаната, и разместить там гарнизон. С 1863 г. обедневший султан (лишившийся большинства территорий, население которых платило ему налоги) стал получать пенсию от испанского генерал-губернатора. В начале 60-х годов захваченные мусульманские территории были разделены на шесть округов (пять — на Минданао и один — на Басилане), поставленных под контроль военной администрации.

С конца 60-х годов внимание испанцев вновь переключилось на район Сулу, где султан Джамаль-уль-Азам, сменивший на троне умершего Пулалуна, стал проводить независимую внешнюю политику, поддерживая прямые торговые отношения с европейцами вопреки положениям договора 1851 г.

Испанцы усилили контроль над коммерческой деятельностью жителей султаната, что привело в конце концов к конфликту с султаном. Непосредственным поводом послужил отказ султана выдать испанцам пятерых моро, бежавших от преследования испанских патрулей, которые занимались проверкой грузов на местных торговых судах (в целях борьбы с контрабандой). Испанцы обстреляли Холо и прислали султану испанский флаг с требованием поднять его над столицей, но Джамаль-уль-Азам публично его сжег. В Маниле было объявлено о восстании в султанате.

С начавшейся в 1876 г. военной кампанией в Сулу многолетняя борьба султаната против испанских колонизаторов вступила в свою последнюю фазу, окончившуюся потерей независимости моро. Наступление на Сулу тщательно планировалось и готовилось испанцами. Помимо военных приготовлений в Маниле была развернута широкая пропагандистская кампания в поддержку наступления на мусульманские территории. Вдохновителями экспансии выступали испанские монахи, объявившие «священную войну в защиту христианской веры», призывавшие к «огню и крови» и поголовному истреблению мусульман. Монахи руководили сбором денежных пожертвований на военные нужды, которые составили 250 тыс. песо. Религиозная пропаганда, традиционная политика испанских колонизаторов, поддерживавших и разжигавших враждебность филиппинцев-христиан к моро, привели к тому, что антимусульманские настроения широко распространились среди христианского населения Филиппин.

Из Манильского порта в начале февраля 1876 г. вышла испанская эскадра, держа курс на Замбоангу. Она состояла из 32 военных судов, в том числе 10 паровых с 9 тыс. солдат-испанцев и волонтеров-филиппинцев на борту. Экспедицией руководил генерал-губернатор Хосе Малькампо. В конце февраля испанский флот подошел к берегам Сулу. Солдаты высадились на побережье в нескольких километрах восточнее Холо. По планам

испанского командования, отряды должны были по суше подойти к Холо и начать операцию по взятию столицы султаната.

Высадившиеся на побережье солдаты сразу же подверглись нападению мусульман, оттеснивших их в глубь острова. План сухопутного продвижения к Холо не был осуществлен. Испанские солдаты не смогли продвигаться по заболоченным джунглям. С трудом отражая набеги мورو, они со значительными людскими потерями вернулись на побережье. Малькампо приказал атаковать Холо с моря. Испанцы сравнительно легко овладели столицей, подвергнув ее мощному артиллерийскому обстрелу. Но султан сумел сохранить основные военные силы, отступив в горную крепость, которую испанцы не смогли взять в течение всей кампании. Военные действия затянулись до 1878 г. Мورو перешли к методам партизанской войны, наносившей большой урон испанским военным силам. Среди мусульман широко распространена была тактика «хураментадо» воинов-моро, которые в состоянии религиозного экстаза бросались на врагов, убивая их до тех пор пока сами не погибали. «Хураментадо» оказывали сильное психологическое воздействие на противника, вызывая страх и панику среди солдат. Испанцы сумели прочно укрепиться только в Холо. Большая часть территории острова контролировалась султаном, который не только руководил операциями партизанских отрядов, но не прекращал торговых и политических контактов с англичанами и представителями других европейских держав.

В районе Сулу и Северного Калимантана в этот период активно действовали англичане и немцы. В 1877 г. Англия и Германия добились от Испании подписания совместного протокола, гарантировавшего английским и немецким подданным свободу торговли в Сулу. В начале 1878 г. англичане основали на территории Северного Калимантана, арендованной ими у султана Брунея, Британскую компанию Северного Борнео по развитию коммерции и сельского хозяйства. Одновременно английский губернатор о-ва Лабуан Тричер договорился с султаном Сулу о сдаче в аренду компании еще целого ряда принадлежавших султанату территорий Северного Калимантана, в том числе районов Сандакан и Сабах, на которые претендовали голландцы и испанцы. Последние воздерживались от протестов по поводу действий англичан до окончания военной кампании в Сулу.

Увеличивая морские и сухопутные силы и проводя тактику уничтожения населенных пунктов и поголовного истребления населения, испанцы в июле 1878 г. добились от султана подписания договора о капитуляции, положившего конец независимости мورو. Джамаль-уль-Азам признал суверенитет Испании, но испанцы вынуждены были предоставить султану некоторую автономию в вопросах, касавшихся внутреннего управления и коммерческой деятельности.

Завоевание Сулу испанцами привело к значительному обострению противоречий между Испанией и Англией. В центре испано-английских споров был вопрос о территориях Северного Калимантана, переданных султаном в аренду Британской компании Северного Борнео. Испанцы сразу же после подписания договора 1878 г. объявили их суверенным владением Испании и потребовали аннулировать соглашение об аренде. Испано-английские противоречия переплетались с англо-германскими. Германия заявила о готовности признать суверенитет Испании на всей территории султаната при условии обеспечения права свободной торговли не только в Сулу (в соответствии с протоколом 1877 г.), но и в части Северного Калимантана, занятой англичанами. Дипломатическая борьба трех держав продолжалась до 1885 г., когда наконец был подписан новый договор, согласно которому Германия и Англия признали испанский суверенитет над архипелагом Сулу и о-вом Палаван, Испания же отказалась от своих притязаний на Сабах и Сандакан. В 1888 г. эти две области перешли под протекторат Англии.

Что касается мусульманских районов на Минданао, то процесс их завоевания продолжался до начала филиппинской национально-освободительной революции (1896 г.)

В 70-е годы XIX в. султанат Магинданао пришел в упадок, распавшись на мелкие султанаты и княжества. Основным политическим центром Минданао стал султанат Буайан. В 1875 г. к власти в Буайане пришел дато Утто (принявший на троне имя Анвар-уд-Дин), который создал довольно крупную федерацию, объединив земли в долине Пуланги и провозгласив себя султаном Буайана и Магинданао. В его лице испанские колонизаторы столкнулись с серьезным противником (испанцы называли Утто «вторым Кударатом»). В начале 80-х годов Утто вытеснил испанцев из ряда местностей в нижнем течении Пуланги.

Крупные военные операции против Утто были предприняты: в 1886—1887 гг. генерал-губернатором Терреро, сумевшим, хотя и с большим трудом, овладеть столицей Буайана в верхнем течении Пуланги. С потерей столицы войска Утто отошли во внутренние районы Минданао. Испанцы не стали преследовать их, используя тактику заключения сепаратных соглашений и привлечения на свою сторону правителей мелких султанатов и княжеств, недовольных усилением власти Утто. Лишившись части территории и поддержки местных феодалов, Утто вынужден был пойти на заключение мирного договора с испанцами (1887 г.). Признав суверенитет Испании, он все же сумел сохранить значительную долю самостоятельности. Владения султана оставались фактически закрытыми для проникновения представителей колониальной администрации и испанских католических миссий. К концу жизни Утто (он умер в 1902 г.) усилил централизованную власть, подчинив непокорных дато и значительно расширив территориальные границы Буайана.

Новая кампания по завоеванию центральных территорий Минданао была развернута генерал-губернатором Вейлером в 1888—1891 гг. Основным районом военных действий на этот раз стала местность между оз. Ланао и Малабангом, портом на западном побережье Минданао. Большинство населения этого района составляли маранао, жившие вокруг оз. Ланао, и ирануны — население приморских территорий. Эта кампания была не очень удачной для колонизаторов. Моро использовали испытанную тактику уклонения от крупных сражений, отхода в горные, труднодоступные области, партизанские методы войны, действия «хураментадо». В результате к 1891 г., когда Вейлер временно прекратил военные операции, испанцы смогли закрепиться лишь на морском побережье в Малабанге. В районе Ланао они захватили несколько мусульманских укреплений, однако все основные территории маранао оставались вне контроля испанских колонизаторов. Небольшого успеха добились испанцы и в возобновившейся в 1894 г. военной кампании против маранао, продолжавшейся до 1896 г. С началом антиколониальной революции в христианизированных районах Филиппин испанские власти перебросили основные военные силы, действовавшие на мусульманских территориях, в Манилу. Процесс завоевания Минданао не был, таким образом, завершен ко времени появления на Филиппинах новых колониальных хозяев — империалистов США.

Глава VII

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Кризис испанского колониализма на Филиппинах был подготовлен всем ходом их исторического развития. Методы испанской колониальной политики, основанные на консервации средневековых способов эксплуатации, социальном угнетении, национальной и расовой дискриминации филиппинцев, порождали противоречия между колониальным режимом и филиппинским обществом в целом. Изменения в экономической и социальной структуре колониального общества в XIX в. способствовали углублению этих противоречий. Испанский колониализм, сопротивлявшийся развитию

новых общественных отношений, служил тормозом экономического, социального и культурного прогресса, вызывал недовольство во всех классах и слоях филиппинского общества.

Узкая социальная база в лице филиппинских касиков, на которую опирались испанские колонизаторы в XVII—XVIII вв., была подорвана укреплением экономических позиций этого слоя. Хотя местная помещичье-бюрократическая верхушка продолжала выполнять свою основную социальную функцию, на первый план стали выступать ее противоречия с испанской колониальной системой. Касики были лишены гарантированного права на землю и другие виды собственности, подвергались политической дискриминации, в результате чего могли занимать лишь низшие посты в административном аппарате, терпели судебный произвол со стороны колониальных властей. Система расовой дискриминации, культивируемая испанцами, унижала национальное достоинство и самолюбие местных принсипалес. Экономические интересы филиппинских помещиков и зарождавшейся буржуазии приходили в столкновение с испанской колониальной политикой, препятствовавшей развитию в стране капиталистических отношений.

Основной слой зарождавшейся местной буржуазии — китайские метисы, занимая ведущие позиции в экономической жизни Филиппин, были полностью лишены гражданских прав, как и коренное население колонии.

С начала XIX в. стали распространяться оппозиционные настроения среди увеличившейся прослойки филиппинского духовенства, которая формировалась главным образом из среды касиков. Борьба священников-филиппинцев за секуляризацию¹ приходов (передачу их представителям местного белого духовенства) и уравнивание в правах с испанскими монахами приобретала в условиях всевластия церкви отчетливую антиколониальную направленность.

Существовала почва для проявлений недовольства колониальными порядками и среди малочисленного слоя креолов (испанцев, рожденных в колонии) и испанских метисов. Первые принадлежали к помещичьему классу и образовывали среднее звено в бюрократическом аппарате и армии. В социальной иерархии они занимали менее привилегированное положение, чем испанцы — уроженцы метрополии, что служило основой для появления в их среде оппозиционных настроений. Испанские метисы страдали от политической дискриминации: как и представители принсипалии, они не допускались к высшим постам, в чиновничьем аппарате, армии, церкви.

В начале XIX в. на зарождение оппозиции в имущих слоях филиппинского общества известное влияние оказали революционные события в метрополии и углубление кризиса колониального режима в американских владениях Испании.

В годы первой буржуазной революции в Испании (1808—1814) на Филиппинах появились либерально настроенные чиновники — испанцы, прибывшие из метрополии, отчего последовало общее смягчение режима управления, некоторое ограничение власти церкви. В среде образованных имущих слоев стали распространяться взгляды о необходимости уравнивания их в гражданских правах с испанцами—уроженцами метрополии. К числу сторонников либеральных преобразований принадлежал ряд влиятельных лиц, выходцев из помещиков, коммерсантов и бюрократических кругов. Формированию их политических взглядов способствовали декларации испанского правительства, получившие отражение в Кадисской конституции 1812 г., о предоставлении прав испанского гражданства и представительства в кортесах населению колониальных владений Испании, в том числе и Филиппин. В действительности уравнивание в правах с жителями метрополии никак не проводилось в жизнь, а право представительства в кортесах распространилось лишь на испанцев — чиновников колониального аппарата и на узкую креольскую верхушку. На первой сессии кортесов,

открывшейся в Мадриде в сентябре 1810 г., Филиппины представляли два испанских чиновника и богатый манильский коммерсант креол Вентура де лос Рейес¹.

Едва наметившаяся тенденция к оживлению общественной жизни в колонии была приостановлена после поражения испанской революции 1808—1814 гг. Однако оппозиционные настроения в местных креольских и филиппино-метисских имущих слоях продолжали расти. В начале 20-х годов усилилось недовольство среди офицеров-креолов и испанских метисов, подвергавшихся дискриминации со стороны испанцев. Частичная замена местных офицерских кадров присланными из метрополии испанцами, осуществленная генерал-губернатором в 1822 г. в качестве меры по борьбе с оппозиционными настроениями среди офицерства, вызвала антииспанский заговор и вооруженный бунт в королевском манильском полку (1823 г.), который возглавил испанский метис капитан Новалес. Несколько военных бунтов были подняты представителями креольского и метисского офицерства в конце 30-х годов, что было связано с общим подъемом антиколониальных настроений, вызванным принятием испанской Конституции 1837 г., которая лишила местные имущие слои всякой надежды на уравнивание в гражданских правах с жителями метрополии. В 20—30-е годы расширилось и окрепло оппозиционное движение в среде местного духовенства. Под давлением орденовских организаций в 1826 г. был издан указ о прекращении секуляризации и возвращении большинства уже секуляризованных приходов испанскому регулярному духовенству, что привело к обострению конфликта между филиппинскими священниками и монашескими орденами. В обстановке роста антииспанских настроений движение за секуляризацию приходов, пользовавшееся сочувствием широких масс населения, превращалось в одну из форм организованной антиколониальной борьбы. В конце 30-х годов протесты филиппинского духовенства против нового постановления церковных властей о замене во всех приходах священников-филиппинцев испанскими монахами получили поддержку в оппозиционных выступлениях местного офицерства и филиппино-метисских помещичье-буржуазных кругов. В результате архиепископ вынужден был приостановить действие этого постановления.

В оппозиционном движении местных имущих слоев в 30-х — начале 40-х годов XIX в. стали появляться достаточно четко сформулированные требования буржуазно-демократических преобразований. Выразителем пробуждающегося национального самосознания выступала филиппино-метисская интеллигенция.

В период испанской революции 1808—1814 гг. создались благоприятные условия для расширения образованной прослойки среди филиппинцев и метисов. Одно из немногих постановлений революционного правительства, проведенных в жизнь на Филиппинах, закрепляло за представителями местных имущих классов право получения образования за границей. В результате стало быстро расти число молодых филиппинцев и метисов из обеспеченных семей, уезжавших учиться в Европу — в университеты Испании, Англии, Германии. Впервые им был открыт доступ к светскому образованию. Среди филиппинских «илюстрадос» (просвещенных) получили распространение профессии адвокатов, журналистов, учителей, появились и представители творческой интеллигенции — архитекторы и художники, впервые обратившиеся в своем творчестве к светским сюжетам. Знакомство с европейской культурой, литературой, общественно-политической и философской мыслью способствовало духовному развитию молодой филиппинской интеллигенции и воздействовало на формирование ее мировоззрения, пробуждение национального и общественного сознания.

Испанское правительство в связи с возросшими потребностями экономической эксплуатации Филиппин было заинтересовано в увеличении слоя местного образованного

¹ Первый и последний раз представитель от коренного филиппинского населения был избран делегатом в испанские кортесы 1834—1837 гг. (адвокат Хуан Франсиско Лекарос). Принятая на одной из сессий новая испанская Конституция 1837 г. объявила Филиппины коронной колонией, управляемой «на основе особых законов, и отменила их представительство в кортесах.

населения. В 1863 г. оно провело реформу образования, предоставив право обучаться в университете выходцам из филиппино-метисских семей. Религиозные ордена, сохранявшие монополию в области просвещения, опасаясь роста оппозиционных настроений среди молодежи, попытались отвлечь молодых филиппинцев от поездок в Европу с помощью существенного изменения программ обучения в коллегиях и университете. Был сокращен объем богословских дисциплин, введены курсы по юриспруденции, математике, фармакологии, медицине. Иезуиты, получившие в 1852 г. право вернуться на архипелаг, открыли в Маниле новое учебное заведение — «Атенео», где впервые студенты получили возможность в довольно большом объеме изучать естественные дисциплины и европейскую историю. Иезуиты, вводя более прогрессивные методы преподавания, старались использовать «Атенео», чтобы привлечь и подчинить своему влиянию филиппинскую молодежь, учитывая ее тягу к просвещению и растущие оппозиционные настроения. Одновременно с университетской реформой в 1863 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании и открытии средних профессиональных школ и педагогических училищ в городах и крупных пуэбло. Это мероприятие сыграло большую роль в создании условий для формирования мелкобуржуазной разночинной интеллигенции.

С самого начала процесс пробуждения национального самосознания в имущих образованных слоях приобрел общефилиппинский характер, что обуславливалось историческими особенностями развития Филиппин. Общность территории и складывающееся экономическое единство способствовали ускорению этнической консолидации крупных, наиболее развитых народов (тагалов, пампанганов, клоков, висая) и одновременно появлению тенденции к общефилиппинскому национальному единству. Единство культуры создавалось в результате массовой христианизации и распространения единой системы образования. Выделившаяся уже в XVIII в. узкая просвещенная прослойка «илиустратос», представители которой у каждого народа выступали провозвестниками и выразителями процесса этнической консолидации, формировалась из принсипалии — социального слоя, созданного колонизаторами и объединенного привилегированным общественным положением по отношению к основной массе коренного населения. Эта особенность не могла не оказать влияния на процесс развития национального самосознания. Формирующаяся филиппинская интеллигенция, ощущавшая себя представителем всего филиппинского народа, стала выразителем идеи общефилиппинского национального единства.

В этом отношении показательна история тагальской интеллигенции, которая играла ведущую роль в процессе культурного и национального объединения филиппинского общества в целом. Этому способствовали исторически сложившиеся условия, при которых тагальское население в области экономического, общественного и духовного развития опередило другие народы архипелага. В XIX в. рост этнического самосознания тагалов проявлялся в развитии тагальской литературы и искусства. Первым профессиональным поэтом на Филиппинах считается Франсиско Бальтасар (Балагтас, 1788—1862 гг.), основоположник тагальской поэзии, творчество которого в то же время послужило основой для развития общенациональной филиппинской литературы. Появление в 1839 г. знаменитой поэмы Балагтаса «Флоранте и Лаура», в которой в иносказательной форме критиковались колониальные порядки, было воспринято его современниками как крупное событие в общественной и культурной жизни. Тагальская интеллигенция была тем ядром, вокруг которого происходило объединение передовых сил Филиппин. Из ее среды вышли многие руководители и идеологи реформаторского движения и революции 1896—1898 гг.

Особенностью формирования идеологии зарождавшегося на Филиппинах национально-освободительного движения была ее ориентированность на общественные и духовные идеалы Запада. Эта особенность была связана с отсутствием у филиппинцев традиций феодально-патриотической идеологии (в силу ранней колонизации,

осуществленной в то время, когда на архипелаге не успели сложиться государственность, единая культура и религия) и с характером их духовного развития в колониальный период под влиянием христианизации и испанизации культуры.

Мировоззрение передовых кругов филиппинского общества формировалось под воздействием европейских демократических и просветительских идей. С позиций буржуазного просветительства велась критика существовавших порядков, которая в условиях колониальной страны приобретала отчетливо выраженную антиколониальную направленность.

Буржуазно-просветительские идеи получили отражение в программах первых реформаторских организаций, появившихся на Филиппинах в конце 60-х годов XIX в. и объединивших всех, образованных представителей филиппинского общества.

Возникновению организованного буржуазно-либерального движения за реформы способствовала политическая обстановка в метрополии. Влияние событий 1868 г. в Испании (пятая буржуазная революция 1868—1874 гг.) выразилось (как и в период революции 1808—1814 гг.) в либерализации колониального режима на Филиппинах, ослаблении монашеского контроля в области просвещения и культуры, оживлении общественной жизни, появлении местной либеральной печати, на страницах которой филиппинская интеллигенция получила возможность довольно открыто высказывать свои взгляды и убеждения. Вскоре после начала революции группа филиппинцев (манильские чиновники, адвокаты, профессора) и либералов-испанцев из числа колониальных чиновников направила петицию временному правительству Испании, содержащую требование введения на Филиппинах всеобщего избирательного права, свободы слова, печати, собраний. Одним из центров оппозиционного движения стал Университет св. Фомы, где к этому времени появилась значительная прослойка студентов филиппинцев и метисов. В их среде в конце 60-х годов возникла нелегальная организация «Либеральная учащаяся молодежь», в создании которой большую роль сыграли популярные руководители движения за секуляризацию приходов Педро Пелаес и Хосе Бургос, незадолго перед тем получившие университетские: кафедры теологии, и известный манильский адвокат и либерал Пардо де Тавера, читавший в университете курс права.

В 1869 г. в Маниле была образована «Хунта сторонников реформ», объединившая представителей помещичье-буржуазных слоев, манильской интеллигенции, местного духовенства. Она подразделялась на две секции — светскую и духовную. Программы обеих организаций носили умеренно либеральный характер, отражая интересы креольской и филиппино-метисской верхушки. Политическим идеалом реформаторов была «ассимиляция Филиппин с Испанией», под которой подразумевалось превращение архипелага в провинцию Испании с распространением на него испанского законодательства, действовавшего в метрополии, и восстановление права представительства в испанских кортесах. В программы были включены также требования введения на Филиппинах всеобщего избирательного права, гарантии личной свободы и собственности, секуляризации просвещения, отмены монашеской цензуры, уравнивания в правах представителей филиппинского и испанского духовенства.

На Филиппинах, где влияние церкви распространялось на все сферы жизни общества, любая критика существовавших порядков неизбежно включала в себя элементы антиклерикализма и прежде всего обличения монашеского гнета. Филиппинские либералы отделяли всевластие орденов от общей системы испанского колониализма, видели в господстве орденов то главное зло, устранение которого откроет путь к прогрессивному развитию общества. Наиболее смелыми и активными обличителями монашеских орденов были руководители и идеологи местного духовенства. При этом в программу реформаторского движения были включены не только требования ограничения контроля церкви над общественной и духовной жизнью филиппинцев, но и изгнания из страны всех религиозных орденов, что в глазах церковников было равносильно призывам к революции.

На рубеже 60—70-х годов участники кампании за реформы получили возможность легальной пропаганды и деятельности. Летом 1869 г. в Манилу прибыл новый генерал-губернатор Карлос Мария де ла Торре, либерал, сторонник изменения колониальной политики. Торре выступил с весьма широкими обещаниями реформ в области административного управления, экономики, распространения на Филиппины испанских законов и демократических свобод, с энтузиазмом встреченными местными либеральными кругами.

Манифестация, организованная руководителями движения за реформы, состоялась в Маниле в июле 1869 г. В ней приняли участие члены «Хунты сторонников реформ», студенты Университета св. Фомы, представители интеллигенции, буржуазных и бюрократических кругов. Манифестация отличалась исключительно мирным и лояльным характером. Торре приветствовал участников шествия и устроил торжественный прием в Мала-каньяне (губернаторском дворце), на который были приглашены руководители движения за реформы, представители купечества, интеллигенции, чиновничества. От лица собравшихся генерал-губернатору была передана петиция, содержащая жалобы на дискриминацию филиппинцев и метисов испанскими колониальными властями и на произвол монахов, требование уравнивания в правах с жителями метрополии.

21 сентября 1869 г. в Маниле было объявлено о введении новой испанской конституции, предусматривавшей расширение гражданских прав населения колоний. В тот же день руководители кампании за реформы организовали еще одну манифестацию в поддержку испанского правительства и либеральных начинаний генерал-губернатора.

Обеспокоенный возрастающей активностью оппозиционного движения и сознавая необходимость более гибких методов колониальной политики, Торре в начале 70-х годов попытался осуществить свою программу преобразований. Он стал шире привлекать к участию в колониальной администрации представителей креольской и метисской верхушки, издал декреты о запрещении монашеской цензуры и распространении на Филиппины свободы слова и печати. В 1870 г. был создан специальный совет по проведению экономических преобразований, отвечавших интересам местной буржуазии, а в конце этого года Торре добился одобрения Мадридом декрета о секуляризации просвещения.

Однако проведение в жизнь мероприятий Торре было сорвано монашескими орденами, которых поддержали реакционные клерикальные и бюрократические круги метрополии. В начале 1871 г. он был отозван в Испанию. После отъезда Торре были отменены его декреты о секуляризации просвещения, запрещении монашеской цензуры и приостановлено введение демократических свобод, провозглашенных испанской Конституцией 1869 г. В стране был восстановлен реакционный полицейский режим. Монашеские ордена вновь упрочили свои позиции и усилили борьбу против филиппинского духовенства и оппозиционных сил, выступавших за буржуазно-демократические преобразования.

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Формирование либеральной оппозиции с начала XIX в. происходило в обстановке подъема стихийной народной борьбы. В первые десятилетия XIX в. она развертывалась вне связи с оппозиционным движением имущих слоев. Ее подъем был вызван ухудшением положения народных масс в результате изменений в методах эксплуатации, связанных с перестройкой структуры колониальной экономики, усилением помещичьего гнета, обезземелением и разорением крестьян.

В крестьянских движениях преобладали антиколониальные лозунги и требования. Вместе с тем по мере роста противоречий между крестьянами и местным помещичьим слоем в них стали чаще появляться элементарные классовые требования.

Среди крестьянских восстаний большой активностью отличались выступления крестьян-илоков. Одной из причин крестьянских волнений в Илокосе было ухудшение положения крестьянства, вызванное действием правительственных монополий (табачной и винной), подрывавших основные отрасли хозяйства илокосских крестьян из-за введения запрета на свободное выращивание табака и на производство местного алкогольного напитка «баси». На характер крестьянских движений в Илокосе большое влияние оказывало также углубление противоречий внутри илокосской деревни, связанное с ростом экономического и политического влияния местной принсипалии и усилившимся процессом обезземеления илокосских крестьян в результате захвата крестьянских участков помещиками-касиками. Против гнета правительственных монополий были направлены крестьянские бунты 1807 г., а также восстание 1811 г., принявшее форму религиозного сектантства. Два крупных восстания илоков в 1814—1815 гг. под руководством крестьянских вожakov были подняты в ответ на усиление эксплуатации со стороны местных помещиков и кабесерии.

В 1828—1829 гг. испанские колонизаторы подавили последние очаги многолетнего крестьянского движения на о-ве Бохоль (восстание Дагохоя). К этому времени оно приобрело чисто крестьянский характер — представители принсипалии, принимавшие активное участие в восстании на его начальных этапах, полностью отошли от движения, повстанческие отряды стали возглавлять командиры из бохоланских крестьян.

Крупным антиколониальным восстанием (1840—1842гг.), отразившим рост всеобщего недовольства испанским режимом, было движение Аполинарио де ла Круса. По своему характеру, масштабам, воздействию на общественно-политическую жизнь страны оно было первым антииспанским выступлением, которое сыграло значительную роль в пробуждении национального самосознания филиппинцев. Движение, облеченное в форму религиозного сектантства, охватило тагальские районы Центрального Лусона (провинции Тайабас, Лагуна, Батангас). Его руководитель Аполинарио де ла Крус был выходцем из тагальских касиков. В начале 1840 г. он основал на своей родине в Тайабасе религиозную общину — Братство св. Хосе, своего рода монашескую организацию для филиппинцев, не допускавших в испанские религиозные ордена. Аполинарио де ла Крус возглавил вооруженное выступление в конце 1840 г., после того как руководство францисканского ордена (под «духовным» управлением которого находилась провинция Тайабас) запретило деятельность секты, обвинив ее участников в ереси и арестовав более ста человек (из общего числа ее последователей в 500—600 человек).

К началу 1841 г. Братство св. Хосе превратилось в организацию, объединившую в своих рядах несколько тысяч участников. Движение развивалось под религиозно-мистическими лозунгами: восставшие объявили монахов осквернителями католической религии, призывали к ее очищению, опираясь на веру в особые духовные силы Аполинарио де ла Круса, проявлением которых была приписываемая ему неуязвимость в сражениях, считая его посланцем богоматери на земле. Основную массу повстанцев составляли крестьяне-тагалы провинций Тайабаса, Лагуны и Батангаса, которые были одним из основных районов концентрации крупного орденского землевладения. Борьба крестьян была направлена прежде всего против монашеской эксплуатации и произвола приходских священников-испанцев. Но движение не ограничивалось чисто крестьянскими требованиями, в нем с самого начала получили отражение противоречия между филиппинским и испанским духовенством и недовольство колониальными порядками среди меггий принсипалии. Священник-филиппинец Кириасо де лос Сантос, участник движения за секуляризацию приходов, стал ближайшим помощником Аполинарио де ла Круса. Через него руководители восставших установили связи с рядом оппозиционно настроенных филиппинских деятелей в Маниле из либеральной столичной интеллигенции.

Хотя восстание носило локальный характер (оно охватывало только тагальские районы) и в братство принимались одни тагалы, а Аполинарио де ла Крус был

провозглашен королем тагалов, движение стало привлекать все большее внимание и сочувствие передовой интеллигенции и местного духовенства.

Военные успехи повстанцев (к осени 1841 г. они контролировали территорию всех трех тагальских провинций и захватили столицу Тайабаса) вызвали панику среди испанских колонизаторов. В восставшие провинции были направлены регулярные войска, снабженные артиллерийскими орудиями, и добровольческие отряды, организованные монахами. Испанцам удалось подавить восстание лишь в начале 1842 г., после трех месяцев борьбы с повстанцами. Большинство руководителей движения погибло в сражениях. Аполинарио де ла Крус был схвачен и расстрелян по приказу генерал-губернатора.

За подавлением движения последовали аресты широкого круга лиц, подозреваемых властями в сочувствии к восставшим. Жертвами репрессий оказались многие представители столичной интеллигенции и филиппинского духовенства.

Расправа испанских колонизаторов с повстанцами, казнь популярного народного вождя, репрессии в мятежных провинциях и столице вызвали возмущение филиппинцев. В начале 1843 г. вспыхнул военный мятеж, возглавленный сержантом-та-галом и двумя офицерами-метисами, которые объявили себя последователями Аполинарио де ла Круса. Отголоски восстания 1840—1842 гг. получили отражение в крестьянских бунтах 40—50-х годов XIX в. и в росте сектантских движений.

В истории стихийной народной антиколониальной борьбы на Филиппинах XIX в. особое место занимает восстание 1872 г. в Кавите. Филиппинцы считают его важнейшей вехой в развитии общефилиппинского движения против испанского колониального ига.

Действительно, события в Кавите вышли за рамки локального мятежа, вызванного очередным беззаконием властей и усилением колониальной эксплуатации. Они способствовали росту патриотических чувств и настроений среди всех слоев филиппинского общества.

Восстание в Кавите произошло в период усиления реакционного полицейского режима на Филиппинах. Сменивший Торре генерал-губернатор Искьердо, покончивший с либеральными начинаниями своего предшественника, проводил традиционную политику жесткого социального и национального угнетения филиппинцев. Будучи одним из районов крупного орденового землевладения, провинция Кавите с начала 70-х годов была охвачена крестьянскими волнениями, заставившими колониальные власти ввести военное положение на ее территории и в соседней Пампанге. В такой обстановке 20 января 1872 г. было поднято восстание рабочими и солдатами артиллерийского и морского арсеналов в г. Кавите — центре провинции. Поводом к выступлению послужило обнаружение губернаторского указа о распространении на филиппинцев — рабочих арсеналов подушного налога, от уплаты которого по существовавшему испанскому законодательству они до сих пор были освобождены наряду с солдатами-филиппинцами. Недовольство рабочих поддерживали солдаты и офицеры из филиппинцев и метисов, возглавившие антииспанский заговор. Организаторы заговора планировали начать восстание одновременно в Кавите и Маниле, рассчитывая на поддержку городской бедноты, населявшей столичное предместье Тондо. Однако заговор был плохо организован, неясны были его конечные цели, слабо соблюдалась конспирация, в результате чего предполагавшееся время выступления в Маниле стало известно испанцам. Мятеж в столице был предотвращен испанскими властями, которые расформировали вовлеченные в заговор военные части и арестовали их руководителей-офицеров. В Кавите восстание началось в ночь с 20 на 21 января, согласно намеченному плану. Рабочие арсеналов и солдаты артиллерийского и пехотного полков разоружили и перебили испанских офицеров, освободили заключенных из городской тюрьмы и заняли крепость Сан-Фелипе.

Правительственные войска, стянутые в Кавите, сумели в течение двух дней расправиться с мятежниками. Искьердо стал проводить политику массового террора в отношении филиппинцев. Первыми были арестованы все руководители движения за

реформы — Пардо де Тавера, Хосе Баса, Рехидор-и-Хурадо и др. — и лидеры местного духовенства. К смертной казни были приговорены 41 из подозреваемых организаторов заговора, 28 из них смертный приговор был заменен ссылкой на Каролинские и Марианские острова. Общее же число сосланных составляло около 200 человек. Среди 13 казненных были наиболее популярные священники — Бургос, Гомес и Самора (которых архиепископ не решился лишить перед казнью священнического сана), почитаемые в наши дни на Филиппинах как национальные герои, борцы против колониализма.

Известия о терроре колониальных властей распространились по всей стране. Политика массовых репрессий, проводимая испанскими колонизаторами, рождала протест в разных социальных слоях, способствовала углублению противоречий между колониальным режимом и филиппинским обществом в целом.

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ (1682—1892)

В обстановке реакции, воцарившейся в стране после подавления восстания 1872 г., борьба народных масс на некоторое время затихла, передовые образованные круги лишились возможности продолжать пропагандистскую кампанию за реформы. Но и в этих сложных условиях не прекращался рост скрытой оппозиции испанскому режиму, предпринимались попытки полулегальной критики колониальных порядков. В общественной жизни страны в этот период заметное место занимала деятельность Марселе-дель Пилара (1850—1896), адвоката, выходца из богатой семьи тагалских касиков. В конце 70—80-х годов он выступал с довольно откровенной и смелой критикой монашеского произвола. Центром деятельности Пилара была провинция Булакан (его родина), где он пользовался большой популярностью среди местных жителей.

На рубеже 70—80-х годов усилилось брожение среди студенческой молодежи, принадлежавшей к той молодой филиппинской интеллигенции, которую впоследствии Хосе Рисаль назвал «поколением 72-го года», указывая на глубокое влияние трагических событий в Кавите как фактора, ускорившего пробуждение национального сознания филиппинской молодежи. Хосе Рисаль (1861—1896), в будущем крупнейший идеолог филиппинского буржуазно-националистического движения, а в то время 20-летний студент-медик Университета св. Фомы, стал одним из признанных лидеров манильского студенчества.

Несмотря на рост оппозиционных настроений в филиппинских образованных кругах, в стране не было условий для возрождения сколько-нибудь широкого, организованного движения за реформы. Такие условия сложились в начале 80-х годов в метрополии, где к этому времени появилась многочисленная эмигрантская колония филиппинцев (в Мадриде и Барселоне) из числа ссыльных (после событий 1872 г.), студентов, приезжавших в Испанию для продолжения образования, представителей креольских и филиппино-метисских кругов, покинувших родину из-за преследований колониальных властей и монахов. В социальном отношении филиппинская эмиграция была однородна, объединяя представителей имущих буржуазно-помещичьих слоев. С точки зрения оформления идейно-политической платформы реформаторского движения уже в начале 80-х годов среди филиппинских эмигрантов наметилось два направления. Первое представляли креолы и старшее поколение филиппинской интеллигенции, обосновавшиеся в метрополии еще в 70-х годах. Их программа повторяла полностью требования филиппинских реформаторов 60-х годов (ассимиляция островов с Испанией, представительство в кортесах, расширение гражданских прав креольской и филиппино-метисской верхушки), но без критики колониальной эксплуатации. Другое направление было представлено молодой филиппинской и метисской интеллигенцией, разделявшей общие требования реформаторов, но одновременно выступавшей с активной критикой колониальных порядков и монашеского произвола и с идеей патриотического воспитания филиппинцев, пробуждения в них национального и общественного сознания. Лидерами

этого течения стали Хосе Рисаль, уехавший с Филиппин в 1882 г. из-за преследования монахов, и Грасиано Лопес Хаэна (1856—1896), эмигрировавший в Испанию в 1880 г.

Началом мадридской кампании за реформы на Филиппинах (известной в филиппинской литературе как «период пропаганды») считается 1882 год, когда в Мадриде возникла первая организация реформаторов — Испано-филиппинский кружок, основанный креолом Хуаном Атайде. Он просуществовал всего год, распавшись в 1883 г. из-за обострения идейных разногласий между «умеренными» (руководство и креольское большинство в составе организации) и «радикалами» (представителями филиппино-метисской молодежи).

В последующие годы (1883—1888) происходило дальнейшее собирание сил эмигрантской интеллигенции, определение идейных позиций, подготовка условий для проведения широкой и организованной пропагандистской кампании за реформы. Филиппинское реформаторское движение пользовалось поддержкой со стороны испанской интеллигенции, части либеральной буржуазии и республиканских элементов, представлявших собой оппозиционные силы, которые выступали против феодально-клерикальной реакции. Умеренно-либеральная программа филиппинских реформаторов вполне устраивала представителей испанской оппозиции — в большинстве своем сторонников сохранения колониальной империи, которые в отличие от правых колонизаторских кругов выступали лишь за модернизацию и либерализацию системы колониального управления, создание условий для развития в колониях капиталистических отношений, привлечение с помощью этих мер имущих образованных слоев колониального общества. Филиппинским реформаторам была предоставлена возможность выступать на страницах испанской либеральной и республиканской печати. Сотрудничество в испанской прессе служило в то время единственным средством для пропаганды реформ, критики колониальных порядков, воздействия на общественное мнение в метрополии.

Пропагандистская кампания в испанской печати, способствуя идейному сплочению националистически мыслящей эмигрантской интеллигенции, оказывала воздействие и на развитие оппозиционного движения в самой колонии. Сочинения Рисаля, Хаэны, других авторов-эмигрантов нелегально доставлялись на Филиппины и распространялись среди местной интеллигенции. В начале 1888 г. по инициативе Марсело дель Пилара и Деодато Арельяно в Маниле была создана Хунта пропагандистов, воспринявшая программу мадридского реформаторского движения и поставившая своей целью установление постоянных контактов с эмигрантскими центрами в Испании. В деятельности хунты активное участие принимали представители как помещичье-буржуазной, так и молодой мелкобуржуазной, разночинной интеллигенции. Первого марта 1888 г. руководители хунты организовали мирную манифестацию в Маниле с требованием изгнания из страны религиозных орденов и ассимиляции с Испанией. Это вызвало волну репрессий в отношении участников реформаторского движения, в результате чего была прекращена деятельность хунты, а многие деятели оппозиции были вынуждены уехать в Испанию (в том числе Пилар).

Рост национального самосознания филиппинской интеллигенции в 80-е годы проявлялся не только в усилении ее политической активности, развитии передовой общественной мысли, но и в подъеме национальной культуры. Традиции гражданской патриотической поэзии, заложенные в творчестве Балагтаса, продолжали развивать поэты Эдуарде де Лете, Хосе де Вергара, Эваристо Агирре — участники движения за реформы в Мадриде, писавшие на испанском и тагальском языках. Крупнейшим событием культурной и общественной жизни Филиппин был выход в свет в 1887 г. первого социально-философского романа основоположника национальной литературы Хосе Рисаля — «*Noli me tangere*» («Не прикасайся ко мне»). Роман Рисаля, проникнутый антиколониалистским разоблачительным пафосом и отразивший идеалы и чаяния

филиппинской интеллигенции, превратился в идейное знамя передовых общественных сил страны.

В этот период стало развиваться и филиппинское изобразительное искусство, в котором утвердились светские жанры (портрет, пейзаж). В творчестве художников влияние европейских школ сочеталось с национальными мотивами и сюжетами, обращением к гражданственной патриотической тематике. К этому времени относится творчество художника-портретиста Ф. Рохаса (1842—1899), начало творческой деятельности мастера бытового жанра Ф. де ла Роса (1869—1937). Своеобразным живописцем и скульптором был Хосе Рисаль, обращавшийся в своих произведениях к изображению народной жизни. Большой известностью в Испании пользовались работы двух талантливых филиппинских художников — Феликса Ресуррексьюна Идальго (1853—1913) и Хуана Луны (1857—1899), идейно тесно связанных с участниками филиппинского реформаторского движения. Луна, работавший в академической манере, создавал композиции на сюжеты из доколониального прошлого Филиппин, оставил серию портретов деятелей реформаторского движения (Рисаля и др.). Произведения Идальго (пейзажи, жанровые картины, рисунки), испытавшего влияние импрессионизма, были проникнуты любовью к родной стране, ее природе, простым людям. В 1884 г. работы этих двух мастеров были награждены первыми премиями на выставке изящных искусств в Мадриде, что послужило, в частности, поводом для выступления Хосе Рисаля (на банкете в честь художников), в котором он разоблачал расистские утверждения испанских реакционеров об интеллектуальной и духовной неполноценности филиппинцев.

В итоге пропагандистской кампании за реформы 1882—1887 гг. внутри филиппинской эмиграции изменилось соотношение сил. Креолы, недовольные и напуганные усилением антиколониальной направленности пропаганды, отошли от руководства движением, их сменили представители филиппинской и метисской интеллигенции. По мере развития и углубления реформаторского движения на первый план выступила задача создания пропагандистского центра в метрополии и установления прочных связей с оппозиционными силами на архипелаге. Как и ранее, большие надежды возлагались на поддержку филиппинского реформаторского движения со стороны испанских либеральных и республиканских кругов. В возникшую в ноябре 1888 г. в Мадриде Испано-филиппинскую ассоциацию вошли как представители филиппинской эмигрантской интеллигенции, так и ряд испанских общественных деятелей, ученых, журналистов, поддерживавших кампанию за реформы в колонии. Спустя месяц (31 декабря 1888 г.) в Барселоне была создана новая организация «Ла Солидаридад» («Единство»), в составе которой были только филиппинцы и метисы. Ее председателем был избран Галикано Апасибле, а почетным президентом — Хосе Рисаль.

Программы обеих организаций (мадридской и барселонской) сохраняли умеренно-либеральный характер. Но сам по себе факт создания чисто филиппинской по составу организации под лозунгом единства патриотических сил свидетельствовал об усилении националистического характера реформаторского движения. Руководители «Ла Солидаридад» не ограничивались пропагандой экономических и политико-административных реформ, они выдвигали на первый план задачи национальной консолидации, политического просвещения филиппинцев, воспитания их в духе патриотических идеалов, разоблачения колониального гнета.

Главным пропагандистом этих идей стала газета «Ла Солидаридад», печатный орган одноименной организации, издававшаяся с начала 1889 г. в Барселоне, а с ноября 1889 по 1895 г. — в Мадриде. На рубеже 80—90-х годов, в период наивысшего подъема мадридской кампании за реформы на Филиппинах, «Ла Солидаридад» превратилась в основной идеологический и политический центр филиппинских буржуазных реформаторов. С деятельностью «Ла Солидаридад» связаны имена известных идеологов и руководителей реформаторского движения. К периоду сотрудничества в «Ла Солидаридад» (1889—1892) относится расцвет публицистической деятельности Хосе

Рисаля — наиболее яркого идеолога зарождавшегося филиппинского буржуазного национализма. Бессменным редактором газеты (с ноября 1889 по 1895 г.) был Марсело дель Пилар, ее постоянными авторами и корреспондентами — Лопес Хаэна, Антонио Луна, Мариано Понсе и многие другие.

Деятельность филиппинских реформаторов, заключавшаяся в широкой пропаганде реформ и критике колониальных порядков с целью привлечения внимания испанского правительства к положению в колонии, основывалась на убеждении в реальности осуществления буржуазно-демократических преобразований в условиях колониального режима. Сохранение лояльности Испании поддерживалось иллюзиями о возможности получения реформ от правительства метрополии.

Движение за реформы развевалось как мирная пропагандистская кампания. Для руководителей филиппинского буржуазно-либерального движения были характерны полное отрицание революции, непонимание сущности революционного процесса, страх перед революционной инициативой народа. На взгляды филиппинских реформаторов по вопросу о революции негативное влияние оказали анархистские идеи, получившие в то время широкое распространение в Испании. Призывы анархистов к мировой революции, террору, ликвидации института государства и т. п. отпугивали филиппинских либералов, порождали в их среде негативное отношение к революционным методам борьбы вообще. Подобное анархистское (бакунинское) понимание революции мы находим в ряде публицистических произведений Рисаля и в его романе «Флибустьеры» (1892 г.). Процесс радикализации филиппинского национального движения, отхода от умеренно-либеральной политической программы сдерживался широким распространением в среде эмигрантской интеллигенции масонских идей. В этот период в Испании масонская деятельность, разрешенная законом, получила большое развитие. Масонские организации объединяли преимущественно представителей оппозиционных либеральных и республиканских кругов, для которых масонство было одной из форм борьбы против феодально-клерикальной реакции. Испанские масоны, отражая позиции тех общественных сил (либеральная буржуазия, интеллигенция), к которым они принадлежали, в колониальном вопросе выступали за либерализацию управления, буржуазно-демократические преобразования в колониях, ликвидацию системы расовой дискриминации и ограничение власти церкви. С начала 80-х годов испанские масонские ложи были открыты для представителей колониальных владений (филиппинцев, кубинцев, пуэрториканцев). Большинство участников филиппинского реформаторского движения вступило в масонские организации к концу 80-х годов, а в 1890 г. по инициативе Пилара в Мадриде была основана первая чисто филиппинская по составу ложа «Ла Солидаридад». В развитии филиппинского национально-освободительного движения (и на начальном реформаторском этапе и позднее — в период антиколониальной революции) масонство играло особую роль, воздействуя на его организационные формы (структура, уставы реформаторских и революционных организаций) и идеологические основы (философские и религиозно-этические принципы).

Деятельность масонов способствовала сплочению и организации реформаторов, усилению антиклерикальной пропаганды и критики колониальных порядков. В то же время она поддерживала сохранение реформаторских иллюзий среди филиппинцев, их лояльности в отношении метрополии, поскольку политические установки масонских организаций в «филиппинском вопросе» основывались на необходимости ассимиляции колонии с Испанией и проведения испанским правительством демократических преобразований на архипелаге. В идеологической области распространение масонских идей препятствовало формированию радикальных течений, ознакомлению эмигрантской интеллигенции с европейскими революционными теориями (в частности, с социализмом). Основные идеологические принципы испанского масонства, восходящие к традиции общественной и философской мысли французских буржуазных просветителей, были усвоены идеологами филиппинского буржуазно-националистического движения, которые

с их помощью пытались теоретически обосновать программу буржуазно-демократических преобразований на архипелаге.

С начала 90-х годов масонство в широких масштабах стало распространяться и на Филиппинах. В 1891 г. один из руководителей движения за реформы в Мадриде (специально направленный на Филиппины), Педро Лактау, основал в Маниле масонскую ложу «Нилад». В 1892 г. в колонии было открыто 85 лож, а к началу революции 1896 г. в стране действовало более 200 масонских организаций. Быстрое распространение масонства на архипелаге, несмотря на запреты властей и преследования монахов, свидетельствовало о назревшей потребности в создании национальной политической организации. Особая привлекательность масонства в глазах филиппинцев заключалась в антиклерикальной направленности этого учения и поддержке масонами антимонашеских выступлений и требований реформаторов. Буржуазно-либеральное движение 80-х — начала 90-х годов было проникнуто воинствующим антиклерикализмом, принявшим характер обличения монашеского всевластия. Религиозные ордена рассматривались как наиболее реакционная сила, тормозящая социальный и духовный прогресс, как главные проводники колониальной эксплуатации.

Газета «Ла Солидаридад» и масонские общества проводили широкую кампанию по обличению монашеского гнета, сопровождавшуюся смелой критикой наиболее тяжелых и уродливых проявлений колониализма. При этом глубина и разоблачительный характер критики не соответствовали умеренности и ограниченности программы реформаторов в целом.

Формированию критического отношения к католицизму у филиппинских просветителей и буржуазных националистов способствовало их увлечение масонскими идеями. Влиянием масонства, а также строго религиозным воспитанием филиппинской интеллигенции, воздействовавшим на ее психологию и мироощущение, очевидно, объяснялась отсутствие в передовых, образованных кругах Филиппин атеистических идей и материалистических воззрений. Большинство представителей филиппинского буржуазно-националистического движения оставались верующими католиками. Так, Рисаль, Пилар, Хаэна и другие выступали против официальной религиозной идеологии с позиций буржуазной реформации религии, освобождения католической доктрины от «наиболее реакционных обрядов и суеверий», догматических «наслоений и извращений», которые, по их мнению, искажали сущность христианского учения и превращали католицизм в «синоним мракобесия».

Вполне понятно, что выступления филиппинских реформаторов за отделение церкви от государства, свободу совести, веротерпимость, против религиозной исключительности и дискриминации вызвали ненависть церковников, обвинявших передовую интеллигенцию в атеизме, «флибустьерстве» (вольнодумстве) и распространении сепаратистских взглядов.

На завершающем этапе мадридской кампании за реформы был не только создан пропагандистский центр движения, расширены средства пропаганды, усилена ее антиколониальная направленность, но, что особенно важно, установлены систематические контакты с оппозиционными общественными силами, действовавшими на Филиппинах. В развитии этих контактов ведущая роль принадлежала газете «Ла Солидаридад». Она нелегально доставлялась на архипелаг и пользовалась огромной популярностью среди интеллигенции и студенческой молодежи. К началу 90-х годов появились условия для организованного общественного движения, социальная база которого была значительно шире, нежели в метрополии. Движение за реформы стало привлекать не только представителей помещичье-буржуазных кругов, но и выходцев из народа и мелкобуржуазных слоев.

В то время как в колонии намечался подъем оппозиционного движения, кампания за реформы в метрополии в начале 90-х годов явно пошла на убыль. Политика испанского правительства, сопротивлявшегося проведению даже самых незначительных и

ограниченных преобразований, привела к кризису реформаторского движения. Спад пропагандистской деятельности в метрополии ощущался и на Филиппинах, где усилилась тенденция к образованию собственного национального центра. Такой центр был создан Хосе Рисалем, вернувшимся на родину в 1892 г. По планам Рисаля, он должен был решить назревшую задачу организационного и политического объединения национальных сил и в то же время в какой-то степени задержать процесс радикализации национального движения. Среди его руководителей и идеологов Рисаль был наиболее проницательным и дальновидным в «опросе о перспективах развития освободительной борьбы на Филиппинах. Ему раньше, чем остальным лидерам, стала ясна безрезультатность кампании за реформы, неизбежность радикализации общественного сознания филиппинцев и антиколониальной революции. Однако Рисаль до конца своей жизни не смог отказаться от либерально-реформистских взглядов. Трезвое понимание обстановки на Филиппинах (где все яснее обозначались признаки приближающегося революционного взрыва) сочеталось у него со стремлением избежать насильственных форм борьбы, в первую очередь из-за боязни кровопролития, неизбежных жертв и общих представлений о революции как анархистском заговоре и бунте.

Вернувшись на родину, Рисаль старался развивать на филиппинской почве те формы пропагандистской деятельности, которые были характерны для реформаторского движения в метрополии. В 1892 г. была основана национальная политическая организация — Филиппинская лига, объединившая представителей буржуазно-помещичьей интеллигенции, мелкобуржуазных слоев, отдельных выходцев из народа. В организационной структуре и уставе лиги было заметно сильное влияние масонства (процедура вступления в организацию, напоминая характер масонских посвящений, система псевдонимов, условных знаков, создание верховного и провинциальных советов по образцу масонских и т. п.). Программа лиги, написанная Рисалем, повторяла в основном те требования и цели, которые выдвигались реформаторскими организациями в метрополии и сводились к проведению на архипелаге экономических и политико-административных реформ, открывающих путь к развитию буржуазных отношений.

То обстоятельство, что основателем лиги был Хосе Рисаль, чье имя пользовалось необычайно широкой популярностью на Филиппинах, привлекало в организацию многочисленных последователей из разных слоев общества. Однако очень быстро активная деятельность Рисаля по созданию и расширению организации вызвала недовольство колониальных властей. В июле 1892 г. он был арестован и выслан в глухой городок Дапитан на Минданао.

Внутри лиги после ареста Рисаля стали явно обнаруживаться две группировки: умеренная, представленная буржуазно-помещичьими элементами, и радикальная, объединившая выходцев из мелкой буржуазии и народа, которые стремились к более действенным методам борьбы. Противоречия между представителями левых сил и либеральной буржуазно-помещичьей интеллигенцией, находившейся у руководства лигой и не собиравшейся отказываться от прежних либеральных принципов и установок, привели уже в июле 1892 г. к фактическому расколу этой организации, выделению левой группировки во главе с Андресом Бонифасио — будущим руководителем филиппинской национально-освободительной революции.

Глава VIII

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1896 — 1898 гг. И СОЗДАНИЕ ФИЛИППИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КАТИПУНАН И ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ (АВГУСТ 1896 — ДЕКАБРЬ 1897 г.)

23 августа 1896 г. в местечке Пугадлавин в окрестностях Манилы Андреэ Бонифасио выступил с призывом к вооруженному восстанию против испанских колонизаторов. Перед домом местной крестьянки Мельчоры Акиио собралось более тысячи катипунерос — членов тайной революционной организации Катипунан (по-тагальски — «Верховный и досточтимый союз сыновей народа»), созданной Бонифасио в июле 1892 г. после раскола Филиппинской лиги. «Братья, — обратился к собравшимся Бонифасио, — поклянитесь свергнуть правительство, которое угнетает нас. Достаньте ваши седулы¹ и порвите их в знак нашей решимости поднять оружие». В ответ на его слова раздались возгласы: «Да здравствуют Филиппины! Да здравствует Катипунан!» Через мгновение весь двор был усеян клочками разорванных седул. Начало восстания было намечено на 29 августа². На следующий день после собрания стало известно о том, что слухи о тайной сходке просочились в столицу. 26 августа к Пугадлавину подошел отряд гражданских гвардейцев (испанские полицейские силы) и пехотинцев. Андреэ Бонифасио принял решение не принимать боя, а отступить в горы, с тем чтобы соединиться с остальными силами катипунерос, действовавшими в окрестностях Манилы, и выступить против испанцев в назначенное время. Пробираясь горными тропами, они 27 августа прибыли в г. Марикину (в настоящее время находится в пределах Большой Манилы) и оттуда перебрались в местечко Хагданг Бато. На следующий день Бонифасио выступил с манифестом, в котором подтверждалась намеченная дата всеобщего восстания. Из-за нехватки оружия (у восставших почти не было огнестрельного оружия, все их вооружение состояло из крестьянских ножей-боло и самодельных кинжалов) и недостаточной координации между секциями Катипуна-на план атаки на Манилу не мог быть осуществлен. Но восстание в окружающих столицу городах и баррио началось, как и было намечено, 29 августа. Отряд восставших под командованием Бонифасио захватил пороховые склады в Сан Хуан дель Монте и 30 августа разбил испанский отряд на дороге из Манилы в Марикину. В первых числах сентября в поддержку Катипунана поднялось население почти всех городов, расположенных в окрестностях Манилы, и последовали вооруженные выступления в провинциях Кавите и Нуэва-Эсика.

Так началась филиппинская национально-освободительная революция 1896—1898 гг., первая успешная антиколониальная революция в Азии. Четырехлетие, предшествовавшее историческим событиям августа 1896 г. (с момента раскола лиги и создания Катипунана), было временем идеологической и организационной подготовки восстания, создания массовой базы революционного движения. Переход к революционным методам борьбы стал возможен в результате изменения в расстановке классовых сил, участвовавших в антиколониальной борьбе. Вышедшие на политическую арену на рубеже 80—90-х годов мелкобуржуазные слои, которые отражали интересы широких демократических масс, взяли на себя руководство национально-освободительным движением. При отсутствии на Филиппинах рабочего класса, слабости и нерешительности местной буржуазии мелкобуржуазные слои оказались той общественной силой, которая смогла объединить и поднять на борьбу против испанских колонизаторов филиппинские народные массы. В отличие от идеологов помещичье-буржуазной интеллигенции, которые были не в состоянии преодолеть либеральные иллюзии и больше всего опасались революционного взрыва, мелкобуржуазные демократы и патриоты выступили с призывом к национальному освобождению с помощью антиколониальной революции.

Радикализации освободительного движения способствовал ряд факторов. Политика испанского правительства, отказавшегося удовлетворить даже самые умеренные

¹ Налоговые карточки, которые обязаны были иметь при себе все жители колонии с 16-летнего возраста.

² Первоначально предполагалось начать восстание позднее, но раскрытие заговора испанцами заставило руководителей Катипунана выступить до срока, хотя подготовка к восстанию еще не была завершена.

требования филиппинских реформаторов, привела к кризису буржуазно-националистического движения, породила разочарование в либеральной реформаторской программе, создавая почву для возникновения активных форм антиколониального протеста. Движение за реформы 80-х годов, оказавшееся бесплодным в смысле его практических результатов, сыграло большую роль в идейной подготовке национальной революции. Особое значение имело литературное и публицистическое творчество Хосе Рисаля, отразившее самые насущные проблемы борьбы с расовой дискриминацией, социальным и политическим угнетением, клерикальной реакцией. Беспощадная критика колониализма, которой были проникнуты произведения Рисаля и которая выходила за рамки его собственных идеалов, воспринималась на Филиппинах как призыв к революционным действиям. Имя Рисаля, популярность которого еще более возросла после ссылки в Дапитан, стало символом борьбы за национальное освобождение, несмотря на отрицательное отношение самого Рисаля к вооруженной борьбе. Тесная связь с общественно-политическими идеалами буржуазно-националистического движения 80-х — начала 90-х годов прослеживалась в формирующейся революционной идеологии. Однако идеологи революционно-демократических сил пошли дальше своих предшественников, используя их теоретическое наследие для обоснования необходимости революции, сумели объединить просветительские и националистические идеи со стихийными революционными устремлениями народных масс.

В зарождении революционного движения большую роль играло масонство. На Филиппинах происходила быстрая демократизация масонского движения, расширение его социальной базы. В начале 90-х годов в нем определилось три основных направления. Одно объединяло представителей буржуазно-помещичьих кругов, придерживавшихся либерально-реформаторских взглядов. Другое было представлено мелкобуржуазной разночинной интеллигенцией, использовавшей масонские организации для пропаганды демократических, националистических и антиклерикальных идей. Это направление возглавлял Аполинарио Мабини, впоследствии видный революционный идеолог, в этот период, однако, еще сохранявший приверженность к буржуазно-либеральной программе реформаторов. К третьему, радикальному течению принадлежали многочисленные масонские организации, в которых преобладали народные элементы (крестьяне, ремесленники, городская беднота). По своему характеру они были близки к тайным обществам и крестьянским религиозным сектам — традиционным формам филиппинских народных движений. После основания Катипунана эти масонские организации влились в тайное революционное общество, были преобразованы в его отделения и секции.

Вся подготовка к восстанию и его проведение были осуществлены под руководством Катипунана, признанным вождем которого был Андрес Бонифасио (1863—1897) — «великий плебей», как его называют филиппинцы, выходец из манильской бедноты. Катипунан был народной организацией, апеллирующей к трудящимся массам и воплощающей их стихийные революционные устремления и чаяния. Руководители Катипунана, в первую очередь Андрес Бояифасио, пришли к пониманию того, что задачи национального освобождения и демократического развития общества не могли быть решены без активного участия в освободительной борьбе народных масс. В течение некоторого времени после создания Катипунана Бонифасио и его последователи, оставаясь членами Филиппинской лиги, пытались направить ее деятельность в русло революционной борьбы, однако натолкнулись на упорное сопротивление ее буржуазно-помещичьих лидеров. Напуганные очевидным назреванием революционного взрыва, руководители лиги в конце 1893 г. пошли на ее самороспуск. Часть радикально настроенных участников этой организации примкнули к Катипунану, а представители умеренно-либерального крыла образовали Хунту реформаторов, просуществовавшую до начала революции.

После ликвидации лиги Бонифасио приступил непосредственно к выработке планов вооруженного восстания. За годы, предшествующие революции, в

освободительное движение, возглавленное Катипунаном, были вовлечены десятки тысяч филиппинцев. К 1894 г. отделения Катипунана действовали в большинстве городов и провинций Центрального и Южного Лусона. Ряды его росли в основном за счет крестьянства и мелкобуржуазной интеллигенции. К началу вооруженного восстания число сторонников Катипунана превышало 200 тыс.

Структура Катипунана создавалась по образцу масонских организаций. Катипунан возглавлял Верховный совет (в период подготовки и после начала восстания его председателем был Андрес Бонифасио), ему подчинялись провинциальные советы. Создатели Катипунана заимствовали у масонов их символику (использование псевдонимов, условных знаков, паролей и т. п.), сложную процедуру вступления в организацию, вкладывая при этом в масонские ритуалы содержание, отвечающее революционным и патриотическим целям тайного общества. Масонские формы организации оказались наиболее доступными и понятными для народных масс. Популярность Катипунана в немалой степени объяснялась тайным характером этой организации, сближавшим ее с традиционными религиозными сектами. Этические принципы масонства получили отражение в «Десяти заповедях сыновей народа», написанных Андресом Бонифасио, и «Доктринах Катипунана», автором которых был Эмилио Хасинто (1875—1898), ближайший друг и помощник Бонифасио. Содержавшиеся в них моральные правила, основанные на проповеди христианской добродетели и масонских принципах всеобщего братства и взаимопомощи, должны были воспитывать в катипунерос патриотизм и преданность революционному долгу. Накануне революции Андресом Бонифасио была разработана специальная программа для Катипунана, в которой ставилась задача завоевания национальной независимости. В программе выдвигались лозунга «всеобщего равенства, благоденствия и счастья», отражавшие интересы неимущих угнетенных слоев (прежде всего крестьянства), их стремление к социальной справедливости. Катипунан, который занимался подготовкой и руководством восстания, должен был, по планам Бонифасио, в ходе революции превратиться в высший орган новой, революционной власти.

Успехи повстанцев в первые дни и недели революции вызвали подъем массовой народной борьбы, восстание быстро росло вширь, охватывая новые районы Центрального и Юго-Западного Лусона. Вскоре после начала революции по приказу генерал-губернатора Бланко было введено военное положение в нескольких провинциях Лусона (Манила, Булакан, Тарлак, Кавите, Лагуна, Нуэва-Эсиха, Пампанга, Батангас), центрах крестьянских антимонашеских движений. С сентября 1896 г. испанские власти перешли к политике массового террора в отношении филиппинского населения. Арестам, казням, пыткам, ссылкам подвергались не только «плебейские низы», но и представители имущих классов, большой круг столичной и провинциальной интеллигенции. Репрессии в отношении помещичье-буржуазных слоев лишали испанцев их социальной опоры и, напротив, способствовали расширению социальной базы революционного движения.

Разгул террора еще более усилился при сменившем Бланко (в декабре 1896 г.) генерал-губернаторе Полавьехо. Одной из его самых жестоких и преступных акций была казнь Хосе Рисаля, расстрелянного колонизаторами 30 декабря 1896 г.³

Казнь Хосе Рисаля вызвала взрыв всеобщего негодования и протеста, способствовала переходу в лагерь революционеров многих до сих пор оставшихся

---

³ Рисаль, находясь в ссылке в Дапитане (с июля 1892 г.), отошел от национально-освободительного движения. Он оставался противником идеи революционного свержения колониальной власти, и, когда (за месяц до начала вооруженного восстания, в июле 1896 г.) в Дапитан приехал Пио Валенсуэла, один из руководителей Катипунана, с предложением принять участие в революционном выступлении, Рисаль отказался, подтвердив свое отрицательное отношение к насильственным методам борьбы. Вскоре Рисаль уехал добровольно в качестве врача испанской армии на Кубу, охваченную, как и Филиппины, освободительной борьбой. Тем не менее испанские власти сразу же после начала революции на Филиппинах обвинили Рисаля в инспирировании заговора и мятежа. Он был снят с парохода, возвращен в Манилу и заточен в форт Сантьяго, где оставался вплоть до казни.

нейтральными филиппинцев. Несмотря на политику массового террора, проводившуюся испанцами, и принятие мер по увеличению и укреплению вооруженных сил⁴, испанские колонизаторы не могли справиться с восстанием. Все более массовый характер приобретало дезертирство солдат и офицеров — филиппинцев, переход их на сторону восставших. Значительно улучшилось вооружение революционной армии — повстанцы захватили несколько оружейных арсеналов, пороховых складов, пополняли свои запасы огнестрельного оружия, отбирая его в боях у испанцев. Повстанческие отряды отличались маневренностью, использовали партизанские методы борьбы. Испанцы не могли сосредоточить все силы для нанесения решающего удара по повстанцам и вынуждены были вести бои одновременно во многих пунктах Лусона. Важнейшим морально-психологическим фактором была поддержка, оказываемая повстанцам местным населением.

К концу 1896 г. значительно расширились территориальные границы восстания. Из Центрального и Юго-Западного Лусона оно распространилось на север, в провинции Пангасинан, Самбалес, Илокос; революционная борьба охватила о-ва Миндоро и Панай, ее отголоски проникли в Северный Минданао, где восстали солдаты-филиппинцы оставленного там испанского гарнизона. В целом развитие революции в конце 1896 — начале 1897 г. шло по восходящей линии, но были и трудности, связанные с проблемой улучшения вооружения повстанческих отрядов, отсутствием опыта вооруженной борьбы, нехваткой: подготовленных командирских кадров, децентрализацией в руководстве революционной борьбой. Секции Катипунана и, провинциальные советы, возглавлявшие борьбу на местах, действовали автономно, были слабо связаны с Бонифасио и Верховным советом. Подобное явление проистекало в значительной степени из самой структуры и характера Катипунана, построенного по образцу масонских лож и действовавшего в условиях строжайшей конспирации. С началом революции, выдвинувшей на первый план необходимость создания единого централизованного руководства восстанием, Бонифасио и его соратники не смогли решить эту задачу. Разрозненность действий революционного руководства на местах возростала и оттого, что ряды повстанцев по мере развития революции пополнялись новыми элементами, прежде не связанными с Катипунаном, выступавшими: как самостоятельные, не зависящие от него силы.

Весной 1897 г. в результате увеличения и укрепления регулярной армии Полавьехо удалось восстановить испанское господство в ряде районов Центрального Лусона. В тяжелом положении оказалась провинция Кавите, один из основных центров революции, где в конце марта 1897 г. испанцы овладели городами Имус, Новелета и Кавит (столица провинции). В испанской и международной прессе поражение революционных сил в Кавите было оценено как окончательный разгром всего повстанческого движения. Однако эти оценки были преждевременны. Вытесненные из одних районов, повстанцы поднимали вооруженные восстания в других. Вскоре вновь началось оживление повстанческих действий и в Кавите.

Во внутреннем развитии революционного движения в этот период определились тенденции, связанные с особенностями расстановки классовых сил в лагере революции. Всеобщий энтузиазм, внушительные победы восставших, появление реальной

---

⁴ К началу революции регулярные военные силы на Филиппинах насчитывали немногим более 6 тыс. человек, причем были рассеяны по всему архипелагу (в мусульманских провинциях на Минданао и Сулу и в горных районах Северного Лусона). Несомненно, эта дробность в размещении вооруженных сил и их сравнительная малочисленность и слабость в столичном районе способствовали в немалой степени первым решающим победам революционных отрядов. Явно не в пользу колонизаторов было и то обстоятельство, что почти две трети регулярных военных сил составляли солдаты-филиппинцы. Уже с сентября 1896 г. испанские власти стали принимать меры по стягиванию войск в центр колонии и пополнению их солдатскими и офицерскими кадрами, присылаемыми из метрополии. К ноябрю 1896 г. в результате подкреплений, полученных из Мадрида, численность регулярных войск увеличилась до 10 тыс., а в начале 1897 г. — до 25 тыс. (причем было обновлено вооружение, укреплены как сухопутные силы, так и военно-морской флот).

перспективы завоевания независимости, с одной стороны, и не прекращающиеся массовые репрессии, чинимые испанскими колонизаторами в отношении широких слоев филиппинского общества, — с другой, привлекли к участию в революционном движении значительную часть местной буржуазии и помещичье-бюрократических элементов. В лагере революции образовались два течения — левое, революционно-демократическое, возглавлявшееся Андресом Бонифасио и его соратниками, и правое, буржуазно-помещичье, представители которого старались захватить руководство освободительным движением в свои руки, использовать его в собственных классовых интересах. По словам А. А. Губера, «в борьбе за руководство освободительным движением филиппинские угнетенные массы еще не могли сознательно противопоставить свои классовые интересы интересам местной эксплуататорской верхушки. Но общность интересов буржуазно-помещичьих элементов в революционном лагере перед лицом поднимавшейся плебейской стихии создавала предпосылки для блока филиппинской буржуазии и помещиков».

Центром борьбы за гегемонию в революции между левыми и правыми силами стала провинция Кавите, которая была одним из основных районов антииспанских народных движений. Антиколониальные настроения были распространены и среди местной принсипалии, занимавшей прочные экономические и политические позиции. В начале 1895 г. в Кавите были созданы две крупные секции Катипунана: «Магдиванг» с центром в Новелете и «Магдало» в столице г. Кавите. Народно-демократические элементы группировались вокруг секции «Магдиванг», полностью разделявшей программу Катипунана и поддерживавшей контакты с Андресом Бонифасио. Секция же «Магдало» объединяла главным образом представителей имущих классов. Именно эта секция превратилась в центр собирания сил буржуазии и помещиков, борьба которых за руководство освободительным движением приобрела форму борьбы против Катипунана как органа революционной власти, выражавшей интересы широких народных масс. С начала революции среди руководителей кавитской секции «Магдало» выдвинулся 27-летний Эмилио Агинальдо, выходец из семьи местного землевладельца, накануне событий 1896 г. занимавший пост мэра г. Кавита. Благодаря личным качествам (властолюбию, тщеславию и политической гибкости) и в результате ряда одержанных под его командованием военных побед, создавших ему репутацию талантливого военачальника, Агинальдо быстро превратился в руководящую фигуру кавитской секции, претендуя и на лидерство в революционном движении в целом. Он оказался тем политическим лидером, который был нужен местной эксплуататорской верхушке для обеспечения ее контроля над революционным движением и устранения «плебея» Андреса Бонифасио, «наименее желательного вождя, с точки зрения филиппинских имущих классов», как отмечал А. А. Губер.

Уже осенью 1896 г. Агинальдо начал наступление против Катипунана и Бонифасио, выдвинув идею о необходимости создания выборного республиканского правительства и выработки конституции Филиппинской республики. Фактически это означало бы ликвидацию Катипунана как верховного органа власти. 31 октября 1896 г. появилось воззвание Агинальдо, в котором намечались формы организации будущего правительства и государственного устройства Филиппин. Предусматривалось образование центрального революционного комитета из шести членов во главе с президентом, руководящего военными операциями; выборного революционного правительства, которое будет устанавливаться во всех провинциях и островах архипелага по мере их освобождения от испанских колонизаторов; конгресса с выборными делегатами, решающего военные и хозяйственные вопросы. В обстановке подъема революции, учитывая популярность Катипунана и Бонифасио, Агинальдо не мог противопоставить свою программу программе Катипунана, игнорируя интересы народных масс. В воззвание были включены положения о проведении всеобщих выборов, в которых могли участвовать все филиппинцы без каких-то бы ни было ограничений, провозглашались лозунги свободы, равенства и братства. Действия Агинальдо, в особенности его

стремление захватить лидирующие позиции в движении, вызвали резкую критику со стороны демократического руководства «Магдиванга». Борьба между кавитскими секциями обострилась к концу 1896 г. В декабре 1896 г. в Кавите приехал Бонифасио, приглашенный руководителями «Магдиванга». Вскоре после его приезда состоялась конференция в Имусе, на которой встретились руководители «Магдиванга» и «Магдало». Острая дискуссия о дальнейшей судьбе Катипунана не привела к каким-то определенным результатам, хотя перевес был на стороне Бонифасио и поддерживавших его руководителей секции «Магди-ванг», которые считали нецелесообразной замену Катипунана, успешно руководившего восстанием и организацией революционной власти на освобожденных территориях.

С начала 1897 г. Агинальдо усилил борьбу за власть и кампанию против Бонифасио и его сторонников. 23 марта в асьенде Техерос открылась новая конференция, обеспечившая победу Агинальдо. Конференция была созвана с целью выработки программы действий по мобилизации сил для отпора испанским колонизаторам, приступившим, как уже говорилось, к широким наступательным операциям в провинции Кавите. Однако под давлением Агинальдо и его группировки военные вопросы были отодвинуты на второй план, а главным пунктом повестки дня стало обсуждение планов по реорганизации правительства. Агинальдо был готов к решающему бою с Бонифасио, проведя подпольную кампанию по привлечению на свою сторону не только секции «Магдало», но и многих членов «Магдиванга». Агинальдо умело использовал популярные среди всех слоев филиппинского общества республиканские лозунги, выдвигая идею немедленного провозглашения независимой Филиппинской республики. Он учитывал также свой авторитет как местного кавитского лидера, сохранявшийся регионализм и то обстоятельство, что Бонифасио не был уроженцем Кавите и не пользовался известностью среди широких масс местного населения. Расстановка сил на конференции складывалась в пользу Агинальдо. Большинство ее участников высказалось за упразднение Катипунана и выборы революционного правительства. Собрание торжественно провозгласило создание Филиппинской республики. Сам по себе этот акт имел важное историческое значение, он свидетельствовал о зрелости и поступательном развитии филиппинского национально-освободительного движения. Но в сложившихся условиях провозглашение республики привело к переходу руководства освободительной борьбой к буржуазно-помещичьим элементам. В составе избранного делегатами конференции центрального правительства преобладали сторонники Агинальдо. Он сам был избран президентом Филиппинской республики. Очевидное стремление Агинальдо отстранить от активной политической деятельности Бонифасио заставило последнего покинуть конференцию. С ним ушел ряд его сторонников (главным образом его старые соратники, среди которых почти не было представителей Кавите).

Вслед за тем Агинальдо организовал широкую клеветническую кампанию против Бонифасио, стараясь подорвать его престиж и разжечь враждебное отношение к нему в кавитском населении. В середине апреля 1897 г. Бонифасио, штаб-квартира которого находилась в Наине, принял решение об уходе из Кавите, намереваясь направиться в провинцию Батангас, один из центров военных операций революционных отрядов против испанских колонизаторов, где он пользовался большим влиянием. Агинальдо поспешил с осуществлением планов по ликвидации вождя Катипунана. 28 апреля 1897 г. Бонифасио и небольшая группа его сторонников, ожидавшие в местечке Лимбонг подкреплений из Манилы и Булакана, были внезапно атакованы отрядом, присланным Агинальдо. Во время перестрелки Бонифасио был тяжело ранен. 29 апреля он (вместе с женой и братом) был доставлен в Наик и арестован по обвинению в подготовке мятежа против законного правительства. Судебное следствие продолжалось до начала мая. 6 мая военный совет приговорил Бонифасио и его брата к смертной казни. Через день Агинальдо демонстративно заменил смертный приговор Бонифасио ссылкой на отдаленные острова, а 10 мая Бонифасио и его брат были тайно расстреляны по приказу генерала Норизля,

председателя военного совета (и, как позже выяснилось, по секретному распоряжению Аганаальдо).

С гибелью Андреса Бонифасио укрепились позиции Агинальдо, сосредоточившего в своих руках верховную исполнительную и военную власть. Руководящая роль в революционном движении перешла к правому буржуазно-помещичьему блоку. Но влияние левого крыла на движение было еще довольно сильным. Под давлением демократических элементов в октябре 1897 г. в горах Центрального Лусона, в местечке Биак-на-Бато, где обосновалось центральное правительство⁵, собралась Народная ассамблея для выработки конституции Филиппинской республики. Среди делегатов ассамблеи преобладали представители мелкой буржуазии, интеллигенции, командиры повстанческих отрядов, прибывшие из всех районов Лусона, охваченных революцией. 1 ноября 1897 г. был утвержден проект временной конституции Филиппинской республики (Биакнабатской). Провозглашались основы буржуазного правопорядка, введение демократических свобод, всеобщего избирательного права, была разработана структура государственной власти в период до завершения революции. Высшим органом власти должен был стать Верховный правительственный совет, избиравшийся Ассамблеей и наделенный широкими полномочиями. Необходимость централизации власти диктовалась условиями продолжавшейся войны. В то же время конституция гарантировала демократические свободы для граждан республики. На следующий день после принятия конституции был избран Верховный правительственный совет во главе с президентом Эмилио Агинальдо. В его составе преобладали представители буржуазно-помещичьей интеллигенции, взявшие курс на достижение соглашения с колониальной администрацией.

Тенденция к сговору с испанскими колонизаторами стала обнаруживаться среди буржуазно-помещичьих элементов уже задолго до созыва Ассамблеи в Биак-на-Бато. Неуверенность в собственных силах и страх перед растущей активностью народных масс (в особенности перед углублением антифеодальной направленности крестьянской борьбы) толкали их на путь компромисса с испанцами. Испанские власти, убеждаясь в бесперспективности военного подавления революционного движения, также склонялись к политике компромиссов. Тайные переговоры между Агинальдо и генерал-губернатором Примо де Ривера начались в августе 1897 г. В качестве посредника выступал известный филиппинский адвокат Педро Патерно. 18 ноября 1897 г., через три дня после утверждения Биакнабатской конституции президентом Агинальдо, Педро Патерно от его имени подписал соглашение с Примо де Ривера о прекращении вооруженной борьбы и восстановлении в стране-власти испанской администрации. Согласно биакнабатскому договору, генерал-губернатор обещал амнистию повстанцам, сложившим оружие, и проведение ограниченных реформ. Агинальдо и ряд лиц из его окружения обязались покинуть Филиппины. После самороспуска республиканского правительства (16 декабря 1897 г.) они выехали в Гонконг, предварительно договорившись с Примо де Ривера о получении обещанной испанцами денежной компенсации в размере 800 тыс. песо.

Соглашательская политика правительства Агинальдо встретила решительную оппозицию со стороны многих представителей левых революционно-демократических сил. Революционная борьба не прекратилась после заключения капитулянтского биакнабатского договора. Часть революционных генералов и командиров отказались сложить оружие и ушли в горы, где стали формировать партизанские отряды из бывших солдат повстанческой армии, крестьян, интеллигенции.

ВТОРОЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИКА США НА ФИЛИППИНАХ

---

⁵ Летом 1897 г. войска генерал-губернатора Примо де Ривера нанесли ряд крупных поражений отрядам Агинальдо в провинции Кавите, в результате чего революционная столица была переведена в Биак-на-Бато. Правительство Агинальдо контролировало довольно обширный район, включавший провинции Манила, Тайабас, Лагуна, Булакан. Нуэва-Эсиха, Батангас.

Новый революционный подъем начался весной 1898 г. В январе — апреле в разных точках страны вспыхивали восстания (на Лусоне, Себу, Панае), организовывались антииспанские заговоры, усилились действия партизанских отрядов в горных районах Центрального Лусона. Революционные настроения вновь стали расти среди буржуазии и помещичье-бюрократических слоев. Политика испанских властей, отказавшихся от проведения обещанных по биакнабатскому договору реформ и снова обратившихся к кровавым полицейским расправам и террору, вызывала возмущение даже в наиболее умеренных и консервативных кругах, в свое время выступавших инициаторами капитулянтского соглашения с колонизаторами. Агинальдо и его последователи образовали Патриотическую хунту в Гонконге, установившую контакты с революционерами на Филиппинах и занявшуюся подготовкой к возвращению на родину для организации вооруженной борьбы.

Международная обстановка весной 1898 г. также способствовала оживлению филиппинского национально-освободительного движения. 25 апреля 1898 г. правительство США объявило войну Испании с целью захвата испанских колоний. Экспансионистская политика маскировалась усиленно пропагандируемыми правительством США лозунгами защиты и освобождения угнетенных Испанией народов. Замыслы США в отношении Филиппин были связаны с их общей политической стратегией на Дальнем Востоке. «Филиппины — шаг к Азии и Китаю», — так определил В. И. Ленин сущность политики американского империализма⁶.

Обстановка в стране, сложившаяся к началу войны и определявшаяся ростом масштабов освободительного движения, как нельзя более отвечала планам Соединенных Штатов. Американское правительство еще до объявления войны Испании решило оказать помощь Агинальдо, вернуть его на острова, использовать национально-освободительную борьбу филиппинцев в собственных интересах. В марте и апреле 1898 г. с Агинальдо встречались и вели переговоры военно-морские представители и консул США в Сингапуре Пратт. Во время этих переговоров американцы недвусмысленно обещали не только поддержку антииспанского восстания, но и гарантию независимости Филиппин после победы революции (впоследствии они категорически отрицали, что дали подобную гарантию). 1 мая 1898 г. произошел крупный морской бой в Манильском заливе, в котором американская эскадра под командованием адмирала Дьюи наголову разбила испанский флот, охранявший подступы к Лусону. В середине мая Агинальдо был доставлен на американском военном корабле на Филиппины.

Переговоры Агинальдо с американцами и достижение договоренности об американской помощи способствовали росту его популярности на Филиппинах. В первые же дни после возвращения на родину он взял на себя функции главнокомандующего повстанческими силами. Декреты 23 и 31 мая 1898 г., подписанные Агинальдо, наделяли его неограниченными диктаторскими полномочиями. Во второй половине мая — начале июня повстанческие отряды нанесли ряд поражений испанцам в Центральном и Южном Лусоне. В Кавите, временной столице освобожденных территорий, 12 июня 1898 г. Агинальдо провозгласил независимость Филиппин. 23 июня 1898 г. вышел новый декрет, согласно которому диктаторская форма правления заменялась властью революционного правительства. Полномочия Агинальдо в качестве президента правительства были ограничены, хотя и в незначительной степени. Декретом предусматривался созыв Революционного конгресса — органа представительства Филиппинского архипелага, но он наделялся лишь совещательными функциями, все его постановления и решения должны были утверждаться президентом, который к тому же располагал правом абсолютного вето. Более демократичные формы были приданы провинциальному и окружному управлениям (на основе декрета 18 июня 1898г.), создаваемым на основе

⁶ В. И. Ленин. Тетради по империализму. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 28, с. 186.

выборности всех местных органов власти при участии в выборах практически всего населения округов и провинций. Создание нового местного управления на освобожденных территориях началось уже летом 1898 г.

Революционный подъем вовлек в освободительное движение широкие массы филиппинцев. С началом второго этапа образовался общенародный фронт революции. С точки зрения расстановки классовых сил, как и на первом этапе, сохранялись два основных лагеря: демократические силы, наиболее последовательно и решительно борющиеся за ликвидацию колониального режима, и буржуазно-помещичьи круги, представлявшие умеренное крыло, противостоящее народу и мелкобуржуазной демократии. В каждом из этих лагерей по сравнению с первым этапом существовала значительно большая внутренняя дифференциация, отражавшая сложное переплетение классовых устремлений и интересов. Явный провал политики компромисса с испанскими властями, победы революционной армии, сотрудничество с американцами, все более очевидная обреченность колониального режима способствовали вовлечению в ряды повстанцев многих представителей крупных помещиков, консервативных бюрократических элементов, до сих пор стоявших в стороне от революционного движения. Усилилась активность интеллигенции, которая не представляла какого-то единого слоя, а выражала интересы самых различных общественных сил. Значительно более массовый и активный характер приобрела народная борьба, в особенности увеличился размах крестьянских движений, направленных в первую очередь против наиболее крупного слоя феодальных землевладельцев — монашеских орденов.

В обстановке революционного подъема, когда решалась задача окончательной ликвидации колониального режима и завоевания национальной независимости, правительство Агинальдо, в котором преобладали консервативные элементы, не могло не считаться с позицией левых демократических сил. Среди военных лидеров активную роль играли революционные генералы и командиры, продолжавшие руководить вооруженной борьбой после заключения биакнабатского соглашения. С начала второго этапа революции одним из ведущих лидеров и идеологов левого крыла революционных сил стал Аполинарио Мабини (1864—1903), мелкобуржуазный демократ, завоевавший популярность в патриотических кругах своей пропагандистской и публицистической деятельностью в 1897 — начале 1898 г.⁷

Агинальдо пригласил Мабини в Кавиг для участия в работе правительства. Он занял официальный пост личного советника президента. Сотрудничество Мабини с Агинальдо, его активная государственная и политическая деятельность на втором этапе революции отражали влияние левого мелкобуржуазного крыла на буржуазно-помещичье правительство. Привлекая к сотрудничеству Мабини, Агинальдо учитывал помимо его авторитета и растущей популярности некоторые субъективные факторы, а именно взгляды Мабини на характер власти в период революционных войн. Будучи убежденным сторонником республиканских и демократических форм правления, он вместе с тем выступал за централизацию власти в условиях вооруженного восстания, диктовавшуюся необходимостью мобилизации всех революционных сил, координации их действий для завершения задачи национального освобождения. Мабини считал Агинальдо именно тем типом политического и военного лидера, который наиболее соответствовал роли главы революционного правительства.

Деятельность Мабини в правительстве Агинальдо выходила за рамки функций советника президента. Большинство правительственных декретов и документов по

---

⁷ Мабини перешел на революционные позиции на рубеже 1896—1897 гг. С начала 1897 г. он находился в местечке Лос-Баньос (пров. Лагуна), куда в июне 1898 г. был перевезен друзьями из Манилы после освобождения из испанской тюрьмы. В Лос-Баньосе, известном своими целебными источниками, он лечился от тяжелого осложнения, полученного в результате перенесенной им редкой формы тропической лихорадки, вызвавшей паралич обеих ног. Здесь он написал ряд статей и прокламаций патриотического содержания.

дипломатическим, военным, административным вопросам были написаны Мабини. Он принимал непосредственное участие в руководстве военными действиями против испанских колонизаторов, организации, власти на освобожденных территориях⁸, разрабатывал основы внешнеполитического курса правительства, добивавшегося международного признания независимости Филиппин.

В течение июня повстанческие силы одержали ряд побед. Уже к началу июля 1898 г. от власти испанцев была освобождена значительная часть территории Лусона и Висайских островов, революционные войска вплотную подошли к Маниле, главному бастиону колонизаторов. Американская военная эскадра, оставшаяся после сражения 1 мая 1898 г. в Манильской бухте, блокировала столицу с моря, но США до начала июля 1898 г. не располагали достаточными силами для проведения сухопутных операций на архипелаге. Ликвидация испанского колониального режима на Лусоне и Висайских островах была полностью осуществлена филиппинской революционной армией. Войска повстанцев были вполне подготовлены для нанесения решающего удара колонизаторам, захвата столицы испанской колонии, падение которой ознаменовало бы окончательную победу революции. Однако взятие Манилы революционной армией не устраивало правительство и империалистические круги США прежде всего из-за важнейшего политического и военного значения этого события как фактора, свидетельствующего о реальной победе филиппинской национально-освободительной революции, что могло стать серьезной помехой на пути осуществления колонизаторских замыслов США в отношении Филиппин. Пока революционная армия не вошла в предместья Манилы, американцы занимали выжидательную позицию. В начале июля ситуация изменилась. На Лусон прибыли несколько транспортов американских войск, которые начали осаду столицы. Генерал Андерсон, командующий американскими сухопутными силами на Филиппинах, выполняя инструкции президента Мак-Кинли, намеренно не допустил филиппинцев к участию в операциях по овладению Манилой. Тем временем испанское правительство при посредничестве Франции приступило к переговорам с президентом Мак-Кинли о заключении мирного договора между Испанией и США. В результате 12 августа 1898 г. был подписан Вашингтонский протокол, положивший конец испано-американской войне. Пункт протокола, касавшийся Филиппин, предусматривал занятие Манилы американскими войсками до заключения мирного договора между Испанией и США, который и определит будущий статус Филиппинских островов. 13 августа 1898 г. американские войска вошли в Манилу⁹. Испанские власти заявили о капитуляции столицы.

Действия США не могли не вызывать тревоги на Филиппинах. Энтузиазм, с которым филиппинцы первоначально относились к союзу с американцами, не ставя под сомнение искренность обещаний американского правительства¹⁰, стал сменяться настроениями беспокойства и неуверенности. Первые признаки сомнений в бескорыстии американской политики появились в период осады и капитуляции Манилы, когда американское командование не только отстранило филиппинцев от участия в боевых операциях, но и потребовало отвода филиппинских войск от столицы. Напряженность в отношениях между филиппинцами и американцами усилилась осенью 1898 г., после того

---

⁸ Мабини был, в частности, автором декрета 18 июня 1898 г., на основе которого строилась система местного управления. Выступая за централизацию верховного правительства, он обращал особое внимание на соблюдение демократических принципов при организации власти на местах как гарантию против установления диктаторского режима, базу для демократических преобразований после победы революции, средство воспитания филиппинцев в духе: демократии и законности.

⁹ В дальнейшем то обстоятельство, что Манила была взята американскими войсками, неоднократно использовалось правительством США как один из главных аргументов в обосновании американских прав на Филиппинский архипелаг.

¹⁰ Среди немногих революционных лидеров, сумевших с самого начала разобраться в действительных намерениях империалистических кругов США в отношении Филиппин, в первую очередь следует назвать Мабини.

как в Париже начала работать испано-американская комиссия: по выработке условий мира. Намерения США оставались неясными и для Испании, и для держав, выступавших посредниками в мирных переговорах. Именно эта неопределенность позиции США вызывала растущую тревогу на Филиппинах. Действия американского командования — наращивание вооруженных сил на архипелаге, уклонение от признания независимости Филиппин, укрепление американского военно-оккупационного режима в Маниле, вывод революционных войск из столичных предместий — все это усиливало опасения филиппинцев.

Среди руководителей революции не было единства в отношении к политике Соединенных Штатов. Рьяным поборником филиппино-американского союза продолжал выступать Агинальдо, прилагавший немало усилий для сглаживания филиппино-американских противоречий.

В окружении президента последовательную антиимпериалистическую позицию занимал Мабини. Число единомышленников его стало расти. Антиимпериалистические взгляды распространились среди многих радикально настроенных политических деятелей, революционных генералов и командиров, интеллигенции. Мабини старался использовать дипломатические, политические и пропагандистские средства, для того чтобы добиться международного признания Филиппин как суверенного, независимого государства до подписания мирного договора между США и Испанией. Правительственные декреты, автором которых был Мабини, появившиеся в августе — сентябре 1898 г. и обращенные к правительствам европейских держав и США, ставили вопрос о международном признании независимости Филиппин и о признании их воюющей стороной. Последнее имело также немаловажное принципиальное значение, поскольку официальная американская пропаганда изображала Филиппины лишь в качестве второстепенного союзника США, приписывая американским вооруженным силам решающую роль в освобождении архипелага от испанских войск. Сознательное замалчивание военных успехов революционной армии использовалось правительством США как еще один повод для обоснования американских претензий на передачу в их руки Филиппинского архипелага. Сознвая, насколько невелики были шансы на признание Филиппин капиталистическими государствами, Мабини предлагал использовать противоречия между великими державами, апеллировать к мировому демократическому общественному мнению, антиимпериалистическим силам внутри каждой страны. Последнее главным образом касалось Соединенных Штатов, где испано-американская война вызвала подъем антиимпериалистического движения в довольно широких кругах либеральной интеллигенции и мелкой буржуазии, выступавших с критикой внешнеполитического курса Мак-Кинли. По инициативе Мабини был создан революционный заграничный комитет, представители которого были направлены во все крупные европейские страны и США.

В осенние месяцы 1898 г. в результате наступательных операций филиппинских повстанческих сил почти вся территория Лусона и Висайских островов была очищена от испанских войск. Последний оплот испанцев — г. Илоило, где разместилась резиденция последнего испанского генерал-губернатора Риоса, был сдан ими 25 декабря 1898 г. После того как в июле 1898 г. на Филиппины прибыли первые транспорты американских войск, разместившиеся в окрестностях Манилы и в провинции Кавите, столица освобожденных территорий была перенесена из Кавите в г. Бакаор, а в конце августа — в Малолос, административный центр провинции Булакан. Таким образом, филиппинское революционное правительство контролировало все основные районы Лусона и Висайев, за исключением Манилы, где был установлен американский военно-оккупационный режим.

МАЛОЛОССКИЙ КОНГРЕСС И ОБРАЗОВАНИЕ ФИЛИППИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

15 сентября 1898 г. в Малолосе открылся Революционный конгресс, созданный на основании декрета от 23 июня 1898 г. Большинство делегатов были назначены главой правительства Агинальдо в основном из числа руководителей местных органов власти и верхушки военных, часть делегатов были выборными (примерно $\frac{1}{5}$ общего состава). В составе делегатов конгресса преобладали представители образованных помещичьих и буржуазных кругов (председателем был избран Педро Патерно, один из консервативных буржуазных лидеров), однако значительна была и группа делегатов, представлявших мелкобуржуазную интеллигенцию и вышедших из мелкобуржуазной и народной среды командиров революционной армии. В ходе работы конгресса был разработан и принят важнейший исторический документ — новая конституция (Малолосская), законодательно оформившая создание независимой Филиппинской республики. Дискуссии при обсуждении основных вопросов, стоявших на повестке дня заседаний конгресса, отражали те противоречия, которые существовали не только между двумя основными течениями в революционном лагере, но и внутри каждого из них.

Предметом острых дебатов стал вопрос о правомерности и целесообразности выработки и принятия конституции. По существу, речь шла о форме и характере государственной власти — сохранении или ограничении диктаторских полномочий Агинальдо как президента и верховного главнокомандующего. Большинство участников конгресса (несмотря на то, что преобладали делегаты, назначенные президентом) высказались против сохранения неограниченной власти Агинальдо. Противниками авторитарной формы правления оказались как представители мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции — приверженцы парламентарного республиканского строя, так и правые буржуазно-помещичьи элементы, стремившиеся обеспечить себе господствующие позиции в государстве и потому опасавшиеся усиления единоличной власти президента. Именно для обеспечения гарантий против укрепления диктатуры Агинальдо большинство делегатов выступили за немедленное принятие конституции. Сторонники сохранения чрезвычайных полномочий президента также объединяли представителей разных общественных сил. Меньшинство конгресса, выступавшее против выработки конституции, возглавлял Мабини, позиция которого по этому вопросу была связана с его убеждениями в необходимости централизации верховной власти в период до «триумфа революции», укрепления единого руководства и усиления дисциплины в революционной армии.

Доводы Мабини против выработки конституции были отвергнуты большинством делегатов. Тогда он предложил свой конституционный проект, в котором опять-таки решающая роль отводилась исполнительной власти, а полномочия законодательной были сведены к минимуму¹¹. Конституционная комиссия отвергла проект Мабини, выдвинув для постатейного обсуждения текст проекта, составленного Фелипе Кальдероне, энергичным защитником буржуазно-парламентарной формы государственного устройства (его обсуждение продолжалось с конца октября до начала декабря 1898 г.). Малолосская конституция (как и первая филиппинская конституция — Биакнабатская) была призвана утвердить на Филиппинах буржуазно-демократический строй. Авторы Малолосской конституции использовали при ее составлении самые прогрессивные нормы существовавшего в то время буржуазного государственного законодательства.

Конституция провозглашала Филиппины независимой и свободной республикой. Статья 4 определяла ее правительство как «народное, представительное, выборное и ответственное», осуществляющее свои функции через три отдельные власти (за-

¹¹ Позиция Мабини по вопросу о конституции и полномочиях президента» проистекавшая в значительной мере из практических задач революционного движения, воспринималась многими его современниками лишь как откровенная поддержка диктаторских устремлений президента, связанная с его личным отношением к Агинальдо. Подобная оценка получила отражение и в ряде исторических исследований филиппинских и американских авторов.

конодательную, исполнительную и судебную), причем подчеркивалось, что «ни одно лицо или корпорация не могут быть облечены более чем одной из этих властей». О явном стремлении составителей конституции воспрепятствовать тенденции к возникновению авторитарных форм правления свидетельствовали детально разработанные положения о функциях законодательной власти в лице Собрания представителей нации, созываемого ежегодно. Деятельность президента «как главы исполнительной власти была поставлена под контроль законодательной власти. Большое место в конституции занимали статьи, посвященные утверждению в стране буржуазного правопорядка и гарантиям демократических прав и свобод гражданам республики.

В Малолосской конституции получил отражение новый важный фактор — расширение территориальных и этнических рамок революционного движения. Если на первом этапе революции освободительная борьба в основном разворачивалась на территории Лусона и ее главным центром были тагальские провинции (во многих официальных документах революционного правительства, относящихся к 1896—1897 гг., используется термин «тагальская революция»), то на завершающем этапе в активное революционное движение были вовлечены народы не только Лусона, но и Висайских островов. В отличие от Биакнабатской конституции, объявившей тагальский официальный язык Филиппинской республики, новая конституция провозгласила свободное пользование (ст. 93) всеми «языками, употребляемыми на Филиппинах» (для официальных актов и судебных дел продолжал использоваться испанский). По конституции, создание независимого государства основывалось на принципе унитаризма (в ст. 1 записано: «Политическое объединение всех филиппинцев составляет нацию, государство которой именуется Филиппинской республикой»), в чем получила несомненное отражение объективно действующая тенденция к общефилиппинскому национальному единству. Создание единого государства диктовалось и необходимостью защиты национальной независимости, так как все более очевидной становилась угроза военного конфликта с США.

Ни в одной из статей конституции не указаны территориальные границы Филиппинской республики. Процесс создания независимого унитарного государства зарождался на территории Лусона и Висайских островов, в центрах революционного восстания. В тексте конституции отсутствует упоминание о южных районах Филиппин. На основании некоторых других документов и источников можно, однако, сделать вывод, что термин «филиппинская территория», используемый в тексте конституции (ст. 6), подразумевал распространение власти филиппинского правительства на всю территорию архипелага в тех границах, которые установились при испанском режиме, включая присоединенные во второй половине XIX в. мусульманские районы.

Руководителям филиппинской революции не был ясен будущий статус мусульманских территорий — либо они должны были стать со временем частью унитарного филиппинского государства с сохранением известной автономии, либо вступить в федеративные отношения с ним. Последнее было сформулировано в послании Агинальдо конгрессу 1 января 1899 г. с предложением начать переговоры с моро Сулу и Минданао «в целях достижения национального единства на основе реальной федерации при абсолютном уважении их веры и традиций». Понятно, что проблема мусульманского Юга не ограничивалась, вопросом административно-территориального статуса областей, заселенных моро. Между двумя основными конфессиональными группами филиппинского населения, развивавшимися в изоляции друг от друга в течение более чем 300-летнего периода, сохранялись антагонистические отношения. Революционное правительство предпринимало шаги для преодоления отчужденности и вражды между филиппинцами — христианами и мусульманами. Позиция филиппинских лидеров основывалась на идее общефилиппинского национального единства в борьбе с испанским колониализмом (одинаково угнетавшим как христиан, так и мусульман) и на демократическом принципе свободы религии. Эти идеи содержало послание к моро

Гонконгской хунты (весной 1898 г.), в котором о мусульманах говорилось как «о наших братьях, которые, как и мы, сражаются за свою независимость». В период работы Малолосского конгресса революционное правительство направило манифест некоторым влиятельным дато Минданао, в котором враждебность моро и христиан объяснялась политикой испанцев, насильственно разъединивших филиппинские народы, принадлежащие «к одной и той же расе».

Все эти шаги, предпринимавшиеся революционным руководством, не находили отклика в среде мусульман. Сказывались традиционная враждебность к христианскому населению, длительная изоляция южных районов, их социально-экономическая отсталость и политический застой, господство мусульманской идеологии, ориентированной филиппинцев-мусульман на принадлежность к «миру ислама» и культивировавшей религиозную обособленность мусульманской общины. При существовавшем уровне общественного и духовного развития моро им, естественно, были чужды и непонятны демократические и националистические идеи, пропагандировавшиеся филиппинскими революционерами. Правители султанатов воспринимали филиппинское республиканское правительство как преемника испанской колониальной администрации, проявляя недоверие, а зачастую и откровенную враждебность к любым его действиям, направленным на вовлечение южных районов в общий процесс освободительной борьбы¹².

Самый краткий третий раздел Малолосской конституции, озаглавленный «Религия», содержит только одну статью (5), в которой записано, что «государство объявляет равноправие всех вероисповеданий и отделение церкви от государства». В лаконичной формулировке была выражена суть программы буржуазных националистов по вопросам религии и церкви, которая была выработана еще в период движения за реформы. Однако именно эта формулировка стала предметом продолжительных и ожесточенных дискуссий. Часть делегатов конгресса (представителей различных течений — от умеренного либерала Кальдероне до радикала Мабини) выступила против отделения церкви от государства. Их позиция основывалась на конкретной ситуации, сложившейся на Филиппинах в годы революции в результате развивавшейся в течение всего XIX в. борьбы филиппинского духовенства. Подавляющее большинство местных священников выступало с поддержкой антиколониальной революции. Многие священники-филиппинцы непосредственно участвовали в вооруженной борьбе (особенно на втором этапе революции) в качестве военных капелланов и одновременно солдат и командиров революционной армии, оказывали большую помощь республиканскому правительству в мобилизации и сплочении патриотических сил для завершения задачи национального освобождения. К тому времени, когда открылись заседания конгресса в Малолосе, испанское духовенство оказалось в полной изоляции от верующих филиппинцев¹³. Стала складываться национальная католическая иерархия, во главе которой стал филиппинский священник Грегорио Аглипай (1860—1940), выдвинувшийся в качестве революционного лидера и одного из руководителей духовенства в начале 1898г.¹⁴ В октябре 1898 г. Агинальдо по инициативе Мабини назначил Аглипая генеральным викарием Филиппинской республики, т. е. поставил его во главе всего филиппинского духовенства.

¹² Войска буайанского дато Пианга нападали и истребляли отряды революционной армии, пытавшиеся установить контроль над Замбоангой (осень 1898 г.). В январе 1899 г. моро убили отправленных на Минданао представителей так называемого Центрального комитета Минданао (созданного в Маниле), в обязанности которых входили набор солдат для подкрепления армии, организация выборов в поддержку республиканского правительства, сбор денежных средств для освободительной войны.

¹³ Архиепископ и руководство орденов укрылись в Маниле, оккупированной американцами. Некоторым монахам удалось бежать из страны, многие были арестованы революционными властями либо убиты повстанцами.

¹⁴ Грегорио Аглипай происходил из семьи илокосских крестьян. Высшее духовное образование получил в Университете св. Фомы. С начала революции служил военным капелланом в революционной армии.

Учитывая популярность филиппинских священников среди населения и растущий авторитет национальной иерархии, Мабини и его сторонники опасались, что включение в конституцию статьи об отделении церкви от государства лишит правительство республики поддержки со стороны многочисленной и политически активной группы местного духовенства и, следовательно, приведет к падению авторитета революционного руководства среди верующих филиппинцев. Немаловажное значение имела позиция самих представителей местного духовенства, участвовавших в работе конгресса, которые решительно выступали против отделения церкви от государства, в поддержку выдвинутой в 1898 г. Мабини идеи создания национальной католической церкви, подчиняющейся непосредственно Ватикану. В результате бурных дебатов большинством в один голос статья 5 об отделении церкви от государства была включена в конституцию. Вслед за тем была принята дополнительная (сотая) статья, приостанавливавшая действие ст. 5 впредь до созыва Учредительного собрания.

Дискуссию вызвал также вопрос о церковной собственности. В период работы конгресса большинство орденских поместий уже были захвачены крестьянами-арендаторами. Однако конгресс под давлением буржуазно-помещичьих делегатов, опасавшихся вообще подрыва права собственности помещиков на землю, не решился законодательно подтвердить ликвидацию орденского землевладения. Лишь в январе 1899 г. в условиях внешней угрозы (со стороны США), когда возросла необходимость укрепления общенародного фронта революции, и в целях смягчения аграрных движений в конституцию была внесена дополнительная статья, согласно которой все виды собственности, принадлежавшие религиозным корпорациям, объявлялись собственностью правительства.

Работа конгресса была прервана известием о подписании в Париже (10 декабря 1898 г.) мирного договора между Испанией и США, согласно которому Испания уступала Филиппины Соединенным Штатам. Решение Парижской мирной конференции вызвало взрыв негодования на Филиппинах. Молодое государство, едва сбросившее испанское колониальное иго, оказалось перед угрозой нового порабощения. В обстановке подъема патриотических чувств и настроений политические разногласия и противоречия внутри революционного лагеря отошли на второй план. Было спешно сформировано правительство. Президентским декретом 2 января 1899 г. на посты премьер-министра и министра иностранных дел Филиппинской республики был назначен Аполинарио Мабини. 5 января 1899 г. правительствам США, европейских держав и Японии был разослан текст манифеста, подписанного Агинальдо, в котором заявлялся официальный протест против решения Парижской конференции о назначении военным губернатором Филиппин откровенного аннексиониста генерала Отиса, командующего американскими военными силами на архипелаге. Филиппинские представители за границей усилили пропаганду за признание республики. Представитель филиппинского заграничного комитета в США Фелипе Агонсильо установил контакты с рядом деятелей Демократической (оппозиционной) партии и руководителями антиимпериалистических лиг, выступавших с критикой аннексионистской политики правительства и проводивших кампанию против ратификации Парижского договора. Однако все его попытки добиться официальной встречи с государственным секретарем Хэем и другими представителями властей были безрезультатны. В Маниле в январе 1899 г. шли переговоры между филиппинским правительством и американским командованием. Во избежание войны филиппинцы готовы были пойти на некоторые уступки, но при единственном условии — сохранении национального суверенитета. Именно это не входило в планы американцев. Они сознательно затягивали переговоры, избегая прямых ответов и заявлений.

23 января 1899 г. в Малолосе была торжественно утверждена конституция. Агинальдо был избран президентом Филиппинской республики. Вслед за тем текст конституции был направлен в европейские столицы и Вашингтон. Но правительства капиталистических держав хранили молчание, предпочитая роль нейтральных

наблюдателей. К концу января филиппино-американские переговоры в Маниле, зайдя в тупик, прекратились. Оставалась надежда на то, что в сенате США, где на голосование был поставлен вопрос о ратификации Парижского договора, одержат победу противники внешнеполитического курса Мак-Кинли. Но вскоре рухнула и эта последняя надежда. В ночь на 4 февраля американское командование спровоцировало перестрелку между передовыми линиями филиппинских и американских войск, стоявших в окрестностях Манилы. Мак-Кинли изобразил инцидент как вероломное нападение филиппинцев. Его заявление вызвало бурную полемику в сенате. Часть сенаторов, прежних противников аннексии архипелага, заколебалась. Сыграла роль и позиция лидера Демократической партии Брайдана, до сих пор считавшегося противником империалистической политики правительства республиканцев, но выступившего в момент голосования, 6 февраля 1899 г., за ратификацию Парижского договора. Таким образом было получено большинство в две трети голосов, необходимых по американской конституции для утверждения законопроекта в сенате..

С ратификацией Парижского договора Филиппины вступили: в новый, самый сложный этап национально-освободительную борьбы.

Глава IX

ЗАХВАТ ФИЛИППИН СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ И УСТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА (1899—1916)

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1899—1901 гг.

День 4 февраля 1899 г. вошел в историю Филиппин как начало войны с Соединенными Штатами. Едва родившаяся Филиппинская республика вступила в неравную борьбу с сильнейшей империалистической державой, обладавшей многократным военным и экономическим превосходством. Всеобщим патриотическим подъемом, сплотившим широкие массы филиппинского народа вокруг правительства республики, стремлением во что бы то ни стало отстоять завоевания революции объяснялась неожиданная для американцев сила сопротивления филиппинцев, которая обнаружилась с первых же вооруженных столкновений.

С точки зрения хода и характера военных действий национально-освободительная война 1899—1901 гг. подразделяется на два этапа: с февраля по ноябрь 1899 г., когда шли бои регулярной филиппинской армии против американских войск; с ноября 1899 г. по июль 1901 г., когда развернулась партизанская война, возглавленная революционными военачальниками. В первые месяцы войны (весной 1899 г.) филиппинские войска не только выдерживали натиск американцев, но и наносили им серьезный уран. По сведениям европейских и русских дипломатов, внимательно следивших за ходом событий на Филиппинах, за полтора месяца военных действий (до середины марта 1899 г.) число убитых и раненых американцев было почти равно потерям, понесенным США в течение всей войны с Испанией. Учитывая превосходство американских войск в вооружении и технике, филиппинское командование старалось избегать крупных сражений, придерживаясь тактики маневренной войны, которая приводила к разобщению сил американцев.

В марте 1899 г. американскому командованию удалось собрать значительные силы у столицы республики — Малолоса и взять город. Однако захват Малолоса, которому американцы придавали большое военно-политическое значение, не оказал существенного влияния на общий ход военных действий. В итоге полугодовой военной кампании (к августу 1899 г.) американцы удерживали прочный контроль над Манилой и ее окрестностями. На остальной территории Лусона шли бои с филиппинской регулярной армией. В районе Висайских островов американцы заняли города Илоило и Себу и установили

военно-оккупационный режим на территории о-ва Негрос благодаря поддержке со стороны местных крупных помещиков — владельцев сахарных плантаций, напуганных нарастанием антифеодальной крестьянской борьбы. На юге архипелага в мае 1899 г. американские войска оккупировали Холо — столицу султаната Суду.

Американское командование испытывало недостаток в людских ресурсах. В начале войны под командованием Отиса находилось 20—25 тыс. солдат, включая волонтеров. Уже в марте 1899 г. конгресс США утвердил законопроект об увеличении контингента американской регулярной армии на Филиппинах до 65 тыс. и присылке на острова 35 тыс. волонтеров. В августе 1899 г. был выработан план генерального наступления на Лусоне (осенью, после окончания сезона дождей). В окрестностях Манилы к октябрю 1899 г. было сконцентрировано более 50 тыс. американских солдат, оснащенных современным оружием. Таким образом, американское командование подготовилось к широким наступательным операциям.

Очевидная сложность военного подчинения Филиппин заставляла американское правительство наряду с усилением военного нажима использовать также тактику, рассчитанную на возможность соглашения с верхушкой филиппинского общества на основе уступок местным буржуазно-помещичьим слоям¹. С апреля 1899 г. в Маниле начала работать первая Филиппинская комиссия, возглавленная американским историком проф. Джекобом Шерманом. Предложения, выработанные комиссией, содержали ряд обещаний (создание «просвещенной системы управления», демократические свободы, гарантии личных прав, собственности, поощрение экономического развития и т. п.), направленных на привлечение местных умеренных националистических элементов. Эта политика имела успех среди части филиппинской интеллигенции, буржуазии, помещиков, участвовавших в национально-освободительной борьбе². Уже в первые месяцы военных действий в революционном руководстве (и в революционных силах в целом) обозначились два основных течения. Одно — радикальное, возглавленное Мабини и генералом Антонио Луна, выступавшими за продолжение бескомпромиссной освободительной борьбы за полную независимость. Другое — умеренное во главе с Педро Патерно, представители которого обнаруживали склонность к поискам различных вариантов «почетного соглашения» с американскими империалистами. Группировка Патерно решительно поддержала переговоры с комиссией Шермана.

Непримиримая, бескомпромиссная позиция Мабини все менее устраивала умеренную группировку в правительстве и конгрессе, с которой был связан и президент Агинальдо. Он опасался прямого конфликта с Мабини, слишком заметной и яркой фигурой, одним из самых авторитетных лидеров революционной интеллигенции, армии и народа. Стараясь не повредить своему престижу и популярности как национального вождя, Агинальдо действовал со свойственной ему осторожностью, исподволь готовя смену правительства. Удобный предлог для устранения Мабини с поста премьер-министра был найден в начале мая 1899 г., когда были прерваны переговоры с комиссией Шермана (из-за отказа филиппинской стороны пойти на признание американского суверенитета). На заседании Революционного конгресса в адрес Мабини было выдвинуто обвинение в срыве переговоров с американцами. Заранее организованное

¹ Политика «кнута и пряника», проводившаяся американским правительством на Филиппинах, была связана и с внутренней обстановкой в США накануне президентских выборов 1900 г. Мак-Кинли, добивавшийся переизбрания на пост президента (от Республиканской партии), не мог не считаться с ростом оппозиции колониалистскому курсу правительства со стороны довольно широких кругов американской общественности. «Филиппинский вопрос» занимал центральное место в массовой кампании, организованной Антиимпериалистической лигой. Лозунг предоставления независимости Филиппинам выдвигала оппозиционная Демократическая партия и ее кандидат на пост президента — Брайан.

² Наиболее консервативная группировка, представленная главным образом помещиками и бюрократическими элементами, отошла от революционного движения уже с начала филиппино-американской войны, заняв откровенно капитулянтскую позицию. Ее возглавляли Пардо де Тавера, Леградо, Арельяно, обосновавшиеся в оккупированной американцами Маниле.

большинство из сторонников соглашательской политики обеспечило им победу в конгрессе. 7 мая Агинальдо объявил об отставке Мабини и формировании нового кабинета во главе с Педро Патерно. С тем чтобы соблюсти видимость демократии, в состав кабинета в качестве заместителя военного министра был введен радикал, генерал Антонио Луна. Его возмущение отставкой Мабини и резкая критика в адрес группировки Патерно заставили Агинальдо поспешить с устранением и этого революционного лидера. 5 июля Луна был предательски убит агентами Агинальдо.

Новая филиппинская делегация, состоявшая из сторонников группировки Патерно, была наделена полномочиями вести переговоры с американцами на основе довольно неопределенно сформулированных предложений государственного секретаря Хэя и главы комиссии — Шермана о предоставлении Филиппинам статуса автономии. Эта формулировка вызвала недовольство у остальных членов комиссии — сторонников военного подчинения Филиппин и безусловного американского суверенитета на архипелаге. Их позиция оказалась неприемлемой для филиппинской делегации, рассчитывавшей на значительно большие уступки со стороны США. Разногласия между Шерманом, сторонником «примирительной» политики в отношении филиппинцев, и рьяными аннексионистами — Отисом, Дьюи и Уорчестером — ускорили прекращение переговоров.

С увеличением почти втрое контингента американских войск на архипелаге осенью 1899 г. положение революционных сил осложнилось. В октябре американские войска перешли к генеральному наступлению на Лусоне (в северном, северо-восточном и южном направлениях от Манилы). Главной ареной военных действий стал довольно обширный район, расположенный вдоль железной дороги, связывавшей Манилу (на юге) и Дагуптан, порт в Лингаенском заливе (на севере). Здесь находилась столица республики — Тарлак и концентрировались основные силы филиппинской армии. В результате ряда крупных наступательных операций американские войска к ноябрю 1899 г. окружили части филиппинской армии, действовавшие в этой зоне, отрезав их от остальных районов Лусона. 17 ноября американские войска под командованием генерала Мак-Артура заняли Тарлак (Агинальдо и члены правительства переехали в городок Байамбанг в провинции Нуэва-Бискайя), 20 ноября — порт Дагуптан. В то же время части под командованием генералов Лаутона и Юнга продвинулись глубоко на север, овладев значительными территориями в провинциях Булакан, Нуэва-Эсиха, Бенгует и Южный Илокос. Военная кампания, осуществленная американцами в октябре—ноябре 1899 г., нанесла тяжелый удар по революционным силам, от которого они не смогли оправиться. Правительственный совет, заседавший в Байамбанге, принял решение о переходе с середины ноября к единственно возможной в этих условиях форме сопротивления — партизанской войне. К концу года центральное правительство практически перестало существовать — часть его членов была взята в плен американцами, часть добровольно капитулировала. Агинальдо с небольшой группой ближайших советников и остатками республиканской армии по мере продвижения американских войск отступал во внутренние районы Северного Лусона.

Таким образом, с началом второго этапа войны филиппинское национально-освободительное движение пошло на спад под ударами американских империалистов. Однако народные массы еще сохраняли революционный энтузиазм. Народ поддерживал партизан, борьба с американскими колонизаторами разворачивалась повсеместно на архипелаге, включая уже оккупированные территории. В 1900 и в начале 1901 г. партизанские отряды действовали активно на большей части Лусона и Висайских островов. Подавляя сопротивление филиппинцев, американское командование использовало жестокие карательные методы в отношении как партизан и остатков республиканской армии, так и населения, не принимавшего участия в вооруженной борьбе. Несомненно, что огромное военно-техническое преимущество регулярных войск США, действовавших против плохо вооруженных разрозненных сил филиппинцев,

изнуренных к тому же войной против испанских колонизаторов, сыграло решающую роль в разгроме национально-освободительного движения. К маю 1900 г., когда военным губернатором Филиппин был назначен Мак-Артур (сменивший Отиса), американская регулярная армия, пополненная свежими подкреплениями, доходила до 70 тыс. Соотношение потерь американцев и филиппинцев с конца 1899 г. (начала генерального наступления на Лусоне) и в 1900 г. равнялось 1:16. Тем не менее процесс «замирения» архипелага был далек от той оптимистической картины, которую рисовали правительство и официальная американская пресса. Упорное сопротивление широких демократических масс заставляло американцев проводить политику уступок верхушке филиппинского общества.

Проведение подобной политики облегчалось расколом внутри революционных сил, отходом от вооруженной борьбы большинства буржуазно-помещичьих элементов. Центром, где сосредоточились коллаборационистские силы, стала Манила³. Откровенно капитулянтскую позицию занимала группировка Пардо де Таверы — Легарды. Уже в первой половине 1900 г. представители этой группировки стали получать официальные посты в манильском муниципальном управлении, судах первой инстанции и т. п. Педро Патерно возглавлял группу так называемых «автономистов», пытавшихся договориться с США о статусе автономии для Филиппин. Большинство филиппинской интеллигенции, буржуазных и помещичьих лидеров, отказавшись от вооруженного сопротивления, еще надеялись с помощью мирных методов добиться «почетного» соглашения с американцами. На их позицию влияла и продолжавшаяся народная борьба, и ожидание итогов президентских выборов в США — надежда на возможную победу кандидата Демократической партии. Привлечение этих либеральных кругов (значительно более широких, нежели узкая прослойка коллаборационистов, стоявших вне революционного движения) входило в одну из основных задач новой Филиппинской комиссии во главе с У. Тафтом. Она начала работать в Маниле в июне 1900 г. с целью подготовить организацию гражданского управления на Филиппинах. С 1 сентября 1900 г. комиссия официально наделялась функциями высшей законодательной власти при сохранении верховной исполнительной власти в руках военного губернатора. «Примирительная» политика, проводившаяся членами комиссии, ее деятельность по созданию системы муниципального управления с привлечением довольно большого числа филиппинцев, закон об амнистии участникам вооруженной борьбы (от 21 июня 1900 г.) — все эти акции способствовали росту проамериканских настроений. Однако до ноября 1900 г., когда стали известны результаты президентских выборов в США, закончившиеся переизбранием Мак-Кинли, филиппинские либеральные буржуазно-помещичьи круги занимали выжидательную позицию. Выжидательную позицию занимал и Агинальдо, скрывавшийся от преследования американцев в глухих районах Северного Лусона. Он отказался сложить оружие после объявления амнистии, а накануне выборов в США установил связь с Мабини, уполномочив последнего вести переговоры с Тафтом (они окончились безрезультатно из-за решительного отказа Мабини сотрудничать в какой бы то ни было форме с американскими властями).

С победой Мак-Кинли и Республиканской партии филиппинский вопрос был решен окончательно в пользу аннексии. С конца 1900 г. американские власти ускорили процесс организации системы гражданского управления. На основе закона о системе гражданской службы, вступившего в силу с января 1901 г., филиппинцы допускались на равных основаниях с американцами к занятию всех чиновничьих должностей, за исключением губернаторского поста.

---

³ В то время манильские тюрьмы были переполнены захваченными в плен и отказавшимися капитулировать филиппинскими патриотами. В одной из них с декабря 1899 по октябрь 1900 г. находился Аполинарио Мабини, который и в тюремных стенах продолжал борьбу. Написанные им в этот период политические памфлеты и статьи переправлялись партизанским командирам и за границу — в Гонконг, где печатались в газете, издаваемой Гонконгской хунтой.

Американские власти пошли на разрешение деятельности проамериканской Федеральной партии, созданной в декабре 1900 г. Пардо де Таверой и Легардой. Ее программа выдвигала в качестве конечной цели превращение Филиппин в штат США. «Федералисты» не только служили главной политической опорой американцев, но и оказывали непосредственную помощь войскам в процессе «замирения» филиппинского населения.

В отношении антиимпериалистически настроенных революционных мелкобуржуазных кругов новая политика вновь избранного президента ознаменовалась усилением репрессий. В начале января 1901 г. 57 непримиримых революционеров (в том числе Мабини), отказавшихся подписать присягу на верность США, были высланы на о-в Гуам. Американское командование активизировало военные действия против партизан и остатков революционной армии. 23 марта отряд под командованием генерала Фэнстона обманным путем захватил в плен Агинальдо, скрывавшегося в провинции Исабела. А 19 апреля бывший президент Филиппинской республики обратился с воззванием к народу, призывая к прекращению вооруженного сопротивления и признанию американского господства. Гражданским губернатором Филиппин 25 июня 1901 г. был назначен У. Тафт. Таким образом, официально подтвердились захват и распространение американского контроля над Филиппинским архипелагом. Между тем вооруженная партизанская борьба продолжалась и после установления гражданского колониального управления.

УСТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА (1901—1916)

Американские историки обычно пишут о том, что «наиболее ощутимо американская цивилизация воздействовала на филиппинские институты» в первое десятилетие после захвата Филиппин Соединенными Штатами. В действительности в этот период шел процесс утверждения американской колониальной системы, вырабатывались формы и методы колониальной политики и эксплуатации. Уже тогда американский колониализм стал обнаруживать некоторые специфические черты, которые и по сей день служат основанием для утверждений (встречающихся в западной литературе) об особом, либерально-цивилизаторском характере колониального режима США на Филиппинах. Дело же заключалось в том, что США, внедряя и расширяя империалистические методы эксплуатации Филиппин, начали первыми использовать некоторые приемы, характерные для неоколониалистской политики. На характер американской колониальной политики влияли объективные условия. США захватили Филиппины на завершающей стадии национальной революции, покончившей с 300-летним испанским господством. Американские политики и идеологи не могли не учитывать таких факторов, как существование обостренных националистических чувств и антиимпериалистических настроений среди широких масс филиппинцев, сохранение в сознании народа памяти о недавних завоеваниях революции, идеалов свободы и национальной государственности. Поэтому, заботясь о создании и укреплении социальной опоры колониального режима, США были вынуждены пойти на существенные политические и экономические уступки местной помещичье-буржуазной верхушке. Имели значение и особенности внутренней жизни самих США — противоречия между различными группами монополистического капитала, а также сохранявшее силу в начале века оппозиционное антиимпериалистическое движение.

Еще в годы филиппино-американской войны администрация Мак-Кинли обращалась к политике уступок филиппинским имущим классам. После захвата архипелага этот курс продолжал развиваться; проводником его стал первый генерал-губернатор — Уильям Тафт. Он уделял большое внимание вопросам колониальной политики и позже, когда занимал посты министра обороны и президента США (поэтому в филиппинской историографии период 1901—1913 гг. называют часто «эрой» или

«режимом Тафта»). В этот период американцы проводили политику, которая определялась Тафтом и его единомышленниками как «американизация» и «филиппинизация». Под «американизацией» подразумевалось внедрение и распространение американских институтов, которые должны были прийти «а смену традиционной организации общества. Политика «американизации» объяснялась необходимостью длительного периода развития Филиппин «под опекой» США, для того чтобы филиппинцы могли пройти школу «демократического воспитания» и приобрести навыки политической и государственной деятельности⁴. При этом Тафт и другие американские политики утверждали, что, чем продолжительнее будет период «опекунства» и чем лучше филиппинцы ознакомятся с американской цивилизацией, тем меньше они будут стремиться к достижению национальной независимости.

Процесс «филиппинизации» должен был служить как бы обратной стороной «американизации». Он предполагал участие местных имущих слоев в создаваемой американцами системе политико-административного управления. Этой цели отвечали уже первые утвержденные Филиппинской комиссией в начале 1901 г. законы о гражданской службе, муниципальном и провинциальном управлении. Тогда же филиппинцы получили доступ к постам председателя и членов Верховного суда (в его состав входили три филиппинца и четыре американца). В сентябре 1901 г. в Филиппинскую комиссию были введены лидеры Федеральной партии — Пардо де Тавера, Легарда и Лусуриага. 1 июля 1902 г. был принят закон о временном управлении для Филиппинских островов (Органический закон 1902 г.), согласно которому было запланировано создание после завершения процесса «замирения» архипелага выборной Ассамблеи из филиппинцев в качестве нижней законодательной палаты. Филиппинская комиссия (состоявшая из пяти американцев и трех, а с 1908 г. — четырех филиппинцев) должна была стать верхней палатой. Предполагалось, что ни один законопроект не мог быть принят без одобрения нижней палатой, но контроль над законодательством сохраняли американцы — любой закон подлежал окончательному утверждению генерал-губернатором и мог быть отменен или изменен конгрессом США. В закон 1902 г. был включен билль о правах, предусматривавший распространение и гарантии буржуазно-демократических свобод для жителей Филиппин. Хотя введение элементов выборности и предоставление филиппинцам гражданских прав и свобод в основном оставались на бумаге, само провозглашение этих принципов делало политику США в глазах мировой общественности значительно более либеральной, чем политика старых колониальных держав.

На первых порах политика уступок, проводимая американцами, в наибольшей мере отвечала интересам узкой помещичье-бюрократической прослойки, группировавшейся вокруг Федеральной партии. Курс на «филиппинизацию» привел к укреплению традиционного привилегированного положения касиков. В создаваемой американцами системе муниципального управления все основные посты оказались в руках у местных чиновников — касиков.

Помещичье-бюрократические слои были вполне удовлетворены политикой американской администрации, выступая в качестве наиболее лояльной по отношению к новому колониальному режиму силы. Однако американские власти быстро убедились в ненадежности опоры на эту чрезвычайно узкую прослойку, проамериканская позиция которой вызывала недоверие и враждебность широких масс филиппинцев. Антиимпериалистическими настроениями были охвачены не только низы, но и буржуазия, интеллигенция, часть помещиков. Даже внутри Федеральной партии появилась группировка, недовольная откровенно коллаборационистским характером ее

---

⁴ Этот вывод, в свою очередь, основывался на широко пропагандирувавшемся американцами утверждении о неподготовленности филиппинцев к самостоятельному существованию и построению независимого государства. Вслед за правящими официальными кругами большинство американских историков начала XX в. оценивали ситуацию на Филиппинах накануне филиппино-американской войны как «политическую анархию» и считали Филиппинскую республику «инсценировкой» и «фикцией».

деятельности. Все это заставляло американцев идти на новые уступки местным имущим классам, с тем чтобы добиться расширения социальной базы режима. Американские власти вынуждены были согласиться на создание в 1907 г. политической партии — Партии националистов — с национал-реформистской программой. Они даже выдвинули формулу «Филиппины для филиппинцев», обещающую в неопределенном будущем ограничение, а затем прекращение суверенитета США.

Ассамблея приступила к работе 16 октября 1907 г. В результате проведения общенациональных выборов 80 депутатов Ассамблеи представляли 34 провинции, на которые страна подразделялась в 1907 г. (исключение составляли районы, заселенные нацменьшинствами — южанами-мусульманами и горцами-анимистами, где было введено особое административное управление). Ассамблея не была представительным органом в полном смысле слова. Число жителей, участвовавших в выборах, в среднем составляло менее 3% общей численности населения⁵, поскольку избирательный закон содержал целый ряд ограничений. Избраны могли быть только лица, принадлежавшие к высшим кругам филиппинского общества. Функционируя в качестве нижней палаты, Ассамблея была организована по образцу палаты представителей американского конгресса. Ее деятельность контролировалась генерал-губернатором и Филиппинской комиссией, где ведущую роль играли американцы. Тем не менее открытие Ассамблеи свидетельствовало об отказе американцев от ориентации на наиболее консервативные, откровенно коллаборационистские элементы, о привлечении националистически настроенных буржуазно-помещичьих кругов, которые начинали играть все более активную роль в общественно-политической жизни страны. Победа националистов на выборах в Ассамблею привела к изменению состава и Филиппинской комиссии. Старые консервативные филиппинские лидеры (федералисты) — члены комиссии были заменены лицами, связанными с Партией националистов.

Пришедшая в 1913 г. к власти в США Демократическая партия объявила «новую эру» в американской политике на Филиппинах. По существу же демократы продолжали развивать те принципы, на которых основывалась политика правительства Республиканской партии. Новое заключалось в дальнейшем расширении участия филиппинских имущих классов в колониальной администрации, что осуществлялось под лозунгом подготовки филиппинцев к самоуправлению. Генерал-губернатор Фрэнсис Гаррисон (1913—1921), представитель администрации президента Вильсона, стал проводить с 1913 г. курс на полную «филиппинизацию» административного аппарата. До этого процесс «филиппинизации» затрагивал главным образом муниципальное, частично провинциальное управление и судебные органы. Высшие чиновничьи посты были почти недоступны филиппинцам. К 1913 г. филиппинцы возглавляли всего четыре из тридцати столичных правительственных учреждений. Только один представитель филиппинской элиты — Грегорио Аранета, состоя членом Филиппинской комиссии, был назначен в 1908 г. на пост министра финансов и юстиции. С 1913 г. стало быстро расти число филиппинцев — чиновников административного аппарата (за 1913—1921 гг. оно увеличилось вдвое).

Кульминационным пунктом проводимого курса было принятие в 1916 г. закона о более автономном управлении для Филиппинских островов (Закон Джонса, или Второй органический закон). В текст закона впервые было включено обещание предоставить независимость Филиппинам после того, как на архипелаге появятся условия для организации «устойчивого правительства». Система политико-административного управления, созданная на основе Закона Джонса (по американскому образцу), просуществовала до 1934 г. Филиппинская комиссия и Ассамблея были заменены двухпалатным выборным Законодательным собранием (Легислатурой) с сенатом (24 члена) и палатой представителей (90 членов). Закон предусматривал формирование

⁵ На выборах 1907 г. число избирателей составляло 2,42% населения, в 1909 г.—2,81, в 1912 г.—3,30%.

кабинета при генерал-губернаторе в составе шести министров (секретарей). С 1917 г. пять министерских постов из шести предоставлялись филиппинцам.

Хотя законодательство и было передано в руки филиппинцев, оно по-прежнему полностью контролировалось колонизаторами. Верховные полномочия исполнительной власти, в том числе право вето на любое решение Лейслатуры, сохранялись за американскими генерал-губернаторами. По оценкам самих американцев, Второй органический закон представлял собой образец «консервативного компромисса» с местной элитой. Но несмотря на некоторое разочарование в местных националистических кругах, американцы с помощью этого мероприятия добились осуществления важного политического, с дальним прицелом, замысла. Обещание независимости, пусть и весьма неопределенное, способствовало росту реформистских настроений среди филиппинских националистов, их окончательному переходу на путь мирной, легальной борьбы в рамках парламентской буржуазной демократии.

В деятельности американской колониальной администрации большое место занимала организация системы просвещения. Политика в этой области была нацелена на использование просвещения как средства культурной американизации филиппинцев. Она существенно отличалась от политики прежних колонизаторов — испанцев. Одной из первых акций американских властей была секуляризация просвещения (вслед за отделением церкви от государства). Религиозные дисциплины могли изучаться по желанию в сохранившихся приходских школах и частных учебных заведениях⁶.

В начальных государственных школах с 1901 г. устанавливалось бесплатное обучение. Менее чем за десять лет после захвата архипелага почти во всех баррио и муниципалитетах были открыты начальные школы, а в провинциальных центрах и крупных городах — средние школы. Обучение велось по американским учебникам, что должно было способствовать воспитанию подрастающего поколения филиппинцев в проколониалистском духе и в то же время повышению уровня образования, унификации программ, ознакомлению учащихся с основами современных научных знаний. Преподавательские кадры в открываемых учебных заведениях состояли из американцев, присланных из метрополии. В августе 1901 г. прибыли первые 600 учителей⁷, в последующие годы их число возросло в несколько раз. Несмотря на все эти меры, американцы не смогли сделать систему образования действительно массовой. Большинство детей из бедных семей, в особенности в сельских местностях, либо совсем не посещали школ, либо ограничивались 2—3 годами обучения в начальной школе, практически оставаясь неграмотными, — они не успевали даже усвоить английский язык, на котором велось преподавание.

Центральным мероприятием в организации системы высшего образования было открытие в Маниле в 1908 г. государственного Университета Филиппин. Его основание было связано с политикой американцев по созданию новой проамерикански настроенной филиппинской интеллигенции. Кроме того, осуществляя «филиппинизацию» административного аппарата, колониальные власти нуждались в квалифицированных и лояльных кадрах. Светский государственный университет был задуман как противовес старым частным высшим учебным заведениям, находившимся в руках религиозных корпораций (Университет св. Фомы и др.)⁸. По социальному составу подавляющее большинство студентов первых университетских выпусков принадлежало к выходцам из помещичье-буржуазной верхушки, т. е. к тем слоям, которые американцы стремились превратить в опору своего режима.

⁶ Американцы сознательно оставили контроль над значительной частью учебных заведений в руках религиозных организаций, опасаясь потерять поддержку со стороны католической церкви.

⁷ Эта первая группа была доставлена на Филиппины на американском транспортном судне «Томас», поэтому впоследствии всех приезжавших на архипелаг американских учителей называли «томаситы».

⁸ Дуалистическая система образования (государственная и частная) действовала в течение всего американского колониального периода и сохранилась на Филиппинах и после достижения независимости.

С 1903 г. американское правительство ввело практику назначения государственных стипендий студентам-филиппинцам для обучения в США. В калифорнийские университеты и колледжи в 1903 г. была направлена первая группа филиппинских юношей и девушек (около 100), в 1907 г. в метрополии обучалось 185 студентов-филиппинцев. К 1912 г. более 200 филиппинцев получили ученые степени в различных учебных заведениях США. Как показывают исследования филиппинских социологов, круг лиц, отбираемых для поездок в США, ограничивался выходцами из самых богатых и влиятельных семей. При отборе стипендиатов (нередко этой процедурой руководил сам генерал-губернатор) учитывались не только способности студента, но и социальное положение его родителей. Как правило, большинство окончивших американские институты по возвращении на родину получали крупные посты в административном аппарате либо занимали ведущие позиции в научной и деловой сферах. Таким образом, американские власти поощряли формирование местной образованной элиты, прошедшей соответствующую идеологическую обработку в Соединенных Штатах. Примечательно, что эта политика вызывала необычайный энтузиазм в рядах федералистов, ратовавших за культурную ассимиляцию Филиппин с США. В частности, одним из «соавторов» закона об американских стипендиях филиппинцам был Пардо де Тавера.

Коренным образом отличалась от испанской языковая политика, проводимая американцами. Если испанцы не допускали основную массу филиппинцев к изучению и пользованию испанским языком, то американцы, напротив, старались как можно шире и быстрее распространить английский язык среди населения колонии (усматривая в этом одно из действенных средств «американизации»). С 1901 г. обучение на английском языке было введено во всех государственных учебных заведениях — от начальной до высшей школы. Английский язык должен был постепенно заменить испанский в административной и деловой сферах, прессе, в области культуры и просвещения. Процесс его внедрения и усвоения шел довольно интенсивно. Разумеется, речь шла о горожанах и состоятельной образованной части общества. Уже в 1905—1906 гг. на экзаменах государственных чиновников, где разрешалось пользоваться либо испанским, либо английским языками, большинство экзаменуемых предпочло английский.

Отношение филиппинцев к внедрению английского языка отличалось некоторой двойственностью. С одной стороны, оно не могло не встречать благожелательного отклика у местного населения — это была реакция на дискриминационную политику прежних колонизаторов. Кроме того, овладение английским языком (как в свое время испанским) открывало путь к современной западной культуре, науке, общественно-политической мысли. С другой стороны, внедрение английского языка ассоциировалось, в особенности у националистически настроенной интеллигенции, с американской колониальной политикой. Поэтому в первые годы после установления американского режима среди филиппинской интеллигенции возросла популярность испанского языка — его использовали в местной прессе, художественной литературе для выражения протеста против нового колониального гнета.

Что касается экономической политики американцев, то в первый период своего господства на архипелаге они лишь приступили к его эксплуатации. США стали проводить политику протекционизма, продиктованную не заботой об экономическом развитии архипелага, а стремлением к обеспечению монопольных позиций метрополии в эксплуатации Филиппин и ограждению колонии от экономической экспансии других капиталистических стран. В августе 1909 г. был принят тарифный Закон Пэйна—Олдриджа, регулировавший филиппино-американские торговые отношения. Согласно этому закону, между Филиппинами и США устанавливался режим свободной торговли и одновременно вводились высокие, почти запретительные таможенные тарифы для других стран — конкурентов Соединенных Штатов. Закон Пэйна—Олдриджа вводил небольшие квоты на ежегодный ввоз в США филиппинского сахара (300 тыс. т сахара-сырца),

листового табака (300 тыс. т) и табачных изделий (150 млн. сигар). По принятому в октябре 1913 г. Закону Андервуда—Симмонса эти ограничения были отменены.

За короткий срок США добились господствующего положения во внешней торговле Филиппин. Если в 1901 г. вывоз сахара в США составлял 14,4% общей стоимости филиппинского экспорта этого вида продукции, то в 1910 г., спустя год после принятия тарифного закона, — уже 86, а в 1911 г. — 91,2%. В 1901 г. всего 0,2% стоимости экспорта табака приходилось на долю Соединенных Штатов, в 1910 г. — 35,8, в 1912 г. — 37,2%. В целом с 1901 по 1914 г. стоимость вывезенной в США филиппинской продукции (сырьевой и сырья, частично подвергшегося первичной обработке) увеличилась более чем в 8 раз, а стоимость ввезенных американских (потребительских) товаров — почти в 10 раз.

С увеличением вывоза филиппинской продукции (и соответственно расширением производства на экспорт) американцы стали форсировать дорожное строительство (началось сооружение новых железнодорожных линий на Лусоне, Панае, Себу, шоссежных дорог — на Минданао), реконструировать порты (на Лусоне, Висайях), развивать каботажное судоходство. Американские инвестиции устремились преимущественно в экспортно-импортную торговлю, банковское дело, в предприятия по первичной обработке экспортного сырья (сахарные и маслосточные заводы, табачные фабрики), а также вкладывались в землю, но в небольшом объеме⁹. Накануне первой мировой войны частные американские капиталовложения на Филиппинах составляли около 70 млн. долл.

Режим беспошлинной торговли способствовал формированию колониальной структуры экономики Филиппин, специализировавшейся на производстве нескольких видов технических культур, которые шли на экспорт. В 1915 г. на долю трех видов местной продукции — табачной, кокосовой, сахарной, служивших главными статьями вывоза в США, приходилось 86% стоимости всего филиппинского экспорта.

Искусственный экономический «бум», порожденный высоким спросом в США на филиппинское сырье и введением режима свободной торговли, приносил огромные прибыли крупным филиппинским землевладельцам, занятым производством экспортной продукции, и способствовал формированию преимущественно из их среды местной буржуазии, связанной с производством на экспорт (предприятия по первичной обработке сырья) и обслуживанием американских капиталов (главным образом посредническая торговля). Таким образом с самого начала установились тесные связи между помещиками и буржуазией, основанные на общности их экономических интересов. Складывавшаяся филиппинская буржуазия находилась в сильнейшей зависимости от американского капитала. Это определялось и ее связями с беспошлинным американским рынком, и общей ориентацией на рынок внешний, а не на внутренний, и тем обстоятельством, что молодой филиппинский капитал действовал в тех же отраслях, что и американский.

Мероприятия американских колонизаторов в аграрной области не смогли изменить докапиталистический экономический базис деревни, да они и не ставили себе такой цели. Захватив Филиппины, американское правительство объявило бывшие испанские «коронные» земли (они, по подсчетам Филиппинской комиссии, составляли свыше 90% земельной площади архипелага — 27694,5 тыс. га из 29694,5 тыс.) собственностью государства и взяло в свои руки контроль над освоением и распределением незанятых угодий. Земли, находившиеся в частной собственности у индивидуальных лиц или

---

⁹ Это было связано в значительной степени с противодействием филиппинской помещицкой верхушки, опасавшейся притока американских капиталов в сельское хозяйство. Американцы, заинтересованные в поддержке со стороны местной земельной аристократии, не могли не считаться с этим. Органический закон 1902 г. вводил, в частности, ограничения на приобретение американцами земель из государственных фондов. Но и сами американские капиталисты не проявляли особой заинтересованности в капиталовложениях на развитие сельскохозяйственного производства (например, современного плантационного хозяйства), получая высокие прибыли от скупки по низким ценам сельскохозяйственного сырья.

корпораций, сохранялись за их владельцами. Органический закон 1902 г. рекомендовал Филиппинской комиссии произвести обследование государственных земельных фондов, с тем чтобы выделить участки земли (общей площадью около 6,5 млн. га) для продажи в частные руки и безвозмездной раздачи. Потолок размеров участков, покупаемых у государства индивидуальными лицами, ограничивался 16 га. Корпорациям разрешалось приобретать земельную собственность из государственных фондов (покупать или арендовать) в размерах, не превышающих 1 тыс. га.

В конце 1902 г. был принят закон о выдаче владельцам земельных «титуллов» — свидетельств, подтверждающих их право владения землей. Эта мера была выгодна лишь местному помещичьему классу. Суды по земельной регистрации, через которые производилась выдача свидетельств, оказались в руках касиков, действовавших в собственных интересах и допускаявших полный произвол в отношении тех немногих крестьян, которые пытались утвердить свои права на принадлежавшие им участки. Большинство землевладельцев вообще предпочитало не оформлять «титуллы», поскольку эта мера не была строго обязательной. В результате к 1910 г. было оформлено свидетельств немногим более чем на 10% всех земельных участков. При этом, даже по признанию тогдашнего генерал-губернатора Форбса, почти все они были выданы крупным земельным собственникам.

Закон о гомстедах был принят в 1903 г. и вступил в силу со следующего года. Он устанавливал право каждого совершеннолетнего жителя Филиппин на бесплатное получение участка земли из государственных фондов, не превышающего 25 га. С самого начала действия закона удовлетворялся лишь минимум заявок, поступающих в основном от состоятельных лиц. С 1904 по 1913 г. из 21 968 заявок на гомстеды было удовлетворено всего 135. В колониальных условиях осуществление этого мероприятия, рассчитанного на развитие фермерских хозяйств, приводило лишь к появлению узкого слоя кулачества и укреплению помещичьего землевладения.

В руки филиппинских помещиков перешла и большая часть земель, выкупленных американским правительством у религиозных орденов (1903 г.). Эту акцию администрация Тафта вынуждена была осуществить под давлением растущего крестьянского движения. Крестьянская борьба особенно усилилась в орденских имениях, в свое время национализированных правительством Филиппинской республики и возвращенных монахам американцами сразу же после захвата архипелага. Заручившись согласием папы римского, американские власти выкупили орденские земли (за сумму около 7 млн. долл.) и приступили затем к их продаже частным лицам. Распродажа проводилась по высоким ценам, доступным лишь верхушке местного землевладельческого класса. Земельные магнаты выкупали целиком громадные орденские асьенды (по несколько десятков тысяч га). В 1908 г. Ассамблея подтвердила эту практику, издав указ об освобождении бывших орденских земель от действия Органического закона 1902 г. К 1910 г. распродажа монашеских угодий была закончена, 60 тыс. обрабатывавших их крестьян-арендаторов выброшены на рынок труда.

В целом аграрная политика американских колонизаторов в начальный период их господства на Филиппинах привела к росту местного крупного землевладения, укреплению позиций помещиков, сохранению старой социальной структуры филиппинской деревни с засильем касиков и полуфеодальными методами эксплуатации крестьянства.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Героические, полные драматизма события революционных лет оставили неизгладимый след в сознании филиппинцев. Идеалы свободы, независимости, национальной государственности сохранялись в памяти народа, оказывая глубокое воздействие на общественную жизнь Филиппин начала XX в. Антиимпериалистические

чувства, стремление вновь обрести утерянную независимость были свойственны почти всем классам и слоям общества. В этом смысле национально-освободительное движение, продолжавшееся в условиях нового колониального гнета, восприняло уже «готовые» цели и идеалы — те, что были рождены предшествующим поколением борцов против колониализма и остались неосуществленными из-за вмешательства американских империалистов. Но формы и методы борьбы изменились. В первые десятилетия XX в. преобладали мирные, легальные формы (хотя кое-где и случались отдельные вспышки вооруженного протеста). Основным течением в национально-освободительном движении стало национал-реформистское, объединившее под своим знаменем буржуазию, помещиков, часть интеллигенции. То обстоятельство, что антиколониальное движение устремилось в легальное, реформистское русло, было прямо связано с особенностями колониальной политики США. С помощью политического маневрирования и уступок филиппинским верхам им удалось задержать рост антиколониального движения, окончательно заглушить радикалистские тенденции в буржуазно-помещичьих националистических кругах.

Американские колонизаторы не сразу разрешили открытую пропаганду лозунга независимости. До 1906 г., пока в стране сохранялись крупные очаги партизанских движений, пропаганда этого лозунга и создание организаций и партий с националистической платформой подпадали под действие специального закона о подрывной деятельности.

Переориентация американских колонизаторов на националистически настроенные буржуазно-помещичьи слои выразилась и в легализации националистического движения. В 1906 г., накануне выборов в Ассамблею, американские власти разрешили организацию политических партий и легальную пропаганду требования независимости. О том, насколько широко это требование было распространено среди филиппинцев, свидетельствовала трансформация, которая произошла с Федеральной партией. Для большинства ее руководителей становилось все очевиднее, что сохранение старой платформы неизбежно приведет к окончательной потере престижа и утрате всякого политического влияния федералистов. Уже на партийной конференции 1904 г. была выдвинута резолюция, в которой в качестве основной цели называлось «создание независимого республиканского правительства». В 1905 г. требование независимости было включено официально в партийную программу (единственным лидером-федералистом, высказавшимся против утверждения этого пункта, был Пардо де Тавера), а в январе 1907 г. (с приближением выборов в Ассамблею) название партии «Федеральная» было заменено на «Прогрессивная». К выборам прогрессисты пришли с программой, по существу не отличавшейся от платформы их главного соперника — Партии националистов.

Основанию Партии националистов (в будущем самой крупной и влиятельной буржуазно-помещичьей партии на Филиппинах, просуществовавшей 65 лет) предшествовало образование в течение 1906 г. целого ряда мелких национал-реформистских организаций и партий, которые выступали за достижение независимости — немедленной, полной, безусловной и т. д. Партия националистов была создана 12 марта 1907 г. в результате слияния двух организаций — Союза националистов и Партии независимости. Среди основателей партии были и молодые, начинавшие политическую карьеру деятели, как Серхио Осменья и Мануэль Кесон, и представители старшего революционного поколения (Галикано Апасибле, Фелипе Агонсильо, Рафаэль Пальма и др.)- Новая партия объявила своей целью достижение «немедленной независимости Филиппинских островов... при демократическом управлении». Платформа партии основывалась на безусловном признании мирных средств борьбы, исключая революционное насилие.

Партия националистов одержала внушительную победу на первых общенациональных выборах 1907 г., образовав парламентское большинство в Ассамблее (она получила 58 мест, прогрессисты — 16). Показателем роста ее политического влияния

служили результаты следующих выборов. В 1909 г. она собрала 92 996 голосов, в то время как Прогрессивная партия — 38588, в 1912 г. — соответственно — 124753 и 37842.

Популярность Партии националистов объяснялась и привлекательностью пропагандировавшихся ею лозунгов, и тем, что в данный период в ее составе было много известных деятелей революции 1896—1898 гг. Однако с момента создания партии ведущие позиции в ее руководстве заняли новые молодые буржуазно-националистические лидеры. Спикером Ассамблеи стал Серхио Осменья, возглавлявший руководство партии¹⁰. Его характерными качествами как политического деятеля были гибкость, осторожность, внешняя мягкость и одновременно властолюбие и тщеславие. Будучи лидером партии, он с первых шагов своей деятельности стал претендовать на единоличную власть, постепенно окружил себя преданными, зависимыми от него лицами, создав своеобразную внутривнутрипартийную олигархию¹¹. Осменья принадлежал к наиболее умеренным, соглашательским элементам в Партии националистов, легко находившим общий язык с колонизаторами. Не случайно американцы называли спикера Ассамблеи не только своим «верным другом», но и «правой рукой» генерал-губернатора. Проводя соглашательскую политику, Осменья в то же время старался использовать националистические лозунги для апелляции к массам, с тем чтобы при их поддержке добиваться от колонизаторов новых уступок в интересах филиппинской элиты.

В первые десятилетия XX в. буржуазная национал-реформистская идеология оказывала значительное влияние на филиппинские народные массы, в том числе на формирующийся рабочий класс. Последнее облегчалось молодостью филиппинского пролетариата, его политической и идейной незрелостью.

Процесс роста рабочего класса сдерживался общей экономической отсталостью страны, специфическим «колониальным» типом развития капиталистических отношений. Слабая концентрация рабочего класса¹², занятость большинства рабочих на предприятиях мануфактурного и кустарного типа, где господствовали пережитки патриархально-патерналистских отношений, сохранение связей с деревней, что удерживало их под влиянием отсталых форм идеологии, — все эти факторы затрудняли процесс пробуждения общественного самосознания у пролетариата. Но несмотря на эти трудности, в начале века на Филиппинах стали появляться первые рабочие организации более современного типа по сравнению с существовавшими гильдиями, цеховыми братствами и т. п. В 1901 г. типографский рабочий Эрменегильдо Крус основал Союз печатников Филиппин, в котором объединились рабочие нескольких типографий (печатники и впоследствии стали одним из передовых отрядов филиппинского рабочего класса). В 1902 г. в Маниле на съезде рабочих организаций был образован Демократический рабочий союз (ДРС). Инициатором его основания был Исабело де лос Рейес, журналист, в свое время

¹⁰ С. Осменья происходил из богатой метисской (висайя-китайской) семьи с о-ва Себу. Ко времени создания Партии националистов он, несмотря на то что ему не было еще 30 лет, уже имел солидный опыт политической деятельности (занимал посты прокурора, а затем губернатора Себу).

¹¹ Появление на Филиппинах политических организаций в форме партий было связано с процессом американизации существующей политической системы. При этом внедряемые американские институты подвергались известной трансформации под влиянием местных условий и традиций. При возникновении политических партий преувеличенное значение имел личный фактор: особую роль играл лидер, привлекающий сторонников не столько по идейным убеждениям, сколько на основе личной преданности и традиционных связей. С появлением политических партий стал формироваться слой партийной бюрократии — профессиональных политиков (политикос), которые руководили партийным аппаратом и обладали постоянным членством в партии, организуя поддержку избирателей (из сторонников, не связанных с партией формальным членством) на выборах.

¹² На Филиппинах в тот период преобладали мелкие и мельчайшие предприятия. Точные статистические данные о численности рабочего класса и его размещении отсутствуют. По подсчетам Г. И. Левинсона, основанным на косвенных данных, численность городских рабочих в годы первой мировой войны составляла 80—100 тыс. Промышленные рабочие — наиболее грамотная и общественно активная часть пролетариата — образовывали его самую малочисленную категорию и концентрировались главным образом в Маниле и крупных портах.

связанный с леворадикальными революционными деятелями, один из организаторов движения за создание национальной, филиппинизированной церкви¹³. Руководители ДРС находились под влиянием буржуазной идеологии, что выразилось, в частности, в призывах к «гармоничным отношениям» между трудом и капиталом.

Первое организованное выступление манильского пролетариата, носившее исключительно мирный характер, встретило жестокий отпор со стороны колониальных властей. Рейес был арестован только за попытку организовать забастовку. Первомайская демонстрация, проведенная его преемником Доминадором Гомесом, была разогнана, а Гомес приговорен к четырем годам каторги по обвинению в подстрекательстве к мятежу. После этих событий ДРС прекратил свое существование.

Среди первых профессиональных союзов следует также назвать вновь созданный в 1906 г. Союз печатников (организованный по производственному принципу), генеральным секретарем которого стал наборщик Крисанто Эванхелиста, в дальнейшем один из выдающихся деятелей филиппинского коммунистического движения. В тот период Эванхелиста и остальные руководители Союза печатников были связаны с Партией националистов.

В 1913 г. по инициативе этой партии и ряда профсоюзных руководителей был создан общенациональный профсоюзный центр — Рабочий конгресс Филиппин (РКФ), который объединил 36 рабочих организаций. Несмотря на то что в его программе отчетливо проступало влияние буржуазной идеологии, создание РКФ было важной вехой на пути сплочения и организации рабочего класса.

В филиппинском национально-освободительном движении заметную роль играло течение мелкобуржуазного национализма. Оно объединяло в своих рядах главным образом представителей демократической разночинной интеллигенции и городской мелкой буржуазии, т. е. тех общественных сил, которые в свое время представляли левое радикальное направление в революционном лагере. Остро переживая поражение революции, они и в новых условиях продолжали хранить верность ее идеалам, став духовными наследниками Катипунана и революционно-демократических идеологов типа Аполинарио Мабини.

Настроения и взгляды мелкобуржуазных националистов получили отражение в филиппинской литературе первого десятилетия после захвата Филиппин США (испано- и тагалоязычной). Огромной популярностью пользовались патриотические произведения драматургов, выражавшие протест против нового колониального порабощения и создававшиеся в аллегорически-символической форме («Золотая цепь» Х. Абада, постановка которой вызвала немедленный арест ее автора, пьесы «Вчера, сегодня и завтра» А. Толентино и «Я не умер» Х. М. Круса, также запрещенные американскими властями). Появились многочисленные стихи и поэмы, посвященные борьбе филиппинцев против испанских и американских колонизаторов (поэты Ф. Ма Герреро, С. Апостол и др.).

Идеи мелкобуржуазного национализма получили довольно широкий отклик среди трудящихся. Многие представители этого течения сохранили связи с народными массами, были участниками рабочих и крестьянских выступлений.

Поддержкой трудящихся пользовалось аглипаянское движение — наиболее массовое и организованное движение этого периода, возглавленное мелкобуржуазными лидерами. Оно, как указывалось выше, зародилось еще в годы революции и получило название аглипаянского по имени Грегорио Аглипая, вставшего во главе филиппинской католической иерархии. С начала XX в. большую роль в организации национальной церкви стал играть Исабело де лос Рейес. По его инициативе в августе 1902 г. в Маниле на собрании представителей националистических и рабочих организаций было

¹³ В конце XIX в. Исабело де лос Рейес провел несколько лет в Испании, где был близок к социалистическим и анархо-синдикалистским кругам. По возвращении на родину он не без их влияния занялся пропагандистской деятельностью среди филиппинских рабочих.

провозглашено создание филиппинской Независимой (Аглипаянской) церкви, официально порвавшей с Ватиканом. Ее глава, Грегорио Аглипай, в январе 1903 г. был посвящен в сан верховного епископа. Руководители Независимой церкви значительно упростили ее структуру (сравнительно с официальной церковью), ввели выборность на все церковные посты сверху донизу, подвергли существенным изменениям основные догматы католического вероучения (аглипаянская доктрина испытала воздействие протестантизма, раннехристианских учений, рационалистической философии и идей утопического социализма). Чтобы подчеркнуть националистический характер аглипаянизма и его связь с идеалами революции 1896—1898 гг., Независимая церковь канонизировала в качестве святых Хосе Рисаля и других национальных героев.

В первые годы после создания Независимой церкви аглипаянское движение представляло собой одно из наиболее сильных антиимпериалистических течений, объединяло в своих рядах представителей демократической интеллигенции, радикально настроенных мелкобуржуазных элементов, крестьян, бывших солдат и командиров революционной армии, рабочих (влияние аглипаянизма на зарождающееся рабочее движение было в значительной степени связано с деятельностью Рейеса). Аглипаянское движение развивалось в мирных, легальных формах, хотя некоторые священники и миряне-аглипаянцы участвовали в вооруженной народной борьбе.

В рассматриваемый период произошел ряд путчей, восстаний, развернули деятельность многочисленные катипунаны. Они возглавлялись мелкобуржуазными лидерами и выдвигали лозунги возрождения революционных традиций с целью завоевания национальной независимости. Неоднократные попытки организации заговоров и мятежей в 1903—1914 гг. предпринимали рикартисты — сторонники бывшего революционного генерала Артемио Рикарте, соратника и друга Мабини. Еще в период филиппино-американской войны он зарекомендовал себя как один из самых непримиримых антиимпериалистов. Позже он подтвердил эту репутацию как единственный из филиппинских революционных лидеров, трижды отказывавшийся от подписи под присягой на верность США. В результате первого отказа он был выслан на о-в Гуам (в январе 1901 г.) вместе с Мабини и другими «непримиримыми». В 1903 г., оставшись на острове в одиночестве (все высланные постепенно вернулись на родину, подписав присягу), он вторично отказался присягать американцам. Затем он получил разрешение выехать в Гонконг, где основал среди филиппинских эмигрантов Новую Гонконгскую хунту. Издававшаяся хунтой газета «Голос народа» проповедовала стихийную революцию и призывала к созданию универсальной демократической филиппинской республики. Нелегально вернувшись на родину в декабре 1903 г., Рикарте занялся организацией тайных обществ, подготовкой вооруженных восстаний, разоблачал соглашательскую политику национал-реформистов и выдвинул лозунг «оружие и патриотизм — единственные средства завоевания независимости». В 1904 г. он был арестован по обвинению в подрывной деятельности и приговорен к шести годам тюремного заключения. После выхода из тюрьмы в 1910 г. он в третий раз отказался подписать присягу и был выслан в Гонконг. Находясь в эмиграции, Рикарте через своих помощников на Филиппинах продолжал попытки организации вооруженных выступлений.

Участниками подпольных рикартистских организаций были в основном представители радикально настроенной мелкобуржуазной интеллигенции. Их пропаганда привлекла и часть городского трудового люда, в том числе рабочих. Наиболее активно рикартисты действовали в Маниле, городах Центрального Лусона и в Илоило, на Панае. Их силы были разобщены, не готовы к организованным действиям. Попытки двух относительно крупных выступлений в Маниле — в июле 1912 г. и декабре 1914 г. — окончились полным разгромом заговорщиков¹⁴.

¹⁴ После этих поражений Рикарте в 1915 г. уехал из Гонконга в Японию. Он вернулся на Филиппины в декабре 1941 г. с японской оккупационной армией, оказавшись в числе мелкобуржуазных радикалов-

Если Рикарте и его единомышленники опирались в основном на городские низы и интеллигенцию, то большинство радикальных мелкобуржуазных лидеров было связано с крестьянством, пытаясь с помощью прежних революционных лозунгов поднять его на борьбу против новых колонизаторов. Среди крупных выступлений этого рода следует назвать деятельность секты «Святая церковь» во главе с Фелипе Сальвадором, бывшим полковником республиканской армии, и движение под руководством революционного генерала Макарио Сакая.

Приверженцы секты «Святая церковь», учение которой включало призывы к национальному освобождению и проповедь идей примитивного уравнилельного социализма, действовали в Центральном Лусоне с 1902 по 1911 г.

Движение Сакая охватило ряд провинций Лусона: Тайабас, Лагуну, Батангас, Кавите, Булакан. Ядро отрядов Сакая образовали остатки регулярных частей, находившихся под его командованием в период филиппино-американской войны. Ряды повстанцев росли за счет местных крестьян (главным образом тагалов). Движение отличалось организованностью, строгой военной дисциплиной. Сакай был провозглашен Верховным президентом Республики Тагальских островов, целью же борьбы было объявлено достижение полной независимости Филиппин и создание национального демократического правительства. Отряды Сакая вели вооруженную партизанскую борьбу с 1902 по 1907 г. Подавить это движение американским властям удалось лишь после предательского захвата в плен и казни Сакая.

Первое десятилетие после захвата Филиппин США было временем активизации крестьянского движения, что было вызвано нерешенностью аграрного вопроса, возвращением на земли, занятые крестьянами в ходе революции, прежних хозяев — монашеских орденов и помещиков-касигов. Крестьянские выступления сохраняли основные черты, характерные для предшествующих периодов: стихийность, дробность, локальность, преобладание религиозно-мистической окраски. Согласно отчетам Филиппинской комиссии, в 1907—1915 гг. на архипелаге действовало более десятка крестьянских религиозных сект. Главными центрами их деятельности были провинции Центрального и Южного Лусона и о-ва Бохоль, Самар, Панай, Негросс — районы концентрации крупного помещичьего землевладения. Основную массу участников сектантских движений составляли беднейшие слои крестьянства — арендаторы-издольщики и обезземеленные крестьяне. Во главе восстаний нередко становились местные священники или солдаты республиканской армии.

Новой чертой крестьянских выступлений было усиление их классовой направленности, так как в отличие от прошлых периодов не было случаев участия представителей местного помещичьего класса в народных движениях в качестве вожаков или идеологов. Это было связано и с ростом помещичьей эксплуатации и с общим укреплением позиций помещиков-касигов.

Для всех крестьянских движений была характерна также их антиколониальная направленность. Во многих сектах существовала особая вера в независимость, был распространен культ национальных героев и патриотов, главной целью движений объявлялась борьба с иноземными завоевателями. При подавлении народных выступлений американцы прибегали к жестоким карательным мерам — массовому физическому истреблению населения, уничтожению пленных и т. д. Последние очаги вооруженной крестьянской борьбы были подавлены в 1914—1916 гг.

Говоря об антиколониальном движении на Филиппинах в это время, необходимо остановиться на освободительной борьбе народов мусульманского Юга, отличавшейся некоторыми специфическими чертами.

Появление американских оккупационных войск первоначально не вызвало особой реакции в султанатах. В процессе оккупации Сулу и Минданао (май—декабрь 1899 г.)¹⁵ американцы почти не встречали сопротивления со стороны моро, за исключением незначительных локальных столкновений. При существовавшем антагонизме между мусульманским и христианским населением правящие круги султанатов относились к вторжению США как к злу значительно меньшему по сравнению с перспективой подчинения республиканскому правительству христианского большинства. Они проявляли готовность признать власть США, надеясь взамен добиться обеспечения своего господствующего положения в мусульманских владениях и сохранения их внутренней автономии. Первые дипломатические акции американцев давали некоторое основание для подобных надежд. В августе 1899 г. генерал Бейтс заключил договор с султаном и рядом сулуанских дато (Договор Бейтса), по которому моро признали суверенитет США над Сулу, но одновременно американская сторона обязалась не вмешиваться во внутренние дела султаната. «Договор Бейтса» открыл серию устных соглашений подобного же характера между американским командованием и мусульманскими лидерами Минданао и Басилана.

Однако мирный период был недолгим. Уже в 1901—1902 гг. стали обнаруживаться явные признаки растущей враждебности моро. Это было связано с тем, что американские колонизаторы, задушив национально-освободительное движение на севере архипелага, взяли курс на окончательное подчинение и южных районов. С лета 1901 г. стал увеличиваться контингент американских оккупационных войск, действовавших в «Мороландии», в июле 1901 г. американцы заняли порты Южного Минданао, до сих пор находившиеся в руках моро и служившие центрами морской торговли, приступили к дорожному строительству на этом острове, переписи пригодных для обработки земель, введению новой таможенной системы. Все эти мероприятия вызвали тревогу и недовольство населения. В Ланао в марте 1902 г. произошел первый крупный вооруженный конфликт между мусульманами и американскими войсками.

В 1903 г. американские власти объявили о введении в мусульманских районах режима военно-политического управления. На территории Сулу и Минданао была создана особая «Провинция моро» во главе с военным губернатором. Введение военно-политического управления сопровождалось вооруженным сопротивлением моро, не желавших примириться с установлением американского колониального господства. Освободительное движение мусульман облекалось в традиционную форму «священной войны» против «неверных». Его возглавляли в основном мелкие дато, феодалы, представители духовенства, а султаны и высшая феодальная знать не принимали участия в народной борьбе, занимая соглашательскую позицию по отношению к американцам. Известен ряд крупных вооруженных выступлений моро, относящихся к началу XX в.: восстания Хасана (1901—1904) и дато Али (1905) на Минданао, освободительное движение на Сулу, закончившееся кровопролитным сражением с американскими войсками на горе Дахо в 1906 г., мятеж 1913 г., разгромленный американцами в бою на горе Багсак (Холо).

Американцы с необычайной жестокостью подавляли сопротивление непокорных мусульман, не уступая в этом своим предшественникам — испанским колонизаторам. Сменявшие друг друга военные губернаторы — генералы Вуд, Блисс, Першинг — прославились кровавыми расправами над повстанцами, истреблением тысяч мусульман, в том числе мирных жителей, поголовно заносившихся в списки пиратов и разбойников.

---

¹⁵ 18 мая 1899 г. американские войска разместились в Холо после эвакуации оттуда испанского гарнизона, в течение последующих нескольких месяцев заняли ряд бывших испанских опорных пунктов на Сулу, Минданао и Басилане, в ноябре 1899 г. американская военная эскадра вошла в порт Замбоангу и в декабре 1899 г. сухопутные части оккупировали Котабатто и Поллок, центры бывшего султаната Магинданао.

Вместе с тем, как и в христианских районах страны, американцы сочетали карательные методы с политикой уступок феодальной знати. Колониальные власти воздерживались от вмешательства в сферу религии, в традиционную систему правосудия и религиозного образования (хотя и начали открывать государственные школы современного типа), оставив эти области внутренней жизни моро под контролем местной религиозно-феодальной (верхушки).

Эти особенности американской политики получили дальнейшее развитие с отменой в 1913 г. режима прямого военного управления. «Провинция моро» была упразднена, и ее территория перешла под контроль гражданской администрации¹⁶. Она была подразделена на семь провинций, управление которых строилось по типу христианских районов. Местная знать была допущена к участию в администрации (муниципальной и провинциальной)¹⁷, а несколько позже получила право посылать своих представителей в Легислатуру. Новым элементом колониальной политики было также проведение мероприятий, которые должны были способствовать созданию местной элитарной образованной прослойки. Была введена практика выделения государственных стипендий представителям мусульманской молодежи для обучения в высших учебных заведениях Манилы и США.

Одним из эффективных результатов «курса умиротворения» была ликвидация (в 1915 г.) султаната Сулу (как традиционного политического института). В марте 1915 г. султан Джамаль-уль-Кирам II отрекся от престола. Однако американцы оставили за бывшим султаном право возглавлять мусульманскую церковь и не препятствовали сохранению его влияния во внутренних делах, традиционной судебной системе и т. п.

По словам современного филиппинского историка, в решении «проблемы моро» американцы немногим более чем за десять лет сумели достичь результатов (с помощью силы и дипломатии), которых испанцы не могли добиться в течение трех столетий. Следует, однако, подчеркнуть, что «мусульманская проблема» была решена американцами лишь в одном плане — насильственного вовлечения южных районов в общую систему колониального государства. Весь же составляющий ее суть комплекс проблем и противоречий не был и не мог быть решен в условиях американского колониального господства.

---

¹⁶ В 1913 г. был создан Департамент Минданао и Сулу, замененный в 1920 г. Бюро нехристианских племен. К этому времени население мусульманских районов, по данным переписи 1918 г., составляло немногим более 400 тыс. человек.

¹⁷ Американцы стали назначать на административные посты в мусульманских провинциях также филиппинцев-христиан (причем на наиболее ответственные), что не могло не вызвать обострения мусульмано-христианских противоречий. Во многих случаях дато и местные феодалы прямо требовали заменить присланных из Манилы чиновников-филиппинцев американцами, предпочитая, чтобы административное управление оставалось в руках колонизаторов, нежели соотечественников-христиан.

Глава X ФИЛИППИНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1917—1941)

РАЗВИТИЕ СТРАНЫ ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1929-1933 гг.

Первая мировая война оказала значительное влияние на социально-экономическое развитие Филиппин. Повышенный спрос на колониальную продукцию (в период войны и в первые послевоенные годы) способствовал хозяйственному освоению страны американскими империалистами, превращению ее в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Происходило дальнейшее укрепление позиций американского капитала в экономике Филиппин. Под его контролем находились все основные отрасли хозяйства колонии. К концу войны американцы фактически монополизировали внешнюю торговлю — в 1920 г. на долю США приходилось 66% внешнеторгового оборота Филиппин¹. В 1916 г. был открыт государственный Национальный банк Филиппин и в последующие три года основаны государственные корпорации (национальные компании) по развитию угольной, цементной, железорудной промышленности. Отрасли промышленности, которые были взяты под контроль государства, не играли, однако, ведущей роли в колониальной экономике. Ее основу составляли отрасли, связанные с производством экспортной сельскохозяйственной продукции. Американские капиталисты использовали государственное финансирование (через Национальный банк и упомянутые корпорации) для развития именно этих отраслей, что при сложившейся международной торговой конъюнктуре приносило громадные барыши. Общий объем частных американских инвестиций на Филиппинах возрос к 1923 г. до 145 млн. долл., удвоившись по сравнению с довоенным временем.

Рост предпринимательства, как американского, так и местного, был одним из прямых результатов военного бума. За 1903—1918 гг. число предприятий обрабатывающей промышленности увеличилось с 5 тыс. до 8,3 тыс. за счет строительства предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья (сахарные и маслобойные заводы, табачные фабрики), преимущественно мелких. Самые крупные предприятия действовали в сахарной и маслобойной промышленности. Число предприятий по переработке сахара за 1903—1918 гг. возросло с 1075 до 2663 (в том числе было выстроено 17 сахарных заводов). Стоимость экспорта сахарной продукции увеличилась с 22,6 млн. песо в 1915 г. до 99,2 млн. в 1920 г. За 1914—1921 гг. было создано свыше 30 маслобойных заводов. Стоимость экспорта этого вида продукции увеличилась с 1915 по 1920 г. в 8 раз (с 5,6 млн. до 46,5 млн. песо).

Развитие предпринимательской деятельности способствовало росту национального капитала, расширению сферы его приложения². Это, в свою очередь, привело к важному социальному последствию: на Филиппинах начала формироваться местная крупная буржуазия. В условиях колониальной страны этот процесс приобретал специфические черты. С самого начала филиппинская крупная буржуазия была тесно связана с американским капиталом и находилась в сильной зависимости от него. Это происходило в результате «привязанности» к американскому рынку, участия национального капитала главным образом в отраслях, обслуживающих американские капиталы, либо в обработке экспортной продукции, где ведущую роль играл американский капитал, а также вследствие практики предоставления государственных кредитов местным капиталистам.

¹ Здесь и далее цифровые материалы приводятся по расчетам советских исследователей.

² В конце войны доля национального капитала в основных отраслях промышленности составляла: в сахарной — 50%, в маслобойной — 12, в табачной — 14, в производстве пеньковых изделий — 19, в лесопильной — 25, в каботажном судоходстве — 41%.

По своей основной функции формирующаяся крупная буржуазия была торгово-посреднической. С развитием предпринимательства росла также местная мелкая и средняя буржуазия, но именно прослойка крупной буржуазии заняла ведущие позиции в экономической жизни страны. Ее характерной особенностью была связь с помещичьим землевладением. Большинство представителей крупного филиппинского капитала были выходцами из помещичьего класса, сочетая в одном лице функции помещика и капиталиста.

Общественно-политическое развитие филиппинского общества в этот период было отмечено также появлением новых тенденций и сдвигов. Хотя Филиппины не принадлежали к числу стран Востока, испытавших непосредственное воздействие Великой Октябрьской социалистической революции³, но и здесь на рубеже 20-х годов обозначились признаки национального и общественного подъема. В военные и послевоенные годы продолжалось движение за независимость, в националистических кругах стало расти недовольство консерватизмом и соглашательством возглавлявшегося С. Осменей руководства Партии националистов.

Показателем общественных настроений было создание в 1917 г. второй национал-реформистской партии — Демократической, в которую вошли ряд бывших федералистов, лиц, отколовшихся от Партии националистов, представители патриотически настроенных буржуазно-помещичьих кругов. Недовольство группировкой Осменьи (его власть в партии приобретала все более диктаторский характер) зрело внутри Партии националистов, хотя и не приняло еще формы открытого конфликта. В 1918—1919 гг. националисты, державшие в своих руках Легислатуру, начали использовать парламентскую трибуну для довольно шумной кампании за независимость, которая поощрялась американскими властями, уверенными в лояльности ее организаторов. В 1919 г. в ходе этой кампании в Вашингтон была отправлена «Миссия независимости» с обращением к конгрессу США о предоставлении независимости Филиппинам (впоследствии эти миссии посылались почти ежегодно). Между тем в США администрация демократов, проводившая курс на расширение политических и экономических уступок филиппинской буржуазно-помещичьей верхушке (его осуществлял генерал-губернатор Гаррисон), доживала последние дни. Пришедшее к власти правительство республиканцев (Вильсона на посту президента сменил Гардинг) отказалось от политики предшественников, прежде всего в вопросе о независимости, и взяло курс на ограничение, а в иных случаях и полный отход от тех уступок, которые делались в период правления Демократической партии. Гаррисон был отозван в Вашингтон, его сменил генерал-губернатор Л. Вуд, сторонник жесткой политики, который стал оказывать сильное давление на Легислатуру, не пропускал законопроекты, в той или иной степени отвечавшие национальным интересам филиппинцев.

Смена колониальной администрации совпала по времени с кризисом, разразившимся внутри Партии националистов. Нарастающее недовольство группировкой Осменьи привело к расколу в ее рядах. Оппозицию старым партийным руководителям возглавил Мануэль Кесон, занимавший в этот период пост председателя сената (Осменья был спикером палаты представителей и председателем партии). В начале 1922 г. Кесон и его сторонники создали новую партию, получившую название Партии коллективистов. По итогам выборов в законодательное собрание, состоявшихся в том же году, новая партия намного опередила своих соперников (Партию националистов и Демократическую партию). Коллективисты стали председателями обеих палат Легислатуры (М. Кесон — сената и М. Рохас — палаты представителей). В 1924 г. коллективисты воссоединились с

---

³ Этому препятствовали такие факторы, как отсутствие у Филиппин прямых контактов с Россией, сложившиеся к 1917 г. социальная структура и общественные отношения, менее благоприятные для возобновления революционного национального движения, чем в других колониальных и зависимых странах (как Китай, Турция и др.). В связи с этим можно указать и на политику США, сумевших сдержать развитие филиппинской освободительной борьбы, направить ее по национал-реформистскому пути.

националистами в партии под прежним названием — Партия националистов, но ее лидером теперь уже был Кесон (Осменя занял пост вице-председателя партии, отойдя на второй план).

Партия националистов вновь и надолго стала главной буржуазно-помещичьей национал-реформистской партией Филиппин. Под ее влиянием находились не только крупная буржуазия и помещики, но также и мелкобуржуазные слои, демократическая интеллигенция, часть трудящихся. В завоевании националистами ведущих политических позиций была немалая заслуга Мануэля Кесоиа, вошедшего в историю Филиппин как один из самых энергичных буржуазных деятелей, обладавший незаурядными способностями политика и дипломата. В своей деятельности Кесон всегда учитывал, сколь сильным было в народе стремление к независимости, умело используя настроения масс для поддержания собственного авторитета. Апеллируя к трудящимся, он старался добиться уступок от американских колонизаторов (а эта задача значительно осложнилась с изменением колониальной политики США), шел во многих случаях на резкое обострение отношений с властями, завоевывая еще большую популярность среди соотечественников. При всем том он оставался умеренным реформистом и соглашателем, делавшим основную ставку на получение независимости от США,

В демократическом общественном движении начали постепенно появляться новые тенденции. Прежде всего следует сказать о развитии в 1917—1929 гг. филиппинского рабочего движения. Стала повышаться общественная активность рабочего класса, окрепло профсоюзное движение. В 1919 г. Демократическая партия создала свой профсоюзный центр, получивший название Филиппинской федерации труда (ФФТ). Ее руководители во главе с Хоакином Бальмори («филиппинским Гомперсом») проводили соглашательскую реформистскую политику.

Активизация рабочего движения проявлялась в росте стачечной борьбы. Если в 1914—1917 гг. было зарегистрировано 88 забастовок, то в 1918—1920 гг. их число возросло до 218. Многие из них отличались боевым, активным характером. В 1920 г. из 68 стачек 51 окончилась победой бастующих. В большинстве случаев участники стачечной борьбы выдвигали чисто экономические требования. Одна из первых политических забастовок произошла в Маниле в 1920 г. и была организована Союзом печатников. Бастующие типографские рабочие выступили с протестом против публикации в американских газетах материалов, оскорблявших национальное достоинство филиппинцев.

Первые сведения о Великой Октябрьской социалистической революции стали проникать на Филиппины с начала 20-х годов. Тогда же стал пробуждаться интерес к коммунистическим идеям. Приверженцы коммунистического учения стали группироваться вокруг Крисанто Эванхелисты. На него произвела большое впечатление Октябрьская революция в России. В 1919 г. он был послан в составе «Миссии независимости» в США (он продолжал поддерживать тесные связи с Партией националистов), где встречался с деятелями левого профобъединения Индустриальные рабочие мира, от которых и получил подробные сведения о революционных событиях в России. По возвращении на родину Эванхелиста и его ближайший сподвижник Антонио Ора создали первую, очень малочисленную группу по ознакомлению с коммунистической теорией. В нее вошли рабочие-активисты, руководители профсоюзов, радикально настроенные интеллигенты. Летом 1922 г. было принято решение о создании партии марксистского типа. Такая партия была образована в октябре 1924 г. и получила название Рабочей партии (РП), ее председателем стал Ора, секретарем — Эванхелиста. Деятельность РП явилась важным этапом, подготовившим условия для создания Коммунистической партии Филиппин. В программе РП были сформулированы классовые задачи пролетариата и общенациональные демократические требования.

Рабочая партия уделяла основное внимание работе в профсоюзах, прежде всего в главном профсоюзном центре страны — Рабочем конгрессе Филиппин (в правление РКФ

с 1913 г, входил Эванхелиста). Эванхелиста и его соратники повели борьбу за освобождение РКФ из-под влияния национал-реформистов, постепенно оттесняя их от руководства. В 1927 г. Эванхелиста стал секретарем РКФ, Ора и Х. Манахан (один из руководителей крестьянского движения и также член РП) — членами правления. Успех РП был тем более внушителен, что РКФ объединял три четверти организованных рабочих Филиппин. Такого положения левые силы не могли добиться в то время ни в одной из стран Юго-Восточной Азии.

В результате деятельности левых лидеров РКФ были установлены контакты с международным рабочим движением. В 1927 г. Эванхелиста и его соратники добились присоединения РКФ к Тихоокеанскому секретариату профсоюзов (ТОО). В 1928 г. Эванхелиста принял участие в работе IV конгресса Профинтерна в Москве. Рабочий конгресс Филиппин официально присоединился к Профинтерну, а Эванхелиста был избран членом его Центрального совета.

Признаки оживления были заметны и в движении крестьян. Развитие капитализма в сельском хозяйстве⁴ тормозилось господством в деревне феодальных и полуфеодальных методов эксплуатации. В этих условиях зарождение капиталистических отношений вызывало разложение крестьянства в форме аграрного перенаселения и «непролетарского обнищания». Основную массу жителей деревни составляли крестьяне — собственники мелких и мельчайших участков земли (к парцеллярным в 1918 г. относилось свыше 80% хозяйств) и безземельные арендаторы-издольщики (в 1918 г. — 80% всех арендаторов).

После разгрома в 1914—1916 гг. крупных вооруженных выступлений крестьян крестьянское движение стало обретать новые, более современные формы. В провинциях Булакан, Нуэва-Эсиха, Пампанга в 1917—1919 гг. впервые были организованы крестьянские союзы, программа которых не имела религиозно-мистической окраски. Они объединяли беднейшие, самые угнетенные категории сельского населения — батраков и арендаторов-издольщиков. И хотя они были еще малочисленны и не пользовались большим влиянием среди крестьян, их возникновение свидетельствовало о росте сознательности и организованности филиппинского крестьянства.

На съезде крестьянских организаций в Маниле в 1922 г. была создана Национальная конфедерация издольщиков и сельскохозяйственных рабочих, переименованная в 1924 г. в Национальную конфедерацию крестьян (НКК). В ней были объединены крестьянские организации девяти провинций. НКК выступала за национальную независимость, ее программа содержала также ряд требований в защиту беднейших слоев крестьянства. Следует отметить, что руководители НКК понимали важность сотрудничества с рабочим движением. Председатель НКК Х. Манахан и его заместитель Х. Фелео были участниками первого коммунистического кружка и тесно связаны с РП. Руководство же Рабочей партии, в свою очередь, с первых шагов деятельности уделяло большое внимание работе с крестьянскими массами. Сразу же после своего основания НКК организационно присоединилась к Рабочему конгрессу Филиппин. В 1928 г. было принято решение о вступлении НКК в Тихоокеанский секретариат профсоюзов.

За НКК шла еще небольшая часть филиппинского крестьянства. В крестьянском движении продолжали господствовать самые отсталые формы идеологии. Многие крестьянские движения часто приобретали форму стихийных вооруженных бунтов — таково было восстание в провинции Суригао на о-ве Минданао, поднятое кулорумами, деятельность тайной крестьянской организации в Нуэва-Эсихе в 1923—1924 гг., крестьянское движение на Панае и Негросе в 1925 г., проникнутое религиозно-мистическими и монархистскими идеями.

---

⁴ Сельское хозяйство было главной отраслью экономики Филиппин, в нем было занято более 80% самодеятельного населения, составлявшего в 1918 г., по данным переписи, 3900 тыс. человек.

ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929—1933)

Патриотический подъем начала 30-х годов был подготовлен предшествующим этапом развития Филиппин (1917—1929), в течение которого происходила консолидация прогрессивных сил, определялись новые направления и методы борьбы. Катализатором этих процессов был мировой экономический кризис, нанесший тяжелый удар филиппинской экономике, которая полностью зависела от конъюнктуры мирового рынка. Падение цен на все основные виды филиппинской экспортной продукции (в среднем на 50—70%) сопровождалось уменьшением общей стоимости экспорта (с 329 млн. песо в 1929 г. до 191 млн. в 1932 г.), сокращением посевных площадей под техническими культурами, закрытием предприятий, занятых обработкой сельскохозяйственного сырья. Годы кризиса были отмечены резким снижением жизненного уровня трудящихся. Одним из самых тяжелых последствий кризиса был рост безработицы. В 1930 г. число безработных достигало 300 тыс., в 1932 г. армия безработных увеличилась до 479 тыс., т. е. составляла около четверти рабочего класса, а в 1935 г. безработица охватила 1,2 млн. человек.

Все эти явления, порожденные кризисом, способствовали возрождению общественно-политической жизни. Подъем патриотического движения проявлялся в активизации борьбы рабочего класса, крестьянства, в усилении антиколониальных выступлений филиппинских буржуазных и мелкобуржуазных кругов.

Закономерным итогом развития рабочего движения и роста общественного самосознания пролетариата было создание в 1930 г. Коммунистической партии. Подготовку к ее созданию осуществляла новая организация рабочего класса — Союз пролетариев (СП), возникший в результате раскола Рабочего конгресса Филиппин. Причиной раскола было обострение противоречий между национал-реформистскими и левыми элементами внутри профсоюзного центра.

В 1929 г. правые предприняли практические шаги к ослаблению позиций левого крыла РКФ, введя в состав правления ряд реформистов. На съезде РКФ 1 мая 1929 г. они попытались с помощью откровенных махинаций (незаконно увеличивая число делегатов от реформистских профсоюзов) устранить из руководства РКФ левые элементы. Это привело к открытому конфликту и уходу со съезда левых делегатов во главе с Эванхелистой и Орой. 12 мая группа Эванхелиста—Ора, представлявшая около половины общего числа членов РКФ (примерно 45 тыс.), на специально организованной конференции учредила новый профсоюзный центр — Союз пролетариев. Его председателем был избран Ора, генеральным секретарем — Эванхелиста.

Раскол в филиппинском профсоюзном движении ослабил единство рабочего класса. В этом смысле раскол был выгоден правым соглашательским силам, поспешившим утвердить свое влияние над РКФ и связанными с ним профсоюзными организациями. Все же Союз пролетариев с первых же шагов проявил себя как боевая революционная организация рабочего класса, которая взяла правильный курс на привлечение самых широких слоев пролетариата. Союз пролетариев старался сочетать борьбу за осуществление общенациональных демократических задач (прежде всего завоевание независимости) с борьбой за насущные требования трудящихся. Соединение экономических и политических требований было продемонстрировано в забастовках 1929 г., возглавленных СП. Впервые под руководством СП в рабочее движение стали вовлекаться женщины и молодежь. Большое значение придавалось развитию и укреплению связей с международным коммунистическим движением: так, представитель СП участвовал в работе II Тихоокеанского съезда профсоюзов во Владивостоке 15—21 августа 1929 г. Одним из важных направлений деятельности СП была его работа в деревне, ставившая целью объединение борьбы рабочего класса и крестьянства.

Показательно, что Национальная конфедерация крестьян присоединилась к Союзу пролетариев сразу же после раскола РКФ.

Вскоре после образования СП из его руководства была выделена комиссия во главе с Эванхелистой, которая начала вести подготовку к созданию Коммунистической партии. Фактическое основание Коммунистической партии Филиппин (первоначально она называлась Коммунистическая партия Филиппинских островов — КПФО) произошло 26 августа 1930 г., в день годовщины начала революции 1896—1898 гг., в Маниле на конференции представителей рабочих и крестьянских организаций, входивших в Союз пролетариев. Были приняты программа и устав партии, избраны Центральный комитет и Политбюро ЦК (председателем КПФО был избран А. Ора, генеральным секретарем — К. Эванхелиста). Официально же днем основания Коммунистической партии Филиппин считается 7 ноября 1930 г., когда в день 13-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции на многолюдном митинге, состоявшемся в одном из рабочих районов Манилы, на площади Морионес, Ора публично объявил о создании Коммунистической партии.

Сразу же после создания компартия оказалась на полулегальном положении из-за преследования властей.

В такой обстановке I съезд КПФО проходил в подполье (2 мая 1931 г.). На съезде присутствовало 40 делегатов из 13 провинций и был принят ряд документов и резолюций, носивших программный характер. Конечной целью партии объявлялась социалистическая революция и диктатура пролетариата. Переживаемый этап борьбы характеризовался как буржуазно-демократический этап революции. Свержение власти американского империализма определялось в качестве основной цели борьбы на данном этапе. Вместе с рядом правильных оценок, пониманием тактических и стратегических задач движения в документах съезда получили отражение слабая теоретическая подготовка филиппинских коммунистов и влияние на них некоторых ошибочных установок, существовавших в то время в международном коммунистическом движении. Так, уже на буржуазно-демократическом этапе революции выдвигались задачи свержения власти своей буржуазии и непосредственного установления власти рабочих и крестьян в форме Советов. Декларировался полный отказ от блоков с буржуазными и мелкобуржуазными националистическими элементами. Национальная буржуазия рассматривалась как реакционная, проимпериалистическая сила. Подобные выводы сужали рамки действия компартии, затрудняли процесс объединения всех антиимпериалистических сил.

Сразу же после I съезда КПФО филиппинскому коммунистическому движению был нанесен тяжелый удар. В мае 1931 г. был арестован ряд руководителей и активистов партии, в июне аресту подверглось в полном составе собрание актива СП (более 300 человек). Почти все руководящие деятели компартии⁵ оказались в тюрьмах, а сама партия была объявлена вне закона.

Несмотря на репрессии в отношении левых прогрессивных сил, в годы экономического кризиса шло нарастание массовой борьбы филиппинских трудящихся. В 1930—1931 гг. усилилось забастовочное движение. Его особенностью было то, что помимо Лусона—старого и основного центра рабочих выступлений — в стачечное движение стали вовлекаться и рабочие Ви-сайских островов. Созданная на Висайях в 1929 г. Филиппинская рабочая федерация (ФРФ) установила контакты с Союзом пролетариев. Наиболее крупные забастовки произошли на Панае (бастовали рабочие американской нефтяной компании «Стандарт Ойл») и Негросе, где к стачке лесорубов присоединились в знак солидарности докеры и рабочие 11 сахарных заводов (в общей сложности бастовало около 10 тыс. человек). В забастовочном движении в 1932—1933 гг. наступил некоторый

⁵ Среди них были К. Эванхелиста, Х. Фелео, Г. Кападосия, М. Бальгос и многие другие. Ранее, до массовых арестов, трагически (при невыясненных обстоятельствах) погиб А. Ора. После репрессий за год число последователей КПФО сократилось с 1,5 тыс. до 500—600. Лишившаяся своего закаленного и опытного ядра руководителей, компартия практически бездействовала.

спад, связанный с репрессиями властей против компартии и профсоюзных активистов, но с конца 1933 г. рабочее движение вновь оживилось.

Усилилась стачечная борьба, в особенности в Маниле, где за ноябрь — декабрь 1933 г. состоялась 21 забастовка. В ноябре 1933 г. открылись одновременно конгрессы Союза пролетариев и Национальной конфедерации крестьян, участники которых на совместном заседании подтвердили свою верность солидарности рабочих и крестьян в борьбе за классовые интересы и завоевание независимости.

Одним из потоков массового демократического движения на Филиппинах была крестьянская борьба. Благодаря деятельности НКК и молодой коммунистической партии в крестьянском движении стали появляться новые элементы, свидетельствовавшие о росте общественной и политической сознательности крестьян: обращение к современным формам борьбы (в 1929—1930 гг. произошло несколько забастовок арендаторов, демонстраций, проводимых совместно с рабочими и т. п.), выдвижение лозунгов, отражавших насущные нужды крестьянства (вместо туманных мистических призывов и наивных утопических требований). Но влияние НКК и коммунистов распространялось лишь на небольшую часть крестьян. Крестьянское движение в годы кризиса развивалось стихийно, сохраняя приверженность к старым идеологическим и организационным формам. В стране возникло множество нелегальных организаций и обществ националистического и религиозно-сектантского характера, участниками которых были главным образом представители беднейших слоев крестьянства. В этот период произошло два крупных восстания: в январе 1931 г. в Пангасинане и в декабре 1931 г. в нескольких провинциях Центрального Лусона. Восстанием в Пангасинане руководила секта кулорумов во главе с батраком Педро Калосой; восставшие выдвигали уравнилельные и националистические лозунги.

Восстание в декабре 1931 г. готовилось тайным обществом «Танггулан» («Защитник»), в руководстве которого был ряд представителей мелкобуржуазной радикально настроенной интеллигенции, в том числе рикартисты. Генерал Рикарте, находившийся в то время в Японии, считался главой этого общества. Основным лозунгом танггуланов было завоевание независимости и восстановление Филиппинской республики. Под влиянием рикартистов руководители организации проповедовали идею о возможности освобождения от гнета американского империализма с помощью Японии. Общество привлекло в свои ряды большое число крестьян-бедняков и арендаторов-издольщиков Центрального Лусона (в общей сложности около 40 тыс.). Несколько вооруженных отрядов повстанцев 9 декабря пробрались в Манилу, где в ночь на 10-е должно было начаться восстание совместно с манильскими танггуланами. Оно было плохо организовано, и планы повстанцев были раскрыты. Властям удалось быстро мобилизовать полицейские силы и подавить выступление.

Основным лозунгом тех лет, выдвигавшимся самыми разнообразными движениями и организациями, было требование независимости, которое поддерживали почти все классы и слои общества. Именно массовый патриотический подъем на Филиппинах больше всего воздействовал на колониальную политику США, заставлял их идти на новые, более серьезные уступки филиппинским имущим классам. На политику американских империалистов влияла и международная обстановка — мировой экономический кризис, вызвавший обострение социальных противоречий и в самих США, подъем национально-освободительного движения в соседних с Филиппинами районах Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, усилившаяся напряженность в американо-японских отношениях, после того как Япония начала агрессию в Китае. Под давлением всех этих факторов в США началась разработка проектов политико-административной реформы на Филиппинах. 29 декабря 1932 г. был принят Закон о независимости Филиппин, известный как Закон Хэйра — Хауэса — Каттинга. Он предусматривал предоставление Филиппинам независимости по истечении 10-летнего переходного

периода, в течение которого в стране устанавливался режим автономии с выборным автономным правительством, но с сохранением суверенитета США.

По истечении периода автономии гарантировалась неприкосновенность американских капиталовложений на Филиппинах и сохранение на их территории американских военных баз. Экономические статьи закона задевали интересы местных предпринимателей. В течение переходного 10-летия устанавливался особый таможенный режим филиппино-американской торговли, в результате чего к концу автономного периода филиппинские товары должны были облагаться пошлинами в соответствии с таможенными тарифами, действовавшими в США по отношению к иностранным государствам. При этом американский экспорт на Филиппины оставался беспошлинным. Кроме того, вводились квоты на основные виды филиппинской продукции, ввозившиеся в США (сахар, кокосовое масло, табачные изделия).

Принятие Закона Хэйра — Хауэса — Каттинга встретило противодействие со стороны наиболее консервативных империалистических кругов США, вплоть до вето, наложенного на закон президентом Гувером, что вызвало вторичное утверждение его конгрессом. Еще резче на принятие закона реагировали жители Филиппин. Широкие массы филиппинцев увидели в нем крах своих надежд на подлинную независимость. Филиппинская общественность раскололась на два лагеря — противников и сторонников закона. В Партии националистов фракцию противников закона (их называли «антис») возглавил Кесон, сторонников («прос») — Осменя и Рохас. За противниками закона шли широкие демократические слои и патриотически настроенные помещичье-буржуазные элементы. Под общественным давлением 17 октября 1933 г. Закон Хэйра — Хауэса — Каттинга был отвергнут большинством Легислатуры (формально для вступления в силу закона требовалось ее одобрение).

Взрыв общественного негодования на Филиппинах заставил правительство США изыскивать новые компромиссные решения. Да и филиппинские буржуазно-помещичьи лидеры из лагеря противников Закона Хэйра — Хауэса — Каттинга были встревожены нарастающим подъемом демократического движения и потому готовы к компромиссу с Соединенными Штатами.

Предоставление автономного статуса Филиппинам было одной из первых акций нового курса администрации президента Ф. Д. Рузвельта. По его инициативе 24 марта 1934 г. был принят новый Закон об автономии и независимости Филиппин (Закон Тайдингса — Макдаффи). Он отличался от закона 1932 г. поправкой к одной из статей относительно передачи Филиппинам (по истечении переходного периода) американских военных баз на территории архипелага. Этой поправки оказалось достаточно, для того чтобы Кесон и другие лидеры национал-реформистов признали полностью условия нового закона.

Закон вступил в силу 1 мая 1934 г., после того как был утвержден Легислатурой. В целом административная реформа на Филиппинах при всей своей ограниченности шла намного дальше тех уступок в колониях, на которые решались в то время правительства метрополий. Естественно, она осуществлялась прежде всего в интересах филиппинской буржуазно-помещичьей верхушки, которой были предоставлены дополнительные возможности для укрепления ее позиций в политической и экономической жизни страны.

Буржуазно-националистические лидеры вряд ли могли бы добиться столь внушительных успехов, если бы не использовали массовое патриотическое движение демократических сил. Слабость левых сил заключалась в том, что они были разобщены. Из-за своей теоретической и политической незрелости оставшиеся на свободе руководители компартии в 1932—1933 гг. не сумели использовать массовый патриотический подъем для создания единого антиимпериалистического фронта. Более того, пленум партии, состоявшийся в январе 1932 г., принял резолюцию, в которой главной задачей текущего момента объявлялось немедленное создание Советов в городах и сельских районах. Компартия выступила с осуждением первого закона об автономии

(1932 г.), но оказалась в изоляции от массового движения, так как широкие демократические круги поддерживали Кесона и других буржуазно-националистических деятелей — «антис», в то время как коммунисты зачисляли их целиком в лагерь реакции (вместе со сторонниками закона об автономии). Компартия в этот период утратила влияние в рабочих массах, находилась в стороне от развертывавшегося стихийного крестьянского движения.

В этих условиях важным событием было создание 1 июня 1933 г. легальной Социалистической партии Филиппин (СПФ). Она была основана в Пампанге Педро Абадом Сантосом, уроженцем этой провинции, известным адвокатом, завоевавшим огромную популярность среди местного населения своими выступлениями в защиту крестьян. Массовой базой партии стала Лига тружеников, созданная руководителями СПФ и объединявшая в основном беднейшие слои крестьянства. Своей целью СПФ провозгласила завоевание независимости и демократии и выступила за единство рабочих и крестьян. По своей идеологии это была мелкобуржуазная крестьянская организация, в программных установках которой использовались отдельные положения марксизма. В сложившейся обстановке Социалистическая партия выступала как прогрессивная политическая сила, которая сумела создать себе опору в массовом народном движении.

ФИЛИППИНЫ В ПЕРИОД АВТОНОМИИ (1935—1941)

Введение автономного режима происходило в накаленной политической атмосфере, в обстановке неугасающих социальных конфликтов. За несколько дней до плебисцита, проводившегося для одобрения конституции автономных Филиппин (он был назначен на 14 мая 1935 г.), в провинциях Центрального Лусона вспыхнуло мощное крестьянское восстание. Его организаторами были сакдалисты — члены созданной в 1933 г. мелкобуржуазной партии Сакдал, включившей в свою программу лозунг немедленной независимости и ряд социальных требований. В 1935 г. в партии Сакдал насчитывалось более 60 тыс. членов — в основном беднейших крестьян, арендаторов, батраков. Партийные лидеры, прежде всего один из основателей и председатель партии журналист Бенигно Рамос, выступали за реформистские легальные методы борьбы. Однако к 1935 г. внутри партии образовалась радикальная экстремистская группировка. Сакдалисты подняли восстание в первых числах мая 1935 г. в провинциях Булакан, Лагуна, Рисаль, захватили ряд населенных пунктов и в одном из них учредили временное правительство независимой Филиппинской республики. У повстанцев не было четкой программы. Наиболее явно проступала антипомещичья и антиколониальная направленность движения. Лидеры Сакдала распространяли среди крестьян также про-японские лозунги, изображая Японию как освободительницу от гнета американских империалистов. Основные центры восстания были разгромлены на второй-третий день после его начала, но в некоторых районах Лагуны и Булакана отряды сакдалистов вели вооруженную борьбу до 10—12 мая.

Плебисцит, проведенный 14 мая 1935 г., проходил в обстановке, когда еще не полностью заглохли отголоски вооруженной борьбы. В нем приняла участие незначительная часть населения, проголосовавшая за конституцию. Принятая в 1935 г. конституция действовала на Филиппинах более трех десятилетий — до 1973 г. В ней были использованы многие положения конституции США. Внесение в текст филиппинской конституции билля о правах и декларации о достижении социальной справедливости и экономического благосостояния народа отвечало духу времени — влиянию подъема массового демократического движения.

Вслед за принятием конституции началась первая в истории Филиппин кампания по выборам президента. По инициативе Кесона обе национал-реформистские партии (Партия националистов и Демократическая) в июне 1935 г. объединились в общий

избирательный блок, предварительно ликвидировав внутривнутрипартийную фракционность. Кандидатура Кесона была выдвинута на пост президента, Осменьи — вице-президента.

Соперниками Кесона выступили два известных и пользовавшихся популярностью лидера — Эмилио Агинальдо, бывший президент Филиппинской республики 1898 г., и епископ Независимой церкви Грегорио Аглипай. За Агинальдо шли ряд мелкобуржуазных группировок и организаций, созданная буржуазными националистами Радикальная партия, Рабочий конгресс Филиппин. Кандидатура Аглипая была выдвинута левыми демократическими силами, объединенными в Коалицию угнетенных масс. В нее входили созданная аглипаянцами Республиканская партия, Социалистическая партия и руководимая ею Лига тружеников. Знаменательным моментом было то обстоятельство, что коалицию и кандидатуру Аглипая стала поддерживать нелегальная компартия, выдвинувшая своего кандидата в вице-президенты.

На выборах, состоявшихся 17 сентября 1935 г., победили националисты. За Кесона было подано около 70% голосов. Националисты продолжали пользоваться большим авторитетом среди широких масс населения. Большинство филиппинцев связывало завоевание автономии именно с деятельностью Партии националистов, и в особенности ее лидера Кесона.

Официальное провозглашение Мануэля Кесона президентом автономных Филиппин состоялось 15 ноября 1935 г. Введение режима автономии ознаменовалось рядом крупных уступок местной элите со стороны американцев: формирование национального правительства во главе с президентом-филиппинцем, передача почти всех руководящих административных постов в руки филиппинцев, создание регулярной национальной армии. Однако, идя на эти уступки, США не собирались ослаблять собственные позиции на архипелаге. Деятельность автономного правительства контролировалась американцами. Непосредственно эту функцию осуществлял американский верховный комиссар (должность генерал-губернатора была упразднена). Организацию обороны автономных Филиппин возглавил Дуглас Макартур, получивший чин фельдмаршала филиппинской армии и пользовавшийся колоссальной властью в стране (в частности, он оказывал большое влияние на президента Кесона).

Осталось неизменным экономическое господство США на Филиппинах. Политика монополий США была нацелена на то, чтобы Филиппины развивались лишь в одном направлении — как поставщик нескольких видов сельскохозяйственного и минерального сырья и потребитель американских промышленных товаров. Перед второй мировой войной 70% потребительских товаров Филиппины ввозили из США. В американском экспорте на Филиппины преобладали готовые промышленные изделия — их доля возросла с 71,9% в 1929 г. до 77,1% в 1937 г. (вывоз полуфабрикатов за этот период несколько уменьшился — с 11,2 до 10,9%). Американцы продолжали вывозить с Филиппин в основном сельскохозяйственное сырье, сдерживая развитие экспортных отраслей обрабатывающей промышленности. Отсталый, типично колониальный характер филиппинской экономики отражала структура занятости: в сельском хозяйстве было занято (накануне войны) 73% самодеятельного населения, т. е. подавляющее большинство трудящихся в стране.

Усилилась эксплуатация Филиппин как сферы экспорта капитала. К началу второй мировой войны прямые американские капиталовложения составляли 400 млн. долл. Они вкладывались в основном в ключевые отрасли филиппинской экономики: первичную обработку экспортного сельскохозяйственного сырья, экспортно-импортную торговлю и добычу полезных ископаемых. Новым явлением в хозяйственной жизни было быстрое развитие горнодобывающей промышленности (в особенности добычи золота), находившейся в руках американцев, что было связано с ростом цен на мировом рынке на

драгоценные металлы и увеличением спроса в предвоенные годы на стратегическое минеральное сырье⁶.

В период автономии США сохраняли монопольное положение во внешней торговле Филиппин. Накануне войны на их долю приходилось 80% филиппинского экспорта, в том числе 100% вывоза сахара, 100 — золота и 96% — продуктов кокосовой пальмы.

Занимая господствующие позиции в филиппинской экономике, США все же не могли полностью изолировать Филиппины от других капиталистических держав. В годы автономного режима на архипелаге действовали монополии ряда стран — конкурентов Соединенных Штатов: японские, английские, германские. Накануне войны Япония превратилась в самого серьезного соперника США. Японские монополии увеличили масштабы экономической экспансии на Филиппины, общая сумма их капиталовложений на архипелаге превышала 100 млн. долл. Главным объектом японских инвестиций было производство абаки и пеньковых изделий. Японский капитал контролировал ряд банков, торговых компаний, морское рыболовство, проник в горнодобывающую промышленность. Во внешней торговле Филиппин Япония стабильно занимала второе место после Соединенных Штатов.

Что касается позиций национального филиппинского капитала, то они в целом оставались слабыми, хотя в период автономии появились некоторые стимулы для его развития. С введением новой формы административного управления ускорился процесс образования крупного филиппинского капитала (этот процесс начался, как уже известно, еще в 20-е годы и активизировался в период кризиса 1929—1933 гг.), поскольку представители местной буржуазии и помещиков получили доступ к использованию государственного аппарата в качестве дополнительного источника обогащения.

В результате усиления централизации капитала на Филиппинах появились первые местные монополии, которые имели специфически колониальные черты. Они не были связаны с концентрацией производства и созданием промышленных предприятий современного типа — они по-прежнему находились в большой зависимости от американского капитала, извлекая наибольшие доходы от посреднических операций. Прослойка торгово-посреднической буржуазии преобладала в национальной буржуазии (что опять-таки свидетельствовало о типично колониальной социально-экономической структуре филиппинского общества). Крупные филиппинские капиталисты, как правило, выходили из среды торговцев. Они вкладывали накопленный в торгово-посреднических операциях капитал в промышленное предпринимательство, обычно соединяя в одном лице торгово-посреднические и промышленные функции. В конце 30-х годов на Филиппинах сложилось несколько семейств богатейших капиталистов, заправлявших крупным бизнесом и сохранивших свои капиталы и в наши дни (семейства-династии Сориано, Элисалде, Мадригаль, Янгко, Мала и др.).

Крупная буржуазия оказывала заметное влияние на автономное правительство, ее представители непосредственно участвовали в государственном управлении, получая назначения на высшие административные посты. Параллельно с традиционной помещичье-бюрократической элитой (касиками), сохранявшей сильнейшие позиции, особенно в провинциях, стала расти буржуазно-бюрократическая верхушка. Крупная буржуазия оставалась тесно связанной с помещичьим классом, участвуя прямо или косвенно в полуфеодальной и торгово-ростовщической эксплуатации крестьян. Общность экономических интересов послужила основой для образования в годы автономного

---

⁶ Перед войной общая сумма американских инвестиций в горнодобывающей промышленности составляла более 140 млн. долл. В 1939 г. на долю добычи золота приходилось около 94% капиталов, вложенных в горные разработки. В предвоенные годы значительно возросла также добыча хрома, марганца, железной и медной руд. К концу 30-х годов 60% добычи золота и более половины хромитов контролировались Д. Гауссерманом, миллионером, одним из самых крупных американских инвесторов на Филиппинах.

режима реакционного политического блока верхушки помещиков и крупных капиталистов.

Политика Кесона была направлена на защиту в первую очередь интересов именно местной элиты. В экономической области автономное правительство проводило курс на поощрение национального предпринимательства с помощью осуществления мероприятий государственно-капиталистического характера — создание государственных промышленных корпораций и кредитных учреждений по финансированию промышленного строительства, а также выработка планов развития национальной экономики. В целом правительственная экономическая программа оказалась наиболее выгодна представителям местного крупного капитала. Через их руки проходило государственное финансирование, и они возглавляли управление создаваемых промышленных корпораций.

С целью защиты интересов филиппинского капитала в конце 30-х годов был принят ряд законов о так называемой филиппинизации торговли. Эти законы не могли оградить филиппинскую буржуазию от конкуренции Соединенных Штатов, они были направлены главным образом против китайского капитала, действовавшего в розничной торговле.

Характерной чертой общественного развития Филиппин в период автономии было усиление процесса расслоения буржуазии. Крупные капиталисты, которые быстро обогащались и укрепляли свои экономические позиции, представляли узкую прослойку. Численно преобладала мелкая и средняя буржуа; зия, в основном в торговле и некоторых отраслях обрабатывающей промышленности. Положение этих слоев заметно ухудшилось — кроме конкуренции беспошлинных американских товаров они стали испытывать давление со стороны местного монополистического капитала, вытеснявшего мелких и средних предпринимателей с внутреннего рынка.

Процесс развития капиталистических отношений, который получил новые стимулы в годы автономии, протекал в специфически колониальной форме, особенно мучительной для народных масс. Хроническим и массовым явлением в предвоенные годы стала безработица. Она держалась на постоянном уровне 1,2—1,3 млн. человек, причем основную массу безработных составляли сельскохозяйственные рабочие. Они были наиболее многочисленной прослойкой филиппинского пролетариата — 1,5—2 млн. человек накануне второй мировой войны. Категория городского фабрично-заводского пролетариата по-прежнему была одной из самых малочисленных — 130 тыс. человек; на транспорте было занято 200 тыс. рабочих; в строительстве — 100 тыс.; в мастерских ремесленного типа — 430 тыс. Советские исследователи обращают внимание на живучесть на Филиппинах всевозможных форм кабальной эксплуатации рабочих, причем в отношении всех категорий пролетариата — от сельских батраков-поденщиков до рабочих промышленных предприятий современного типа.

Капиталистические отношения в сельском хозяйстве развивались замедленными темпами, сочетались с сохранением и усилением полуфеодальной эксплуатации крестьян. В аграрных отношениях явно обозначились два основных процесса, которые должны были бы создать предпосылки для капитализации земледелия: концентрация помещичьей земельной собственности⁷, с одной стороны, и пролетаризация крестьянства⁸ — с другой. Однако крупных капиталистических хозяйств почти не возникало. Получая огромные

⁷ В 1939 г. (на основе данных переписи) около 50% обрабатываемой земли находилось в руках помещиков. Если в 1918 г. на 84% земельных участков хозяйство велось собственниками земли, то уже к 1934 г. — лишь на 64%.

⁸ Проникновение капиталистических отношений в филиппинскую деревню проявлялось в усилении расслоения крестьянства, разрушении мелкокрестьянских хозяйств, росте категории крестьян-полуарендаторов, развитии отхожих промыслов, приарендования земли, деревенского ремесла и т. п. Переживали эволюцию и некоторые традиционные формы аренды (прежде всего издольные), которые постепенно превращались в систему найма рабочих, лишенных всех средств производства, с оплатой труда натурой.

прибыли от полуфеодальной эксплуатации крестьян, помещики и буржуазия были заинтересованы в сохранении докапиталистических методов эксплуатации в деревне. Узкая, выделившаяся из крестьян кулацкая прослойка также в основном предпочитала полуфеодальные методы ведения хозяйства. Дешевизна труда крестьян и арендаторов приводила к сокращению применения наемного труда. Перед второй мировой войной хозяйства, применявшие наемную рабочую силу, занимали 10—14% посевных площадей. За 1918—1939 гг. доля помещичьей земли, обрабатываемой с помощью наемной рабочей силы, сократилась с 50 до 25%, хотя ее абсолютные размеры увеличились. Сохранению докапиталистических методов эксплуатации в деревне способствовала промышленная отсталость, невозможность для безземельных крестьян найти работу в городах; отсюда приобрело особенно острый характер такое явление, как аграрное перенаселение.

Тяжелое положение трудящихся, углубляющийся разрыв между полюсами богатства и нищеты создавали почву для социальной напряженности, которая в любой момент могла привести к открытому взрыву. Поэтому автономное правительство сразу же после выборов приступило к осуществлению некоторых социальных реформ. Они вошли в широко разрекламированную Программу социальной справедливости Кесона, направленную с помощью незначительных уступок трудящимся к смягчению социальных противоречий, укреплению стабильности правительства и его влияния на широкие массы. В 1936 г. в соответствии с Программой социальной справедливости были приняты законы, которые должны были регулировать отношения между рабочими и предпринимателями. Согласно одному из них, учреждался суд по трудовым отношениям, однако введение принудительного арбитража не распространялось на мелкие и мельчайшие предприятия, на которых было занято большинство рабочих.

Действие другого закона — о праве заключения коллективных договоров — распространялось только на зарегистрированные профсоюзы. Это право, таким образом, получило лишь меньшинство организованных трудящихся, поскольку численность рабочих в незарегистрированных профсоюзах почти вдвое превышала их число в разрешенных союзах. Закон об обязательной регистрации рабочих союзов был принят также в 1936 г. Разрешение на деятельность профсоюза выдавалось Департаментом труда и действовало в течение двух лет, после чего оно могло быть и не возобновлено⁹. Практика регистрации профсоюзов служила одной из форм правительственного контроля над рабочим движением. Не без поддержки правительства реформистские союзы в 1935 г. объединились в новый крупный профсоюзный центр — Национальную федерацию труда (НФТ). Эта организация стала главным проводником идеологии реформизма в рабочем движении.

Мероприятия по Программе социальной справедливости включали и законодательство в отношении крестьян-арендаторов с целью смягчения аграрных противоречий (в 1935 г. была создана специальная правительственная комиссия по изучению причин аграрных беспорядков). Принятый в ноябре 1936 г. закон об издольной аренде рисовых полей лишь минимально облегчал положение арендаторам. Вводилась фиксированная арендная плата по традиционной системе касамы, но помещики фактически сохраняли прежние возможности для феодально-ростовщической эксплуатации издольщиков. Государство ассигновало 1 млн. песо в 1936 г. для выкупа части помещичьих земель, занятых под жилищами арендаторов. Предполагалось, что эти участки затем смогут быть выкуплены у государства крестьянами-арендаторами. Это мероприятие осталось нереализованным из-за сопротивления помещиков.

В целом кесоновская Программа социальной справедливости при всей ее ограниченности, декларативности, демагогическом характере являлась своего рода ответом на обострение политической и социальной обстановки в период подъема пат-

⁹ Накануне войны в стране было 438 зарегистрированных профсоюзов с числом членов 100 тыс. Более 190 тыс. человек входили в незарегистрированные профсоюзы, главным образом руководимые коммунистами.

риотического демократического движения начала 30-х годов. Проведение ее в жизнь было несомненным, хотя и скромным, завоеванием трудящихся.

Говоря о внутренней обстановке на Филиппинах в период автономии, следует упомянуть об обострении национального вопроса. Правительство проводило курс на ассимиляцию всех населяющих Филиппинские острова народностей и этнических групп (по Конституции 1935 г. общенациональным языком был провозглашен тагальский). Этот курс сочетался с политикой дискриминации в отношении национальных «нехристианских» меньшинств — горных племен и народностей, моро, китайцев. Ее формы и проявления были весьма разнообразны: ущемление политических прав, сохранение экономической и культурной отсталости районов, населенных нацменьшинствами, получившая широкое распространение практика захвата христианами-переселенцами земель, принадлежавших мусульманским и горным народам, и т. д. Вслед за американскими колонизаторами правительство Кесона занималось разжиганием расовой и религиозной розни, культивируя шовинистические настроения у христианского большинства.

В эти годы вновь обострилась проблема моро. Традиционная вражда к христианскому большинству (сознательно и искусно подогревавшаяся американцами) укоренилась среди моро столь прочно, что сразу же после введения режима автономии представители мусульман обратились к правительству США с просьбой либо предоставить южным районам автономию отдельно от северных районов, либо сохранить их как американскую колонию даже в случае предоставления христианским территориям Филиппин полной независимости.

Одной из причин недовольства моро было усиление миграции в южные районы с севера архипелага. В целом в период между двумя мировыми войнами число переселенцев (главным образом на Минданао) составило до четверти миллиона. Этот процесс сопровождался захватом лучших земель, принадлежавших моро. Автономное правительство поощряло переселенческое движение, усматривая в нем средство борьбы с аграрным перенаселением и решение проблемы занятости. Сопротивление местных мусульман подавлялось силой. Кесон проводил прямолинейную жесткую политику (сравнительно с более гибкой американской) в отношении мусульман. Он почти полностью ликвидировал сохраненные американцами привилегии бывшего султана Сулу и представителей сулуанской и минданаоской знати; почти все административные посты в мусульманских провинциях были переданы в руки чиновников-христиан; хозяйственное освоение Минданао осуществлялось не с целью поднять уровень жизни местного населения, а в интересах экономического развития северных районов.

Вполне понятно, что политика правительства, вызывая недовольство и возмущение моро, способствовала ухудшению взаимоотношений между двумя основными конфессиональными группами филиппинцев.

Кесон и Партия националистов, выражая интересы правящего блока помещиков и крупной буржуазии, продолжали проводить политику компромиссов с американцами, старались смягчить и ослабить антиимпериалистические настроения среди населения, хотя и не прекращали националистической пропаганды, чтобы не утратить влияния в широких массах. Оппозиция политике Кесона и его приверженцев существовала внутри и вне Партии националистов. На Филиппинах действовал ряд буржуазно-националистических организаций и партий, выступавших с критикой Кесона и правящей элиты, за освобождение от экономической и политической зависимости от американского империализма.

Активизировались в этот период радикальные мелкобуржуазные слои. Среди возникавших в их кругах многочисленных течений и организаций лишь аглипаянцы поддерживали контакты с социалистами и коммунистами. Многие мелкобуржуазные группировки и партии выступали с экстремистскими программами левоанархистского или фашистского толка.

В предвоенные годы в радикальных мелкобуржуазных кругах, среди интеллигенции и части националистической буржуазии усилились прояпонские настроения, появился ряд организаций, ориентированных на получение поддержки из Японии в борьбе против американского империализма.

Тем временем международная обстановка на Дальнем Востоке все более обострялась. В июле 1937 г. Япония начала захватническую войну в Китае. Становилась все более реальной угроза японской военной экспансии в Юго-Восточной Азии. В этом случае Филиппины неизбежно должны были стать одной из первых жертв японской агрессии.

События в Китае вызвали на Филиппинах движение солидарности с китайским народом. Вместе с тем в стране продолжали усиливаться прояпонские настроения. Японцы умело использовали свое экономическое проникновение на Филиппины для политической пропаганды и идеологической обработки населения. Многие филиппинцы не разбирались в действительном милитаристском и фашистском характере японской политики, верили в широко рекламировавшиеся японские лозунги «азиатской солидарности», видели в Японии освободительницу от гнета американского колониализма.

Сама обстановка, сложившаяся в стране накануне войны, требовала решительных мер для борьбы с японской угрозой, и прежде всего мобилизации всех патриотических национальных сил. С этих позиций стали выступать филиппинские коммунисты и социалисты.

Изменение тактики Компартии Филиппин было связано с новыми стратегическими и тактическими задачами, выдвинутыми мировым коммунистическим движением. С нарастанием угрозы фашизма и приближением второй мировой войны Коминтерн выработал курс на создание единого антифашистского и антиимпериалистического (в колониальных странах) фронта. После исторического VII конгресса Коминтерна (1935 г.), вооружившего компартии новыми политическими и тактическими установками, филиппинские коммунисты постепенно стали переходить к тактике единого фронта.

За создание единого демократического фронта и объединение рабочих и крестьянских организаций выступило руководство Социалистической партии во главе с Педро Абадом Сантосом. По его инициативе осенью 1936 г. между СПФ и КПФО было достигнуто соглашение о единстве действий, и в провинции Пампанга образован Единый фронт, в который вошел ряд рабочих и крестьянских организаций (до 30 тыс. человек).

СПФ выступила также с инициативой создания Народного фронта, получив поддержку самых различных организаций и партий, в том числе буржуазно-националистических. СПФ и легальные рабоче-крестьянские организации, связанные с коммунистами и социалистами, вошли в Народный альянс (1936 г.) и оказали воздействие на выработку его программы, куда были включены некоторые классовые требования рабочих и крестьян. Народный альянс просуществовал недолго, уже к 1937 г. его деятельность почти прекратилась — главным образом из-за политики буржуазного руководства, опасавшегося роста влияния и активности рабоче-крестьянских масс.

Важное значение для развития демократического движения имела легализация компартии (1937 г.). Правительство пошло на разрешение легальной деятельности коммунистов и амнистию руководителей КПФО под влиянием тех изменений в международной обстановке, которые произошли в результате нового политического курса, выработанного Коминтерном и получившего отражение в решениях VII конгресса. С начала 1937 г. партию возглавило новое руководство, в которое вошел ряд ведущих лидеров коммунистического движения, вернувшихся из ссылки и из-за границы. Председателем КПФО стал К. Эванхелиста, генеральным секретарем — Г. Кападосия.

1938—1940 годы были временем подъема стачечного движения. Наиболее крупными конфликтами были стачки в г. Арайат (пров. Пампанга), организованные рабочими каменоломни (конец 1937 г.) и сахарного завода (февраль 1938 г.), вызвавшие

солидарные действия трудящихся Пампанги и закончившиеся победой бастующих. В результате успешной работы коммунистов были сделаны важные шаги в борьбе за единство рабочего движения. В июне 1938 г. на собрании 3 тыс. представителей рабочих союзов был создан новый, крупнейший в стране профсоюзный центр — Коллективное рабочее движение (КРД). Ядро руководства КРД составляли коммунисты и социалисты. Исполнительным секретарем президиума стал Г. Кападосия, в его состав вошел ряд руководителей КПФО, СПФ, левых профсоюзных объединений.

Платформа КРД строилась в интересах защиты классовых требований пролетариата. Поскольку в ней содержалось одобрение кесоновской «Программы социальной справедливости», правительство признало новое профсоюзное объединение (КРД было официально зарегистрировано).

КРД возглавило стачечное движение рабочих, которое приобрело огромные масштабы. В 1938 г. 20430 рабочих участвовали в забастовочной борьбе, в 1939 г. их численность возросла до 28 100. Наряду с передовыми отрядами пролетариата (рабочие сахарной и горнодобывающей промышленности, табачники, транспортники) в забастовочном движении стали принимать все более активное участие и рабочие других отраслей производства, до сих пор стоявшие в стороне от классовой борьбы. Огромный размах приобрели забастовки сельскохозяйственных рабочих (самыми крупными и активными были забастовки батраков сахарных плантаций осенью 1939 г.).

Уже в течение нескольких лет коммунисты работали в тесном контакте с социалистами. Еще в 1936 г. Педро Абад Сантос поставил впервые вопрос об объединении двух партий. Реальные условия для такого объединения сложились в 1938 г. Руководство СПФ согласилось с выдвинутым КПФО условием о признании социалистами идеологических и организационных принципов коммунизма, на основе которых должно было произойти слияние двух партий. Объединение было оформлено на III съезде Коммунистической партии, состоявшемся 29—31 октября 1938 г. в Маниле (впервые съезд проходил легально). Собравшиеся на съезд делегаты приняли единогласно решение о слиянии обеих партий в одну. Она получила название Коммунистическая партия Филиппин (КПФ), председателем ее был избран К. Эванхелиста, его заместителем — П. Абад Сантос, генеральным секретарем — Г. Кападосия.

Согласившись на слияние с крестьянской по характеру Социалистической партией, компартия шла на известный риск, поскольку увеличивались возможности для проникновения мелкобуржуазной идеологии в среду коммунистов. Поэтому коммунисты повели работу по преодолению этих идейно-политических трудностей. Следует отметить, что в руководящих органах КПФ, избранных на III съезде, преобладали представители прежнего, чисто пролетарского состава руководства компартии. О росте идейной зрелости филиппинских коммунистов свидетельствовали документы, принятые на съезде (новая программа КПФ, резолюции). Та часть решений, которая касалась борьбы за интересы трудящихся, содержала конкретные требования, отвечающие насущным нуждам рабочих и крестьян.

Под давлением растущего рабочего движения правительство приняло в 1939 г. закон о 8-часовом рабочем дне, который, однако, не распространялся на сельскохозяйственных рабочих и прислугу, т. е. наиболее многочисленные категории пролетариата. Кесон попытался ослабить влияние КПФ и КРД в рабочем классе с помощью создания проправительственного общенационального профсоюзного центра. В мае 1939 г. была учреждена под председательством министра труда Национальная комиссия труда (НКТ). Коммунисты согласились участвовать в работе НКТ, умело используя свое пребывание в ней для укрепления влияния компартии в рядах пролетариата, для более действенной борьбы за интересы трудящихся.

Больших успехов добилась компартия в работе среди крестьян. В конце 30-х годов заметно увеличилась организованность крестьянского движения. В 1938 г. Национальная конфедерация крестьян, руководимая коммунистами, объединяла 60 тыс. человек. Ее

влияние было наиболее прочным в провинциях Центрального Лусона. Коммунисты возглавляли борьбу крестьян за проведение в жизнь тех мер, которые были намечены «Программой социальной справедливости» (осуществление закона об издольной аренде и др.). Компартия развернула широкую кампанию в защиту арендаторов против незаконного сгона их с земли, в широких масштабах практиковавшегося помещиками, которые не желали подчиняться закону об издольной аренде. Особый размах крестьянское движение приобрело в Центральном Лусоне. Под давлением роста крестьянских выступлений Кесон вынужден был пойти на некоторые уступки. В 1939 г. был принят ряд аграрных законов, которые при всей их ограниченности служили тем не менее показателем большой активности и зрелости крестьянского движения.

Правильно избранный курс обеспечил компартии прочную базу среди рабочих и крестьян. Ее влияние неуклонно росло и среди интеллигенции, студенческой молодежи, которые стали проявлять большой интерес к идеям марксизма. Был основан Филиппинский конгресс молодежи, объединивший молодых рабочих и студентов, в руководстве которого преобладали коммунисты.

Отстаивая и защищая классовые интересы трудящихся, компартия не ослабляла внимания к борьбе за общенациональные цели и требования. Борясь за консолидацию всех демократических патриотических сил, компартия считала главной задачей единого фронта предотвращение угрозы японской агрессии. Важным программным документом был утвержденный расширенным пленумом ЦК КПФО в августе 1938 г. манифест «Мобилизация Филиппин против японской агрессии». В нем давалась оценка международной обстановки, характеризовалась экспансионистская сущность политики японского империализма. В манифесте подчеркивалось, что главной угрозой национальной целостности и независимости Филиппин является японская агрессия. Исходя из этого, компартия, не отказываясь от требования полной независимости, в конкретных условиях выдвигала на первый план задачу мобилизации всех сил для отпора фашизму, установления единства с демократическими и прогрессивными силами в США. Выступая за привлечение в единый национальный фронт всех антифашистских демократических сил, компартия заявила о своей готовности сотрудничать со всеми партиями, политическими группами и союзами, стоявшими на платформе сопротивления японской агрессии, в том числе с национал-реформистскими организациями. В манифесте содержалось непосредственное обращение к Кесону с предложением о сотрудничестве. Это обращение не получило, однако, позитивного отклика со стороны автономного правительства.

Манифест, принятый в августе 1938 г., был одобрен на III съезде КПФ. Дополнительно были приняты особые резолюции, разъяснявшие позицию компартии по вопросу создания единого фронта.

Таким образом, в конце 30-х годов Коммунистическая партия Филиппин последовательно проводила политический курс, выработанный мировым коммунистическим движением. Однако ряд трудностей объективного характера мешал филиппинским коммунистам добиться действительно широкого в общенациональном масштабе единства антиимпериалистических демократических сил. Главная трудность заключалась в позиции Кесона и находившейся у власти Партии националистов. Правящий буржуазно-помещичий блок не желал идти на сотрудничество с компартией (ни в какой форме) из-за антикоммунистических убеждений, из-за того, что в его среде не было единства по вопросу об отношении к угрозе японской агрессии. За Партией националистов я ее лидерами шли не только буржуазно-помещичьи слои, но и значительная часть мелкой буржуазии, интеллигенции, рабочих и крестьян, привлеченных «Программой социальной справедливости» и лозунгами немедленной и полной независимости. Углубление классовой борьбы и рост авторитета Коммунистической партии в рабоче-крестьянских массах пугал и Кесона, и правящую верхушку, опасавшихся ослабления собственного влияния в народе. Это послужило основной причиной

значительного поправления политического курса автономного правительства на рубеже 30—40-х годов. Процесс этот выражался в появлении и укреплении авторитарных тенденций в государственно-политической структуре Филиппин, наступлении на права трудящихся, на демократические свободы и принципы, провозглашенные Конституцией 1935 г.

При такой ситуации КПФ внесла изменение в свою тактическую линию. Поскольку теперь полностью исключалась возможность сотрудничества с Кесоном и Партией националистов, коммунисты сосредоточили внимание на объединении демократических сил для противодействия японской угрозе и борьбе с реакционными антидемократическими тенденциями в политике автономного правительства.

Коммунистическая партия Филиппин заняла правильную позицию в вопросе об отношении к мировой войне. Вопрос о независимости компартия связывала с борьбой против японского империализма — главного врага свободы и демократии. Коммунисты призывали к объединению усилий с Соединенными Штатами в борьбе против японской агрессии, поскольку это был единственный реальный путь противодействия военной экспансии Японии.

В конце 1939 г. на Филиппинах был образован Народный фронт — коалиция, в которую вошли КПФ, Республиканская партия, ряд левых профсоюзов, крестьянских и мелкобуржуазных организаций. Руководство коалицией находилось в руках коммунистов. В ноябре 1940 г. состоялся IV съезд КПФ, одобрявший стратегическую и тактическую линию компартии, подтвердивший курс на создание единого фронта. Была выдвинута задача развертывания борьбы за демократические права и обеспечение безопасности родины перед лицом неуклонно надвигающейся фашистской агрессии. В итоге деятельности Народного фронта левые силы одержали значительную победу на провинциальных и муниципальных выборах в декабре 1940 г. в Пампанге, Тарлаке и Нуэва-Эсике (кандидаты Народного фронта стали мэрами восьми городов Пампанги и возглавили управление трех крупнейших муниципалитетов в этой провинции).

Глава XI

ФИЛИППИНЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Захват Филиппин был одним из звеньев военно-стратегических планов японских милитаристов в Юго-Восточной Азии. С оккупацией Филиппин Япония приобретала плацдарм для овладения Индонезией и Малайей, привлекавших особое внимание японских империалистов как богатейшие источники ценных сырьевых ресурсов. Японию интересовало получение определенных видов сырья и с Филиппин¹. По замыслам японских империалистов, Филиппины должны были войти в «Великую восточноазиатскую сферу совместного процветания», в которую включались громадные территории Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании. Многочисленные японские агенты и разведчики, обосновавшиеся на Филиппинах, готовили базу для военного вторжения, занимались идеологической обработкой местного населения (с помощью паназиатской, расистской пропаганды), созданием прояпонских обществ, организаций и т. п.

Действия Японии на Филиппинах облегчались «политикой умиротворения» в отношении японского империализма, которую проводило правительство США, причем одним из рьяных приверженцев этого курса был Дуглас Макартур, занимавшийся, как

---

¹ Накануне войны с Филиппин в Японию вывозились 100% добываемой на архипелаге медной и марганцевой руды, почти вся железная руда и хромиты. Лишь в конце мая 1941 г. правительство США распространило на Филиппины закон о регулировании экспорта. Была введена система лицензий на вывоз с архипелага в другие страны, кроме США, целого ряда товаров, в результате чего удалось сократить экспорт стратегического минерального сырья в Японию (полностью был приостановлен вывоз медной руды, металлолома и медных слитков).

уже говорилось, вопросами обороны архипелага. «Политика умиротворения», по существу, была политикой поощрения агрессора. В правящих кругах США господствовала точка зрения, что американские владения в Тихом океане смогут избежать японской агрессии, если она будет своевременно обращена в сторону СССР. В предвоенные годы американская дипломатия действовала именно в этом направлении. Сторонники подобной точки зрения в США и на Филиппинах вели преступную политику ограничения, а иногда и свертывания мероприятий по обороне архипелага. Вплоть до кануна вторжения японских войск страна оставалась почти не защищенной перед возможным военным нападением.

США не удалось сговориться с Японией, предлагавшиеся американцами варианты «дальневосточного Мюнхена» были отвергнуты японскими милитаристами, которые стремились установить безраздельное господство Японии на Азиатском континенте. По мере того как обострялись американо-японские противоречия, становился все более очевидным провал «политики умиротворения». В июле—августе 1941 г. японские войска оккупировали Южный Индокитай. Осенью 1941 г. в районе Южно-Китайского моря японское командование сосредоточило около полумиллиона солдат и 2,5 тыс. самолетов. Война между Японией и США неотвратимо приближалась.

С лета 1941 г. американцы стали заниматься серьезно вопросами обороны Филиппинского архипелага. Дуглас Макартур был назначен командующим вооруженными силами США на Дальнем Востоке (ЮСАФФЕ), в состав которых была включена и филиппинская армия. Был увеличен контингент войск (до 180 тыс., из «их 50 тыс. американцев»), число самолетов (до 500), заминированы Манильская бухта и залив Субик. Но все эти поспешные военные приготовления оказались недостаточными для того, чтобы отразить нападение японцев.

7 декабря 1941 г., в день внезапной атаки японского флота и авиации на Пёрл-Харбор, главную тихоокеанскую базу США, японские самолеты начали бомбить Манилу, и филиппинское правительство объявило о вступлении в войну на стороне Соединенных Штатов. Выведя из строя часть военно-морских сил США, действовавших в бассейне Тихого океана, японцы тем самым ликвидировали возможность их переброски в район Юго-Восточной Азии для обороны Филиппин и помощи английским и голландским войскам. Именно с учетом присылки американского флота из Пёрл-Харбора был построен план обороны Филиппинского архипелага, который был таким образом расстроен японцами. Японские войска вторглись на Филиппины 10 декабря 1941 г., одновременно с началом военных операций в Малайе и Сингапуре. 2 января 1942 г. без боя была сдана Манила, объявленная открытым городом. Филиппинское правительство (Кесон, Осменя, ряд других лидеров) было вывезено в США, Макартур также покинул Филиппины и переехал в Австралию.

Упорное сопротивление японцы встретили на п-ове Батаан, куда после капитуляции Манилы отступили американо-филиппинские войска. Несмотря на явное военное превосходство, японцы заняли Батаан только 9 апреля 1942 г. До начала мая 1942 г. продержался Коррехидор — хорошо укрепленный остров-крепость у входа в Манильскую бухту, который защищали военные части генерала Вэйнрайта, командующего американскими вооруженными силами. Сразу после падения Коррехидора Вэйнрайт отдал приказ о капитуляции американо-филиппинских войск, находившихся на Висаях и Минданао. Эти районы архипелага были без сопротивления заняты японцами в течение лета 1942 г.

Оккупировав Филиппины, японские милитаристы нашли себе опору в верхах филиппинского общества. В основном это были откровенные коллаборационисты, предававшие интересы родины. Но среди них были и патриоты (из националистических буржуазно-помещичьих кругов), которые рассчитывали использовать победу Японии в интересах освобождения от гнета американского империализма и достижения подлинной национальной независимости. К их числу, в частности, принадлежали два известных

националистических деятеля — Кларо Ректо и Хосе Лаурель. В рядах коллаборационистов были и мелкобуржуазные радикалы, известные своими прояпонскими взглядами, заблуждавшиеся относительно возможности получения независимости из рук Японии (А. Рикарте, Б. Рамос).

Своей главной опорой на Филиппинах японские оккупанты сделали руководство Партии националистов, пользовавшееся влиянием в буржуазно-помещичьих слоях. 23 января 1942 г. японские власти объявили о введении «гражданского управления». Были сформированы «консультативный государственный совет» и «исполнительная комиссия». В эти марионеточные органы власти вошли многие члены автономного правительства и лидеры Партии националистов. Председателем «исполнительной комиссии» был назначен бывший секретарь президента Кесона Х. Варгас, в ее составе был также ряд известных политических деятелей: Б. Акино, Х. Лаурель, К. Ректо, Х. Юло, Т. Сисон и др.

Японские оккупанты опирались также на служителей католической и протестантской церкви, предоставив им ряд льгот и привилегий. В неприкосновенности было сохранено большинство учреждений и чиновничий аппарат старой администрации, полиция и констабулория. В конце 1942 г. японские власти запретили деятельность всех прежних политических партий и учредили новую политическую организацию под названием «Общество служения новым Филиппинам» (Калибапи), которая функционировала под контролем японской военной администрации. Президентом «Общества» японцы назначили Х. Варгаса, вице-президентом — Б. Акино, одного из лидеров Партии националистов, входившего перед войной в состав автономного правительства. В задачи Калибапи вменялся контроль над общественно-политической и культурной жизнью Филиппин.

В экономической области политика Японии была направлена на ограбление филиппинских национальных богатств, установление неограниченного контроля японских монополий над производством важнейших видов минерального и сельскохозяйственного сырья. Японцы приступили к сокращению плантаций сахарного тростника и табака (в них Япония не испытывала нужды), за счет чего планировалось начать выращивание хлопчатника и расширить производство абаки. Рафинадные заводы перестраивались для выработки спирта. Оборудование закрывшихся сахарных заводов и табачных фабрик перебрасывалось в другие отрасли промышленности. В целом этот план оказался нереализованным — производство сахара и табака было сокращено в десятки раз, но вторая часть плана по созданию более чем 1 млн. акров плантаций хлопчатника осталась невыполненной.

Хозяйничанье оккупантов привело к истощению производительных сил, резкому снижению уровня жизни филиппинцев. В условиях оккупации продолжали обогащаться лишь местные спекулянты, дельцы, верхушка помещиков и крупной посреднической буржуазии, которые стали сотрудничать с Японией и обслуживать японские монополии. Основная же масса филиппинского населения находилась в бедственном положении. В стране не хватало продовольствия, так как посевные площади под рисом уменьшились почти на 1 млн. га. Процветала инфляция, достигавшая огромных размеров, росли цены на предметы первой необходимости. Были ликвидированы все экономические завоевания рабочего класса. На промышленных предприятиях широко практиковались различные формы принудительного труда (создание рабочих батальонов и т. п.), рабочие были поставлены под полицейский контроль так называемого Центрального рабочего союза, учрежденного оккупантами.

Тяжесть положения трудящихся усугублялась режимом военной диктатуры, который был установлен японскими милитаристами. Жертвами террора стали многие тысячи филиппинцев, брошенных в тюрьмы и концентрационные лагеря, погибших от рук японских захватчиков. По официальным данным, более 80 тыс. филиппинцев были уничтожены оккупантами, не считая убитых в боях.

Инициатором борьбы против японских оккупантов выступила Коммунистическая партия Филиппин. Сразу же после начала войны ЦК КПФ утвердил (7—10 декабря 1941 г.) меморандум, содержащий программу сплочения всех патриотических национальных сил в едином антияпонском фронте. Коммунисты обращались к правительству и американскому командованию с предложением сотрудничества для выработки мер по объединению усилий в сопротивлении японской агрессии. Однако Макартур и правительство Кесона отказались поддержать инициативу КПФ, оставив без внимания все предложения коммунистов.

Руководство КПФ, действуя самостоятельно, с 10 декабря 1941 г. приступило к созданию подпольных групп и центров Сопротивления. В январе 1942 г. на территории Центрального Лусона начали действовать первые партизанские отряды, руководимые коммунистами. В Маниле тогда же была создана антияпонская организация «Свободные Филиппины», в руководство которой вошли представители левой интеллигенции, среди которых были и коммунисты.

В конце января 1942 г. японские власти арестовали руководителей КПФ, в их числе Эванхелисту и Абада Сантоса. После неудачных попыток японцев склонить их к сотрудничеству Эванхелиста был убит в тюрьме, а тяжело больной Сантос оставался в заключении до 1943 г. и умер незадолго до освобождения страны.

Несмотря на то что компартия лишилась своих выдающихся лидеров, она продолжала героическую борьбу. Новое руководство во главе с генеральным секретарем Висенте Лавой твердо взяло курс на создание единого антияпонского фронта. В феврале 1942 г. в городке Бавит (пров. Нуэва-Эсиха) на конференции КПФ и руководимых коммунистами рабочих и крестьянских организаций был создан Национальный единый антияпонский фронт. В целях сплочения широких национальных сил коммунисты отказались временно в условиях оккупации от борьбы за чисто классовые интересы, объявив о роспуске Лиги тружеников и Национальной конфедерации крестьян. Главным лозунгом было: «Борьба против японцев — превыше всего». Программа Национального фронта включала сотрудничество с союзными нациями, достижение полной независимости, создание демократического правительства, обеспечение прожиточного минимума для всех филиппинцев, призывала к беспощадной борьбе с предателями и коллаборационистами. Платформа фронта, руководимого КПФ, привлекла часть левых профсоюзов, крестьянских, женских, молодежных организаций, представителей аглипаянской церкви и местного китайского населения.

29 марта 1942 г. на конференции, собранной Временным национальным советом единого фронта (в пров. Пампанга, у Монте Арайат), все созданные КПФ к этому времени партизанские отряды были объединены в Народную антияпонскую армию (Хукбалахап). В нее вошли также крестьянские отряды самообороны, создававшиеся в деревнях. Во главе Хукбалахап встали видные деятели КПФ, руководившие до войны крестьянским движением: главнокомандующим был назначен Луис Тарук, его заместителем — Касто Алехандро.

Руководство компартии во главе с В. Лавой добилось высокой боеспособности и идейно-политического единства бойцов Хукбалахап, основную массу которых составляли крестьяне. Благодаря гибкой и умелой тактике КПФ были преодолены анархистские тенденции, установлена строжайшая дисциплина, которой подчинялись и рядовые бойцы, и командиры, проводилась тщательная работа по подготовке командирских кадров. 216

Особое внимание уделялось политической и идейно-воспитательной работе среди хуков (так назывались бойцы Народной армии).

С мая 1942 г. отряды Хукбалахап начали военные операции в провинциях Центрального Лусона. Штаб армии находился в горном районе Пампанги (у Сан-Луиса). К концу лета 1942 г. в составе Хукбалахап действовало 35 рот, размещенных по пяти территориальным военным округам (все на Центральном Лусоне). Несмотря на сложные условия оккупации и нехватку оружия, Народная армия действовала активно и

организованно и сумела не только отразить крупные карательные экспедиции японцев в сентябре 1942 г., но и уничтожить более тысячи карателей. К концу 1942 г. в провинциях Центрального Лусона партизаны-хуки освободили ряд территорий. Здесь стали возникать крестьянские комитеты обороны, представлявшие собой демократические органы самоуправления, которые служили главной опорой Хукбалахап и основными каналами связи между армией и населением. Популярность Хукбалахап на Лусоне была очень большой, Народная армия пользовалась симпатиями и поддержкой местного населения.

В годы японской оккупации Коммунистическая партия Филиппин продолжала следовать установкам Коминтерна, проводя курс на сплочение всех патриотических, антифашистских сил в единый национальный фронт. Однако реализовать этот курс она так и не смогла. В условиях режима военной диктатуры, при отсутствии возможностей для тесных контактов между трудящимися города и деревни, рабочий класс и его авангард — коммунисты не могли полностью выполнить задачу по объединению усилий всего филиппинского народа в борьбе против японских захватчиков. Деятельность руководимой КПФ Народной армии ограничивалась Центральным Лусоном.

Помимо Хукбалахап на территории архипелага действовали многочисленные разрозненные подпольные группы и партизанские отряды. По некоторым данным, в партизанской борьбе участвовало около 400 тыс. филиппинцев, а в целом в антияпонском движении Сопротивления — до 1 млн. человек. Силы антияпонского Сопротивления отличались чрезвычайной разобщенностью и пестротой. Значительным числом антияпонских организаций руководили представители патриотической буржуазии и интеллигенции. В Маниле активно действовали организации «Свободные Филиппины» (с ней КПФ достигла договоренности о сотрудничестве), «Синий орел», «Лига национального освобождения». В Южном Лусоне было сформировано несколько партизанских отрядов, в том числе крупное подразделение под командованием американского офицера Андерсона. С отрядом Андерсона и некоторыми группами, руководимыми филиппинцами, командование Хукбалахап в 1943—1944 гг. заключало соглашения о координации военных действий. Партизанское движение развивалось также на Висайских островах (Панае, Негросе, Себу, Лейте, Самаре), где оно находилось под руководством буржуазных и мелкобуржуазных лидеров. На Минданао партизанские отряды создавались кадровыми военными — американскими и филиппинскими офицерами, отказавшимися выполнить приказ о капитуляции (на Минданао оставались 24 тыс. филиппинских солдат и 200 американских). Среди мусульманского населения Юго-Западного Минданао и Сулу также возникло антияпонское движение, которое возглавляли проамерикански настроенные дато. Но было и немало случаев, когда мору обращали оружие не против японских захватчиков, а против партизан-филиппинцев.

На растущее сопротивление филиппинского народа японские оккупанты отвечали усилением массового террора. Одновременно японское правительство продолжало изображать себя как освободителя Филиппин от колониального гнета США. 14 октября 1943 г. в Маниле была торжественно провозглашена «независимость» Филиппин в «сфере совместного процветания» и создано марионеточное правительство во главе с президентом Х. Лаурелем.

Изменение соотношения сил в Европе в пользу антифашистской коалиции (с 1943 г.) способствовало концентрации американских вооруженных сил в районе Тихого океана, подготовке к широким наступательным операциям. Макартур придавал особое значение успешному проведению военной кампании на Филиппинах, так как понимал, что престиж США в глазах филиппинцев сильно упал из-за беспомощности американского командования в начале войны. Американские империалисты опасались за собственные позиции на Филиппинах в случае победы антифашистских сил. Поэтому политика США была направлена на то, чтобы, взяв под контроль антияпонское партизанское движение, не допустить свержения японского режима силами филиппинцев до проведения наступательных операций американских войск на Филиппинах. Засланные в

1943 г. штабом Макарура специальные разведывательные отряды сумели почти полностью парализовать действия партизан на Минданао и Висайях. На Лусоне, где было сильно политическое влияние армии Хукбалахап, американцы с 1944 г. начали военные операции против хуков, используя для этой цели местные отряды ЮСАФФЕ.

Американские вооруженные силы к октябрю 1944 г. подготовились к военному наступлению на Филиппинах. Четыре дивизии под командованием Макарура высадились на Лейте 20 октября. Вместе с американскими войсками на Филиппины прибыл С. Осменя, ставший президентом после М. Кесона, умершего в США в августе 1944 г. Сразу же после высадки на Лейте Макарур выступил с официальным заявлением о том, что США признают единственной законной властью на Филиппинах автономное правительство, подчиняющееся верховной власти Соединенных Штатов.

В декабре 1944 г. американская армия, обладавшая многократным военным превосходством над противником, завершила операции по ликвидации японских сил на о-вах Лейте, Самар и Миндоро и подошла к Лусону. Действия американской армии вторжения на Лусоне пользовались серьезной поддержкой армии Хукбалахап, которая насчитывала в своих рядах к этому времени 10 тыс. бойцов и около 30 тыс. резервистов.

Американские войска высадились на Лусоне 9 января 1945 г. на побережье залива Лингаен, а затем двинулись через центральную равнину Лусона к Маниле. В начале февраля была взята Манила. Отступавшие японские части оказали отчаянное сопротивление, город подвергся чудовищному разрушению. Покидая Манилу, японцы уничтожили до 2 тыс. жителей, в том числе женщин и детей. Со взятием Манилы военная кампания на Филиппинах окончилась, оставшиеся на островах небольшие группы японцев были разбиты в июне—июле 1945 г.

После освобождения Филиппин от японских оккупантов американские империалисты стали прилагать все усилия, чтобы сохранить господство США на архипелаге. Правящие круги США были заинтересованы в ликвидации широкого демократического движения. Особые опасения у американцев вызывала Хукбалахап, проявившая себя как боеспособная, дисциплинированная, организованная армия. Еще в условиях незаконченных военных операций на Лусоне американское командование издало приказ о разоружении отрядов хуков. А в конце февраля по обвинению в подрывной деятельности были арестованы главнокомандующий Народной армией Л. Тарук, его заместитель К. Алехандро и пятеро командиров Хукбалахап. Компартия Филиппин оказалась в трудном положении, поскольку общественное мнение филиппинцев в этот период складывалось в пользу американцев, которых население встретило с большим энтузиазмом как освободителей от тяжелого японского ига. Тем не менее коммунисты сумели организовать массовые демонстрации протеста, в результате которых Тарук и Алехандро были освобождены из тюрьмы в марте 1945 г.

Война нанесла колоссальный урон людским и материальным ресурсам Филиппин. В боях и от руки японских оккупантов погибло около 120 тыс. филиппинцев. Манила и все крупные города и порты страны были превращены в руины. Без крова остались 2 млн. жителей. Только прямые убытки от военных действий составили 1250 млн. долл. Огромный ущерб был причинен сельскому хозяйству, были почти полностью разрушены основные отрасли промышленности, выведены из строя шахты, рудники, железные дороги, электростанции. В состоянии послевоенной экономической разрухи Филиппины вступили в новый этап своего развития.

Глава XII

ЗАВОЕВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1945—1946 гг. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Окончание войны вызвало на Филиппинах всенародный патриотический подъем. Годы борьбы против японских оккупантов способствовали росту политической активности и национального самосознания филиппинцев. На положение в стране влияла новая международная обстановка — изменение соотношения сил в пользу социализма и демократии в результате разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии, рождение мировой социалистической системы, подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, неумолимо приближавший крах колониализма.

В этих условиях на Филиппинах особую остроту приобрел вопрос о достижении национальной независимости. Рабоче-крестьянские массы, интеллигенция, городские мелкобуржуазные слои, патриотические круги национальной буржуазии выступали за полную независимость и обеспечение самостоятельного экономического и политического развития. Реакционные силы были представлены блоком помещиков, бюрократии, крупной, главным образом посреднической, буржуазии, тесно связанным с американским империализмом. В военный период эти силы активно сотрудничали с японскими оккупантами. Заинтересованные в сохранении своих экономических и политических позиций и опасаясь развития общественной борьбы в направлении глубоких подлинно демократических преобразований, они были готовы пойти на сделку с американскими империалистами за счет национальных интересов своей родины.

Учитывая расстановку классовых и политических сил в стране, Коммунистическая партия Филиппин, находившаяся на легальном положении, повела борьбу за создание единого национально-демократического фронта. За годы войны коммунисты накопили серьезный опыт организаторской и политической работы в массах. Одним из показателей роста авторитета КПФ среди трудящихся было значительное увеличение ее рядов — с 1,5 тыс. членов накануне войны до 5—6 тыс. к концу 40-х годов.

По инициативе компартии в апреле 1945 г. в Маниле был организован новый профсоюзный центр — Конгресс рабочих организаций (КРО). В его состав вошли и чисто рабочие союзы, и организации служащих и интеллигенции. Председателем КРО был избран Амадо Эрнандес (1903—1970), выдающийся филиппинский поэт, популярный журналист, командир одного из партизанских отрядов, действовавших во время войны на юге Лусона. Эрнандес и члены руководства КРО из мелкобуржуазной интеллигенции не были членами Коммунистической партии, но в его руководящем составе были и коммунисты. Вице-председателем КРО стал известный лидер компартии Г. Кападосия, занимавший перед войной пост генерального секретаря КПФ. Программа Конгресса рабочих организаций включала рабочие и демократические общенациональные требования. Сфера деятельности КРО охватывала Манилу и Лусон, в его состав входило 80 тыс. членов профсоюзов (из них 35 тыс. — рабочих и служащих столицы).

На Висайских островах стала вновь действовать Филиппинская рабочая федерация (ФРФ) — крупный профсоюзный центр, объединивший 70 тыс. рабочих, который возглавлял Х. Нава. Между КРО и ФРФ существовало соглашение о единстве действий.

В мае 1945 г. на базе довоенных организаций Лиги тружеников и Национальной конфедерации крестьян было создано новое объединение — Национальный крестьянский союз (НКС). Его председателем стал М. Кастильо, вице-председателем — Х. Фелео — опытные лидеры, в течение многих лет руководившие крестьянским движением. НКС быстро вырос в массовую организацию, объединившую в своих рядах до 400 тыс. крестьян (главным образом в Центральном Лусоне).

Последовательно проводя линию на создание единого национального фронта, компартия приняла решение (на пленуме ЦК партии в июне 1945 г.) о присоединении КПФ и руководимых коммунистами массовых организаций к Демократическому альянсу, который был образован в мае 1945 г. В состав альянса кроме КПФ входили КРО, ФРФ, НКС, Хукбалахап и ряд патриотических организаций интеллигенции и буржуазии, в том

числе Союз гражданских свобод (один из основателей Демократического альянса), Лига национального освобождения и др. Председателем Демократического альянса был лидер Союза гражданских свобод Х. Баррера — в годы войны активный участник движения Сопротивления, возглавлявший организацию «Свободные Филиппины», в составе руководства было несколько лидеров КПФ (В. Лава, М. Бальгос, Х. Фелео и др.). Вокруг программы, выдвинутой Демократическим альянсом, стали объединяться самые широкие слои общества. Она включала требования полной политической и экономической независимости, осуществления политики промышленного развития, проведения аграрной реформы, обеспечения гражданских прав и свобод, провозглашенных конституцией 1935 г., укрепления национального единства против фашизма и реакции, наказания коллаборационистов. В этот период компартия проводила политику использования мирных средств борьбы для достижения независимости в те сроки и в той форме, которые были определены Законом Тайдингса—Макдаффи, призывая к сотрудничеству с правительством Осменя.

Американцы ориентировались на наиболее правые помещичье- и буржуазно-бюрократические круги, на ту часть местной элиты, которая в годы войны активно сотрудничала с японскими оккупационными властями. Различными способами противодействуя требованиям филиппинской общественности о наказании коллаборационистов, американская военная администрация (сразу же после возвращения на Филиппины) стала проводить курс на реабилитацию всех крупных буржуазно-помещичьих деятелей, сотрудничавших с японцами, рассчитывая приобрести в их лице надежную политическую опору. Тревогу американских властей вызывал рост национально-освободительного движения. В начале апреля 1945 г. американцы перешли к репрессивным акциям в отношении руководства Народной армии — были вновь арестованы Тарук, Алехандрино и ряд других командиров хуков¹. В обстановке, когда реакция, опираясь на американский империализм, консолидировала свои силы, компартия приняла решение воздержаться от разоружения частей хуков. Только после капитуляции Японии армия Хукбалахап объявила о самороспуске. Однако члены созданной из бывших партизан-хуков Лиги ветеранов Хукбалахап сохраняли свое личное оружие.

Окончательный разгром японского милитаризма способствовал дальнейшему подъему национально-освободительного, антиимпериалистического движения в странах Азии. На Филиппинах с осени 1945 г. активизировалась борьба левых сил, выступавших под лозунгами, которые выдвигались Демократическим альянсом. Опасаясь социального взрыва, американские власти были вынуждены пойти на уступки демократической общественности по самому кардинальному вопросу — предоставлению независимости. В обстановке мощного всенародного подъема они были поставлены перед необходимостью выполнить обещание и провозгласить независимость Филиппин, поскольку истек определенный Законом Тайдингса—Макдаффи 10-летний переходный период.

Решившись на предоставление государственной независимости Филиппинам, США не собирались отказываться от экономического и военно-политического контроля над этой страной. Они удвоили усилия по привлечению местной реакционной верхушки. Из ее представителей американцы планировали сформировать послушное правительство. С. Осменя, в прошлом известный соглашательской политикой в отношении американских империалистов, перестал устраивать США, так как после войны вокруг автономного правительства начала группироваться патриотическая национальная буржуазия. Поэтому на пост будущего главы независимых Филиппин американцы наметили Мануэля Рохаса — одного из правых лидеров Партии националистов, представителя наиболее реакционных буржуазно-помещичьих кругов. Примечательны этапы его политической биографии. В начале 30-х годов Рохас откровенно высказывал профашистские взгляды, называл себя приверженцем Муссолини и организовал

¹ Руководители Хукбалахап были освобождены из-под ареста спустя полгода в результате массовой кампании протеста, организованной Коммунистической партией Филиппин.

антикоммунистическое террористическое общество «Новый Катипунан». В период борьбы вокруг первого закона об автономии 1932 г. вместе с Осменей он возглавлял группу «прос» — сторонников принятия этого закона в Партии националистов, объединявшую консервативные помещичье-буржуазные круги. С восстановлением единства Партии националистов занимал ряд ответственных постов в автономном правительстве Кесона. В годы японской оккупации Рохас стал известен как крупнейший коллаборационист. Японцы назначили его главой так называемого Комитета экономического планирования, через который японские монополии осуществляли контроль над экономикой Филиппин. В марионеточном правительстве Лауреля он занимал министерский пост. Несмотря на то что Рохас был скомпрометирован в глазах широкой общественности, требовавшей его наказания за коллаборационизм, американцы делали основную ставку именно на эту фигуру.

Американские правящие круги старались также заранее обеспечить сохранение господства монополистического капитала США в экономике Филиппин. В октябре 1945 г. в палату представителей конгресса США был внесен законопроект, разработанный конгрессменом Джаспером Беллом. Он предусматривал обязательное подписание Филиппинами в момент провозглашения независимости торгового соглашения с США, условия которого носили кабальный характер. Режим беспошлинной торговли между Филиппинами и США предполагалось сохранить до 1954 г., после чего товары обеих стран подлежали постепенно возрастающему таможенному обложению — от 5% в 1954 г. до 100% в 1974 г. Вводилась система квотирования основных видов филиппинской продукции, ввозившейся в США (сахар, абака, табачные изделия, кокосовое масло), с постепенным снижением ограничений (до 0 к 1974 г.). Закон Белла предусматривал внесение в филиппинскую конституцию специальной поправки, заключавшейся в том, что американцам предоставлялись равные (паритетные) с филиппинскими гражданами права на эксплуатацию природных богатств и владение коммунальными предприятиями. Законом устанавливался принудительный курс песо по отношению к доллару (2:1), американские предприниматели наделялись правом свободного перевода капиталов с Филиппин в США.

Известие об одобрении Закона Белла американским конгрессом вызвало волну протеста на Филиппинах. Против кабальных условий, содержащихся в законе, выступили Демократический альянс, многие рабочие, крестьянские, молодежные организации, группировки патриотической буржуазии, часть членов Партии националистов. С поддержкой Закона Белла выступали лишь крупные помещики и та часть крупной местной посреднической буржуазии, которая была связана с американскими монополиями.

Американцы могли рассчитывать на утверждение Закона Белла будущим филиппинским конгрессом лишь при соотношении сил в пользу местной реакционной буржуазно-помещичьей верхушки. Кандидатура ее ставленника, Рохаса, была официально выдвинута на пост президента в январе 1946 г. Президентские выборы были назначены на апрель 1946 г.

Демократический альянс выступил с поддержкой кандидатуры Осменьи. Между руководством альянса и группой Осменьи в январе 1946 г. была достигнута договоренность о создании совместного избирательного блока. Начиная с лета 1945 г. руководители Демократического альянса неоднократно предлагали Осменье сотрудничество в предвыборной кампании. Однако позиция Осменьи и его группировки отличалась крайней осторожностью и противоречивостью. Осменья не сразу решился воспользоваться поддержкой левых демократических сил. Его правительство всячески старалось не обострять отношений с американской администрацией, проводило непоследовательную политику в отношении коллаборационистов, но в то же время в отдельных случаях действовало в интересах трудящихся масс.

В условиях усиления политической напряженности по мере приближения выборов и срока провозглашения независимости особое значение приобретала позиция коммунистов. Первоначально в руководстве компартии не было единства по вопросу о предвыборной тактике. Некоторые лидеры КПФ выступили против коалиции с Партией националистов и поддержки кандидатуры Осменьи, причем в оценке его позиций не делали никаких различий с группировкой Рохаса. Сторонники этих взглядов предлагали выставить самостоятельную кандидатуру на пост президента от имени Демократического альянса. Ошибочность их позиции разъяснялась в ряде выступлений В. Лавы, вызвавших острую полемику в КПФ. В конце концов возобладала точка зрения о необходимости выступления вместе с группировкой Осменьи, за которой шли патриотические буржуазные и мелкобуржуазные слои, пользовавшиеся влиянием в рабоче-крестьянских массах. Тактическая линия КПФ была подтверждена в конце февраля — начале марта 1946 г. на V съезде Коммунистической партии. Сохраняя идейно-политическую и организационную самостоятельность, КПФ действовала в составе избирательного блока, включавшего помимо компартии Демократический альянс и Партию националистов.

В январе 1946 г., после того как Осменья вступил в избирательную коалицию с Демократическим альянсом, группировка Рохаса вышла из Партии националистов, образовав новую самостоятельную партию — Либеральную. Основание Либеральной партии положило начало функционированию на Филиппинах двухпартийной системы по образцу США². В новую партию, созданную Рохасом, вошло большинство профессиональных «политикос» — бывших членов Партии националистов. Либералы получили поддержку со стороны помещиков-касигов, представителей крупного бизнеса, бюрократии.

С Осменьей остались либерально-реформистские круги Партии националистов, представлявшие интересы главным образом средней и мелкой национальной буржуазии.

Избирательная коалиция демократических сил вела предвыборную агитацию на основе программы, выдвинутой Демократическим альянсом и привлекавшей широкие народные массы. В условиях действительно демократической процедуры выборов левый блок мог рассчитывать на успех.

Между тем американские империалисты приложили все усилия, чтобы обеспечить победу на выборах группировке Рохаса. Либеральная партия пользовалась по существу неограниченными финансовыми ресурсами, в руках реакционеров находились средства массовой информации, на их стороне действовали военно-полицейские силы. Рохасом и его приверженцами много делалось по обработке избирателей, в особенности рабочих и крестьян, которым раздавались многочисленные демагогические обещания. Широко применялась практика подкупа избирателей. Накануне и в день выборов набранные сторонниками Рохаса вооруженные банды прибегали к открытому террору и запугиванию населения.

Рохасу удалось победить с очень небольшим преимуществом: он собрал 54% голосов (за него было отдано 1333 тыс. голосов, за Осменью — 1130 тыс.). Вице-президентом был избран Эльпидио Кирино, профессиональный политик, один из ближайших сподвижников Рохаса. В обеих палатах депутаты-либералы обладали незначительным перевесом над националистами и кандидатами Демократического альянса³. Поэтому Рохас пошел на откровенную махинацию, объявив недействительными мандаты ряда депутатов, противников Либеральной партии. В результате из состава

² Двухпартийная система возникла при господстве США на Филиппинах еще в начале XX в., но практически стабильное господствующее положение в политической жизни занимала Партия националистов. «Параллельные» партии возникали в преддверии выборов, но, как правило, они были намного слабее Партии националистов и быстро прекращали существование.

³ На выборах в конгресс Демократический альянс и Партия националистов выставляли отдельные списки кандидатов.

конгресса были выведены восемь депутатов от Демократического альянса и три сенатора от Партии националистов.

Победа Рохаса и Либеральной партии означала приход к власти реакционного блока крупных помещиков и буржуазии, готового принять те условия провозглашения независимости, которые диктовались Соединенными Штатами.

Торжественное провозглашение независимости состоялось 4 июля 1946 г.⁴. Государственное устройство Филиппин, определенное конституцией 1935 г., было целиком скопировано с американских образцов: президентская форма правления, двухпалатный конгресс в качестве высшего законодательного органа, двухпартийная система, президентские выборы, проводившиеся каждые четыре года. В день провозглашения независимости Рохас подписал Договор об основах взаимоотношений между США и Филиппинами, подтверждавший передачу американцами суверенитета над Филиппинскими островами в руки правительства республики и одновременно включавший статью о сохранении на архипелаге военных баз США впредь до заключения в двухлетний срок особого соглашения об их статусе. В марте 1947 г. были подписаны два военных соглашения. Согласно первому (о базах), в пользование США на 99 лет передавалось 23 участка на территории архипелага. Другое соглашение (о военной помощи) ставило вооруженные силы Филиппин под контроль американских военных советников.

Одновременно с Договором об основах взаимоотношений между США и Филиппинами было подписано филиппино-американское Соглашение о торговле (его подписание выдвигалось США как одно из обязательных условий предоставления независимости), по существу полностью повторявшее Закон Белла. Таким образом, Соглашение о торговле 1946 г. обеспечивало американским монополиям их прежние позиции в экономике бывшей колонии.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФИЛИППИН

Завоевание политической независимости, являясь фактором огромной исторической важности, итогом многолетней борьбы филиппинского народа, было тем не менее лишь первым шагом к действительно самостоятельному существованию. Перед молодой Филиппинской республикой, как перед любой страной, сбросившей колониальное иго, встал целый ряд сложнейших проблем, прежде всего социально-экономических, от решения которых зависело ее будущее развитие. Положение осложнялось зависимостью от американского империализма, соотношением политических сил внутри страны, при котором командные позиции в государстве занимали представители реакционной буржуазно-помещичьей верхушки, действовавшей вопреки интересам широких народных масс.

Война не внесла почти никаких изменений в положение помещиков-касиков и верхнего слоя крупной местной буржуазии. Представители довоенного поколения крупных филиппинских капиталистов, утратив в период оккупации основной источник доходов от посреднических операций с американскими фирмами, сумели сохранить и увеличить свои состояния, переориентировавшись на обслуживание японских монополий. Та часть крупной филиппинской монополистической буржуазии, которая отказалась встать на путь экономического коллаборационизма и эмигрировала в США, уже в первые послевоенные годы стала быстро восстанавливать прежние позиции, используя традиционные связи с американским капиталом. Представители довоенных династий крупнейших финансовых и торгово-промышленных магнатов — Элисалде, Юло,

---

⁴ До начала 70-х годов на Филиппинах, как и в США, День независимости отмечался 4 июля, но затем этот национальный праздник был перенесен на 12 июня — день провозглашения независимой Филиппинской республики в Кавите в 1898 г., в период национально-освободительной революции.

Мадригаль и др. — заняли ответственные государственные посты наряду с выходцами из помещичьей элиты. Таким образом, процесс сращивания помещиков-касикиков и крупной буржуазии с бюрократией продолжался после достижения независимости, способствуя образованию узкой реакционной олигархической верхушки. Из состава правящей буржуазно-помещичьей элиты стали формироваться сменявшие друг друга правительства, ее интересы защищали «политикос» в обеих основных политических партиях. Однако со временем власть олигархической верхушки стала встречать растущее противодействие со стороны социальных и политических сил, выросших после достижения независимости.

Одним из знаменательных социальных сдвигов послевоенных лет было появление и быстрое развитие слоя новой крупной национальной буржуазии. Ее зарождение началось в военный период в условиях разрушения традиционных экономических связей с США. Новое поколение филиппинской буржуазии росло преимущественно за счет нуворишей, наживших крупные состояния в годы оккупации (с помощью спекуляций, разного рода сделок с японцами и т. д.), и частично из среды мелких предпринимателей, которые в военное время перешли к производству некоторых потребительских товаров, прежде ввозившихся из США. Новая буржуазия в отличие от старого поколения местных капиталистов была в значительно меньшей степени связана с помещичьим классом и американским капиталом, с внешним рынком. Она формировалась главным образом как торгово-промышленная буржуазия, ориентирующаяся на внутренний рынок и потому заинтересованная в осуществлении индустриализации и общей модернизации социально-экономической структуры Филиппин в интересах развития капитализма. Экономические устремления новой буржуазии приводили к росту ее противоречий с империализмом, местным помещичьим землевладением и связанным с ними старым слоем местных капиталистов. Совокупность этих противоречий получала отражение в социально-экономическом развитии Филиппин, воздействовала на государственную политику в области экономики.

В первые годы периода экономического восстановления (1946—1954) происходило воссоздание старой колониальной структуры хозяйства. Направление экономического развития определялось интересами американских монополий. Согласно Закону о восстановлении, принятому конгрессом США в 1946 г., американцы предоставили Филиппинам 520 млн. долл. Эти средства в первую очередь поступали в распоряжение американских фирм, действовавших на Филиппинах, и связанных с ними филиппинских посредников. Американский капитал оказывал активную поддержку филиппинским монополистам довоенного поколения, которые уже в 1947—1948 гг. восстановили довоенные позиции и наращивали капиталы, сотрудничая с американскими монополиями.

США проводили политику, направленную на сохранение бывшей колонии в качестве источника аграрного и минерального сырья, в котором нуждалось хозяйство Соединенных Штатов, и рынка сбыта американских потребительских товаров. В конце 40-х годов на долю США приходилось более половины филиппинского экспорта, Филиппины же свыше 80% потребительских товаров ввозили из США.

Ведущей отраслью филиппинской экономики было сельское хозяйство — в первые послевоенные годы в нем было занято около 70% самодеятельного населения; в 1946 г. на его долю приходилось 45% национального дохода.

Нетронутой оставалась отсталая полуфеодалная структура деревни. Помещичья земельная собственность составляла до 60% всех земельных площадей, находившихся в частном владении (за время войны земли помещиков не только не пострадали, но площадь их выросла за счет разорения крестьян). Господствовали традиционные полуфеодалные методы эксплуатации, основанные на различных формах издольщины. Отсталые аграрные отношения являлись главным тормозом на пути капитализации земледелия, препятствием для общего экономического развития. Нерешенность аграрного вопроса служила источником постоянной социальной напряженности в сельских районах, особенно в рисоводческих — в Центральном Лусоне, где свыше 80% крестьян принадлежали к

безземельным арендаторам-издольщикам, вынужденным отдавать помещику половину и больше урожая. Пытаясь смягчить аграрные противоречия, администрация Рохаса приняла в августе 1946 г. Закон об издольной аренде рисовых полей. Он не отличался принципиально от аграрных законов, принятых в свое время автономным правительством. Закон 1946 г. предусматривал повышение доли арендатора при разделе урожая до 70% при условии, если крестьянин владел собственным карабао и инвентарем (в остальных случаях арендная плата не должна была превышать 50% урожая), и выкуп государством части имений у крупных землевладельцев для перепродажи арендаторам (по цене, оказавшейся недоступной для крестьян). Этот закон, несмотря на его ограниченность, остался на бумаге, так как попытки проведения его в жизнь были блокированы помещиками.

В экономической жизни послевоенных Филиппин начали действовать и новые тенденции. Они отражали стремление филиппинской буржуазии к захвату господствующих экономических позиций и объективно были направлены на преодоление колониальной структуры хозяйства и создание независимой экономики. Эти устремления наиболее отчетливо проявляли новые слои крупной и средней национальной буржуазии. Интересы буржуазии стали непосредственно воздействовать на государственную экономическую политику. В послевоенные годы государство начало проводить курс на поощрение и поддержку национального капитала.

С начала 50-х годов в экономическом развитии Филиппин наметилась тенденция к расширению национального промышленного предпринимательства. Задача создания национальной индустрии осложнялась многими факторами — нехваткой капиталов для инвестирования в промышленное производство, отсутствием технической базы, узостью внутреннего рынка (из-за нерешенного аграрного вопроса). Основным внешним фактором, стоявшим на пути развития национального предпринимательства, была экономическая зависимость от США, закрепленная неравноправными соглашениями. В конце 40-х — начале 50-х годов государство приняло некоторые меры по поддержке национального капитала, защите его от конкуренции с иностранным. В 1946 г. был принят Закон о новых и необходимых отраслях, который предусматривал освобождение от налогов компаний и предпринимателей, соорудивших новые фабрики и заводы, выделение правительственных субсидий на закупку оборудования и сырья, ограничение или запрещение импорта товаров, могущих конкурировать с продукцией новых предприятий.

Для стимулирования развития национальной промышленности с 1949 г. была введена система валютно-импортного контроля. Закон о контроле импорта предусматривал сокращение на 50—80% ввоза товаров, не входивших в категорию «необходимых». Распределение иностранной валюты для импорта контролировалось государством, причем предпочтение отдавалось национальным компаниям и предпринимателям, действовавшим в новых отраслях.

В восстановительный период усилилась регулирующая роль государства для обеспечения условий развития частного сектора, поскольку основой правительственной политики была ориентация на развитие частного предпринимательства. К мерам по государственному регулированию относился Закон о новых и необходимых отраслях, содержащий привилегии и льготы для частных предпринимателей в целях поощрения их инициативы и определявший направление вложений частного капитала. Учрежденный в 1948 г. Центральный банк Филиппин получил исключительное право денежной эмиссии и приступил к регулированию инвестиционной политики частных банков. Для преодоления нехватки капиталов расширилась практика государственного субсидирования частных предпринимателей. В то же время госсектор стал расти за счет создания ряда государственно-капиталистических и частногосударственных предприятий⁵. Управление и

---

⁵ В начале 50-х годов госсектору принадлежали текстильные фабрики, цементный и электротехнический заводы, на государственные средства осуществлялось строительство электростанций.

финансирование промышленного строительства осуществлялось через государственные экономические корпорации. Были восстановлены Компания национального развития и ряд других корпораций, учрежденных в период автономии, и созданы новые, в том числе такие крупные, как Национальное управление по рису и кукурузе (НАРИК) и Корпорация финансирования восстановления. В начале 50-х годов изменилась инвестиционная политика США. По сравнению с первыми послевоенными годами приток частных инвестиций из США заметно увеличился. С 1950 г. ежегодно в страну ввозилось около 40 млн. долл. частных капиталов из США (в то время как за первые четыре года после войны на Филиппины из США поступило 60 млн. долл. в качестве инвестиций), в 1954 г. объем американских капиталовложений увеличился до 550 млн. долл. Если в начале восстановительного периода американцы вкладывали капиталы в традиционные отрасли, то теперь значительные американские инвестиции направлялись на создание промышленных предприятий, в том числе в новых отраслях. Американские монополии к концу восстановительного периода начали строить первые предприятия тяжелых отраслей (заводы электро- и промышленного оборудования, по сборке автомобилей и др.). Советские исследователи обращают внимание на то, что новое направление американских капиталовложений определялось не только самими монополиями, но и внутренними условиями, сложившимися на Филиппинах, в частности политикой национальной буржуазии. Заинтересованная в ускорении капиталистического развития, она стремилась воздействовать на американских инвесторов в сторону увеличения капиталовложений в промышленность.

Стал меняться и характер связей между американским и филиппинским капиталами. В колониальный период основной формой этих связей было торговое посредничество, обогащавшее верхушку крупной буржуазии. После достижения независимости все более широкое распространение получала практика создания смешанных компаний. Она была выгодна американским монополиям, поскольку они таким способом могли расширить свою деятельность на Филиппинах. В организации смешанных предприятий были заинтересованы и филиппинские капиталисты, стремившиеся с помощью этой меры восполнить недостаток собственных капиталов. В смешанных американо-филиппинских компаниях участвовали главным образом представители старой монополистической буржуазии, которые все активнее обращались к промышленному предпринимательству (связи с американским капиталом новой буржуазии были намного слабее — эта буржуазия ориентировалась на сотрудничество с японскими и другими западными, неамериканскими монополиями).

С развитием промышленного производства ускорился рост новой крупной промышленной буржуазии. В начале 50-х годов выделилась группа крупных национальных предпринимателей — Х. Марселе, Г. Пуйят, А. Аранета и др., интересы которых были обращены на индустриализацию и ускорение капиталистического развития. Представители этого слоя буржуазии стали успешно конкурировать со старым поколением филиппинских монополистов и проявлять стремление к расширению своего влияния на государственную политику.

Противоречия внутри филиппинской буржуазии обострились в конце 40-х — начале 50-х годов из-за торгового соглашения 1946 г. Верхушка старой посреднической буржуазии, тесно связанная, с американскими монополиями и получавшая высокие прибыли от беспошлинной торговли с США, одобряла условия торгового соглашения. Национальная буржуазия, интересы которой были ущемлены соглашением, начала борьбу против него с первых дней независимого существования Филиппин. В движении за пересмотр соглашения участвовали крупные капиталисты новой формации (Пуйят, Аранета и др.), группировавшиеся вокруг Торговой палаты Филиппин, представители средней и мелкой буржуазии. Особое возмущение вызвала статья о «паритетных» правах (поправка в конституцию о «паритете» была незаконно проведена Рохасом в филиппинском конгрессе в марте 1947 г.). Правительства Рохаса (1946—1948) и Кирино

(1948—1954), действуя в интересах американских империалистов и местной буржуазно-помещичьей элиты, длительное время сопротивлялись давлению со стороны национальной буржуазии. В конце концов Кирино вынужден был уступить и в 1953 г. начал переговоры с правительством США о пересмотре Соглашения о торговле 1946 г.

Противоречия внутри господствующих классов получили отражение в политической и межпартийной борьбе. Показательны в этом смысле президентские выборы 1949 г. Оппозиция была представлена Партией националистов, где сильным влиянием пользовалась группа Лауреля — Ректо (после официальной реабилитации коллаборационистов в январе 1948 г., осуществленной Рохасом, они вернулись к активной политической деятельности). Группа Лауреля — Ректо отражала интересы той части буржуазии, которая выступала за более независимый внешнеполитический курс и освобождение филиппинской экономики от контроля американских империалистов. Хотя националисты отказались от сотрудничества с Демократическим альянсом (Осменя вышел из коалиции вскоре после выборов 1946 г.), они по-прежнему пользовались значительной поддержкой широких масс, особенно в обстановке всеобщего недовольства политикой Либеральной партии. Кандидатура Лауреля была выдвинута на пост президента в 1949 г. Партией националистов. Его предвыборная программа включала обещание пересмотра торгового соглашения 1946 г. и принятия мер в интересах независимого экономического развития. Непопулярность Либеральной партии была столь очевидна, что Кирино (с апреля 1948 г., после смерти Рохаса, он автоматически стал президентом), добивавшийся своего избрания президентом на новый срок, действовал с помощью откровенных махинаций, подделок бюллетеней, подкупа избирателей, запугивания и открытого террора. Избирательная кампания 1949 г. считается одной из самых кровавых и скандальных в истории Филиппин после 1946 г. Решающую роль в обеспечении победы Кирино сыграла поддержка американцев, весьма прохладно относившихся к кандидатуре Лауреля.

С 1946 г. на Филиппинах утвердился реакционный внутривнутриполитический курс, направленный на подавление прогрессивных демократических сил. Его начал проводить Рохас, сторонник диктаторских методов управления, опиравшийся на поддержку правящего буржуазно-помещичьего блока. С провозглашением независимости антиимпериалистический аспект общественной борьбы стал несколько ослабевать, но общие масштабы демократического движения, в особенности классовых выступлений трудящихся, были велики. Усилению классовой борьбы трудящихся способствовала послевоенная экономическая разруха, сопровождавшаяся резким падением уровня жизни народных масс. 1946—1947 годы были заполнены стачечной борьбой рабочих и частыми аграрными волнениями, особенно сильными в исконном районе крестьянских движений — в Центральном Лусоне. Правительство Рохаса направило главный удар на разгром крестьянского движения. Кампания по подавлению крестьянской борьбы террористическими методами, с использованием помещичьих вооруженных банд, военной полиции и отрядов гражданских гвардейцев, началась весной 1946 г. Она усилилась к лету — после появления правительственного указа о запрещении частным лицам владеть огнестрельным оружием, который был направлен против бывших партизан-хуков и крестьян, создававших в деревнях отряды самообороны для защиты от помещичьих банд. Тогда же руководители Лиги ветеранов Хукбалахап и Национального крестьянского союза начали переговоры с правительством об условиях сдачи оружия, выдвинув в качестве главного условия удовлетворение крестьянских требований. Эти переговоры не дали результатов. Правительство продолжало организацию карательных экспедиций против крестьян. В конце лета 1946 г. в результате одного из крупных рейдов карателей погиб ряд крестьянских лидеров, в том числе известный деятель КПФ Хуан Фелео. Одновременно с террористическими акциями в отношении крестьян Рохас начал наступление на левые демократические организации и союзы. В 1947 г. была создана комиссия по расследованию антифилиппинской деятельности. В марте 1948 г. была

запрещена деятельность НКС и Лиги ветеранов Хукбалахап. Вслед за тем в октябре 1948 г. была объявлена вне закона Коммунистическая партия Филиппин. С приходом к власти Кирино правительство продолжало политику военного подавления крестьянского движения, которое в Центральном Лусоне переросло в крестьянскую войну.

К этому времени произошло серьезное изменение в стратегической линии Коммунистической партии. В 1946—1947 гг., действуя в сложных условиях наступления реакции, КПФ проводила политику расширения единого антиимпериалистического антифеодалного фронта (предполагая сотрудничество с патриотическими кругами национальной буржуазии, мелкобуржуазными и средними слоями), усиления связей с рабоче-крестьянскими массами, сочетания легальных и нелегальных методов борьбы. Эта линия получила отражение в тезисах В. Лавы, появившихся в мае 1946 г., и в решениях расширенного пленума ЦК КПФ в феврале 1947 г. Против стратегического курса КПФ выступила группа ее руководителей (главным образом выходцев из бывшей Социалистической партии, представителей военного руководства Хукбалахап, тесно связанных с крестьянским движением), которые требовали немедленного перехода к вооруженному восстанию и захвату власти. Они исходили из абсолютизации вооруженных методов борьбы, видя в них единственный способ решения стоявших перед народом проблем, выдвигали в качестве главной революционной силы крестьянство, ориентируясь на сохранение центра тяжести вооруженного восстания в деревне (как это происходило в годы японской оккупации).

В результате острой внутривнутрипартийной борьбы в мае 1948 г. произошла смена руководства компартии, в составе Политбюро и ЦК КПФ возобладали сторонники курса на вооруженное свержение правительства. Подобный поворот в политике КПФ оказался возможным прежде всего из-за изменения социального состава компартии, которое произошло за годы войны, когда КПФ росла исключительно за счет крестьян. Это объяснялось специфическими условиями того времени — развертыванием движения Сопротивления, руководимого коммунистами в сельских районах, почти полным отсутствием связи с городским пролетариатом, физическим уничтожением японскими карателями многих рабочих активистов и пролетарских лидеров довоенного поколения. В результате после окончания войны состав партии стал преимущественно крестьянским. Сохранившемуся пролетарскому ядру руководителей было все труднее бороться с проникновением в ряды коммунистов влияния мелкобуржуазной и крестьянско-патриархальной идеологии. Следует учитывать и чрезвычайно сложную внутривнутриполитическую обстановку на Филиппинах 40-х годов — поражение единого фронта на выборах 1946 г.; приход к власти наиболее реакционных политических кругов; курс, взятый правительством на подавление всех левых, прогрессивных сил; отказ от демократических преобразований. Все это в сочетании с экономической разрухой и ухудшением материального положения трудящихся не могло не породить настроений разочарования и отчаяния и создать почву для развития левозэкстремистских взглядов и выступлений. Очаг вооруженной борьбы крестьян в Центральном Лусоне еще более накалял политическую атмосферу.

В сложившихся условиях новое руководство компартии заняло позицию, которая не была продиктована объективным развитием событий. Новая стратегическая линия была принята без учета реально существующей обстановки, характеризовавшейся отсутствием в стране революционной ситуации и необходимой для успешного революционного восстания массовой базы у КПФ, поскольку влияние компартии ограничивалось в основном сельскими районами Центрального Лусона. Не учитывалось и то обстоятельство, что филиппинцы только что добились провозглашения независимости. Призывы к свержению национального правительства не могли встретить сочувствия в широких слоях филиппинского общества. Не принималось в расчет и военно-техническое преимущество правительственных вооруженных сил, а также то, что армия была полностью лояльна по отношению к правительству, не учитывалось и наличие военно-

экономической помощи со стороны США. Так что крестьянское восстание 1948—1953 гг., возглавленное КПФ, было с самого начала обречено на неудачу.

Территориально действия повстанческой армии ограничивались горными районами Центрального Лусона (в провинциях Пампанга, Тарлак, Нуэва-Эсиха, Батангас, Рисаль). Основными боевыми подразделениями были отряды бывших партизан-хуков. Политическое руководство осуществлялось через внешнее (действовавшее в повстанческих районах) и внутреннее Политбюро (штаб-квартира последнего находилась в Маниле). 1949 год — первая половина 1950 г. были периодом наиболее активных военных действий Народной армии. В начале 1950 г. она приняла новое название — Армия освобождения страны (АОС). К лету 1950 г. в рядах АОС сражалось около 10 тыс. хуков. Весной 1950 г. АОС осуществила ряд наступательных операций. Планировавшееся на ноябрь крупное наступление повстанческих сил не было осуществлено из-за активизации действий правительства.

План разгрома восстания был разработан новым министром обороны Рамоном Магсайсаем, бывшим до назначения на этот пост депутатом конгресса от провинции Самбалес. Магсайсай обладал значительным военным опытом и хорошо разбирался в тактике партизанской войны — в годы оккупации он участвовал в движении Сопrotивления, затем служил в ЮСАФФЕ и в 1945 г. занимал пост военного губернатора провинции Самба-лес. Под его руководством была осуществлена акция по аресту в Маниле членов внутреннего Политбюро, местопребывание которых было раскрыто специально засланным осведомителем. В результате 18 октября 1950 г. полиция арестовала многих известных руководителей КПФ, в числе которых были Хосе Лава, Ф. Макланг, Р. Эспириту и др. Всего было схвачено 105 активистов компартии. Против повстанцев были брошены части регулярной армии, численность которой была увеличена до 22,5 тыс. Большую роль в разгроме восстания играла американская военно-экономическая помощь. С лета 1950 г. на Филиппинах работала специальная Американская миссия (Миссия Белла) по обследованию экономического положения в стране. Правительство Кирино получило в 1950 г. от США финансовую помощь в размере 250 млн. долл. В 1951 г. было подписано филиппино-американское соглашение о взаимном обеспечении безопасности, предусматривавшее поставки оружия. Магсайсай опирался на американских военных советников. Некоторые из них непосредственно руководили военными операциями против хуков. В конце 1950 — начале 1951 г. широкое наступление правительственных войск привело к ряду тяжелых поражений АОС. В итоге этой кампании было убито около 2 тыс. хуков и почти столько же захвачено в плен. С 1951 г. восстание пошло на убыль. В результате новой кампании («Операция четырех роз») в 1952 г. в горах Сьерра-Мадре правительственные войска захватили ряд руководителей и командиров АОС. Началась серия судебных процессов (продолжавшихся до 1954 г.) над лидерами КПФ и военными руководителями Хукбалахап.

Помимо военно-карательных методов Магсайсай широко применял различные формы «инfiltrации» в ряды хуков (с помощью действовавшего в АОС большого числа информаторов, провокаторов и т. п.). Он также старался привлечь крестьян обещаниями аграрных преобразований. Начатая им практика предоставления земельных участков хукам, сложившим оружие, вызвала отход от вооруженной борьбы части ^крестьян. Однако сужение социальной базы восстания (этот процесс протекал одновременно с военными поражениями партизанских сил) вызывалось не только политикой правительства. Сказывалась и усталость крестьян, не расстававшихся с оружием в общей сложности около десяти лет, и тот факт, что для большинства крестьян были теперь недостаточно ясны и понятны цели движения. В 1953 г. восстание было подавлено. Незначительные остатки частей хуков были разбросаны в горах провинций Центрального Лусона (главным образом в Пам-панге и Тарлаке).

Неудавшееся восстание привело к почти полному уничтожению руководящих кадров КПФ, разгрому всех прогрессивных организаций. Во внутривполитической жизни

усилилась реакция, антикоммунизм стал основой государственной политики правящих кругов. Антиимпериалистическое и демократическое движение, поставленное в чрезвычайно трудные условия, пошло на убыль. В 1948 г. распался Демократический альянс. Правительство в 1951 г. запретило два крупнейших прогрессивных профсоюзных центра — Конгресс рабочих организаций (к этому времени он объединял до 100 тыс. рабочих) и Филиппинскую рабочую федерацию, обвинив их в подрывной деятельности. Запрет КРО и ФРФ сопровождался арестом их руководителей, Амадо Эрнандеса и Хосе Навы, и многих левых профсоюзных деятелей. Заметно уменьшились масштабы стачечного движения — с 56 забастовок в 1948 г. до 13 в 1953 г., с сокращением числа забастовочных человеко-дней с 381 тыс. до 149 тыс. Многим профсоюзам, не устраивавшим правительство, было отказано в регистрации, в результате количество разрешенных союзов сократилось с 1040 в 1950 г. до 719 в 1952 г. Правительство Кирино стало проводить курс на раскол рабочего движения, внедрение реформистской идеологии и организацию антикоммунистических профсоюзов.

В распространении реформизма среди трудящихся и организации антикоммунистических профсоюзов активную роль играла католическая церковь. В начале 50-х годов по ее инициативе и под контролем церковников были созданы два профсоюзных центра — Федерация свободных рабочих (1950) и Федерация свободных крестьян (1953). Федерация свободных рабочих, во главе которой стояли иезуиты, сосредоточила свою деятельность на предотвращении забастовочного движения и пропаганде идеи «мира между трудом и капиталом». Федерация свободных крестьян до 60-х годов оставалась единственной крупной крестьянской организацией. Она объединяла крестьян, арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, главным образом жителей Лусона. Ее деятельность немало способствовала снижению активности аграрного движения. Обе эти организации пользовались финансовой поддержкой правительства, католической церкви и различных американских фондов и корпораций.

Политика администрации Кирино в рабочем вопросе прямо отвечала рекомендациям Миссии Белла и программе Администрации по экономическому сотрудничеству (АЭС), отделение которой действовало в Маниле⁶. Одним из направлений деятельности АЭС на Филиппинах было содействие созданию «свободных рабочих союзов и развитию гармонических отношений между рабочими и предпринимателями».

Приход к власти после провозглашения независимости реакционного буржуазно-помещичьего блока определил и характер международных отношений Филиппин. Внешнеполитический курс филиппинского правительства в первое послевоенное десятилетие не был самостоятельным, не учитывал национальных интересов, следуя в фарватере внешней политики США. Односторонняя проамериканская ориентация была прямо связана с сохранением экономической зависимости от США и их военно-политического контроля. Она подкреплялась лозунгами антикоммунизма, поднимавшимися на щит идеологами американского империализма в условиях распада мировой колониальной системы. В первые послевоенные годы внешнеполитическая стратегия США основывалась на доктрине сдерживания коммунизма. В отношении развивающихся стран она предусматривала расширение экономической и военной помощи, направленной на сохранение этих стран в системе капитализма, создание на их территории военных баз и организацию проимпериалистических союзов и блоков. Филиппинам отводилась передовая роль в осуществлении стратегических планов США как «витрине демократии» и «форпосту антикоммунистических сил» в Азии. Проимпериалистическое и антикоммунистическое содержание внешнеполитического курса филиппинских правящих кругов находило выражение в политике полной изоляции от социалистических стран (усилившейся с начала 50-х годов в обстановке наступления

⁶ АЭС была учреждена в США в 1950 г., после принятия закона об экономической помощи иностранным государствам. В ее функции входили рекомендации и контроль над использованием американской экономической и технической помощи в развивающихся странах.

внутренней реакции), деятельности филиппинских представителей в ООН и других международных организациях целиком в интересах США, в таких акциях, как участие в корейской войне в качестве «союзника» Соединенных Штатов и попытки сколачивания антикоммунистических блоков.

Первые шаги по организации проимпериалистического союза азиатских государств (в будущем блок СЕАТО) предпринимались правительством Кирино с 1949 г. Однако с самого начала этот план, предполагавший самое широкое представительство азиатских государств, не получил поддержки большинства стран Юго-Восточной и Южной Азии. Блоковой политике США стали активно противостоять идеи нейтрализма, все шире распространявшиеся среди народов Азиатского континента. Организованная Кирино в мае 1950 г. конференция азиатских стран в Багио не достигла поставленной цели — в ней приняли участие всего шесть государств, причем из повестки дня были исключены политические и военные вопросы, а резолюция носила самый общий характер (в плане расширения всестороннего регионального сотрудничества). От участия во второй конференции в Багио в мае 1953 г. отказалось большинство азиатских стран.

С начала 50-х годов (после поражения гоминьдановцев в Китае) США стали делать ставку на Японию как своего главного союзника на Дальнем Востоке. Проводя политику на восстановление экономического и военного потенциала Японии, США поддержали заявление японского правительства об отказе от уплаты военных репараций Филиппинам и другим странам Юго-Восточной Азии — жертвам японской агрессии. В 1951 г. по настоянию американцев правительство Кирино подписало мирный договор с Японией, в который не был включен жизненно важный для восстановления экономики Филиппин вопрос о репарациях.

Односторонняя внешнеполитическая ориентация Филиппин приводила к их изоляции от большинства азиатских стран, укреплению контактов с марионеточными проимпериалистическими режимами. Поэтому внешняя политика правительства стала наряду с вопросом об экономической зависимости от США основным объектом критики со стороны националистически настроенных кругов. Недовольство зрело как в оппозиционной Партии националистов, так и в находившейся у власти Либеральной партии. Противоречия в правящих кругах усиливались по мере приближения президентских выборов 1953 г. В центре политической борьбы оказалась фигура министра обороны в правительстве Кирино Р. Магсайса, заявившего о намерении выставить свою кандидатуру на пост президента.

В предвыборной кампании 1953 г. выявилась одна характерная особенность, в дальнейшем превратившаяся в норму политической жизни Филиппин. Поскольку все более стирались различия в составе, организационной структуре, платформах двух основных соперничающих партий, они стали все более играть роль механизма по перераспределению власти между различными группировками правящих классов. Эта особенность способствовала развитию фракционной борьбы внутри каждой из партий, порождала практику переходов из одной партии в другую, создания блоков между профессиональными политиками той и другой партий, делавших ставку на определенного кандидата вне зависимости от его партийной принадлежности. Накануне выборов 1953 г. заявила о поддержке Магсайса значительная группа из оппозиционной Партии националистов. Учитывая это, Магсайса перешел к националистам, которые и выдвинули официально его кандидатуру на пост президента. Это вызвало раскол в Либеральной партии. За Магсайса устремились его сторонники внутри партии и ориентировавшиеся на него политические круги на местах, до сих пор поддерживавшие либералов. Так, вся местная верхушка в провинции Самбалес, уроженцем которой был Магсайса, переключилась на поддержку Партии националистов. Незадолго до выборов из Либеральной партии вышла группа, возглавленная вице-президентом Ф. Лопесом и известным дипломатом К. Ромуло, занимавшим в тот период пост постоянного представителя Филиппин в ООН. Группа Лопеса — Ромуло образовала новую

Демократическую партию, объявив Ромуло своим кандидатом в президенты. Однако к моменту выборов руководство Демократической партии решило отказаться от выдвижения самостоятельной кандидатуры, вступив в избирательный блок с Партией националистов. Соперником Магсайса от Либеральной партии был Кирино, попытавшийся вторично (что предусматривалось филиппинской конституцией) выставить свою кандидатуру на пост президента. Выборы 1953 г. закончились внушительной победой националистов. За Магсайса было подано более 3 млн. голосов, за Кирино — немного более 1 млн. Партия националистов завоевала большинство в сенате (17 мест из 24) и нижней палате конгресса (57 мест из 102).

Итоги выборов 1953 г. свидетельствовали о неудовлетворенности и недовольстве филиппинцев политикой, проводившейся правительствами Либеральной партии после провозглашения независимости. Предвыборная программа Магсайса содержала ряд обещаний, рассчитанных на привлечение широких слоев общества: более независимая внешняя политика, аграрные преобразования, борьба с коррупцией в государственном аппарате, процветавшей при администрации Кирино. Фигура Магсайса устраивала старую буржуазно-помещичью элиту, увидевшую в нем «сильную» личность, способную к активной защите их интересов и обеспечению политической стабильности (особую популярность в среде господствующих классов Магсайса снискал организацией военной кампании по разгрому крестьянского восстания 1948—1953 гг.). Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что американские правящие круги также сделали ставку на Магсайса, учитывая бесперспективность ориентации на полностью потерявших авторитет Кирино и других лидеров Либеральной партии. Одним из существенных факторов, обеспечивших победу Магсайса, была поддержка со стороны национальной буржуазии, рассчитывавшей с приходом новой администрации расширить и укрепить свои экономические и политические позиции. Организаторами широкой кампании в поддержку Магсайса были известные политические деятели, пользовавшиеся большим авторитетом среди национальной буржуазии, — К. Ректо⁷ и Х. Лаурель.

Магсайса проявил себя достаточно гибким и искусным политиком, сумев обеспечить себе опору в столь различных по классово-политическим устремлениям силах. Однако разнородность этих сил предопределяла неизбежную противоречивость политики нового правительства. По многим аспектам внутренней и внешней политики оно продолжало ориентироваться на США и местную реакционную буржуазно-помещичью верхушку. Политика антикоммунизма, подавления левых демократических сил сочеталась с демагогической пропагандой и осуществлением некоторых социальных преобразований, представлявших небольшие уступки трудящимся. При новой администрации усилилось вмешательство государства в рабочее движение. В 1953 г. вышел закон о мире в промышленности (так называемая Великая хартия труда), в котором рекламировались «здоровые промышленные отношения» между рабочими и предпринимателями. Среди позитивных постановлений закона было запрещение предпринимателям создавать компанейские союзы (хотя на практике число их росло и после принятия закона) и увольнять рабочих за принадлежность к профсоюзу. Закон ограничивал функции суда промышленных отношений, однако определение условий труда целиком возлагалось на предпринимателей. Право на заключение коллективных договоров предоставлялось крупным «разрешенным» профсоюзам. Сохранялся принудительный арбитраж. Его осуществлял президент страны через суд промышленных отношений в том случае, если конфликт затрагивал «национальные интересы». Признавая за трудящимися право на организацию в профессиональные союзы, закон устанавливал новые, еще более сложные правила их регистрации, рассчитанные на создание антикоммунистических организаций. В 1954 г. в Маниле был открыт Азиатский центр профобразования (АЦПО),

⁷ Сенатор Кларо Ректо (1896—1960), который возглавлял оппозицию в конгрессе в последние годы правления Кирино, одним из первых выступил с идеей выдвижения кандидатуры Магсайса от Партии националистов.

финансируемый американским Азиатским фондом экономического развития и за два года своей деятельности (к 1956 г.) подготовивший более трех тысяч «рабочих лидеров» (с 60-х годов АЦПО стал готовить профсоюзные руководящие кадры и для других азиатских стран). Руководство профсоюзами находилось целиком в руках соглашателей — профсоюзных боссов американского типа из государственных служащих, бизнесменов, причем активную роль играли и представители католической церкви (главным образом иезуиты).

Новые аграрные законы были приняты в 1954—1955 гг. Издавая эти законы, правительство Магсайся руководствовалось требованиями национальной буржуазии, заинтересованной в ломке полуфеодальной структуры деревни и ускорении развития капитализма в сельском хозяйстве. Как и ранее действовавшие законы, они были направлены к смягчению аграрных противоречий. Законы 1954—1955 гг. содержали некоторые уступки арендаторам и предусматривали выкуп правительством помещичьих и церковных латифундий для наделения землей издольщиков (за выкуп). Проведение в жизнь этих законов, как и прежде, встречало сильное сопротивление со стороны помещиков.

Приход к власти нового правительства не внес изменений в проамериканский внешнеполитический курс Филиппин. Президент Магсайсай стал активным проводником блоковой политики США в Юго-Восточной Азии, хотя это противоречило его предвыборной программе. По его инициативе в сентябре 1954г. в Маниле состоялась конференция азиатских стран, оформившая создание «Организации договора Юго-Восточной Азии» — блока СЕАТО. Откровенно агрессивный и антикоммунистический характер блоковой политики США вызывал протесты со стороны большинства азиатских стран. В манильской конференции приняли участие лишь три азиатских государства — Филиппины, Пакистан и Таиланд (кроме них в создании блока участвовали США, Англия, Франция, Австралия и Новая Зеландия). Участие в СЕАТО приводило к укреплению военно-политического контроля США над Филиппинами и к усилению их изоляции от соседних азиатских стран.

Таким образом, общее направление внутреннего и внешнеполитического курса правительства Магсайся сохраняло преемственность с политикой прежней администрации. Новые тенденции в деятельности правительства Магсайся, отразившие укрепление позиций национальной буржуазии, проявлялись отчетливо в государственной экономической политике и стали воздействовать на социально-экономическое положение страны во второй половине 50-х годов.

Глава XIII

ФИЛИППИНЫ С СЕРЕДИНЫ 50-х ДО НАЧАЛА 70-х ГОДОВ

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

К началу нового десятилетия Филиппины пришли с определенными достижениями. Были залечены раны, нанесенные войной экономике страны, восстановлено производство основных видов продукции, сделаны первые шаги в создании национальной индустрии. По сравнению с довоенными увеличились темпы экономического развития. Быстрый рост валового национального продукта наблюдался в восстановительный период — до 13% в год, этот уровень стал снижаться в 50-е годы, но все же составлял в среднем 5—5,6% в 50—60-х годах. Вместе с тем оставались нерешенными важнейшие социально-экономические проблемы, связанные с изменением колониальной структуры хозяйства, преодолением экономической отсталости, созданием условий для построения независимой экономики. Еще в период восстановления Филиппины попытались подойти к решению этих задач с помощью индустриализации.

Курс на индустриализацию отражал устремления национальной буржуазии. В вопросах экономической политики правительство Магсайся продолжало (более решительно, нежели его предшественники) поддерживать и защищать интересы национальных предпринимателей.

В 1953 г. был принят Закон о новых и необходимых отраслях — по истечении срока действия аналогичного закона 1946 г. Предприятия «новых и необходимых» отраслей освобождались от уплаты налогов, а их владельцам предоставлялось право преимущественного получения иностранной валюты для закупки капитального оборудования и сырья. За один год действия этого закона на Филиппинах было открыто 163 новых предприятия, к концу 1955 г. — 492 и к середине 1957 г. — 719. Среди них были цементные и химические заводы, минеральных удобрений, металлообрабатывающие и сборочные мастерские. Доля национального капитала в «новых и необходимых» отраслях составляла 75% оплаченного капитала.

Система контроля над импортом получила юридическое подтверждение в подписанном в 1955 г. новом американо-филиппинском соглашении (Закон Лауреля—Лэнгли), сменившем старое Соглашение о торговле 1946 г. Президент Филиппин получил право на ограничение либо приостановку перевода американских капиталов в США и на изменение курса песо. Уступкой американской стороны было также введение ввозных пошлин на американские товары, которые должны были расти быстрее (действие закона распространялось до середины 1974 г.) в сравнении с пошлинами на филиппинские товары в США.

В целом же пересмотр торгового соглашения 1946 г. и принятие Закона Лауреля—Лэнгли, осуществленные под давлением национальной буржуазии, только частично удовлетворили ее интересы. Закон Лауреля—Лэнгли сохранял почти без изменений систему квотирования основных филиппинских товаров. США добились по новому соглашению предоставления американским гражданам равных прав с филиппинцами не только в эксплуатации природных ресурсов и владении коммунальными предприятиями (как это предусматривалось законом 1946 г.), но и во всех отраслях хозяйства. Поэтому новое соглашение не устраняло противоречий между американскими монополиями и филиппинской национальной буржуазией, а, напротив, способствовало их обострению.

Правительство Магсайся проводило политику ограничения деятельности госсектора. Поощряя политику государственного регулирования для укрепления частного сектора, оно в то же время осуществляло курс на отстранение государства от производственной деятельности во всех сферах, где был активен частный капитал, приступив к продаже частному сектору государственных предприятий. Развитию частного национального предпринимательства способствовала кредитная политика государства (как часть системы государственного регулирования), основанная на государственном долгосрочном кредитовании строительства новых промышленных объектов и поощрении деятельности частных банков, финансировавших национальные промышленные компании.

Протекционистская государственная политика привела к резкому росту темпов и расширению объема национального промышленного производства, в первую очередь обрабатывающей промышленности, в которой действовало большинство предприятий «новых и необходимых» отраслей. В 1950—1962 гг. среднегодовые темпы роста обрабатывающей промышленности составляли 9,7%. Доля ее продукции в валовом внутреннем продукте возросла с 10,2% в 1950 г. до 15,8% в 1960 г.

Филиппины шли по пути создания отраслей, которые вырабатывали продукцию, прежде импортировавшуюся из-за рубежа (индустриализация импортзамещающего типа). Основой для развития этих отраслей служил импорт капитального оборудования, а также промышленного сырья и полуфабрикатов. На начальном этапе индустриализации развитие «новых и необходимых» отраслей привело к ряду позитивных сдвигов. Значительно сократился ввоз потребительских товаров (их доля во всей стоимости импорта

упала с 50,1% в 1950 г. до 13,8 в 1960 г.). Инвестиции в «новые и необходимые» отрасли давали наиболее высокий прирост национального дохода, способствуя ускорению темпов экономического развития.

Вместе с тем в экономических исследованиях советских и зарубежных авторов указывается на негативные явления и тенденции, характерные для данного типа индустриализации. Советский экономист О. Г. Барышникова отмечает следующие отрицательные показатели: ограничение промышленного производства рамками внутреннего рынка с характерной для него низкой платежеспособностью; развитие преимущественно отраслей, производящих товары потребительского назначения, с чем связан рост зависимости не только от импорта капитального оборудования, но и импортного сырья и полуфабрикатов (открывавшиеся предприятия занимались в основном расфасовкой, сборкой и т. п.); создание малорентабельных предприятий с высокими издержками производства, неконкурентоспособных на внешнем рынке; преобладание среди вновь создававшихся предприятий мелких и мельчайших, основанных на чрезвычайно низкой производительности труда. Эти отрицательные стороны стали проявляться уже в 60-е годы.

Общее направление экономического развития Филиппин неизбежно вело к наступлению на иностранный капитал. Филиппинская буржуазия, хотя она и не могла обходиться без связи с иностранным капиталом, стремилась действовать по отношению к последнему, руководствуясь прежде всего собственными интересами. Не случайно США, ценившие Магсайсая как верного политического союзника, выражали откровенное недовольство его экономической политикой. Проводившийся правительством Магсайсая курс в области экономики, который определялся изменением соотношения классово-политических сил в стране в пользу национальной буржуазии, был продолжен сменившим его президентом К. Гарсией (в марте 1957 г. Магсайсай погиб в авиационной катастрофе). Гарсия, как и его предшественник, пришел к власти при прямой поддержке США и, являясь представителем кругов «старых» профессиональных политиков, был тесно связан с проамерикански настроенной помещичье-буржуазной и бюрократической верхушкой.

В ряде отраслей производства позиции американских монополий были ослаблены благодаря усилению деятельности крупного филиппинского капитала. Американский капитал был существенно потеснен в текстильной, пищевой, автосборочной и других отраслях и вынужден был полностью уйти (с 1956 г.) из сахарной промышленности под нажимом группы крупных филиппинских сахарозаводчиков и плантаторов. Национальная буржуазия стала играть все более заметную роль в определении направления американских капиталовложений, которые в 1954 г. составляли 550 млн. долл., а к концу 50-х годов увеличились на 25%. Инвестиции в промышленное производство (в том числе в тяжелую индустрию) к концу 50-х годов заняли основное место в американских капиталовложениях. В 1958 г. на их долю приходилось 25% всех прямых инвестиций (в традиционные сферы — коммунальное хозяйство и торговлю — направлялось соответственно 24 и 20,4% общих капиталовложений).

Одной из главных форм приложения американского капитала являлись смешанные компании. Инициаторами их создания все чаще выступали филиппинские предприниматели, добивавшиеся выгодных для себя условий сотрудничества с американскими партнерами. Филиппинские капиталовложения превосходили американские в «новых и необходимых» отраслях — в конце 50-х годов на долю филиппинского капитала приходилось до 80% инвестиций, в то время как американцы контролировали лишь 18% капиталовложений во вновь создававшиеся предприятия. К началу 60-х годов национальный капитал занимал доминирующие позиции в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, в сельском хозяйстве. Американский капитал преобладал в ключевых отраслях — черной металлургии, электроэнергетике, нефтеочистительной и газовой промышленности.

Укрепление новых тенденций в экономическом развитии Филиппин сопровождалось консолидацией класса национальной буржуазии. Важнейшей чертой этого процесса было дальнейшее усиление позиций слоя новой крупной буржуазии, становление которой начиналось в военные и послевоенные годы. Внутри этого слоя основное ядро образовала группа молодой промышленно-банковской буржуазии, все интересы которой были связаны с развитием крупного национального предпринимательства. Ее представители первыми обратились к строительству предприятий тяжелой индустрии (сталелитейные, медеплавильные заводы, химические предприятия, фабрики каучуковых изделий и т. п.). Среди местных крупных капиталистов новой генерации росла и группа так называемого потребительского типа, вкладывавшая капиталы в непроизводительные отрасли хозяйства («индустрия развлечений» и т. п.), которые быстро приносили надежные и высокие прибыли. В 50—60-х годах усилился процесс сращивания новой крупной промышленной буржуазии с бюрократией. Введенная в практику система государственного субсидирования частного предпринимательства, кредитования, выдачи лицензий породила развитие тесных связей между представителями бизнеса и чиновниками, основанных на разного рода зависимости местных дельцов от бюрократического аппарата. Это, в свою очередь, приводило к росту таких явлений (вообще характерных для филиппинских бюрократических, деловых и политических сфер), как взяточничество, подкупы, различные формы патернализма и т. п. Происходило «обуржуазивание» бюрократии, формирование нового типа бюрократа — капиталиста, рожденного в процессе сращивания новой промышленной буржуазии и чиновничьего аппарата (в филиппинской литературе иногда используется термин «новая олигархия» в отличие от старой помещичье-бюрократической и буржуазно-бюрократической элиты).

Говоря об экономических и политических позициях национальной буржуазии, следует учитывать прежде всего позиции промышленно-банковских кругов, наиболее отвечавшие национальным интересам. Ориентируясь на внутренний рынок, они были заинтересованы в его развитии, а следовательно, в общем экономическом прогрессе и устранении всех препятствий, мешавших ускорению процесса капиталистической трансформации.

Хотя у крупной промышленной буржуазии новой формации отсутствовали традиционные связи с американскими монополиями, она не могла избежать зависимости в той или иной форме от иностранного капитала. Однако ее противоречия с иностранными, и прежде всего американскими, монополиями, проистекавшие из ее ориентации на внутренний рынок и стремления занять командные позиции в национальной экономике, выступали на первый план. Отсюда патриотическая и антиимпериалистическая (в конкретных условиях страны — антиамериканская) направленность ее политических позиций. Ее антиимпериалистические устремления встречали поддержку в средних и мелкобуржуазных слоях, настроенных более решительно и радикально в вопросе изменения внутреннего и внешнеполитического курса в отношении американского империализма.

Со второй половины 50-х годов расширяется непосредственное участие представителей новой крупной буржуазии в административно-политической системе. В этой связи усиливаются ее противоречия со старой буржуазно-помещичьей бюрократической элитой, поскольку тем самым подрывается монополия последней в административно-государственном аппарате. Представители новых промышленно-банковских кругов заняли ведущие позиции во многих государственных учреждениях и корпорациях (Национальный экономический совет, Центральный банк и др.), в крупнейшей организации филиппинской буржуазии (Торговой палате Филиппин), активно действовали в обеих палатах филиппинского конгресса. Существенное изменение претерпел состав двух основных политических партий (Националистов и Либеральной), пополнившихся представителями новой национальной буржуазии. При Магсайсае

интересы национальной буржуазии были в основном представлены правящей Партией националистов. С ростом националистической оппозиции правительству Гарсии значительная часть национальных предпринимательских кругов стала ориентироваться на оппозиционную Либеральную партию. В дальнейшем национальная буржуазия, руководствуясь только собственными интересами, меняла ориентацию на кандидатов то одной, то другой партии.

Стремление национальной буржуазии к освобождению от пут экономической и военно-политической зависимости от американского империализма получило отражение в общественном, националистическом по характеру движении, развернувшимся с середины 50-х годов и возглавленном группой предпринимателей и конгрессменов. В 1954—1956 гг. прошло несколько кампаний под лозунгами «экономического национализма» и протеста против односторонней внешнеполитической ориентации. Главными требованиями буржуазно-националистических кругов, выдвигавшимися в ходе этих кампаний, были пересмотр Закона Лауреля — Лэнгли, а в более широком плане — всей системы экономических отношений с США, отказ от американской помощи, усугублявшей зависимость филиппинской экономики от американских монополий, расширение внешнеторговых связей Филиппин, в том числе с КНР, Советским Союзом и другими социалистическими странами, отказ от проамериканского внешнеполитического курса, развитие контактов с азиатскими странами, изменения в филиппино-американских военных соглашениях, прежде всего по вопросу о военных базах.

В кампаниях 1954—1956 гг. активную роль играли крупные филиппинские промышленники — Г. Пуйят, создатель первых национальных сталелитейных заводов Х. Марсело, председатель Торговой палаты Филиппин М. Балатбат и др. Программа, выдвинутая национальной буржуазией, встречала полное одобрение и поддержку у значительной группы членов конгресса. Ее возглавлял сенатор Ректо, ставший во второй половине 50-х годов главным лидером и идеологом буржуазно-националистического движения. Группа Ректо руководила националистической оппозицией внутри конгресса. Рост оппозиционных настроений в правящих кругах был тесно связан с разочарованием в политике правительства Магсайса со стороны многих его бывших приверженцев, связывавших с приходом к власти новой администрации свои надежды на коренное изменение внутреннего и внешнеполитического курса. Ректо, поддерживавший Магсайса на выборах 1953 г., уже в 1954 г. стал выступать с резкой критикой в адрес правительства. В 1954—1956 гг. он развернул кампанию в конгрессе и печати в поддержку экономических и внешнеполитических требований национальной буржуазии.

Антиимпериалистическая направленность выступлений Ректо привлекала к нему левые круги национальной буржуазии (главным образом средний слой) и патриотически настроенной интеллигенции. С 1955 г. с группой Ректо начал тесно сотрудничать сенатор Л. Таньяда, лидер Гражданской партии — организации левобуржуазных кругов, части манильской интеллигенции и студенчества. Буржуазно-националистическое движение развертывалось в атмосфере усиления антикоммунизма, продолжающегося подавления демократических свобод. В 1957 г. конгресс утвердил закон о подрывной деятельности, введший смертную казнь за одну лишь принадлежность к компартии или любой другой запрещенной левой организации. Понятно, что в такой обстановке националистическое движение, возглавленное национальной буржуазией, служило единственной формой антиимпериалистической борьбы.

Активизация этого движения привела к обострению внутри-и межпартийных противоречий накануне президентских выборов 1957 г. Правящая партия раскололась на две группировки, одна из которых поддерживала Магсайса, а другая — Ректо. Внутри Либеральной партии возникли три фракции: сторонники Магсайса, приверженцы Ректо, предложившие ему баллотироваться в сенат от либералов, и, наконец, группа политических деятелей, намеревавшихся выставить кандидатуру от своей собственной партии и заявивших о приверженности традиционному внешнеполитическому курсу. В числе этих

деятели были будущие президенты Филиппин — Диосдадо Макапагал, в то время вице-председатель Либеральной партии, и начинавший политическую карьеру в качестве конгрессмена от Илокоса Фердинанд Маркос. После смерти Магсайся президентом автоматически стал Карлос Гарсия (бывший вице-президентом). Накануне выборов 1957 г. определились три кандидата на президентский пост: Гарсия — от правящей Партии националистов, Юло, ставленник крупных помещиков-латифундистов, — от Либеральной, Ректо, вышедший из Партии националистов и объединившийся с Таньядой, — от созданной ими Национально-гражданской партии. Победу одержал Гарсия, пользовавшийся поддержкой старых профессиональных партийных боссов, американцев и той части национальной буржуазии, которая выступала за продолжение курса Магсайся.

Интересы буржуазно-националистических кругов оказывали непосредственное влияние и на предвыборную платформу Гарсии, и на его политику после прихода к власти. В 1957 г. Гарсия провозгласил официальный государственный курс под националистическим лозунгом «филиппинцы прежде всего» (по-тагальски — «Пилипино Муна»), Этот лозунг был сформулирован в резолюции Национального экономического совета и подразумевал борьбу против засилья иностранного капитала и защиту интересов национальной буржуазии в области промышленности и торговли. Он был подхвачен и поднят на щит идеологами националистического движения (общественное движение конца 50-х годов известно именно под этим названием). Представители официальных правящих кругов и националистические лидеры типа Ректо по-разному толковали содержание лозунга «филиппинцы прежде всего». Если первые сводили его к частичным экономическим уступкам национальной буржуазии и проведению компромиссной политики в отношении американских империалистов, то буржуазно-националистические деятели вкладывали в него прежде всего антиимпериалистическое содержание, стремились распространить принцип «Пилипино Муна» на различные сферы жизни общества. Конец 50-х годов был временем расцвета общественно-политической деятельности Ректо. Как буржуазно-националистический идеолог, Ректо видел единственный путь к возрождению страны в развитии национального капитализма. Характерно высказанное им «экономическое кредо»: «Индустриализация страны филиппинскими капиталистами; освоение национальных ресурсов филиппинскими капиталистами; развитие и укрепление филиппинского капитализма, а не иностранного капитализма на Филиппинах». Ректо выступал за реалистический подход к решению внешнеполитических и экономических проблем с учетом в первую очередь национальных интересов Филиппин. Активное участие Ректо в движении «филиппинцы прежде всего» способствовало усилению его антиимпериалистической направленности. Следует подчеркнуть, что Ректо оценивал антиимпериалистическое движение прежде всего как борьбу против американских монополий, их диктата в экономической и политической жизни Филиппин. Он не раз высказывался о том, что рост среди филиппинцев антиамериканизма как оборотной стороны национализма не может быть обращен против американской нации, а должен быть направлен на борьбу с империалистической идеологией и политикой, проводимой американским монополистическим капиталом. Ректо и его единомышленники не ограничивали движение «Пилипино Муна» рамками «экономического национализма», а выступали и за развитие «культурного национализма», возрождение национальных традиций, преодоление «комплекса духовной неполноценности», порожденного многолетним колониальным порабощением. Эти взгляды находили живейший отклик в среде научной и творческой интеллигенции. В конце 50-х годов в филиппинской исторической науке возникло течение за пересмотр колониалистских концепций и освещение прошлого страны с националистических позиций. Патриотические темы получили широкое распространение в художественной литературе и искусстве. Ректо выдвинул законопроект об обязательном изучении в учебных заведениях произведений Хосе Рисаля, чем вызвал целую волну протестов со

стороны католических церковников. Однако под давлением общественности законопроект был утвержден конгрессом в конце 50-х годов.

В правых кругах нередко раздавались голоса, обвинявшие Ректо в «прокоммунистических» симпатиях. На самом деле Ректо как политическому деятелю и идеологу были чужды коммунистические идеи. Вместе с тем он не был сторонником официальной антикоммунистической пропаганды, запугивания филиппинцев призраком «коммунистической угрозы». Движение «Пилипино Муна», затронув патриотические круги национальной буржуазии и интеллигенции, не было связано с широкими демократическими массами. После смерти Ректо в 1960 г. оно быстро прекратило существование как организованное течение. Его идеи в дальнейшем получили отклик в развитии буржуазного и мелкобуржуазного национализма.

Президентские выборы 1961 г. привели к очередной перегруппировке сил внутри правящих классов. На выборах одержал победу кандидат от Либеральной партии — Макапагал, хотя избирательные платформы либералов и националистов были по существу одинаковыми. В борьбе за власть вышли победителями те группировки в правящей верхушке (представлявшие интересы одних и тех же классовых сил), которые сделали ставку на этого политического лидера. В его программу было включено обещание укрепить отношения с США (этот момент традиционно присутствовал во всех президентских программах). Но одновременно впервые он объявил о переориентации внешнеполитического курса на развитие отношений со странами Азии, с тем чтобы положить конец изоляции Филиппин в азиатском регионе. По данному вопросу Макапагал отошел от своих прежних позиций поддержки традиционной внешней политики, делая уступку буржуазно-националистическим кругам.

Приход к власти нового правительства ознаменовался изменением государственной экономической политики. С начала 60-х годов государство отменило систему валютно-импортного контроля, перейдя к использованию для стимулирования национального промышленного производства повышенных тарифных ставок на импорт и новых законов об инвестициях.

Однако уже в первой половине 60-х годов стали проявляться «издержки» индустриализации импортзамещающего типа. Падение сбыта местных потребительских товаров на внутреннем рынке вызвало снижение темпов роста промышленного производства. Среднегодовые темпы роста производства в обрабатывающей промышленности снизились за 1960—1967 гг. до 7% (сравнительно с 9,7% во второй половине 50-х годов) и продолжали падать до конца десятилетия. Одним из отрицательных явлений была растущая зависимость обрабатывающей промышленности от импорта оборудования, сырья и полуфабрикатов. Таким образом сводилась на нет сама идея импортзамещения, — хотя зависимость страны от ввоза потребительских товаров ослаблялась, но укреплялись новые формы «привязанности» к внешнему рынку. Продукция филиппинских предпринимателей почти не имела выхода на внешний рынок. В стоимостном объеме экспорта преобладали сырьевые сельскохозяйственные товары и полуобработанное сырье, доля же готовой продукции составляла ничтожную часть (4,1% — в 1960 г., 8,3 — в 1965 г., 6,8% — в 1966 г.). Государство с начала 60-х годов принимало некоторые меры, направленные на ослабление зависимости от импорта сырья. В 1961 г. был издан закон о базовых отраслях, ставивший в привилегированное положение предприятия, которые использовали местное сырье.

При Макапагале была принята первая пятилетняя программа (1963—1967) социального и экономического развития. И если в ней основной задачей выдвигалось создание условий для развития частного предпринимательства, то обращение к политике государственного экономического планирования объективно приводило к усилению роли госсектора. Хотя многие государственные предприятия были распроданы и закрыт ряд государственных корпораций, с 1963 г. стали учреждаться новые, в том числе Земельный банк Филиппин, Национальный банк развития домашней промышленности, Управление

по развитию Минданао и др. К 1965 г. в стране действовало 37 государственных корпораций и объединений.

В пятилетней программе экономического развития значительное место отводилось мерам по поднятию сельского хозяйства. В начале 60-х годов положение там оставалось крайне тяжелым. Низкий уровень производительных сил и господство отсталых производственных отношений обусловили замедленные темпы роста сельскохозяйственного производства (в 1950—1968 гг. среднегодовые темпы роста в сельском хозяйстве составляли 4,5%, в промышленности — 7,2%), отрицательно влиявшие на экономическое развитие в целом. Преградой на пути модернизации сельского хозяйства были отсталые аграрные отношения. За годы, прошедшие после достижения независимости, в аграрном строе Филиппин не произошло существенных изменений. В основных сельскохозяйственных районах по-прежнему господствовали крупное помещичье землевладение и арендные отношения, основанные на различных формах издольщины. По данным переписи 1960 г., 864,5 тыс. крестьянских хозяйств относились к категории арендаторских (2,2 млн. га), 310,9 тыс. хозяйств велось полуарендаторами (1,1 млн. га), 967,7 тыс. хозяйств принадлежали собственникам (4,1 млн. га). Среди крестьян-собственников преобладали бедняцкие слои — свыше $\frac{4}{5}$ всех хозяйств имели площадь до 5 га, из них половина — менее 2 га, что не обеспечивало их владельцам даже прожиточного минимума.

Аграрное законодательство 40—50-х годов не продвинуло решение аграрного вопроса. Попытки модернизации аграрного строя, предпринимавшиеся властями, встречали сильнейшую оппозицию со стороны помещичьей олигархии. Острая борьба развернулась и вокруг нового закона об аграрной реформе, разработанного правительством Макапагала. После продолжительных дебатов в конгрессе он был утвержден летом 1963 г. Как и принятые ранее законы, аграрная реформа Макапагала была нацелена на ускорение капитализации сельского хозяйства. Новый закон предусматривал передачу государству всех пустующих земель и выкуп земли у крупных землевладельцев-латифундистов. Выкупу подлежали земли помещиков при сохранении максимальных размеров землевладения в 75 га. Землевладельцы должны были получать компенсацию из расчета 10% стоимости земли наличными, а остальное в виде облигаций Земельного банка. Закон предполагал также осуществление некоторых мер по защите прав арендаторов — наделение земель за выкуп арендаторов-издольщиков, снижение до 25% урожая платы за аренду в районах производства зерновых, расширение кредитов крестьянам через сеть сельскохозяйственных банков, поощрение создания крестьянских сбытовых кооперативов, установление минимума заработной платы для сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, в целом аграрный закон 1963 г. был значительно радикальнее предыдущих, хотя и не решал задачи ликвидации крупного помещичьего землевладения феодального типа. Проведение его в жизнь наталкивалось на сопротивление помещичьей элиты. Осуществление закона растянулось на несколько лет и к началу 70-х годов его основные постановления все еще не были выполнены.

С начала 60-х годов появились новые тенденции в общественно-политической жизни Филиппин. Они были связаны с влиянием международной обстановки: изменением соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, постепенным прекращением «холодной войны», теми позитивными процессами, которые происходили в освободившихся странах. Воздействие этих факторов выразалось в смягчении политики антикоммунизма и подавления прогрессивных сил, проводившейся правящими кругами, и постепенном создании условий для возрождения антиимпериалистического и демократического движения.

Активность рабочего класса с конца 50-х годов стала возрастать. Экономические требования, оставаясь главными в выступлениях трудящихся, дополнялись лозунгами антиимпериалистического и общедемократического характера. Оживление профсоюзного движения сопровождалось ростом новых рабочих организаций, выходом их из-под

контроля государства и соглашательского руководства, усилением влияния идей социализма. В 1963 г. на базе нескольких профсоюзов была создана Рабочая партия. Ее программа содержала требования социальной справедливости, осуществления аграрной реформы, решения проблемы занятости, соблюдения гражданских свобод, осуждения неокOLONиализма, поддержки национально-освободительных движений.

С конца 50-х годов неуклонно росло забастовочное движение. В 1959 г. было зарегистрировано 59 забастовок, в 1963 г. — 88, в 1964 — 101. Многие выступления рабочих отличались решительным, боевым характером. Такова была забастовка транспортных рабочих столицы в 1963 г.

Впервые после 1948 г. появились признаки возрождения организованного крестьянского движения. В 1964 г. крестьяне Центрального Лусона создали организацию под названием Свободная ассоциация крестьян (ее сокращенное обозначение — МАСАКА — по первым буквам тагальского названия). МАСАКА выступала с поддержкой аграрной реформы 1963 г., в защиту арендаторов и за развитие крестьянского кооперативного движения.

Характерной чертой развития антиимпериалистического и демократического движения было широкое участие в нем молодежи, особенно студенческой. Повышение ее общественной и политической активности проявлялось в создании молодежных и студенческих организаций с антиимпериалистической платформой. Одной из них был возникший в 1963 г. Союз патриотической молодежи (или «Патриотическая молодежь»), быстро выросший в массовый национальный молодежный центр.

Либерализация общественной жизни выразилась в некотором изменении правительственной политики в отношении коммунистического движения. В начале 60-х годов Макапагал согласился на фактическую отмену закона 1957 г. о подрывной деятельности в результате специального решения Верховного суда о том, чтобы не считать противозаконными принадлежность к компартии или выражение коммунистических взглядов. Тогда же был освобожден ряд коммунистических и левых профсоюзных лидеров, находившихся под арестом с начала 50-х годов. К этому времени Коммунистическая партия Филиппин стала постепенно восстанавливать свои силы. Серьезное воздействие на возрождение филиппинского коммунистического движения оказало московское Совецание коммунистических и рабочих партий 1960 г. Его решения и установки помогли определению правильной, соответствовавшей современным условиям позиции Коммунистической партии Филиппин, открыли путь к преодолению многолетней изоляции ее от международного коммунистического движения. Новое руководство КПФ, пополнившееся представителями молодежи, выступило с переоценкой прежней генеральной линии, признав вооруженные формы борьбы несвоевременными и не отвечающими конкретной обстановке, и выработало курс на использование легальных возможностей работы с трудящимися, создание массовой базы коммунистического движения, объединение всех антиимпериалистических и антифеодальных сил в борьбе за подлинную независимость и демократию.

ПРАВИТЕЛЬСТВО МАРКОСА (1966—1969) И ПОДЪЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Президентские выборы 1965 г. проходили в обстановке нарастания антиимпериалистического и демократического движения, оказавшего известное влияние на их результаты. Победу одержал кандидат Партии националистов Фердинанд Маркос⁸,

---

⁸ Ф. Маркос — выходец из провинции Северный Илокос, из семьи, принадлежавшей к местной верхушке (его отец был довольно крупным политическим деятелем). Он получил юридическое образование (традиционное для представителей политической элиты) в Университете Филиппин и Гарвардском университете в США, во время войны служил в филиппино-американских войсках, участвовал в боях на Батаане. Его военные заслуги были высоко оценены американцами и правительством Филиппин. Как

выступивший с избирательной платформой, которая учитывала настроения рядовых филиппинцев. К 1965 г. Маркос прошел путь быстрого восхождения по политической лестнице — с середины 50-х годов он был конгрессменом, лидером меньшинства в нижней палате, лидером меньшинства в сенате, наконец, при Макапагале — председателем сената и Либеральной партии. Незадолго до выборов, действуя в сложившихся традициях избирательной борьбы, Маркос перешел в Партию националистов, внутри которой сумел создать сильную фракцию своих сторонников. По обычной схеме произошла перегруппировка сил в правящей верхушке — вслед за Маркосом к националистам перешла часть либералов, на поддержку Партии националистов переориентировались связанные с ним политические круги на местах (целиком в провинции Илокос — на родине Маркоса). Внутри Либеральной партии после раскола также сохранилась группа приверженцев будущего президента.

Но Маркос опирался не только на поддержку традиционной элиты, он пришел к власти как популярный лидер, сумевший привлечь симпатии многих рядовых филиппинцев. Его избирательная программа, выдвинувшая лозунг «рис, школы, дороги», была обращена к широким массам и включала обещания социально-экономических реформ, направленных на улучшение жизни народа и проведение независимой внешней политики, что отвечало патриотическим настроениям филиппинцев. Большинство этих обещаний не было выполнено, но в деятельности нового правительства присутствовали некоторые позитивные тенденции и начинания, которые способствовали популярности президента.

Государственная экономическая политика во второй половине 60-х годов была направлена на поиски путей преодоления промышленной отсталости, поднятия сельскохозяйственного производства и его модернизации.

Замедление темпов роста в промышленности заставило правительство утвердить новую программу промышленного развития, отраженную в специальном государственном законодательстве. В 1967 и 1968 гг. были приняты законы «о стимулировании инвестиций», содержавшие ряд мер по поощрению национального промышленного предпринимательства. В дополнение к закону о «базовых» отраслях новое законодательство относилось к «новым», пользующимся привилегиями предприятиям лишь те, которые производят собственную продукцию (а не только занимаются сборкой или расфасовкой) либо внедряют новые технологические процессы, используя местное сырье. Принятые законы свидетельствовали об отходе от политики импортзамещения, попытках переориентировать промышленное производство на экспорт готовой продукции, с тем чтобы обеспечить повышение общих темпов экономического роста.

Стремление к экономической независимости, с одной стороны, и тесные связи филиппинской экономики с иностранным капиталом — с другой, предопределяли курс на его привлечение и одновременно ограничение его деятельности. Согласно принятым законам, стимулировалось целенаправленное вложение иностранных инвестиций в те отрасли, которые способствуют общему экономическому развитию (машиностроение, горнодобывающая промышленность и др.). Мерой, направленной на защиту интересов национальных предпринимателей, была внесенная в закон 1967 г. статья, по которой национальный капитал должен контролировать 60% акций в смешанных компаниях.

Вскоре после прихода к власти правительства Маркоса филиппинская печать стала широко рекламировать успехи новой аграрной политики, вписывая их в «актив» лично президенту. Действительно, Маркос придавал особое значение осуществлению в стране «зеленой революции», рассматривая ее как реальный путь к поднятию сельского хозяйства и рассчитывая на выигранные с пропагандистской точки зрения результаты.

сообщала филиппинская печать, среди отличившихся в войну филиппинцев Маркос получил максимальное количество американских и отечественных наград. После окончания войны он провел несколько лет в США, изучая право в Гарварде, и затем по возвращении до начала политической карьеры занимался адвокатской практикой, принесшей ему большую известность.

Комплекс мер по модернизации сельскохозяйственного производства входил в принятую в 1966 г. государственную «Программу распространения высокоурожайных сортов риса». В ней выдвигалась задача содействия росту производительности в сельском хозяйстве и решения проблемы самообеспечения страны рисом с помощью внедрения новых сортов семян⁹ и использования новой технологии. Предусматривался целый ряд мер по увеличению инвестиций в сельское хозяйство, стабилизации цен, организации кредитной системы и т. п. На первых порах осуществление «зеленой революции» дало быстрые и хорошие результаты — уже к 1968 г. Филиппины обеспечили себя рисом, отказавшись впервые от его импорта.

Новая аграрная программа встретила поддержку в среде правящих классов, увидевших в ней возможность решения аграрного вопроса без проведения социальных преобразований. На первых порах и крестьяне были привлечены перспективами «зеленой революции», сулившими улучшение их экономического положения. Однако «зеленая революция» принесла лишь кратковременное и частичное решение проблемы поднятия сельскохозяйственного производства. Архаизм аграрных отношений служил препятствием для внедрения новых методов производства, главной причиной сдерживания «зеленой революции», которая зашла в тупик уже к началу 70-х годов. Введение новой агротехники было под силу лишь узкому слою зажиточных хозяев, возможности же использования современных методов ведения хозяйства для основной массы крестьян оказались ничтожными. Непосредственным следствием «зеленой революции» было ухудшение положения мелких крестьянских собственников, арендаторов-издольщиков и сельскохозяйственных рабочих, способствовавшее резкому обострению социальных противоречий в деревне.

В области внешней политики вопреки предвыборным обещаниям Маркос начал свою деятельность с акции, подорвавшей его престиж в глазах демократической общественности. В 1966 г. по его инициативе было принято решение об участии Филиппин в войне в Индокитае как «союзника» США и отправке в Южный Вьетнам филиппинских войск. Позиция Маркоса по «вьетнамскому вопросу» явилась данью традиции, крайним проявлением его общей политической линии, колеблющейся между традиционной проамериканской ориентацией и новым подходом к внешнеполитическим вопросам, учитывающим современную международную обстановку и национальные интересы Филиппин. К новым тенденциям во внешнеполитическом курсе можно отнести политику правительства Маркоса в Юго-Восточной Азии и позитивные сдвиги в отношениях с социалистическими странами. Азиатская политика правительства Маркоса была направлена на преодоление изоляции Филиппин в регионе Юго-Восточной Азии. В ней получила отражение и тенденция к развитию новых форм азиатского регионализма, предполагающих высвобождение азиатских стран из-под контроля западного империализма, отказ от создания проимпериа-листических блоков типа СЕАТО. Филиппины приняли активное участие в оформлении новых региональных союзов. В 1966 г. они вошли в Азиатский и Тихоокеанский совет (АЗПАК) — организацию девяти стран, поставившую целью расширение экономического и культурного сотрудничества и, кроме того, сохранявшую довольно сильную антикоммунистическую направленность. В 1967 г. была оформлена новая организация — АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), в рамках которой Филиппины с самого начала стали играть активную роль.

Изменение курса в отношении социалистических стран было связано с международной обстановкой — утверждением принципов мирного сосуществования, укреплением позиций мировой социалистической системы, а также давлением на

---

⁹ Высокоурожайные сорта риса, в том числе знаменитый «ИР-8», были выведены к 1966 г. на Филиппинах в Международном исследовательском институте риса и впервые стали внедряться на Филиппинах, а затем и в других странах, где проходила «зеленая революция». «Зеленая революция» на Филиппинах распространилась на рисоводство (преимущественно в Центральном Лусоне) и частично на производство кукурузы.

правительство национальных предпринимательских кругов, заинтересованных в расширении рынков, и передовой демократической общественности. В 1967 г. был утвержден закон о создании специального Комитета по пересмотру филиппинской политики в отношении коммунистических стран, который возглавил конгрессмен М. Энверга. Стали развиваться культурные и экономические контакты с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В целом политика Маркоса отличалась сдержанностью и непоследовательностью (под влиянием реакционных правящих кругов), курс на нормализацию отношений с социалистическими странами окончательно определился только в начале 70-х годов.

Для общественной жизни Филиппин второй половины 60-х годов было характерно усиление националистических и антиимпериалистических настроений, охвативших широкие слои филиппинцев. Одной из основных форм антиимпериалистического движения стали массовые выступления (демонстрации, марши протеста, митинги) с требованиями пересмотра «особых» отношений с США, ликвидации американских военных баз, проведения независимой внутренней и внешней политики. В отличие от 50-х годов, когда националистическое и антиимпериалистическое движение охватило в основном патриотические круги национальной буржуазии и интеллигенции, в него были вовлечены теперь широкие слои общества. Характерной чертой общественной жизни было быстрое полевение и радикализация молодежи, которая стала действовать как активная политическая сила.

В 1965—1966 гг. левые молодежные организации провели в Маниле несколько массовых демонстраций и студенческих маршей протеста против политики Соединенных Штатов во Вьетнаме, подавленных с помощью армии и полиции. Американская агрессия в Индокитае оказалась в центре общественной борьбы, особенно после решения правительства Маркоса об отправке в Южный Вьетнам филиппинских войск (на вьетнамский фронт были посланы саперные батальоны и медицинский персонал). Правительственная политика по «вьетнамскому вопросу» стала предметом острых дебатов в филиппинском конгрессе, где возникла сильная оппозиция фракции местных «ястребов». Началась широкая кампания в националистической и демократической печати, а затем и массовое движение против участия в агрессивной войне, развязанной американским империализмом, за отзыв филиппинских войск из Южного Вьетнама.

Общественный подъем второй половины 60-х годов развертывался на фоне усиления борьбы трудящихся за свои классовые интересы. Углубление социальных противоречий было связано с тяжелым материальным положением, низким уровнем жизни подавляющего большинства населения. Хроническим явлением была безработица, усугубленная «демографическим взрывом»: среднегодовой уровень естественного прироста на Филиппинах в послевоенный период — 3%, т. е. один из самых высоких среди развивающихся стран. Во второй половине 60-х годов численность полностью безработных стабильно составляла 800—900 тыс. человек (в 1965 г. — 11,6% рабочей силы в городе и 6,8% — в сельской местности, в 1967 г. — соответственно 10,3 и 6,6%). По абсолютным показателям основная масса безработных приходилась на деревню (из-за усиления процесса пролетаризации, роста аграрного перенаселения, ограниченного спроса на рабочую силу в городах).

Фактором, способствовавшим обострению социальных противоречий, была резкая имущественная поляризация. По данным переписи 1960 г., 82,7% семей в стране имели личные доходы ниже прожиточного минимума и входили в категорию «бедных и очень бедных». На их долю приходилось 47,3% личных доходов. В то же время 1,4% семей, получавших свыше 10 тыс. песо в год, имели 15,3% личных доходов. Примерно такое же соотношение в распределении доходов сохранялось до конца десятилетия.

В рассматриваемый период продолжался рост стачечного движения — в 1965 и 1966 гг. было зарегистрировано по 108 стачек, в 1968 г. — 116. Повышение классовой сознательности рабочих проявлялось и в росте организованности трудящихся. В конце 60-

х годов в стране действовали 4462 зарегистрированных профсоюза, к 1970 г. в профсоюзных организациях состояли до 30% лиц наемного труда. Характерной чертой профсоюзного движения было расширение его географических рамок, быстрое увеличение числа профсоюзов не только в старых промышленных центрах, но и в «периферийных» районах — на Висайях и Минданао, где уровень организованности трудящихся до сих пор был очень низким. Свидетельством полевения профсоюзного руководства был выход многих союзов из-под влияния соглашателей, воаниковение организаций, связанных с Коммунистической партией. Во второй половине 60-х годов было создано несколько новых профсоюзных федераций, усилилась активность Рабочей партии, принявшей в 1967 г. название Социалистическая партия Филиппин (СПФ), во главе которой стоял известный профсоюзный деятель Игнасио Локсин.

Углублялись противоречия в деревне, активизировалась крестьянская борьба. Ее новой формой стали массовые демонстрации и походы крестьян в столицу с требованиями осуществления аграрной реформы, защиты прав арендаторов, улучшения оплаты труда сельскохозяйственных рабочих. Во второй половине 60-х годов возникло движение за аграрную реформу, в котором приняли участие Федерация свободных крестьян (что свидетельствовало о полевении ее руководства) и МАСАКА. Последняя превратилась в активную организацию, объединявшую свыше 20 тыс. крестьян, арендаторов и сельскохозяйственных рабочих Центрального Лусона. Руководители МАСАКА установили контакты с Коммунистической партией Филиппин.

Осуществление генеральной линии на использование легальных форм работы в массах способствовало росту авторитета КПФ среди трудящихся. В этот период КПФ пользовалась влиянием в целом ряде профсоюзов и рабочих федераций, в крестьянском движении (прежде всего в аграрных районах Центрального Лусона), в студенческих и молодежных организациях (наиболее массовой из них была «Патриотическая молодежь», у руководства которой стояли коммунисты).

Подъем демократического движения вызывал беспокойство в господствующих классах. Часть националистически настроенной буржуазии, интеллигенции, определенные круги католического духовенства стремились отвлечь народные массы от классовой борьбы с помощью подновленных социал-реформистских программ. В 1968 г. возникло оппозиционное течение под названием Христианское социальное движение (ХСД). Его основателем, лидером и идеологом был Рауль Манглапус, представитель интеллектуальной и политической элиты, который выдвинулся на пост заместителя министра иностранных дел при Магсайсае и был сенатором при Макапагале. Программа Христианского социального движения, полностью отрицая революционные методы борьбы, включала ряд популярных лозунгов и требований — справедливого перераспределения богатств, осуществления преобразований, направленных на облегчение жизни рядовых филиппинцев, а также критику правительства и олигархической верхушки за нежелание проводить социальные реформы, коррупцию и отсутствие последовательного независимого внешнеполитического курса. В основе идеологической программы лежала пропаганда идеи «классового мира», лозунгов «христианской справедливости и равенства», обращение к патриархальным традициям. В руководство ХСД входили мелкобуржуазные националисты, представители патриотических буржуазных кругов, католического духовенства, интеллигенции.

Участие в движении католических священников было новым явлением для общественной жизни Филиппин. До сих пор католическая церковь сохраняла монолитность, выступая как один из самых реакционных политических и идеологических институтов, неизменно занимая проправительственную и проамериканскую позицию. Общественный подъем 60-х годов оказал воздействие и на филиппинскую католическую иерархию. Впервые среди ее представителей, в особенности молодых священников, появились оппозиционные настроения. Часть из них вошла в руководство ХСД, усилив также свое влияние в двух массовых организациях, контролируемых церковниками, —

Федерации свободных крестьян и Федерации свободных рабочих. Обе эти организации служили основными проводниками массовой поддержки ХСД со стороны трудящихся.

Активность Христианского социального движения возросла к концу 60-х годов. Манглапус попытался превратить его в некую «третью силу», противостоящую коррумпированным, дискредитировавшим себя политическим партиям (Националистов и Либеральной).

Значительным явлением в общественной жизни Филиппин было возникновение в 1967 г. Движения за развитие национализма (МАН — сокращение от английского названия «Movement of the Advancement of Nationalism»). Инициатива создания движения принадлежала национальной буржуазии. Основателем и главой МАН был Лоренсо Таньяда, соратник Ректо. В платформе МАН получили отражение основные идеи буржуазно-националистического движения 50-х годов. Однако в изменившейся общественно-политической атмосфере второй половины 60-х годов движение стало быстро леветь и расширять свою социальную базу. Уже в учредительном съезде МАН принимали участие представители не только патриотических буржуазных кругов и интеллигенции, но также студенческих и крестьянских организаций. В его руководстве активную роль играли известные деятели левонационалистической интеллигенции (журналист Э. Абайя и историк Р. Константине). Радикализация движения получила отражение в программе МАН, утвержденной в 1969 г. и носившей отчетливо выраженный антиимпериалистический и демократический характер.

Основными целями МАН провозглашались создание демократического общества на Филиппинах и освобождение страны от иностранного контроля. В качестве первоочередных задач выдвигались требования прекращения «особых» отношений с США, пересмотра Закона Лауреля—Лэнгли, ликвидации американских военных баз.

Участники МАН выступали за незамедлительное осуществление социально-экономических преобразований — национализации ключевых отраслей промышленности, радикальной аграрной реформы, предусматривавшей экспроприацию латифундий и распределение земли между крестьянами, мер для решения проблемы занятости, справедливого распределения доходов.

Программа МАН содержала требования коренного изменения внешнеполитического курса: выхода Филиппин из СЕАТО, укрепления контактов с развивающимися странами, установления дипломатических и экономических отношений с социалистическими государствами. Ряд требований, выдвигавшихся МАН, касался вопросов демократизации общественной жизни и перестройки («деамериканизации») всех действовавших в стране политических институтов, созданных по американским образцам и не отвечавших потребностям демократического развития общества.

Участие в движении интеллигенции предопределило большое внимание, уделявшееся вопросам «культурного национализма». Одно из самых болезненных последствий «культурной американизации» идеологи МАН видели в духовном отрыве нового поколения от старого, воспитании в филиппинцах «колониального образа мышления», ориентированного на западные идеалы и ценности. В программе МАН указывалось, что основным средством духовного порабощения и идеологической обработки филиппинцев служила созданная американцами система образования. Отсюда вытекало требование ее реорганизации на всех уровнях — от начальной школы до высшей. В программу МАН по вопросам культуры было включено требование признания общефилиппинского языка пилипшо в качестве основного государственного языка (проекты создания единого языка пилипино на базе тагальского разрабатывались уже с начала 60-х годов).

Основные положения программы МАН отвечали интересам широких демократических масс. Руководители МАН ставили своей задачей привлечение всех прогрессивных элементов общества, к которым были отнесены национальная буржуазия, студенты, интеллигенция, рабочий класс и крестьянство. К концу 60-х годов движение

превратилось в активную политическую силу. Пропаганда его программных установок получила широкий отклик в националистической и демократической печати и в массовых выступлениях трудящихся. Складывались условия, при которых Движение за развитие национализма могло стать организацией единого фронта. Консолидации всех прогрессивных сил способствовала обстановка общественного подъема и курс на расширение работы в массах, проводившийся Коммунистической партией. Этого не произошло, в чем немалую роль сыграло появление в конце 60-х годов негативных тенденций в левом демократическом движении, связанных с распространением ультралевых экстремистских взглядов и в особенности с подрывной деятельностью маоистов.

Проникновение маоистских идей на Филиппины относится еще к началу 60-х годов. Массированное наступление маоизма началось в период «культурной революции» в КНР, когда усилились гегемонистские тенденции в деятельности пекинского руководства, которое перешло к политике прямого вмешательства к раскола коммунистического движения в освободившихся странах. Ряд внутренних объективных факторов, действовавших на Филиппинах (как и в других развивающихся обществах), создавал почву, благоприятствовавшую восприятию маоистской пропаганды. Распространению маоизма способствовали отсталость социально-экономической структуры, преобладание мелкобуржуазных и крестьянских слоев, влияние в этой среде традиционных форм сознания, политическая слабость рабочего класса, преобладание в составе филиппинской компартии выходцев из крестьян и молодежи, недостаточная теоретическая подготовленность руководства КПФ. Известную роль сыграл демографический фактор — в конце 60-х годов свыше 50% населения Филиппин составляли лица моложе 20 лет. Именно молодежь с ее обостренным критическим восприятием негативных явлений существующей действительности, со стремлением к немедленным и радикальным действиям для их исправления, с идейной и политической незрелостью и неустойчивостью, проявляла особую склонность к усвоению ультрареволюционных, экстремистских программ. Она и стала главной питательной средой для распространения маоизма.

Среди филиппинских маоистов в конце 60-х годов наиболее активно действовала группировка, возглавляемая Хосе Марией Сисоном (Амадо Герреро). Сисон (род. в 1939 г.) вышел из семьи землевладельцев Южного Илокоса, получил образование в Университете Филиппин и во второй половине 60-х годов занимался преподаванием филиппинской и английской литературы и политологии в Манильском лицее. В начале 60-х годов он вступил в компартию, в 1964 г. стал членом ЦК и затем политбюро ЦК КПФ, занимаясь в основном работой среди молодежи. Сисон был одним из основателей и президентом организации «Патриотическая молодежь», первоначально стоявшей на платформе Коммунистической партии. Он был также одним из редакторов основанного в 1963 г. журнала «Прогрессив Ревью», проводившего значительную работу по пропаганде марксистских идей. Во второй половине 60-х годов, с переходом Сисона и части руководства КПФ на маоистские позиции, журнал изменил свое направление, занявшись пропагандой идеологических установок и лозунгов маоизма. В 1967 г. Сисон и его группа внутри КПФ попытались толкнуть партию на путь левацкого «революционаризма», выступив с заявлением о необходимости возвращения к вооруженным формам борьбы как единственному средству «национального и социального освобождения». Выступление группы Сисона произошло вскоре после его визита в Пекин (1966 г.). Оно встретило решительный отпор со стороны большинства в руководстве КПФ. Сисон был исключен из партии за фракционную деятельность и карьеризм.

В этот же период маоисты предприняли шаги к расколу массовых прогрессивных организаций, попытались взять в свои руки контроль над СПФ, МАН, МАСАКА. Им удалось склонить на свою сторону председателя СПФ Локсина (хотя у него существовали серьезные разногласия с Сисоном), некоторых рабочих лидеров, но в целом рабочее

движение осталось вне влияния маоистов. На позиции маоизма перешла часть крестьянских руководителей из организации МАСАКА, но большинство ее руководства продолжало поддерживать контакты с Коммунистической партией Филиппин. Не удалось маоистам создать и собственные промаоистские крестьянские организации. Действия маоистов внесли раскол в Движение за развитие национализма, влияние маоистской идеологии усилилось главным образом в среде интеллигенции и студенческой молодежи, участников МАН. Самое сильное и прочное воздействие маоистская пропаганда оказала на студенческое движение (в основном на учащихся Университета Филиппин и других столичных учебных заведений), что объясняется общим процессом его радикализации — помимо маоистских в студенческой среде появилось множество других левозэкстремистских группировок (анархистского толка, дебреистов и т. п.). По социальному составу молодежь, подверженная ультралевым настроениям, представляла средние слои и городскую мелкую буржуазию.

Под контролем маоистов к концу 60-х годов находился ряд молодежных организаций, в том числе наиболее крупные — «Патриотическая молодежь», возглавляемая Сисоном (марксистская группа вышла из нее в 1967 г.), и Движение за демократические Филиппины.

Сисон, ставший главным идеологом филиппинских маоистов, и контролируемые им молодежные организации осуществляли непосредственные контакты с Пекином. В 1968 г. при поддержке китайского руководства Сисон начал подготовку к созданию в подполье параллельной «коммунистической» партии и возобновлению партизанской войны. С этой целью группировка Сисона установила связи с руководителями отрядов так называемых новых хуков, действовавших в Центральном Лусоне (в основном в провинциях Пампанга и Тарлак). «Новые хуки» представляли собой мелкие, разрозненные вооруженные группы крестьян, часть которых возникла из остатков партизанских отрядов, уцелевших после разгрома восстания 1948—1953 гг. К концу 60-х годов в их составе уже почти не оставалось хуков старшего поколения. Некоторые из этих отрядов выродились в вооруженные гангстерские банды, часть руководителей «новых хуков» начали усердно обрабатывать маоисты. Одним из таких руководителей был командир Данте (Бернабе Бускайно), крестьянин, выходец из деревни Капас в Харлаке, действовавший со своим отрядом в этой провинции. В декабре 1968 г. в Капаса произошла встреча Сисона и Бускайно, положившая начало созданию «Коммунистической партии идей Мао Цзэ-дуна». Ее генеральным секретарем стал Сисон, а в состав ЦК кроме ряда деятелей из группы Сисона вошли Бускайно и семеро командиров «новых хуков». Тогда же была достигнута договоренность о развертывании партизанской войны. В марте 1969 г. была создана Новая народная армия (ННА), возглавленная Данте и состоявшая из нескольких крестьянских отрядов и студентов-маоистов.

Летом 1969 г. Сисон перебрался из Манилы в Тарлак, где действовали отряды ННА. Маоистское руководство попыталось претворить в жизнь «революционную» теорию. Во второй половине 1969 г. ННА начала военные операции в Пампанге и Тарлаке. Следуя китайским установкам, она перешла к наступательной тактике, созданию «освобожденных районов» и «революционных» баз, чем обрекла себя на быстрый разгром правительственными войсками и констабулярией. Военное поражение и усилившийся антагонизм между крестьянами и студентами внутри ННА привели к разрыву между Бускайно и Сисоном, так что последний был вынужден уйти из ННА. Уцелевшие остатки отрядов Данте перебазировались на север, в провинции Самбалес и Исабела.

Филиппинские коммунисты сумели противостоять натиску маоистских раскольников, сохранили верность марксистско-ленинской идеологии, вели последовательную и решительную борьбу с левым «революционаризмом». Идеология маоизма получила распространение в ограниченной социальной среде, ее основной опорой стала лишь часть студенческой молодежи и интеллигенции. Тем не менее

подрывная деятельность маоистов принесла немалый вред. Она привела к расколу коммунистического движения, ослаблению массовых демократических организаций (МАН и МАСАКА), способствовала распространению левацких экстремистских взглядов среди значительной части студенческой молодежи, сорвала усилия филиппинских коммунистов и других прогрессивных сил по созданию широкого антиимпериалистического фронта.

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА РУБЕЖЕ 60—70-х ГОДОВ

Рост социального недовольства, получивший отражение в общественном подъеме 60-х годов, сопровождался усилением противоречий внутри господствующих классов. Основным содержанием этого процесса было углубление конфликта между олигархической правящей элитой и национальной буржуазией, которая стремилась к окончательной ликвидации традиционной власти «старой олигархии». Кризис «в верхах» был подготовлен всем ходом внутреннего развития филиппинского общества в период независимости, характеризовавшимся неуклонным ростом экономического и политического влияния нового поколения национальной буржуазии. Он получил выражение в усилении политической борьбы, достигшей высшего накала к моменту новых президентских выборов 1969 г. Впервые в истории независимых Филиппин президент добился своего переизбрания на второй срок. Результаты выборов во многом определила позиция Маркоса, сумевшего оценить изменение в соотношении классово-политических сил и сделавшего главную ставку на национальную буржуазию. Именно устремления национальной буржуазии, заинтересованной в обеспечении условий для экономического прогресса и независимого развития, легли в основу избирательной программы президента. Сыграла роль и умелая тактика Маркоса, учитывавшего настроения широкой общественности. Одним из предвыборных обещаний президента было обязательство вывода филиппинских войск из Вьетнама (оно было осуществлено вскоре после его переизбрания), встреченное с одобрением большинством филиппинцев. Популярности Маркоса способствовали и некоторые успехи в экономической области, в первую очередь — самообеспечение рисом (спад его производства наступил несколько позже, с начала 70-х годов), и осуществление курса на развитие контактов с социалистическими странами.

Выборы 1969 г. свидетельствовали о политическом банкротстве «старой олигархии». Кандидат от Либеральной партии С. Осменя (младший), ставленник земельной аристократии и старой бюрократической верхушки, потерпел сокрушительное поражение — Маркос собрал огромное большинство голосов.

Приход к власти второго правительства Маркоса вызвал дальнейшее обострение противоречий внутри правящих классов. Политическая борьба, обычно затихавшая после окончания выборных кампаний, приобрела еще более ожесточенный характер, концентрируясь вокруг фигуры президента. Лейтмотивом политической жизни начала 70-х годов стало формирование многочисленных оппозиционных течений и группировок, выступавших против Маркоса. Наиболее активно действовала «старая олигархия», представители которой организовали широкую антиправительственную кампанию в конгрессе, правой печати, внутри обеих партий, на местах.

Одним из главных политических противников Маркоса с конца 60-х годов стал Б. Акино (младший), сын известного коллаборациониста, сенатор — депутат от Либеральной партии, заявивший о намерении выставить свою кандидатуру на пост президента на выборах 1973 г. Его программа предусматривала ликвидацию латифундий, но фактически он имел целью установить личную диктатуру. В то же время Акино, будучи сам крупным землевладельцем, продолжал поддерживать связи со «старой олигархией», правой оппозицией, а в начале 70-х годов установил контакты с маоистскими группировками в

Тарлаке (где концентрировались земельные владения его семейства), рассчитывая использовать их для борьбы с Маркосом.

На рубеже 60—70-х годов активизировалось ХОД, представлявшее левоцентристское течение в оппозиции Маркосу. Его лидер Р. Манглапус также собирался выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1973 г., намереваясь создать новую «христианскую» партию по образцу европейских. Католическое духовенство раскололось на несколько группировок — в его рядах появилось много сторонников ХСД, наблюдалось дальнейшее полевение молодых священников, причем часть из них подпала под влияние маоизма; в то же время верхушка католической иерархии занимала консервативные позиции, ряд ее представителей поддерживал реакционные элементы из правой оппозиции.

Крайне левый фланг оппозиции был представлен многочисленными экстремистскими группировками, из которых наиболее активными были маоисты. Во многих случаях маоисты шли на прямое сотрудничество с наиболее реакционными элементами, их использовали правые политики, представители помещичьей олигархии для устранения политических противников (вплоть до организации политических убийств и разного рода провокаций). В 1971 г. возобновились вооруженные выступления ННА в провинции Исабела, ее руководители расширили контакты с КНР, в частности получали большие партии китайского оружия. Маоистские группы, действовавшие в Маниле, стали прибегать к тактике «городских партизан», террористическим актам, организовали серию взрывов и покушений на видных политических и государственных деятелей. Провокации маоистов сопровождали почти все массовые выступления трудящихся, вызывая ненужные жертвы и применение насилия со стороны армии и полиции. Действия маоистской оппозиции накаляли и без того напряженную политическую обстановку.

Обострение противоречий в политической жизни страны было одним из симптомов кризиса существующей государственно-политической системы, сложившейся еще под властью США и превращенной в орудие власти в руках олигархической элиты. Несоответствие буржуазно-демократической формы и реального содержания действовавших политических институтов проявлялось в сохранении сильных феодально-колониалистских традиций во всех звеньях государственно-политической структуры, вырождении двухпартийной системы, превратившейся в инструмент беспринципной борьбы между соперничающими политическими группировками, засилье на местах помещичье-бюрократической олигархии, опиравшейся на своих ставленников, в конгрессе и государственном аппарате, росте таких явлений, как коррупция, достигшая колоссальных размеров и поразившая всю политико-административную систему, беззаконие, политический гангстеризм и т. п. С начала 70-х годов стали раздаваться настойчивые требования изменения существующей формы организации власти, пересмотра конституции 1935 г., механизма выборов и двухпартийной системы. С 1971 г. приступил к работе Конституционный конвент, созванный президентом для выработки новой конституции, которая предусматривала переход к парламентской форме правления европейского типа.

В составе конвента оказались как представители буржуазно-националистических кругов, так и значительное число профессиональных политиков, что предопределило сильные противоречия между его участниками.

Политический кризис усугублялся экономической нестабильностью — замедлением темпов экономического роста, трудностями и противоречиями процесса индустриализации, продолжающейся зависимостью от иностранного капитала, тяжелым состоянием сельского хозяйства (начавшийся спад «зеленой революции» уничтожил надежду на поднятие сельскохозяйственно-то производства с помощью чисто технических средств), пагубно воздействовавшим на общее экономическое развитие.

Кризисные явления в политической и экономической жизни сопровождались обострением социальных противоречий. С конца 60-х годов вновь поднялась волна

социального недовольства в деревне, выливавшаяся в массовые походы и демонстрации крестьян с требованиями осуществления аграрной реформы. Особая напряженность создалась в районах проведения «зеленой революции», вызвавшей усиление противоречий между массами издольщиков и безземельных батраков, с одной стороны, и зажиточной деревенской верхушкой и помещиками — с другой.

Пришел в движение и мусульманский юг Филиппин. С 1968 г. провинция Котабато на Минданао стала ареной вооруженных столкновений между местным мусульманским и христианским населением в значительно более крупных масштабах, чем в прежние годы. Эти вспышки стихийного антагонизма оказались лишь прелюдией к мощному повстанческому движению мусульман, развернувшемуся в начале 70-х годов.

Причинами обострения обстановки на мусульманском Юге были сохранение социально-экономической отсталости южных районов, проведение правящими кругами Филиппин дискриминационной политики в отношении нацменьшинств, способствовавшей укреплению этнической, культурной и религиозной обособленности мусульманского общества. В то же время усиление процесса капиталистического развития Филиппин после достижения независимости затронуло и южную периферию.

В государственные программы экономического развития, как правило, включались мероприятия по хозяйственному освоению южных территорий (прежде всего Минданао), значительно возросла иммиграция из перенаселенных промышленных центров, в результате чего увеличились масштабы отторжения земель, принадлежавших мусульманскому населению. Большинство конфликтов между мусульманами и христианами выражали протест моро против захватов земельных участков.

Втягивание южных районов в систему капиталистического хозяйства способствовало углублению социальной дифференциации в мусульманском обществе, развитию таких явлений, как аграрное перенаселение и безработица. Вторжение капиталистических отношений привело к росту национального самосознания мусульманских народов (этот процесс стал отчетливо проявляться с 50-х годов). Его носителем выступила местная образованная прослойка, принадлежавшая к имущим слоям. В условиях исторически сложившейся этнической и культурной изоляции мусульманских народов развитие их национального самосознания происходило вне процесса общефилиппинской национальной консолидации и получило выражение в усилении мусульманского национализма, возникновении течений, направленных к модернизации и реформации ислама, установлении контактов с мусульманскими государствами в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке.

Организационное оформление мусульманского националистического движения относится к 50-м годам. В вопросах взаимоотношений мусульманской периферии и христианского центра лидеры и идеологи первых мусульманских организаций занимали умеренную позицию, не выходящую за рамки требований автономного управления, ликвидации политической дискриминации, принятия мер по социально-экономическому развитию южных районов. Во второй половине 60-х годов среди мусульманских националистов (главным образом молодого поколения) возникло радикальное течение, выступившее с сепаратистскими лозунгами и пропагандой вооруженных методов борьбы. Сепаратистские лозунги получили отражение в программах многочисленных организаций, возникших в конце 60-х годов. Наиболее крупные из них — созданное в 1968 г. «Движение за независимость мусульман» (с 1970 г. переименованное в «Движение за независимость Минданао»), развернувшее повстанческую борьбу в Котабато и районе оз. Ланао, и основанный в 1969 г. Фронт национального освобождения моро (ФНОМ), который возглавил повстанческое движение с 1973—1974 гг. На рубеже 60—70-х годов возникли также многочисленные экстремистские группы и вооруженные банды, занимающиеся уничтожением христианского населения (подобные же экстремистские группы стали создаваться и местными христианами). Массовую базу повстанческого движения составляет молодежь и крестьянство, у руководства мусульманских

организаций, как правило, стоят выходцы из имущих слоев. С начала 70-х годов «мусульманский вопрос» стал одной из наиболее острых политических проблем Филиппин.

Таким образом, в начале 70-х годов страна находилась в состоянии глубокого кризиса, поразившего все сферы жизни филиппинского общества. Необходимость принятия срочных мер по преодолению сложившейся ситуации стала осознаваться правящими классами. Наиболее дальновидным политиком оказался президент Маркос, сумевший перейти к практическому решению этих проблем. В начале 1971 г. Маркос призвал к «демократической революции сверху». В качестве первоочередных задач выдвигались борьба с помещичье-бюрократической олигархией, ликвидация ее политического и экономического влияния и проведение реформ «сверху» для предотвращения социального взрыва, создание условий для политической стабилизации и экономического прогресса. В качестве основной меры по обеспечению реализации мероприятий, намеченных программой, предполагалась централизация государственной власти в руках президента. В выработке программы и в последовавших затем событиях прослеживалось влияние объективных факторов и субъективного элемента — характера личности Маркоса, с одной стороны, осознавшего опасность объективно сложившейся обстановки и вынужденного выработать незамедлительные и эффективные меры по преодолению кризиса, с другой — движимого личными побуждениями — стремлением сохранить власть в качестве главы государства.

Необходимо отметить, что Маркос действовал с позиций реалистически мыслящего буржуазно-националистического деятеля. Выработанная им программа отвечала в первую очередь устремлениям крупной национальной промышленной буржуазии, заинтересованной в ликвидации власти «старой олигархии» и расчистке пути для ускорения капиталистического развития. Представители этого слоя и связанных с ними технократов принимали непосредственное участие в выработке президентской программы. Реальной силой, на которую возлагалась задача насильственного устранения правой и левой оппозиции и обеспечения концентрации власти в руках президента, выступила армия. Руководители военно-полицейских сил действовали в тесном контакте с президентом. 21 сентября 1972 г. Маркос подписал декрет о введении в стране чрезвычайного положения, используя в качестве предлога покушение на министра обороны, предположительно организованное маоистами. В последовавших затем заявлениях Маркос обосновал введение чрезвычайного положения угрозой со стороны левой оппозиции (в первую очередь маоистской) и заговором правых сил, связанных с помещичьей олигархией. Произошла смена формы правления, установлена единоличная власть президента, распущен конгресс, а вскоре и все политические партии. Введение чрезвычайного положения сопровождалось арестами большинства оппозиционных лидеров, ряда представителей помещичьей верхушки, связанных с ней политических боссов, крупных чиновников и т. д. Были запрещены все органы печати (правого и левого направления), средства массовой информации поставлены под контроль правительства, распущены массовые демократические организации. С первых дней введения чрезвычайного положения началась ликвидация частных армий земельных магнатов (общее число вооруженных наемников превосходило численность регулярной армии), изъятие огнестрельного оружия у частных лиц (более 600 тыс. единиц), стали приниматься решительные меры по борьбе с коррупцией и преступностью.

Вместе с декретом о чрезвычайном положении было обнародовано решение о проведении комплекса социально-экономических преобразований.

Глава XIV

В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

Введение чрезвычайного положения и сопутствующие акции, осуществленные правительством, не были простым переворотом «в верхах», который привел бы к очередной перегруппировке сил внутри правящей элиты. События 1972 г. сопровождалось переходом к новому курсу, предполагающему существенные изменения в социальной, экономической и политической структуре Филиппин в результате проведения выдвинутой правительством программы преобразований.

Как отмечалось, его основы были разработаны Маркосом еще в самом начале 70-х годов, тогда же были сформулированы основные политические и идеологические установки, которые после сентября 1972 г. были превращены в официальные политико-идеологические принципы строительства «нового общества», выдвигаемого в качестве главной национальной цели. В настоящее время, согласно официальному определению, страна переживает переходный период, содержанием которого является претворение в жизнь правительственной программы социально-экономических и политико-административных реформ.

В концепции «демократической революции», выработанной Маркосом в качестве теоретического обоснования нового курса, соединены элементы буржуазно-либеральных, буржуазно-националистических взглядов и заимствований из современных западных экономических и социологических теорий, анализирующих процессы развития освободившихся стран. В основу идеологии «нового общества» положены идеи эгалитаризма в их традиционном буржуазном понимании. Целью «демократической революции» провозглашено создание «общества равных». Для ликвидации разрыва между экономическим положением богатого меньшинства и подавляющего большинства бедняков, порождающего социальное неравенство и создающего почву для социальных конфликтов, предлагаются меры по «демократизации богатства». Они исключают возможность «лишения богачей их богатств насильственным путем» и конкретно должны выражаться в политике регулирования собственности, ее частичного перераспределения с помощью мероприятий экономического характера (налоговой политики и т. п.), никоим образом не предусматривая изменения существующих отношений собственности.

Программа строительства «нового общества» на Филиппинах — одна из разновидностей многих подобного же рода проектов создания «нового порядка», выдвигаемых буржуазно-националистическими лидерами и идеологами развивающихся стран в попытках найти эффективные средства для достижения экономической самостоятельности. Столь же характерно обращение к поискам некоего «третьего пути» в противовес капиталистическому и социалистическому. Отвергая социалистический путь развития, Маркос объявляет и капитализм неприемлемым для Филиппин, усматривая альтернативу в «особом», филиппинском пути, который на деле является лишь вариантом капиталистического.

Очевидна классово-политическая направленность нового курса. Идея предотвращения «социального взрыва», революционной инициативы «низов» с помощью «революции сверху» является лейтмотивом идеологической концепции «нового общества».

Суть современного этапа, переживаемого Филиппинами, — в попытках правящих кругов создать условия для форсированного развития капитализма, достижения политической стабильности, предотвращения и сдерживания социальных конфликтов, укрепления национального единства. Основным инструментом для реализации этих целей служит правительственная программа преобразований, буржуазных по своему характеру. Их инициатором выступил президент, опирающийся на предпринимательские круги крупной национальной буржуазии и выражающих ее интересы технократов. Для обеспечения условий ускоренной капиталистической трансформации они пошли на ломку политической и социально-экономической структуры, насильственное устранение социальных сил и институтов, которые мешают процессу капиталистического переустройства.

В соответствии с идеологическими установками была выработана новая стратегия экономического развития. Правительство утвердило четырехлетний план (1974—1977), в котором были поставлены задачи более равномерного распределения доходов и богатств, создания условий для увеличения занятости, содействия социальному развитию, ускорения экономического роста. В области промышленности был взят курс на поощрение отраслей, ориентирующихся на экспорт, строительство трудоемких предприятий с целью расширения занятости, промышленное освоение отсталых районов (в план, в частности, включена программа «реконструкции Минданао»).

Реализация новой экономической программы осложняется действием многих негативных факторов внутреннего и внешнего характера. Среди главных трудностей, препятствующих ее осуществлению, могут быть названы: общая отсталость экономической структуры; голод, который испытывает филиппинская экономика в отношении капиталов, новой технологии, квалифицированных кадров; сохранение сильных позиций иностранного капитала; неблагоприятное воздействие на экономическое положение Филиппин мирового экономического кризиса. Четырехлетний план не был выполнен по ряду показателей. В настоящее время утвержден новый, пятилетний план (1978—1982), который является частью долгосрочной программы экономического развития, выдвинувшей цель превращения Филиппин к 2000 году в индустриально-аграрную страну. Пятилетний план направлен на ускорение процесса капиталистической индустриализации, предусматривает создание современных отраслей тяжелой промышленности (нефтехимия, производство атомной энергии и др.) и одновременно развитие отраслей по производству товаров широкого потребления.

Как и в предыдущем плане, сохраняется ориентация на преимущественный рост частного предпринимательства. Вместе с тем расширяются экономические функции государства (в сфере регулирования и планирования и увеличения государственного инвестирования, прежде всего в инфраструктуру).

Иностраный капитал играет серьезную роль в экономике Филиппин. После событий 1972 г. правительство перешло к курсу на поощрение (с помощью ряда законодательных мер) иностранных инвесторов. Политика в отношении иностранного капитала связана с нехваткой капиталов, сохраняющейся зависимостью от внешних источников финансирования, отсутствием условий на местах для повышения технического уровня производства. На конец 1976 г. частные иностранные капиталовложения в филиппинскую экономику составляли 1,3 млрд. долл. (из них 48,2% приходилось на долю США, 21,6% — Японии). В настоящее время в стране действуют 60 межнациональных корпораций (с преобладанием американского капитала), треть из 200 крупнейших предприятий полностью или частично принадлежит иностранцам. В то же время действие тенденции к дальнейшему усилению позиций национальной промышленной буржуазии будет неизбежно способствовать углублению ее противоречий с иностранным монополистическим капиталом.

В центре программы социально-экономических преобразований находится аграрная реформа. Она носит отчетливо выраженный антифеодальный характер. Ее цель — создание условий для развития капитализма в сельском хозяйстве. 21 октября 1972 г. был обнародован Декрет об аграрной реформе. Его действие распространяется на районы рисоводства и кукурузоводства, где преобладает издольщина. По новому декрету, на этих землях она объявлена вне закона. Помещичьи земли передаются бывшим арендаторам в размере от 3 до 5 га на семью на условиях выкупа (рассрочка 15 лет). Прежние владельцы земли могут сохранять за собой не более 7 га для ведения личного хозяйства. 10% выкупа за отобранные земли помещики получают наличными, остальное — в виде акций и ценных бумаг, что стимулирует перелив их доходов в промышленное производство. Осуществление реформы привело к ликвидации крупного помещичьего землевладения (соответственно был нанесен удар помещичьей олигархии), но одновременно затронуло собственность многочисленных мелких помещиков-абсентеистов. Стремясь сохранить

поддержку нового режима со стороны этого социального слоя (большинство помещиков-абсентеистов представлено средним звеном городского чиновничества), правительство пошло на повышение «потолка» землевладения с 7 до 25 га.

Важной составной частью аграрной реформы является программа создания сельских кооперативов, куда обязаны вступать все бывшие арендаторы, получившие землю. Согласно программе развития кооперативного движения, сначала создаются кредитно-сбытовые кооперативы на уровне деревни, которые впоследствии предполагается объединить в федерации кооперативов в масштабе всей страны с производственными функциями.

Осуществление аграрной реформы принесло ряд положительных результатов: подорваны позиции крупного помещичьего землевладения феодального типа; вступили в действие факторы, стимулирующие капитализацию сельского хозяйства; происходит некоторое улучшение материального положения беднейших слоев крестьянства; аграрная реформа благотворно влияет на подъем сельскохозяйственного производства. Вместе с тем осуществление аграрных преобразований сталкивается с серьезными сложностями и препятствиями объективного и субъективного характера — саботаж со стороны не до конца ликвидированной помещичьей олигархии, противоречия вокруг вопроса о содержании и глубине проводимых мероприятий в тех кругах, на которые опирается правительство, нехватка финансовых средств, квалифицированных кадров и т. д. В результате намеченные сроки завершения реформы (планировалось ее осуществление за три года — до 1975 г.) были отодвинуты, ее проведение идет значительно медленней, чем предполагалось. Согласно официальным данным, к апрелю 1974 г. сертификаты на право владения участками получили 200 тыс. крестьян, обрабатывающих 429,5 тыс. га (из 1 млн. арендаторств, на которых распространяется закон об аграрной реформе). К январю 1978 г. сертификаты были выданы еще 258,9 тыс. крестьян, обрабатывающих 446,7 тыс. га рисовых и кукурузных полей. Свыше 0,5 млн. крестьян остаются арендаторами, переведенными на уплату фиксированной ренты вместо издольной аренды.

В общую программу социально-экономических преобразований входит ряд мероприятий, осуществляемых под лозунгом «социальной справедливости» и направленных на смягчение социальных противоречий. К ним относятся новое трудовое законодательство, принятое в мае 1974 г. (которое наряду с определенными уступками рабочим содержит меры по усилению контроля государства над рабочим движением), программа занятости (создание дополнительных рабочих мест в трудоемких отраслях, строительство промышленных предприятий на периферии и др.), дешевое жилищное строительство и некоторые другие меры. Осуществление этих программ привело к повышению жизненного уровня какой-то части трудящихся, но в целом кардинальных изменений не произошло.

В программе социально-экономического развития, осуществляемой на Филиппинах, отразились изменения в расстановке классовых сил, представляющих социальную опору правительства. Основной политической силой нового режима стала крупная промышленно-банковская буржуазия, т. е. та часть национальной буржуазии, которая наиболее заинтересована в осуществлении преобразований, направленных к ускорению капиталистического развития.

Предпринимательские круги крупной национальной буржуазии, в целом действующие в качестве основной социальной опоры нового режима, неоднородны. Помимо слоя капиталистов, участвующих в развитии крупного национального промышленного предпринимательства, заметную роль играют представители бюрократического капитала, появившиеся благодаря связям с государственным аппаратом, и прослойки потребительского типа, вкладывающие капиталы в непроизводительные отрасли экономики. Отсутствие монолитности в силах, составляющих опору режима, порождает противоречия и борьбу в их среде вокруг вопросов, связанных с содержанием и направлением проводимых преобразований.

Одним из важных социально-политических сдвигов, происшедших после 1972 г., является существенное изменение роли армии. Со времени автономного режима, когда была создана национальная армия, она никогда не оказывала серьезного влияния на государственную политику, выполняя исключительно военно-полицейские функции. Это объяснялось рядом причин: формой государственно-политической организации общества, сохранением американского контроля над вооруженными силами страны, почти полным отсутствием связей между новой национальной буржуазией и военными кругами, наличием частных армий у представителей помещичьей олигархии.

В настоящее время армия вместе с предпринимательскими кругами крупной национальной буржуазии и технократами составляет основу социально-политической опоры нового режима, является важнейшей частью государственной системы. Происходит процесс «политизации» армии, расширения ее функций. Руководители военно-полицейских сил принимают непосредственное участие в определении государственной политики, входя в ближайшее окружение президента. В руках высших военных чинов сосредоточено управление ключевыми промышленными предприятиями (государственными и частными), представители вооруженных сил привлекаются к решению вопросов, касающихся просвещения, средств массовой информации и др.

С введением чрезвычайного положения Маркос приступил к реорганизации армии. С 1972 г. численность вооруженных сил и полиции возросла почти в 4 раза. Принимаются меры по улучшению подготовки военных кадров, проводится модернизация военной техники, растут бюджетные ассигнования по статье на оборону (в 1975/76 г. они уже превышали 460 млн. долл., увеличившись на 50% в сравнении с предыдущим финансовым годом).

Маркос объясняет проведение курса на укрепление и увеличение вооруженных сил задачами поддержания общественного порядка и необходимостью борьбы с внутренней оппозицией. В то же время с момента введения чрезвычайного положения политика Маркоса в отношении армии отмечена вполне четким стремлением держать под контролем военно-полицейские силы, препятствовать возникновению тенденции к превращению армии в самостоятельный политический организм. Опасаясь как высшего командного состава, так и младшего офицерства, подверженного левым настроениям, Маркос старается не выпускать военных из-под своего влияния, проводя время от времени чистки в армии, распространяемые на все звенья военного аппарата. Крупная чистка, коснувшаяся высшего командного состава, офицеров и рядовых, была проведена весной 1976 г. Очевидно, цель этого политического мероприятия заключалась не только в борьбе с коррупцией, в необходимости омоложения командного состава и пополнения его более квалифицированными кадрами, но и в проверке лояльности, выявлении возможных оппозиционных настроений среди офицерства, усилении личного контроля президента над вооруженными силами.

Трудности, стоящие на пути реализации программы социально-экономических преобразований, необходимость мобилизации всех общественных сил, заинтересованных в ее претворении в жизнь, наличие внутренней оппозиции, прежде всего справа, со стороны не до конца ликвидированной помещичьей олигархии,— все эти факторы заставляют правительство проводить политику по расширению социальной базы режима. Одно из главных направлений этой политики заключается в обеспечении поддержки проводимого курса со стороны широких трудящихся масс. Этой цели служат осуществление центрального мероприятия социально-экономической программы — аграрной реформы — и комплекса мер по достижению «социальной справедливости». Все эти мероприятия призваны создать почву для массовой поддержки режима. В этом плане показательна «либерализация» политики правительства в отношении левых демократических сил, прежде всего коммунистического движения. Маркос заинтересован в поддержке компартией аграрной реформы, которая проводится преимущественно в районах, где коммунисты традиционно пользуются влиянием среди местных крестьян.

Нормализация отношений с КПФ дает возможность привлечения сочувствующей коммунистам демократической интеллигенции, а также способствует изоляции левацких экстремистских элементов, смыкающихся с правой реакцией.

Учитывая наличие в правительственной программе ряда позитивных мер, содержащих основу для реального улучшения положения трудящихся и дальнейшего углубления социально-экономических преобразований, Коммунистическая партия Филиппин взяла курс на поддержку этих мер — в первую очередь аграрной реформы и внешнеполитических мероприятий, направленных к нормализации и расширению отношений с социалистическими странами. Одновременно компартия стала шире использовать легальные возможности работы в рабоче-крестьянских массах. Такие возможности появились после переговоров в 1974 г. между Маркосом и генеральным секретарем КПФ Фелисисимо Макапагалом. В результате переговоров коммунисты добились от правительства фактического признания легальной деятельности КПФ, легализации массовых движений, освобождения заключенных коммунистов.

С точки зрения изменений в политической структуре сегодняшних Филиппин переход к новому режиму был «ответом» на кризис сложившейся формы политической организации власти. При отсутствии на Филиппинах условий, которые могли бы обеспечить перестройку старой политической структуры на действительно демократической основе, освободив ее от влияния феодально-колониалистских традиций, переход к авторитарным способам управления оказался, по существу, единственной альтернативой создавшейся кризисной ситуации.

В 1973 г. была введена новая конституция, предусматривающая установление системы парламентской демократии по типу западноевропейских буржуазных государств. Однако проведение в жизнь основных ее положений было отложено.

Правительство с 1972 г. осуществило ряд мер, в результате которых была полностью изменена система административного управления. Большое значение придается теперь функционированию нового политического института — гражданских собраний (барангаев), постоянно действующих собраний всего населения городов и деревень, созываемых во время проведения крупных политических кампаний общенационального масштаба и наделенных некоторыми функциями органов местной власти. Система барангаев распространяется на все районы страны (сельские и городские) и предусматривает участие всех жителей избирательного возраста. Институт барангаев широко рекламируется официальной пропагандой как подлинно демократические, основанные на национальной традиции органы народного представительства, подготавливающие переход к демократизации всей политической системы, согласно новой конституции. В действительности система барангаев находится под контролем правительства и служит одним из главных инструментов по обеспечению массовой поддержки нового курса. Действие системы барангаев было продемонстрировано не однажды при проведении референдумов (в январе и июле 1973 г., в октябре 1976 г., в декабре 1977 г.), в ходе которых подавляющее большинство филиппинцев одобрило правительственный курс и высказалось за сохранение прерогатив главы государства в руках Маркоса. Итоги этих крупных политических кампаний, хотя и организованных сверху, служат тем не менее определенным свидетельством настроений широких слоев населения.

Непосредственно делами управления государством занимается группа лиц, представляющих крупную промышленно-банковскую буржуазию, связанных с ней технократов и армию, в ее составе есть также отдельные представители левонационалистических кругов. В ближайшее окружение президента входят правительственные чиновники, занимающие высшие государственные посты «связанные с крупным бизнесом. Большим политическим влиянием пользуется жена президента, Имельда Ромуальдес Маркос, получившая в 1975 г. назначение на пост губернатора Большой

Манилы, а в июне 1978 г. — министра по вопросам экологии, жилищ и коммунального хозяйства.

В отношении своего ближайшего окружения Маркос придерживается тактики балансирования между представителями технократии и армии, рассматривая каждую из этих группировок в качестве противовеса в случае усиления одной из них, бдительно следя, чтобы не происходило резкого нарушения равновесия сил или выдвижения отдельных лиц, которые потенциально могут представлять опасность для президента.

Проводившиеся дважды тотальные чистки госаппарата (в 1972 и 1975 гг.) помимо замены старых чиновничьих кадров сторонниками нового режима преследовали цель борьбы с коррупцией. Однако явления патернализма, семейственности не изжиты. Появилась новая почва для их развития, в частности произошло выдвижение в круг 'правлящей элиты' представителей некоторых новых семей, которые заняли ведущие позиции в важнейших сферах политической, экономической и общественной жизни Филиппин.

Тенденция к централизации государственной власти сохранится, очевидно, и с отменой чрезвычайного положения. Подтверждением этого могут служить недавние события в политической жизни страны. Референдум, проведенный в октябре 1976 г., одобрил ряд поправок к конституции 1973 г. Было утверждено решение президента о созыве Временного национального собрания. Одновременно было санкционировано автоматическое совмещение Маркосом функций президента и премьер-министра с правом налагать вето на любые законопроекты Временного национального собрания, распускать парламент (в случае если президент решит, что законодательная власть «не выполняет своих обязанностей») и управлять страной на основе президентских декретов. Эти конституционные изменения были вновь подтверждены во время очередного референдума в декабре 1977 г.

7 апреля 1978 г. состоялись выборы во Временное национальное собрание (Батасан памбанса), объявленные правительством в качестве «первого шага на пути нормализации» политической жизни страны. Во время 45-дневной предвыборной кампании была разрешена деятельность политических партий, к участию в выборах (хотя и ограниченному) были допущены представители оппозиции. Старые, в прошлом ведущие партии — Националистов и Либеральная — не смогли выйти из состояния кризиса и вернуться к политической деятельности. В итоге выборов была обеспечена полная победа проправительственных сил, объединившихся в возглавленном Маркосом «Движении за новое общество» (Килусанг багонг липунан), куда вошли представители и бывшей Партии националистов и Либеральной. Избранное Временное национальное собрание, первая сессия которого открылась 12 июня 1978 г. — в День независимости, состоит из сторонников нового режима, поддерживающих правительственный курс. Высшая исполнительная и законодательная власть сосредоточена в руках Ф. Маркоса, действующего в качестве президента и премьер-министра.

Результаты политико-административных реформ не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, произошло укрепление единоличной власти президента, установление авторитарной формы правления. Субъективный фактор — стремление Маркоса сохранить в своих руках всю полноту власти — продолжает играть большую роль в определении общей политической стратегии правительства. С другой стороны, слом старой государственно-политической системы, которая обеспечивала господствующие позиции реакционной помещичье-буржуазной и бюрократической верхушке, препятствовавшей осуществлению прогрессивных преобразований, позволил провести ряд мер по ускорению капиталистического развития и оздоровлению политической атмосферы.

Оппозиция режиму «нового общества» представлена различными слоями и группами — от крайне правых до крайне левых (в основном теми, что сложились на рубеже 60—70-х годов). «Старая олигархия» еще сохраняет влияние на местах, имеет

сторонников в госаппарате, деловом мире, армии. С нею связаны правые элементы из числа политических деятелей — противников Маркоса, частично руководство католической церкви, представители зарубежных группировок из бывших политических соперников Маркоса, выехавших в США и Канаду после введения чрезвычайного положения¹. Левую оппозицию представляют разного рода экстремистские группировки и течения, среди которых по-прежнему наиболее активны маоисты². Маоистская пропаганда имела успех среди части студенчества, военных, молодых священников (создавших собственную про-маоистскую организацию «Христиане — за национальное освобождение»), интеллигенции, недовольных установлением авторитарной формы правления и другими мерами, связанными с введением чрезвычайного положения. Антимаркосовское движение маоистского толка существует также в среде филиппинских эмигрантов в США (студентов, представителей интеллигенции). Маоизм как идеологическое и политическое течение наносит вред национально-освободительному и коммунистическому движению, давая в корне неправильную оценку нынешней ситуации в стране с ультралевых позиций (полное отрицание всякого позитивного содержания в программе преобразований, характеристика режима как профашистского и диктаторского и т. п.) и мешая объединению левых прогрессивных сил.

Как правая, так и левая оппозиция (внутри страны и за рубежом), неоднородная по социальному составу, классовым и политическим устремлениям и интересам, отличается разобщенностью, слабостью, не обладает реальной силой для свержения нового режима.

В последнее время наблюдается смыкание ультралевого движения с правой оппозицией. Наглядно эта тенденция проявляется в выступлениях за отмену чрезвычайного положения, против централизации власти в руках президента, в которых участвуют представители левых и правых оппозиционных течений. Крупные антиправительственные демонстрации происходили в Маниле в августе—сентябре 1977 г., в канун 5-й годовщины введения чрезвычайного положения. Предвыборная кампания весной 1978 г. сопровождалась активизацией оппозиционных сил. Действия организованной оппозиции ограничивались, однако, районом Большой Манилы. Здесь возникла организация оппозиционных элементов — Лабан (Борьба), заявившая о намерении участвовать в выборах 7 апреля 1978 г. Ее возглавил находящийся в тюрьме бывший сенатор Б. Акино, получивший разрешение президента баллотироваться во Временное национальное собрание³. Руководство оппозиции попыталось использовать для антиправительственной пропаганды средства массовой информации (в частности, Акино обратился с рядом воззваний к филиппинскому народу, выступил по телевидению, собрав большое число телезрителей), организовало демонстрации и митинги (одна из наиболее крупных демонстраций произошла 6 апреля — накануне выборов, в ней участвовали в основном манильские студенты). В списке кандидатов от Лабан, баллотировавшихся в Большой Маниле, присутствовал ряд бывших членов Либеральной партии, бывшие сенаторы и конгрессмены и представители столичной интеллигенции и студенчества леворадикального толка.

¹ Зарубежная оппозиция также отличается пестротой. К ее руководству относятся С. Осменя, бывший соперник Маркоса на выборах 1969 г., Р. Манглапус, лидер ХОД, сын бывшего вице-президента Лопеса, значительная группа филиппинской интеллигенции (главным образом журналисты).

² В конце 1977 г. были арестованы Х. Сисон, Б. Бускайно (командир Данте), В. Корпус, один из руководителей ННА. Однако маоистские террористические акции в Маниле продолжаются и в настоящее время. Филиппинская печать указывает также на действия отрядов ННА в ряде пунктов Центрального Лусона и в Давао (на Минданао).

³ В декабре 1977 г. Акино был приговорен военным трибуналом к смертной казни. Решения по его апелляциям в Верховный суд к моменту выборов не было. Акино руководил действиями Лабан из тюрьмы, поскольку власти отказали ему во временном освобождении. В ходе предвыборной кампании представители правящих кругов выдвинули обвинения Акино в связях с американским ЦРУ и маоистской «компартией». В настоящее время после объявления Маркосом амнистии для всех политических заключенных решается вопрос об освобождении Акино и его отъезде в США.

Итоги выборов 7 апреля 1978 г. продемонстрировали крах оппозиционной группировки. Ни один кандидат от Лабан не был избран в состав Временного национального собрания. Сразу же по окончании выборов эта организация прекратила свое существование (несколько лидеров Лабан были арестованы, часть ее руководителей скрылась от преследования властей).

Особое место среди оппозиционных сил занимает повстанческое движение мусульманского населения юга Филиппин. Его наивысший подъем приходится на 1972—1974 гг. Основной организацией мусульман является «Фронт национального освобождения моро» (ФНОМ) во главе с Нур Мисуари, представителем мусульманской интеллигенции⁴, выступающим за отделение южных районов и создание мусульманской республики на территории Минданао, Сулу и Палавана.

Решение проблемы мусульманского Юга выходит за рамки чисто внутреннего вопроса, затрагивая отношения Филиппин с арабским Востоком и соседними мусульманскими странами — Индонезией и Малайзией. Необходимость нормализации обстановки в мусульманских районах диктуется экономическими интересами Филиппин, которые нуждаются в получении нефти из арабских стран. Влияние внешних факторов делает для правительства Филиппин невозможным решение «мусульманской проблемы» исключительно военно-карательными средствами.

Поэтому правительство Маркеса помимо использования военных методов прибегает к мерам по политическому урегулированию конфликта⁵ и осуществлению программы социально-экономического развития Юга, направленной к ликвидации экономической и культурной отсталости мусульманских районов.

В итоге нескольких раундов переговоров в 1976—1977 гг. между правительством и лидерами ФНОМ (в Джидде и Триполи) при посредничестве Ливии и некоторых других арабских стран было достигнуто соглашение о прекращении огня, вступившее в силу в январе 1977 г. Нур Мисуари отказался от сепаратистских требований, Маркос, в свою очередь, объявил о готовности предоставить автономию южным районам. Окончательно вопрос об автономном управлении должен был решить плебисцит, назначенный на 17 апреля 1977 г. В марте 1977 г. было сформировано временное правительство Юга во главе с мусульманским лидером Али Димапоро. Однако проекты создания автономии в той форме, какую предложило правительство Маркоса, с самого начала были обречены на неудачу. В автономную область должны были войти 13 южных провинций, из которых в 8 провинциях большинство населения составляют христиане (лишь в 5 провинциях преобладает мусульманское население). Таким образом, введение автономного режима не смогло бы ликвидировать мусульmano-христианский антагонизм. В ходе плебисцита 90% населения высказались против создания автономной области. Переговоры между правительством и руководством ФНОМ зашли в тупик. Лидеры ФНОМ вновь стали высказываться, за предоставление мусульманским районам полной независимости. С лета 1977 г. возобновилось вооруженное повстанческое движение. Проблема мусульманского Юга остается одной из острых нерешенных проблем.

Говоря о новых тенденциях в развитии Филиппин, необходимо отметить характер их внешней политики. На внешнеполитический курс страны оказывают решающее влияние международные факторы — оздоровление международного климата в результате

---

⁴ Нур Мисуари — в прошлом преподаватель политических наук в Маниле, где он был связан с организацией «Патриотическая молодежь». Попытки филиппинских маоистов установить контакты с мусульманскими экстремистами были, однако, неудачны, поскольку последние выдвигают на первый план идеи мусульманского национализма. Мисуари одно время опирался на поддержку Сабаха, затем установил связь с некоторыми арабскими странами. В настоящее время он находится в Ливии.

⁵ Правительство ведет переговоры с помощью международных мусульманских организаций с руководством повстанческого движения, регулярно организуются встречи президента с мусульманскими лидерами, принят ряд законов об амнистии, в результате которых, по официальным данным, к весне 1976 г. 16 тыс. повстанцев сложили оружие.

разрядки напряженности и окончание войны в Индокитае, с одной стороны, и обострение общего кризиса капитализма — с другой.

Основные направления внешнеполитической деятельности правительства Маркоса определились еще во второй половине 60-х годов. Большое внимание уделяется вопросам «азиатской» политики. Новым моментом в этой области является курс на развитие более прочных контактов с арабскими и другими «нефтяными» странами, продиктованный прежде всего экономическими интересами страны, — $\frac{9}{10}$ потребляемой Филиппинами нефти ввозится с Ближнего Востока. Отношения с мусульманскими странами арабского Востока тесно связаны и с внутривосточной проблемой — поисками путей урегулирования конфликта в южных районах Филиппин.

Активизируется политика Филиппин и в регионе Юго-Восточной Азии, в частности в рамках региональной организации АСЕАН. Позиция филиппинского правительства отвечает объективной тенденции к интеграции региона, развитию внутривосточных экономических и культурных связей. Филиппины выступают с идеей нейтрализации региона, превращения его в зону мира. В последние годы их позиция по многим актуальным международным проблемам сближается с позицией стран — участниц движения неприсоединения.

Филиппинское правительство реалистически относится к изменению политической ситуации в Индокитае в результате победы революционных сил в этом регионе, выступает за развитие нормальных отношений с индокитайскими государствами.

Одним из актуальных аспектов внешнеполитического курса Филиппин является развитие филиппино-японских отношений, основанных прежде всего на расширении их экономических связей. 70-е годы отмечены ростом экономической экспансии Японии на Филиппины. В настоящее время Япония занимает первое место в филиппинской внешней торговле, более 40 японских компаний участвуют в осуществлении ряда промышленных программ на Филиппинах совместно с национальными предпринимателями. В 1973 г. правительство Филиппин ратифицировало договор с Японией о дружбе, торговле и мореплавании. Усилились межгосударственные филиппино-японские контакты. Маркос выступает с полной поддержкой исходящего от ряда деятелей стран АСЕАН плана активного привлечения Японии к деятельности этой региональной организации, стремясь в первую очередь к расширению экономических отношений между странами — членами АСЕАН и Японией.

Во взаимоотношениях Филиппин с Соединенными Штатами значительное место занимают вопросы о базах и новом экономическом соглашении (вместо Закона Лауреля—Лэнгли, срок действия которого истек летом 1974 г.). Позиция филиппинской стороны по вопросу об американских военных базах ограничивается по сути дела требованием пересмотра их юридического статуса. Вопрос о ликвидации баз на территории страны не ставится, правительство Маркоса выступает за «эффективное присутствие» США в западной части Тихого океана, с тем чтобы сохранить «равновесие сил великих держав в Азии». С весны 1976 г. в Вашингтоне были возобновлены переговоры о заключении нового торгового соглашения, которые вызывают острые филиппино-американские разногласия.

Позитивные изменения во внешней политике Филиппин в отношении социалистических стран, наметившиеся в 60-е годы, получили дальнейшее развитие. В настоящее время Филиппины поддерживают экономические и межгосударственные связи со всеми социалистическими странами. В 1973 г. были установлены дипломатические отношения с европейскими социалистическими государствами и МНР, в 1975 г. — с КНР, СРВ, возобновлены прерванные в 1961 г. отношения с Кубой.

Летом 1976 г. во время официального визита в Советский Союз президента Филиппин были подписаны соглашения об установлении дипломатических отношений с СССР и развитии торговых контактов между двумя странами. В ходе переговоров президент Маркос выступил с заявлениями, в которых высоко оценил деятельность

Советского Союза в борьбе за мир, ослабление международной напряженности, перестройку международных отношений на демократической и справедливой основе.

Изменения, происходящие в жизни Филиппин, порождены объективно назревшими потребностями общества и содержат основу для существенного роста производительных сил и перестройки отсталых производственных отношений. Однако претворение в жизнь программы преобразований осложняется действием многих факторов, отражающих противоречия и сложности развития молодых независимых государств, которые пытаются достичь экономического и социального прогресса, следуя по капиталистическому пути. Реализация намеченной программы реформ отвечает интересам широких масс филиппинцев, может при ее последовательном осуществлении создать условия для более глубоких социальных преобразований. В то же время в политической жизни страны присутствуют реакционные антидемократические тенденции, развитие которых способно привести к эволюции режима вправо. Сложные процессы, переживаемые сегодняшними Филиппинами, отмечены переменами в политической и социально-экономической структуре, столкновением нового и старого, борьбой противоречивых тенденций, от исхода которой зависит их будущее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Реакция в Испании.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 10.
 Маркс К. Революционная Испания.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 10.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27.
- Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полное собрание сочинений. Т. 37.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3.
- Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полное собрание сочинений. Т. 28.
- Абайя Э. Нерассказанная история Филиппин. М., 1970.
 Барышникова О. Г. Сельское хозяйство Филиппин. М., 1972.
 Барышникова О. Г. Филиппинская национальная буржуазия в борьбе за независимую внешнюю торговлю. М., 1962.
 Барышникова О. Г., Жулев И. Ф. Филиппины. М., 1975.
 Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966.
 Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968. Века неравной борьбы. М., 1967.
 Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.
 Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1961.
 Губер А. Рыковская О. Хосе Ризаль. М., 1937.
 [Добель П]. Путешествие и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-китайском архипелаге бывшего российского генерального консула на Филиппинских островах, коллежского советника П. Добеля. СПб., 1833.
 Жизнь, отданная борьбе. М., 1964.
 Жулев И. Ф. Рабочий класс Филиппин. М., 1975.
 Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии. Сборник статей. М., 1971.
 Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
 Левинсон Г. И. Филиппины вчера и сегодня. М., 1959.
 Левинсон Г. И. Филиппины между первой и второй мировыми войнами. М., 1958.

- Левинсон Г. И. Филиппины на пути к независимости (1901—1946). М., 1972.
- Левтонова Ю. О. История общественной мысли на Филиппинах. М., 1973.
- Левтонова Ю. О. Очерки новой истории Филиппин. М., 1965.
- На новом пути. М., 1968.
- Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. М., 1975.
- Подберезский И. В. Сампагита, крест и доллар. М., 1974.
- Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.). Документы и материалы. М., 1964.
- Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы. Ч. 1. М., 1965.
- Помрой В. В чаще лесов. М., 1965.
- Развивающиеся страны и «зеленая революция». Сборник статей. М., 1974.
- Рисаль Х. Избранное. М., 1961.
- Рисаль Х. Не прикасайся ко мне. М., 1963.
- Рисаль Х. Флибустьеры. М., 1965.
- Савельев Н. А. Филиппины. М., 1960.
- Советская историография Юго-Восточной Азии. Сборник статей. М., 1977.
- Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
- Agoncillo T. A. Malolos, The Crisis of the Republic. Quezon City, 1960.
- Agoncillo T. A. The Revolt of the Masses. The Story of Bonifacio and the Katipunan. Quezon City, 1960.
- Agoncillo T. A., Guerrero M. History of Filipino People. Manila, 1970.
- Barrows D. History of the Philippines. Chicago, 1926.
- Benitez C. History of the Philippines. Boston, 1929.
- Blair E. H., Robertson J. A. The Philippine Islands, 1493—1898. Vol.1 — 55. Cleveland (Ohio), 1903—1907.
- Concepcion J. de la. Historia General de Filipinas. Sampaloc, 1788—1792.
- Constantino R. The Making of a Filipino. Quezon City, 1969.
- Corpuz O. D. The Philippines. New Jersey, 1965.
- Craig A. The Filipinos Fight for Freedom. Manila, 1933.
- Deats R. L. Nationalism and Christianity in the Philippines. Dullas, 1967.
- Fischer G. Un cas de decolonisation. Les Etats Unis et les Philippines. P., 1960.
- Forbes C. The Philippine Islands. Cambridge (Mass.), 1945.
- Foreman J. The Philippine Islands. N. Y., 1899.
- Friend Th. Between two Empires. The Ordeal of the Philippines, 1929—1946. New Haven, 1965.
- Gowing P. The Muslim Filipinos. Manila, 1974.
- Grossholtz J. Politics in the Philippines. Boston, 1964.
- Hartendorp A. History of Industry and Trade of the Philippines. Manila, 1958.
- Kalaw T. The Philippine Revolution. Manila, 1925.
- Kalaw M. An Introduction to Philippine Social Science. Manila, 1938.
- Lachica E. Huk: Philippine Agrarian Society in Revolt. Manila, 1971.
- Lande C. H. Leaders, Factions and Parties. The Structure of Philippine Politics. New Haven, 1965.
- Laus E. L. Brief Biographies of the 10 Most Outstanding Filipino National Leaders. Manila, 1951.
- Majul C. A. Background of the Philippine Revolution. Manila, 1968.
- Majul C. A. Muslims in the Philippines. Manila, 1973.
- Majul C. A. Political and Constitutional Ideas of the Philippine Revolution., Manila, 1957.
- Malcolm D. The Commonwealth of the Philippines. N. Y., 1936.

- Marcos F. E. Notes on the New Society of the Philippines. Manila, 1973.
 Marcos F. E. Revolution from the Center. Honkong, 1978.
 Molina A. The Philippines through the Centuries. Manila, 1960.
 Montero y Vidal J. Historia General de Filipinas. Madrid, 1887.
 Moya y Jimenez F. Las Islas Filipinas. Madrid, 1883.
 Phelan J. L. The Hispanization of the Philippines. Spanish Aims and Filipino Responses, 1565—1709. Madison, 1959.
 Pomeroy W. American Neocolonialism. Its Emergence in the Philippines and Asia. N. Y., 1970.
 Purell V. The Colonial Period in South East Asia. N. Y., 1953.
 Rodriguez E. Philippine Culture. Manila, 1959.
 Salamanca B. S. The Filipino Reaction to the American Rule, 1901—1913. Ann Arbor, 1965.
 Saleeby J. Studies in Moro History. Manila, 1905.
 Sanial J. M. Japan and the Philippines, 1868—1898. Quezon City, 1969.
 Scaff A. The Philippine Answer to Communism. Stanford, 1955.
 Schumacher J. N. The Filipino Nationalists Propaganda Campaign in Europe, 1880-1895. Wash., 1965.
 Schurz W. The Manila Galleon. N. Y., 1939.
 Spence H. Marcos of the Philippines. Cleveland (Ohio), 1969.
 Steinberg D. J. Philippine Collaboration in World War II. Manila, 1967.
 Studies in the Philippine Church History. New York — London, 1969.
 The Philippine Insurrection against the United States, vol. I—II. Pasay City, 1971
 Wolff L. Little Brown Brother. N. Y., 1959.
 Zaide G. History of the Philippine People. Manila, 1959.
 Zaide G. The Philippine Revolution. Manila, 1954.

ХРОНОЛОГИЯ

30—25-е тысячелетия до н. э.	Появление на территории Филиппинского архипелага древних австралоидов.
II тысячелетие до н. э.	Начало миграций австронезийских племен.
IV—XIV вв.	Миграции племен с территории Индонезии.
VII—XV вв.	Период хозяйственно-культурных контактов Филиппин с индонезийскими государствами Шривиджайя и Маджапахит.
XIII—XIV вв.	Активные филиппино-китайские торговые отношения.
XIII в. (последняя четверть) 1450—1480	Начало проникновения ислама на архипелаг Сулу. Правление Абу Бакра, первого султана Сулу, основателя мусульманской династии.
XVI в. (вторая половина) 1521 (март)	Образование султанатов Магинданао и Буайан. «Открытие» Филиппинского архипелага экспедицией Магеллана.
1565 (апрель)	Прибытие на о-в Себу экспедиции Легаспи.
1565—1570	Завоевание испанцами Висайских островов.
1570—1571	Захват Майнилы и Тондо испанцами.
1570	Распространение на Филиппины энкомендарной системы.
1571	Провозглашение Манилы столицей испанской колонии.
1574	Восстание в Тондо, возглавленное Лакан Дулой.

1578	Нападение испанского флота на Холо.
1579	Экспедиция Риверы на Минданао.
1581	Учреждение Манильского епископства.
1581	Введение единого подушного налога (трибута).
1587	Заговор Магат Саламата.
1597—1598	Кампания по завоеванию султаната Магинданао.
1600 (октябрь—декабрь)	Блокада Манилы голландской эскадрой.
1609	Мирный договор между колониальной администрацией Филиппин и султаном Магинданао.
1609—1610	Введение системы «поло» и «бандала».
1611	Открытие Университета св. Фомы.
1621	Восстание Тамблота.
1622	Восстание Банкау.
1630—1634	Объединение мусульманских территорий на Минданао под властью султана Кударата.
1632	Союзнический договор между султанатами Магинданао и Сулу.
1634—1663	«Войны моро» под руководством Кударата.
1635	Основание испанского форта в Замбоанге.
1639—1642	Мирный договор между испанской администрацией и султаном Кударатом.
1639—1643	Испанские карательные экспедиции на Сулу.
1639	Бунт китайского населения в Каламбе.
1649	Восстание Сумороя (о-в Самар).
1660	Восстание населения в провинции Пампанга.
1662	Восстание китайского населения в Маниле.
1663	Уход испанцев из Замбоанги.
1744—1828	Восстание Дагохоя.
1762	«Договор о дружбе» между английской Ост-Индской компанией и султаном Сулу.
1762—1764	Английская оккупация Манилы.
1762—1763	Восстание Диего Силанга.
1778—1787	Правление генерал-губернатора Баско-и-Варгаса.
1782	Введение табачной монополии (отменена в 1882 г.).
1785	Учреждение Королевской филиппинской компании.
1815	Прекращение галионной торговли.
1823	Военный мятеж под руководством Новалеса.
1830	Ликвидация Королевской филиппинской компании.
1834	Открытие Манильского порта для свободной торговли.
1840—1842	Движение Аполинарио де ла Круса.
1843—1845	Заключение договоров между султаном Сулу и французскими агентами.
1844	Экспедиция Белчера в султанат Сулу.
1846—1848	Захват испанскими войсками восточного побережья Минданао.
1848	Завоевание испанцами о-вов Балангинги.

1849	Заключение договора между султаном Пулалунум и Дж. Бруком.
1851	Военная экспедиция в Сулу, установление испанского протектората.
1851—1861	Распространение испанского контроля над султанатом Магинданао.
1863	Реформа образования.
1869	Создание хунты сторонников реформ.
1869 (июль)	Манифестация в Маниле в поддержку реформ.
1872 (январь)	Восстание в Кавите.
1876—1878	Военная кампания на Сулу, окончательная ликвидация независимости султаната.
1882	Основание Испано-филиппинского кружка в Мадриде.
1885	Подписание протокола Испанией, Германией, Англией о разделе территорий Сулу и Северного Калимантана.
1880—1887	Военная экспедиция генерал-губернатора Терреро против дато Утто.
1887	Выход в свет романа Х. Рисаля «Noli me tangere» («Не прикасайся ко мне»).
1888 (ноябрь)	Образование Испано-филиппинской ассоциации.
1888 (декабрь)	Создание организации «Ла Солидарidad».
1888—1891	Захват испанскими войсками территорий моро в районе оз. Ланао.
1889—1895	Издание газеты «Ла Солидарidad».
1892	Выход в свет романа Х. Рисаля «Флибустьеры».
1892	Основание Филиппинской лиги.
1892 (июль)	Основание Катипунана.
1894—1896	Военная кампания в Центральном Минданао.
1896 (23 августа)	Призыв А. Бонифасио к вооруженному восстанию.
1896 (29 августа)	Начало антииспанского восстания.
1896 (август) — 1897 (декабрь)	Первый этап национально-освободительной революции.
1896 (30 декабря)	Казнь Х. Рисаля испанскими колонизаторами.
1897 (март)	Провозглашение в Техеросе независимой Филиппинской республики.
1897 (10 мая)	Расстрел А. Бонифасио.
1897 (октябрь)	Созыв Народной ассамблеи в Биак-на-Бато.
1897 (1 ноября)	Принятие Биакнабатской конституции.
1897 (ноябрь)	Биакнабатское соглашение между правительством Агинальдо и испанскими властями.
1898 (1 мая)	Разгром испанского флота американской эскадрой в Манильском заливе.
1898 (12 июня)	Провозглашение независимости Филиппин (в Кавите).
1898 (13 августа)	Взятие Манилы американскими войсками.
1898 (сентябрь)	Открытие Революционного конгресса в Малолосе.
1898 (декабрь)	Подписание Парижского мирного договора.
1899 (23 января)	Принятие Малолосской конституции.

1899 (4 февраля)	Вооруженный конфликт между американскими и филиппинскими войсками в предместьях Манилы.
1899—1901	Филиппино-американская война.
1899 (апрель—июнь)	Первая Филиппинская комиссия.
1899 (май)	Оккупация американскими войсками Холо.
1899 (август)	Договор Бейтса.
1899 (октябрь—ноябрь)	Разгром регулярных частей революционной армии в результате генерального наступления американских войск.
1899 (ноябрь—декабрь)	Захват американскими войсками Центрального и Южного Минданао (территория бывшего султаната Магинданао).
1900 (июнь)	Прибытие в Манилу второй Филиппинской комиссии.
1900 (декабрь)	Основание Федеральной партии.
1901 (23 марта)	Взятие в плен Э. Агинальдо.
1901 (25 июня)	Назначение У. Тафта гражданским губернатором Филиппин.
1901—1904	Восстание Хасана.
1902	Основание Демократического рабочего союза.
1902 (1 июля)	Принятие Закона о временном управлении для Филиппинских островов (первый Органический закон).
1902 (август)	Создание Независимой (аглипаянской) церкви.
1902—1907	Движение Макарио Сакая.
1902—1911	Деятельность секты «Святая церковь».
1903	Введение в мусульманских районах военно-политического управления.
1905	Восстание дато Али.
1906	Разгром американскими войсками повстанческого движения моро на горе Дахо.
1907	Основание Союза печатников.
1907 (март)	Образование Партии националистов.
1907 (октябрь)	Выборы в Филиппинскую ассамблею.
1908	Открытие Университета Филиппин.
1909	Тарифный закон Пэйна — Олдриджа.
1913	Основание Рабочего конгресса Филиппин.
1913	Установление гражданского управления в мусульманских районах.
1915	Отречение от престола султана Сулу Джамаль-уль-Кирама II.
1916	Принятие Закона о более автономном управлении для Филиппинских островов (второй Органический закон).
1917	Образование Демократической партии.
1919	Основание Филиппинской федерации труда.
1922	Образование Национальной конфедерации издольщиков и сельскохозяйственных рабочих (с 1924 г. — Национальная конфедерация крестьян).
1924 (октябрь)	Создание Рабочей партии.
1927	Присоединение Рабочего конгресса Филиппин к Тихоокеанскому секретариату профсоюзов.

1929 (май)	Образование Союза пролетариев.
1929	Создание Филиппинской рабочей федерации.
1930 (26 августа)	Основание Коммунистической партии Филиппин.
1930 (7 ноября)	Официальное объявление о создании компартии Филиппин.
1931 (январь)	Восстание кулорумов.
1931 (май)	I съезд Коммунистической партии Филиппин.
1931 (декабрь)	Восстание тангуланов.
1932 (декабрь)	Закон Хэйра — Хауэса — Каттинга.
1933	Образование Социалистической партии Филиппин.
1934 (24 марта)	Закон об автономии и независимости Филиппин (Закон Тайдингса — Макдаффи).
1935 (май)	Восстание сакдалистов.
1935	Принятие конституции.
1935 (ноябрь)	Провозглашение М. Кесона президентом автономных Филиппин.
1936	Образование Народного альянса.
1936 (ноябрь)	Принятие аграрных законов.
1938 (июнь)	Создание профсоюзного центра «Коллективное рабочее движение».
1938 (август)	Манифест Коммунистической партии «Мобилизация Филиппин против японской агрессии».
1938 (октябрь)	III съезд Коммунистической партии Филиппин.
1939	Образование Народного фронта.
1940 (ноябрь)	IV съезд Коммунистической партии Филиппин.
1941 (10 декабря)	Вторжение японских войск на Филиппины.
1942 (2 января)	Сдача японцам Манилы.
1942 (январь—апрель)	Военные действия на п-ове Батаан.
1942 (январь—май)	Оборона о-ва Коррехидор.
1942 (февраль)	Образование Национального единого антияпонского фронта.
1942 (март)	Создание Народной антияпонской армии (Хукбалахап).
1943 (октябрь)	Провозглашение «независимости» Филиппин и формирование марионеточного правительства.
1944 (октябрь)	Высадка на Лейте американских войск под командованием Макартура.
1945 (январь)	Освобождение Манилы от японских оккупантов.
1945 (апрель)	Основание Конгресса рабочих организаций.
1945 (май)	Основание Национального крестьянского союза.
1945 (май)	Образование Демократического альянса.
1945 (октябрь)	Закон Белла.
1946 (январь)	Создание избирательной коалиции демократических сил.
1946 (январь)	Образование Либеральной партии.
1946 (февраль—март)	V съезд Коммунистической партии Филиппин.
1946 (апрель)	Первые президентские выборы.
1946 (4 июля)	Провозглашение независимости Филиппин.
1946—1948	Правительство М. Рохаса.
1946 (июль)	Филиппино-американское соглашение о торговле.
1946 (август)	Закон об издольной аренде рисовых полей.

1947 (февраль)	Пленум ЦК КПФ.
1947 (март)	Филиппино-американские военные соглашения.
1948 (март—октябрь)	Запрещение деятельности компартии, Национального крестьянского союза и Лиги ветеранов Хукбалахап.
1948 (май)	Смена руководства КПФ.
1948—1953	Крестьянское восстание, возглавленное компартией.
1948	Ликвидация Демократического альянса.
1948—1954	Правительство Э. Кирино.
1950	Миссия Белла.
1950	Основание Федерации свободных рабочих.
1951	Филиппино-американское соглашение о взаимном обеспечении безопасности.
1951	Запрещение Конгресса рабочих организаций.
1951	Подписание мирного договора с Японией.
1953	Основание Федерации свободных крестьян.
1953	Победа на президентских выборах кандидата от Партии националистов Р. Магсайся.
1953	Закон о мире в промышленности.
1954—1957	Правительство Р. Магсайся.
1954—1955	Аграрные законы Р. Магсайся.
1954 (сентябрь)	Конференция азиатских стран в Маниле, оформившая создание СЕАТО.
1955	Филиппино-американское экономическое соглашение (Закон Лауреля — Лэнгли).
1957	Антикоммунистический закон «О борьбе с подрывной деятельностью»
1957	Резолюция Национального экономического совета, сформулировавшая лозунг «филиппинцы прежде всего» («Пилипино Муна»).
1957—1960	Подъем движения «Пилипино Муна».
1957—1962	Правительство К. Гарсии.
1961	Победа на выборах Либеральной партии.
1962—1966	Правительство Д. Макапагала.
1963	Создание организации «Патриотическая молодежь».
1963	Образование Рабочей партии.
1964	Основание Свободной ассоциации крестьян (МАСАКА).
1965	Приход к власти правительства Ф. Маркоса.
1965—1966	Массовые молодежные демонстрации и марши протеста в Маниле.
1966	Утверждение программы мероприятий по осуществлению «зеленой революции».
1966	Вступление Филиппин в АЗПАК.
1967	Образование АСЕАН.
1967	Создание «Комитета по пересмотру филиппинской политики в отношении коммунистических стран».
1967	Преобразование Рабочей партии в Социалистическую партию Филиппин.

1967—1968	Законы о стимулировании инвестиций.
1967	Основание Движения за развитие национализма (МАН).
1968	Основание Христианского социального движения.
1968 (декабрь)	Создание «Компартии идей Мао Цзэ-дуна».
1968	Создание организации «Движение за независимость мусульман».
1969	Образование Новой народной армии.
1969	Образование Фронта национального освобождения моро (ФНОМ).
1969	Переизбрание Ф. Маркоса на пост президента.
1971	Созыв Конституционного конвента.
1972 (21 сентября)	Введение чрезвычайного положения.
1972 (октябрь)	Декрет об аграрной реформе.
1972—1974	Усиление повстанческого движения на мусульманском Юге под руководством ФНОМ.
1973 (январь)	Принятие новой Конституции Республики Филиппины.
1973 (январь, июль)	Общенациональные референдумы.
1973 (февраль)	VI съезд КПФ.
1973	Установление дипломатических отношений с социалистическими странами.
1974	Переговоры между президентом Маркосом и руководством КПФ.
1974 (май)	Новое трудовое законодательство.
1975	Установление дипломатических отношений с КНР.
1976 (июнь)	Установление дипломатических отношений с СССР.
1976 (октябрь)	Общенациональный референдум.
1977 (январь)	Соглашение о прекращении огня между правительством и руководством ФНОМ.
1977 (апрель)	Плебисцит в мусульманских районах Филиппин.
1977 (июль)	VII съезд КПФ.
1977 (ноябрь)	Арест Х. М. Сисона и руководителей Новой народной армии.
1977 (декабрь)	Общенациональный референдум.
1978 (7 апреля)	Выборы во Временное национальное собрание.

Юлия Олеговна Левитонова

ИСТОРИЯ ФИЛИППИН

Краткий очерк

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии Наук СССР

Редактор О.М.Гармсен
 Младший редактор С.П.Какачикашвили
 Художник Н.Н.Власик
 Художественный редактор Б.Л.Резников

Технический редактор Л.Е.Синенко
Корректор Л.И.Письман

Сдано в набор 8/IX 1978 г. Подписано к печати 26/II 1979 г. А-02748
Формат 60x90 1/16. Бум. №1. Печ.л. 18,5. Уч.-изд.л. 20,19. Тираж 5400 экз.
Изд. № 4335. Зак. № 660. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул.Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28